ВОР...

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
NOV 23 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

10

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ

ВАН ЮЙ-ЧЖЭ. **Чжунго шан гуши ган** (Вводный курс древней истории Китая). Шанхай. Жэньминь чубаньшэ. 1959, 8, 284 стр.

ШЭ СУ. **Цин цзи Инго циньлюе Сицзан ши** (История английской агрессии в Тибете в период цинской династии). Пекин. Шицзе чжиши чубаньшэ. 1959, 2. 182 стр.

Чжунго гоминь цзинцзиды шэхуэйчжуи гайцзао (Социалистические преобразования в народном хозяйстве Китая). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 1959, 190 стр.

Чосон чунан ненгам 1959 (Корейский ежегодник) Пхеньян. 1959. 500 стр.

КИМ ХАН ЧЖУ. **Чосон минчжучуы инмин конхвагук эсоы нонобхептонхва ундоны сынни** (Победа кооперативного движения в КНДР). Пхеньян. Чосоннодонтан чхульпханса. 1959, 80 стр.

CHIÊM TÉ. **Phuong Dong tú sau cach mang thang Muoi Nga (1917—1959)** (Восток после Октябрьской революции в России. Восточная и Юго-Восточная Азия). Hanoi. Van su dia. 1959, 475 стр.

LE DUAN. **Mot vai dăc diem cua cach mang Viet-nam.** (Особенности вьетнамской революции) Hanoi. Su Thât. 1959, 59 стр.

NGUYEN HÔNG PHONG. **Xà thôn Viet-nam** (Вьетнамская деревня. Анализ развития аграрных отношений во Вьетнаме). Hanoi. Van Su dia. 1959, 295 стр.

NGUYEN KIEN GIANG. **Pháe qua tinh hinh ruông dât va dai sông hông dân truoc cach mang thang tam** (Земельный вопрос и положение крестьянства до Августовской революции). Hanoi. Su Thât. 1959, 286 стр.

Nguyên Công Binh fum hieu giai câp tú san Viet-nam thòi pháp thuôc (Вьетнамская буржуазия в период французского господства). Hanoi. Van Su dia. 1959, 226 стр.

KRILEK J. **Tvorba cen zemědělských výrobků v předmnichovske ČSR.** Praha. SNPL. 1960. 275 s.

Docymenty československé zahranični politiky. 1946—1960. Praha. SNPL. 1960, 785 s.

KOCI J. **Naše národní obrození.** Praha. SNPL. 1960, 253 s.

Historia gospodarcza Polski. Warszawa. PWN. 1960, s. 431

Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i etnograficznege w Lodzi. Seria etnograficzna. Nr. 3. Lódź. PWN. 1960, s. 313.

Nauki pomocnicze historii. Warszawa. PWN. 1960, s. 197. XVI.

KIERSNOWSKI R. **Pieniądz Kruszcowy w Polsce wczesnośredniowiecznej.** Warszawa. PWN. 1960, s. 534

Towarzystwo Demokratyczne Polskie. O sile zbrojnej narodowej. Warszawa. MON. 1960, s. 144, 4.

JONCA K. **Położenie robotników w przemyśle górniczohutniczym na Śląsku w latach 1889—1914.** Wrocław. OSS. 1960, s. 294.

Ruch robotniczy i ludowy w Polsce 1914—1923). Warszawa. KIW. 1960, s. 555.

N. KISS IS. **16. századi dézsmajegyzékek.** Budapest. Akadémiai Kiadó. 1960, 1120 old.

ARATÓ EN. **A nemzetiségi kérdés története magyarországon.** I: 1790—1840, 404 old; II: 1840—1848, 442 old. Budapest. Akadémiai Kiadó. 1960.

FRÖLICH C. W. **Über den Menschen und seine Verhältnisse.** Berlin. Akademie-Verlag. 1960, 109 S.

Rosa Luxemburg im Kampf gegen den deutschen Militarismus. Prozeßberichte und Materialien aus den Jahren 1913 bis 1915. Berlin. Dietz-Verlag. 1960, 264 S.

JESCHONNEK E. **Wo der Landen denken lernte.** Die Sowjetische Kriegsgefangenschaft im Spiegel der Zeitung «Nachrichte». Berlin. Rütten und Loening. 1960, 260 s.

WEINERT E. **Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» 1943—1945.** Bericht über seine Tätigkeit und seine Auswirkungen. Mit 31 Bilddokumenten. Geleitwort von H. Matern. Berlin. Rütten und Loening. 1960, 168 S

BONNARD A. **Civilisation grecque.** III: Période hellenistique. Paris. Glaire-fondaine. 1960, 410 p.

DEBU-BRIDEL J. **Les journées de Paris.** T. I: De Philippe Auguste à Louis XI. Les Révolutions de 1358 et de 1413. Paris. Del Duca. 1960, 286 p.

DAUTRY J. et SCHELER L. **Le Comité Central republicain des vingt arrondissements de Paris.** Edit. Sociales 1960, 270 p.

BONNEFOUS E. **Histoire politique de la Troisième République.** T. IV: Cartel des Gauches et Union nationale (1924—1929) Paris. Presses Univ. de France 1960, VIII-412 p.

ULLENDORFF ED. **The Ethiopians. An Introduction to Country and People.** London. Oxford Univ. press. 1960, XIV, 232 p.

BUNION R. **Defeated Leaders. The** Political Fate of Caillaux, Jouvenel and Tardieu. New York. Columbia. Univ. Press. 1960, 425 p.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы истории

№ 10 ОКТЯБРЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Г. А. Белов — Использование государственного архивного фонда СССР в интересах исторической науки 3

В. Б. Княжинский — Проблема мирного сосуществования и буржуазная фальсификация европейской истории 18

А. Е. Кунина — Американская буржуазная историография о политике США в отношении Советской России в 1917—1920 годах 36

Б. Ф. Поршнев — Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху тридцатилетней войны 56

В. Д. Блаватский — Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья . 76

Ю. И. Кирьянов — Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России 89

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

А. А. Матвеев, М. С. Симонова — Научная сессия по аграрному вопросу в России (в период империализма) 102

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. Е. Иллерицкий — Новое издание «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева 106

Т. Д. Крупина — «Материалы по истории СССР». Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России . . . 117

А. А. Губер — «Новейшая история Индии» 123

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. М. Курицын — С. Н. Иконников. Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг.; **А. М. Анфимов** — Н. А. Егиазарова. Аграрный кризис конца XIX века в России; **С. М. Троицкий** — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г.»; **Е. М. Кан** — Т. М. Исламов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX века 129

Новые книги 137

Статьи в советских исторических журналах 140

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Р. Н. Исмагилова — Обсуждение плана научно-исследовательской работы Института Африки АН СССР 144

Т. И. Ахунзянов — Ученый совет обсуждает вопрос о воспитании молодежи в бригадах коммунистического труда 147

А. М. Орехов — К 550-летию Грюнвальдской битвы 148

Хроникальные заметки 149

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. И. Хаинсон — Переписка В. Адлера с А. Бебелем и К. Каутским . 151

Ю. С. Борисов, В. С. Васюков — Некоторые проблемы коллективизации сельского хозяйства в оценке Шарля Бувье 163

К. Б. Виноградов (Ленинград) — У. С. Черчилль. История народов, говорящих по-английски 176

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ф. П. Петров — Ярослав Шедивы и Квета Коржалкова. 15 созидательных лет. Внешняя политика ЧСР в 1945—1960 годах; **С. И. Травин** — Ергос. И. Зоидис. Традиционная дружба. Греция — Россия 184

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 188

Заметки о статьях 189

Рецензии на книги советских авторов 204

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Директор Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ **Людвиг Эйнике** (ГДР) — Деятельность Института марксизма-ленинизма при Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии 205

В. Т. Пашуто — Научная сессия в Варшаве, посвященная тысячелетию Польского государства 210

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. П. Гуськов, И. З. Озерский — Некоторые замечания к учебникам по истории для средней школы 212

С. М. Стецкевич (Ленинград) — Об учебниках истории для студентов заочного и вечернего обучения 217

Резюме статей на английском языке 219

Сведения об авторах статей, помещенных в данном номере журнала 222

СТАТЬИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВНОГО ФОНДА СССР В ИНТЕРЕСАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Г. А. Белов

Решения XXI съезда КПСС и постановление Центрального Комитета партии «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» поставили перед советской исторической наукой новые серьезные и ответственные задачи. Советские архивисты, составляющие часть работников исторического фронта, призваны практически помочь нашей партии и народу в успешном осуществлении задач коммунистического строительства, сделать все возможное для всестороннего использования документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР в интересах советского народа.

Архивное дело в нашей стране было коренным образом перестроено после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Советская власть передала архивы в руки трудящихся, разрешила вопрос об их централизации и комплектовании документальными материалами, об использовании в научных и практических целях. 1 июня 1918 г. по предложению и за подписью В. И. Ленина Совет Народных Комиссаров издал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Этот декрет заложил основы принципиально новой организации архивного дела. На основании ленинского декрета архивы бывших правительственных учреждений дореволюционной России ликвидировались, а хранящиеся в них дела и документы, ставшие всенародным достоянием, образовали Государственный архивный фонд с единым централизованным руководством. В сжатые сроки в стране были созданы советские архивные учреждения, которые приступили к планомерному сбору документальных материалов.

В настоящее время в государственных архивах Советского Союза, в архивах министерств, ведомств, организаций, предприятий и учреждений хранится свыше четырехсот миллионов дел, содержащих ценнейшие документальные материалы по истории народов СССР с древнейших времен до наших дней. При этом удельный вес документов, раскрывающих деятельность советских государственных учреждений, предприятий и организаций, возрастает с каждым днем. Исторические документы за советский период сконцентрированы в государственных архивах по 1940-й, а в ряде хранилищ — по 1945—1947 гг.; материалы упраздненных министерств, ведомств и учреждений до последнего дня их функционирования также сосредоточены в архивах. В настоящее время поставлена задача — сконцентрировать в государственных архивах все материалы включительно по 1945 год.

Документы советского периода, хранящиеся в государственных архивах, представляют большую ценность; они довольно полно освещают историю первого в мире социалистического государства. В фондах СНК, наркоматов, ВЦИК первого и второго созыва и других центральных и местных органов государственной власти Советской республики, ВЦСПС,

центральных комитетов профсоюзов, редакций газет, журналов и других отложились ленинские документы, тысячи воспоминаний рабочих, крестьян и солдат, материалы центральных и местных большевистских организаций, военно-революционных комитетов, губернских, городских и многих уездных, волостных и сельских Советов. В этих документах раскрывается роль народных масс в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, в строительстве социалистического общества, неутомимая работа коммунистической партии по мобилизации творческой революционной энергии масс.

В фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР сосредоточены ценнейшие материалы, характеризующие хозяйственное строительство, управление экономической жизнью страны. Здесь хранится коллекция листовок, газет, плакатов, объявлений и иных печатных изданий, выходивших в России в 1917—1918 и последующие годы. Большой интерес представляют материалы редакции «Истории фабрик и заводов», возглавлявшейся А. М. Горьким (рукописи неизданных воспоминаний рабочих, документы по истории многих предприятий страны). В архивах широко представлены материалы органов управления промышленностью за 20—40-е годы. В их числе фонды наркоматов, министерств, ВСНХ, советов народного хозяйства (1917—1932 гг.), бюро, отделов и управлений по различным отраслям промышленности. Например, по машиностроению и станкостроению имеется почти 1 400 фондов. Сюда входят архивы всесоюзных объединений, машиностроительных трестов, различных машиностроительных заводов и т. д. Только по металлургической промышленности насчитывается свыше 800 фондов. Эти документы позволяют проследить развитие отечественной тяжелой промышленности и превращение ее в ведущую отрасль народного хозяйства Советского Союза. Большую группу составляют материалы, характеризующие становление и развитие новых отраслей промышленности (химической, газовой и др.), строительство крупнейших сооружений и т. д.

История преобразования мелкотоварного крестьянского хозяйства в крупное социалистическое сельское хозяйство отражена в документах общесоюзных наркоматов и управлений (земледелия, сельского хозяйства, совхозов, животноводства, хлопководства, технических культур), наркомземов союзных республик и земельных отделов исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся. Особенно наглядную картину дают материалы о деятельности отдельных колхозов, совхозов, МТС, политотделов и др.

О подлинной культурной революции, осуществленной в небывало сжатые сроки советским народом под руководством коммунистической партии, свидетельствуют документы фондов наркомпросов союзных республик, Всесоюзного комитета по делам искусств, управлений по делам искусств при СНК союзных и автономных республик, комитетов по делам кинематографии, Союза советских писателей СССР, союзных и автономных республик, научно-исследовательских институтов, высших и средних учебных заведений и многие другие.

Разнообразны документы фабрично-заводских комитетов и центральных комитетов профсоюзов рабочих различных отраслей промышленности, характеризующие участие профсоюзов в социалистическом строительстве. Материалы по истории народного хозяйства СССР за послевоенный период в большинстве своем хранятся в архивах соответствующих министерств, учреждений и предприятий.

Вся масса собранных в государственных и ведомственных архивах исторических документов ныне полностью предоставлена в распоряжение историков. Наша страна, как ни одна другая страна в мире, широко раскрыла двери архивохранилищ для ученых. Только в СССР создан единый Государственный архивный фонд. В архивах Советского

Союза исследователи свободно допускаются к документальным материалам любого периода. В то же время в ряде капиталистических стран введены ограничительные даты доступа к архивным документам: в архивах Ватикана — 1846 г., Италии — 1900 г., Бразилии — 1880 г., Турции — 1908 г., Южно-Африканского Союза — 1910 г., ФРГ — ноябрь 1918 г.; кроме того, в западноевропейских странах срок возможного обнародования документов установлен в 50—100 и более лет. В советских государственных архивах хранятся документы всех министерств и ведомств, о чем не могут даже мечтать историки и архивисты капиталистических стран Запада. Там ряд важнейших министерств (иностранных дел, военное, морского флота, внутренних дел, колоний и др.) не сдает в национальные архивы свои материалы. Допуск к архивным материалам этих министерств, в особенности по современной тематике, практически исключен. Для исследователей Запада, как правило, недоступны документы политических партий. В государственных архивах нашей страны собраны материалы, характеризующие экономику промышленных предприятий. В капиталистических странах Запада такого рода фонды находятся обычно вне государственных архивохранилищ и доступ к ним существенно ограничен. Само собой разумеется, что в советских архивах, как и в архивах любого государства, ограничивается доступ к некоторым документам, касающимся вопросов внутренней и внешней безопасности, национальной обороны, экономического потенциала страны, а также затрагивающим интересы граждан.

Как же используются нашими научными учреждениями и отдельными исследователями документальные материалы Государственного архивного фонда Союза ССР?

Исследователям предоставляются необходимые условия для работы в архивах. В 1959 г. число ученых, занимавшихся в читальных залах государственных архивов нашей страны, достигло примерно 32 тыс. человек, тогда как в 1955 г. оно составляло лишь 6 тысяч. Эти цифры свидетельствуют об усилении внимания исследователей к архивным документам. Государственные архивы проводят работу по совершенствованию научно-справочного аппарата, составлению описей, предметно-тематических каталогов, изданию путеводителей, обзоров фондов и др. с тем, чтобы максимально облегчить труд исследователей.

Одной из форм использования и пропаганды документальных богатств архивов является организация выставок исторических источников на самые различные темы, популяризация архивных документов через радио, телевидение, кино, путем встреч работников архивов с представителями общественности и др. В 1957—1959 гг. организовывались выставки документальных материалов в ряде читальных залов архивов, в фойе клубов, в музеях, цехах заводов, на различного рода съездах и совещаниях. Большим успехом пользовались выставки, посвященные 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Опыт франко-советской (в марте — апреле 1960 г. в Париже) и советско-австрийской (в июне 1960 г. в Вене) выставок документальных материалов государственных и дипломатических архивов говорит о громадном интересе не только историков, но и широких народных масс к историческим документам. К сожалению, популяризация архивных богатств путем организации выставок стала внедряться в повседневную работу наших архивов только в самое последнее время.

Наиболее эффективным видом использования Государственного архивного фонда СССР является публикация документальных источников.

Однако до недавнего времени из-за неупорядоченности архивов, несовершенства научно-справочного аппарата и т. д. публикация до-

кументов не занимала должного места в работе государственных архивов нашей страны. Только после постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» публикация архивных материалов начала выдвигаться на первый план.

Главное архивное управление СССР (ГАУ) разработало в 1956 г. перспективный план издания документов и научно-справочной литературы на 1956—1960 гг., рассчитанный на подготовку и издание сборников документов по наиболее актуальным проблемам (с перенесением центра тяжести на публикацию материалов послеоктябрьского периода). В соответствии с планом предусматривалось подготовить 326 сборников документальных материалов (к 1 мая 1960 г. издано 298, включая внеплановые) и 129 работ научно-справочного характера (вышло в свет свыше 70). Более 90 сборников находится в настоящее время в типографиях, над 110 другими сборниками работа заканчивается. В это число не вошли многочисленные материалы и статьи, опубликованные в «Историческом архиве» и других журналах, а также в информационных бюллетенях, выпускаемых некоторыми архивами страны. До 1956 г. архивами совместно с научно-исследовательскими институтами, специально созданными комиссиями, редакциями, музеями и другими учреждениями было издано в общей сложности 700 сборников документальных материалов.

Разработка перспективного плана публикаторской деятельности архивов страны, согласованного со всеми заинтересованными учреждениями, способствовала устранению ряда серьезных недостатков, таких, например, как кустарничество в работе, отсутствие прочных деловых связей не только с различными научно-исследовательскими институтами, но даже между отдельными архивами.

Тематика подготовленных и изданных документальных сборников очень разнообразна. Много публикаций по истории рабочего и крестьянского движения, истории первой русской революции 1905—1907 гг., о деятельности виднейших русских полководцев и флотоводцев, о международной пролетарской солидарности, по внешней политике СССР, индустриализации нашей страны, Великой Отечественной войне Советского Союза и т. д. Из общего числа изданных сборников 181 относится к истории советского периода. Наибольшее освещение получили такие важные темы, как история Великой Октябрьской социалистической революции (104 сборника), история гражданской войны и иностранной военной интервенции (14 публикаций) и социалистического строительства (44 сборника). Работа по изданию этих материалов приняла за последние годы широкий размах и проводится большинством государственных архивов страны. Так, сборники по истории Великой Октябрьской социалистической революции готовились в большинстве республик, краев и областей. Над общесоюзной серией по этой теме работают ГАУ и центральные государственные архивы СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР; шесть томов этой серии уже изданы. В Российской Федерации опубликовано 59 сборников по истории установления и упрочения Советской власти; на Украине вышли республиканский сборник в 3 томах и 23 областных сборника; двухтомные сборники изданы в Грузинской и Белорусской ССР и однотомники — в Армении, Азербайджане, Молдавии, Латвии, Эстонии, Казахстане и других республиках.

Издание документов по истории борьбы трудящихся нашей страны под руководством коммунистической партии за свержение власти капитала и создание первого в мире социалистического государства в таких масштабах предпринято в СССР впервые. Опубликованные документы ярко показывают размах и народный характер социалистической ре-

волюции, революционное творчество масс, их глубокую политическую сознательность, понимание своих целей и задач. Эти издания опровергают вымыслы буржуазных историков о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция была якобы историческим парадоксом, следствием стихийного стечения обстоятельств, а не подлинно народной революцией. Сборники, изданные в союзных республиках (Казахской, Латвийской, Эстонской и др.), освещая проведение Октябрьской революции в этих районах, полностью опровергают клевету буржуазных националистов о том, будто революция здесь была совершена русскими солдатами и матросами, а коренное население не принимало в ней никакого участия.

Республиканскими и областными государственными архивами издан также ряд сборников по различным вопросам социалистического строительства. Включенные в них документы раскрывают роль коммунистической партии в мобилизации усилий трудящихся на создание социалистической экономики и организацию управления народным хозяйством, показывают процесс установления рабочего контроля в промышленности и ее национализации, начальный этап электрификации СССР, социалистические преобразования в восстановительный период, социалистическое переустройство и развитие сельского хозяйства, индустриализацию страны.

До недавнего времени по истории рабочего контроля и национализации промышленности было опубликовано лишь небольшое число документов, что, естественно, затрудняло изучение и разработку истории одного из важнейших этапов социалистического строительства. Ныне издано 7 сборников по этой тематике. В сборник «Национализация промышленности в СССР», изданный ЦГАОР и СС, включены документы, раскрывающие этот процесс во всероссийском масштабе. Здесь опубликованы материалы центральных партийных органов, высших и центральных правительственных учреждений, а также некоторые документы местных учреждений и предприятий, показывающие, как проводились в жизнь указания партии и правительства по различным вопросам рабочего контроля и национализации промышленности. На местах выпущены сборники, раскрывающие историю борьбы за овладение командными высотами в промышленности в той или иной республике или губернии. Однако этого еще недостаточно. Так, до сих пор не опубликованы материалы крупных индустриальных районов (юга России, Закавказья, Московского промышленного района и др.). Изданные сборники имеют много погрешностей. В них слабо показана роль местных партийных и профсоюзных организаций в установлении и деятельности рабочего контроля, налаживании производства на национализированных предприятиях, трестирование предприятий, планирование, борьба с извращением лозунга рабочего контроля мелкобуржуазными партиями.

К публикациям по истории рабочего контроля и национализации промышленности в 1917—1920 гг. примыкает группа сборников о коммунистических субботниках, которые отражают руководящую роль коммунистической партии в их организации и проведении. Материалы о субботниках имеют большое политическое и воспитательное значение и в наши дни. К сожалению, до сих пор таких публикаций подготовлено мало, хотя в наших архивах есть немало ярчайших документов о коммунистических субботниках.

Определенное освещение получила в сборниках и история развития сельского хозяйства после Октябрьской революции. Центральным изданием по этой теме является сборник «Аграрная политика Советской власти», подготовленный ЦГАОР и СС в 1954 году. Дополнением к нему являются опубликованные на местах материалы о деятельности ко-

митетов бедноты и сборник «Коллективизация сельского хозяйства на Кубани». Все эти материалы отражают в основном историю аграрных преобразований в 1918 г., проведение в жизнь ленинского Декрета о земле и ленинского кооперативного плана. В сборнике «Аграрная политика Советской власти» впервые систематизирован огромный материал о проведении в жизнь аграрных преобразований, представлявших собой один из важных вопросов социалистической революции. Однако сборник перегружен материалами, не раз уже публиковавшимися, в то время как документам, освещающим творческую деятельность народных масс, отведено небольшое место. Кроме того, в сборнике мало материалов, показывающих, как проводилась аграрная политика коммунистической партии и советского правительства в отдаленных от центра районах страны. Указанные пробелы до некоторой степени восполняются рядом изданий по истории комбедов. Эти публикации освещают проведение в жизнь Декрета о земле в северных и северо-западных районах страны. Однако история аграрных преобразований в Сибири, на юге и в других областях СССР еще ждет своего освещения.

Государственными архивами изданы публикации по истории, советского и хозяйственного строительства, проводившегося в конце гражданской войны и иностранной военной интервенции. Это вышедшие в 1957 г. сборники о деятельности местных советских органов — революционных комитетов Украины и Белоруссии. В публикациях помещены протоколы, резолюции и решения собраний коллективов различных предприятий, деревень, артелей, письма рабочих и крестьян. Эти материалы ярко свидетельствуют о поддержке народами Украины и Белоруссии всех мероприятий Советской власти и освещают их борьбу за ликвидацию последствий хозяйственной разрухи. В указанные сборники включены материалы об организации народного образования, здравоохранения, социального обеспечения на местах (о строительстве школ, детских домов, борьбе с неграмотностью, работе клубов и т. д.). Они свидетельствуют о том, какое большое внимание партия и правительство уделяли вопросам культурного строительства даже тогда, когда приходилось вести ожесточенную борьбу с врагами и восстанавливать разрушенное народное хозяйство.

К вышеуказанным сборникам примыкает небольшая публикация «Первый ревком Чукотки 1919—1920 гг.», изданная магаданскими архивистами в 1958 году. Это первая попытка систематического собрания наиболее важных документов из истории борьбы трудящихся за власть Советов на самой далекой окраине нашей Родины.

Государственные архивы выпустили ряд сборников, освещающих хозяйственное и культурное строительство в некоторых областях страны в период восстановления народного хозяйства. К их числу относятся сборники о восстановлении народного хозяйства в Армении, Абхазии, Подолии, Семиречье, о деятельности Дальневосточного революционного комитета, Иркутского губернского совета народного хозяйства и др. Сборники освещают как общие для всей территории страны процессы восстановления народного хозяйства, так и специфику восстановления хозяйства в отдельных областях, главным образом в окраинных районах страны. Большой интерес представляет публикация «Восстановление народного хозяйства Армянской ССР», в которой отражены особенности экономического развития этой республики в указанное время. В сборнике «Дальревком» основной упор сделан на материалы о советизации края (строительство советского аппарата, административное переустройство Дальнего Востока и т. д.). Следует отметить и такие интересные публикации, как «Укрепление Советской власти в Абхазии (1921—1925 гг.)», «Советское строительство в селах Семиречья» (ч. 1),

и др. Сборник «Иркутский губернский совет народного хозяйства» дает представление о ряде характерных явлений в истории промышленности периода восстановления народного хозяйства. Он отражает процесс создания и деятельности Иркутского совнархоза и его местных органов в 1920—1923 годы. Среди опубликованных в нем документов особый интерес представляют материалы о переводе предприятий на хозрасчет, о концентрации производства (создание трестов и комбинатов) и проч. Такие документы, освещающие проведение новой экономической политики в промышленности, к сожалению, отсутствуют почти во всех остальных (названных выше) сборниках подобного типа. В целом необходимо отметить, что период восстановления народного хозяйства в СССР освещен еще недостаточно. Богатейшие материалы, отражающие восстановление промышленности и сельского хозяйства, культурное строительство в центральных областях страны, полностью еще не используются.

К группе сборников о восстановлении народного хозяйства примыкает серия, издаваемая ЦГАОР и СС,— «Ленинский план электрификации в СССР». Два сборника этой серии освещают вопрос о создании и проведении в жизнь плана электрификации страны — начало приступа к строительству фундамента социалистической экономики. В них помещены многие документы, касающиеся проектирования и сооружения районных и сельских электростанций (Свирской, Волховской, Каширской, Кизеловской, Иваново-Вознесенской, Шатурской, Нижегородской и др.). Они также с достаточной полнотой раскрывают картину движения за электрификацию страны, развернувшегося уже в период гражданской войны и особенно в годы восстановления народного хозяйства. Однако ценность этих публикаций значительно снижается в связи с тем, что в них чрезвычайно мало областных материалов, содержащих яркие примеры самоотверженного труда рабочих по подготовке и осуществлению электрификации города и деревни.

Велико значение социалистической индустриализации в развитии нашей страны, но по этой теме изданы пока только 3 сборника и несколько небольших подборок. Два сборника, подготовленные ЦГАОР и СС, освещают начало индустриализации и творческую активность рабочего класса в период ее проведения; третий, изданный в Азербайджане, посвящен индустриализации этой республики. Материалы этих сборников отражают важнейший период в истории нашей страны — начало построения прочного фундамента социалистической экономики, процессы, происходившие в это время в рабочем классе страны (увеличение численности рабочего класса, повышение квалификации рабочих, улучшение их материального положения, повышение культурного уровня). И тем не менее названные сборники все же не являются полными. В них освещен только первый период построения фундамента социалистической экономики в нашей стране. Процесс индустриализации на местах не получил в них должного отражения, а между тем государственные архивы хранят немало материалов о промышленном строительстве на Украине, в Сибири, на Урале и т. д. Публикация этих документов, раскрывающих процесс индустриализации на всем ее протяжении и во всех основных районах страны,— важнейшая задача советских историков-архивистов.

За последнее десятилетие советские государственные архивы издали только один сборник по истории послевоенного строительства — «Советский Львов (1939—1955 гг.)», приуроченный к 700-летию города. Большую часть публикации составляют документы о советском строительстве во Львове в послевоенные годы — о восстановлении и развитии промышленности, городского хозяйства, развитии науки и культуры. Эти материалы, взятые в основном из ведомственных архивов и архива Львов-

ского областного комитета Коммунистической партии Украины, представляют значительный научный и политический интерес.

Только два сборника изданы по такой весьма актуальной проблеме, как культурная революция в СССР: «Культурное строительство в Киргизии. 1918—1929 гг.» и «Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.)». К ним примыкает и недавно вышедший сборник произведений и материалов пламенного пропагандиста новой, социалистической культуры, замечательного советского писателя А. С. Серафимовича. Это издание можно считать началом поворота Центрального государственного архива литературы и искусства СССР к публикации материалов, освещающих деятельность советских писателей.

Существенным пробелом в публикаторской деятельности до недавнего времени было слабое освещение таких важнейших тем, как развитие Советского государства в период второй и третьей пятилеток, Великая Отечественная война Советского Союза, послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства, переход к развернутому коммунистическому строительству в нашей стране, дружественные политические, экономические и культурные связи между народами и др. В связи с этим в перспективный план внесены коррективы. В частности, предпринято глубокое изучение документальных источников по второй мировой войне. Государственные архивы СССР предоставили ИМЛ при ЦК КПСС более 7 тыс. документов, необходимых для издания многотомной истории Великой Отечественной войны. Кроме того, ГАУ принимает непосредственное участие в составлении и научной обработке 6-ти томов документов по этой же теме, которые наряду с монографическими трудами явятся большим вкладом в советскую историческую науку. Эти материалы во всем величии раскроют воинскую славу бойцов и командиров Советской Армии, героический подвиг рабочего класса, крестьянства и интеллигенции нашей страны, огромную организующую и вдохновляющую роль коммунистической партии в борьбе с гитлеровской агрессией. В настоящее время подготовлен макет 1-го тома сборника и завершается отбор документов для последующих томов.

Дополнением к перспективному плану являются вышедшие в свет три первых тома общесоюзной серии «Из истории международной пролетарской солидарности». 4-й том этой серии недавно подписан в печать. Эти сборники помогут вести борьбу с современным ревизионизмом, за пролетарскую солидарность и единство борцов за мир, демократию и социализм. В работе над этой серией наряду с ГАУ, центральными государственными архивами и ИМЛ при ЦК КПСС принимают участие многие архивы СССР и стран народной демократии. Большое количество документов для этой серии получено из ГДР, Болгарии, Чехословакии и др. Таким образом, при составлении этих сборников впервые наметилась новая форма содружества архивистов СССР и зарубежных стран, которая должна получить в дальнейшем еще более широкое распространение. Совместно с архивистами и историками Чехословакии, Болгарии, Польши и некоторых других стран в настоящее время подготавливаются сборники документов о советско-чешских, советско-польских дружественных отношениях, об освобождении Болгарии от турецкого ига и т. д. Готовятся публикации о советско-китайских и советско-индийских культурных связях, продолжается работа над сборниками о странах Юго-Восточной Азии, о русско-германских и советско-германских отношениях.

В ряде капиталистических стран не прекращается поток лжи и клеветы в отношении ВЧК—ОГПУ. За последние годы на эту тему в США издан специальный сборник статей, в Англии и других странах опубликовано несколько работ. Поэтому такие публикации, как «В. И. Ленин о социалистической законности (1917—1922 гг.)» и «Из истории ВЧК

(1917—1921 гг.)», вышедшие в 1958 г., приобретают особо важное значение. Сборник «Из истории ВЧК (1917—1921 гг.)» рассказывает о героической борьбе Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов с контрреволюцией и саботажем, о постоянном контроле за деятельностью ВЧК со стороны ЦК РКП(б) и В. И. Ленина, показывает, что вся работа Чрезвычайной комиссии строилась на основе строгого соблюдения революционной законности.

Следует отметить инициативу Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, который в связи с проведенной в последние годы в нашей стране перестройкой управления промышленностью и строительством выпустил сборник «Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917—1932 гг.)». К 90-летнему юбилею со дня рождения Владимира Ильича этот же архив подготовил совместно с работниками ИМЛ при ЦК КПСС сборник «Письма трудящихся к В. И. Ленину», материалы которого свидетельствуют о безграничной любви трудовых масс к своему великому вождю и учителю.

По истории комсомола издано четыре публикации: «Первые годы деятельности Астраханской комсомольской организации», «Вперед, заре навстречу! (Молодежь Воронежской губернии в революционном движении 1903—1920 гг.)», «Из истории комсомольских организаций Сумщины» и «Рождение комсомола Семиречья (1918—1920 гг.)» (ч. I). Указанные сборники были вызваны к жизни необходимостью полнее удовлетворить запросы читателей не только в научном, но также в познавательном и агитационно-пропагандистском плане.

Характерной чертой организации публикаторской деятельности государственных архивов СССР является их совместная работа с другими научно-исследовательскими учреждениями страны — Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институтами Академии наук СССР (истории, славяноведения, востоковедения, истории естествознания и техники, мировой литературы), академиями наук союзных республик, библиотеками, музеями. В большинстве случаев ГАУ и его учреждения на местах выступают организаторами подготовки того или иного сборника документальных материалов. Если основная тяжесть работы по подготовке публикаций ложится на другое учреждение, ГАУ и архивы активно помогают выявлять материалы и археографически их обрабатывать. Так, помимо участия в деятельности Комиссии по подготовке многотомной серии сборников документальных материалов по истории Великой Отечественной войны Советского Союза, о чем говорилось выше, ГАУ оказывает помощь Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР, которая готовит к печати важнейшие материалы по истории дипломатии дореволюционного времени и советского периода.

Крупным вкладом в науку являются такие многотомные серии, как «Документы внешней политики СССР» (вышло уже четыре тома, содержащие важнейшие внешнеполитические акты советского правительства за период с октября 1917 по 1921 г.), «Внешняя политика России (1801—1917 гг.)» (первый том выходит из печати в ближайшее время). Издана «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)», и тем самым впервые осуществлена научная публикация важнейших документов, которые подвергались преднамеренной фальсификации в ряде изданий на Западе. Дополнением к названному сборнику может служить изданная в 1959 г. публикация «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Разоблачая буржуазных фальсификаторов истории, документы этого сборника показывают, что Советский Союз был единственной великой державой, которая защищала суверенные права французского народа

во время войны и была инициатором многих политических акций, направленных на то, чтобы Франция вновь заняла свое место среди великих держав. Не теряет своего актуального политического звучания двухтомник «Нюрнбергский процесс», третье издание которого вышло в 1955 году. Значительную ценность представляют опубликованные в 1958 г. Министерством иностранных дел СССР совместно с МИД Чехословакии «Новые документы из истории Мюнхена». Высокую оценку научной общественности получил вышедший в 1959 г. сборник «Локарнская конференция 1925 г.», в котором впервые опубликованы некоторые документы германских архивных фондов, попавших во время второй мировой войны в руки Советской Армии. Эти документы еще раз подтверждают антисоветскую направленность указанной конференции.

Главное архивное управление СССР работает в тесном контакте с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. За последнее время вышел ряд совместных изданий, например, сборник «Декреты Советской власти» (т. I), в подготовке которого принимали участие научные сотрудники Института истории АН СССР. В сборник включено более 480 документов высших органов государственной власти и государственного управления. В них отражены первые мероприятия коммунистической партии и советского правительства в области экономического и политического переустройства страны. Сборник содержит большое количество ленинских документов. В сборник «Донесения комиссаров Петроградского ВРК» включено 176 документов, характеризующих работу посланцев большевистской партии по подготовке широких масс рабочих и солдат столицы к вооруженному восстанию, а после его победы — по слому буржуазного государственного аппарата и строительству нового, социалистического государства.

Говоря о публикаторской деятельности ИМЛ при ЦК КПСС, нельзя не отметить огромного научного значения ряда сборников, изданных этим институтом в последние годы. Так, к 50-летию первой русской революции были выпущены в свет: «В. И. Ленин. Третий съезд РСДРП» (Сборник произведений и документов), «Третий съезд РСДРП» (Сборник документов и материалов), «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.» (в трех томах), «Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года». В названных сборниках впервые дана большая подборка документов, необходимых для изучения вопросов партийного руководства борьбой масс в ходе первой революции эпохи империализма. Значительная работа по публикации источников проведена ИМЛ при ЦК КПСС в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Институт издал двухтомник «КПСС в борьбе за победу социалистической революции», в котором воедино собраны важнейшие решения ЦК и местных партийных организаций, показывающие деятельность большевистской партии по подготовке и проведению пролетарской революции. Впервые также издана в двух томах «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», включающая до 1 100 документов (из них около 900 публикуются впервые). Они характеризуют работу ЦК и местных партийных организаций, направленную на подготовку рабочих, солдатских и крестьянских масс к завоеванию политической власти, на проведение первых политических и экономических мероприятий, обеспечивающих закрепление победы социалистической революции в нашей стране. Переизданы также протоколы VII Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), тщательно сверенные с архивными источниками и пополненные новыми материалами. К протоколам VI съезда партии приложены, например, сохранившиеся 69 анкет делегатов, ранее не публиковавшиеся.

В настоящее время ГАУ приступило к выявлению архивных документов для общесоюзной серии сборников, подготавливаемых специ-

альной комиссией ВЦСПС по изданию документальных материалов по истории рабочего класса СССР за 1905—1960 годы.

Большую работу проделали государственные архивы по изданию документов по истории дореволюционного периода. За последние годы вышло 88 сборников, охватывающих самую различную тематику. Наибольшее внимание было уделено изданию документов по истории первой русской революции 1905—1907 годов. Всего по этой проблеме выпущено 57 сборников, среди них следует отметить общесоюзную серию. В подготовке этой серии участвуют ГАУ, Институт истории АН СССР, Центральный государственный исторический и Центральный государственный военно-исторический архивы СССР и др. Издано уже 5 томов данной серии (в 11 книгах). В текущем году работа над этой публикацией должна быть завершена. Кроме того, большое число сборников издано республиканскими, краевыми и областными архивами: по истории революции 1905—1907 гг. на Украине (в двух томах), в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, в большинстве областей РСФСР. Почти все эти публикации получили положительную оценку на страницах нашей печати. Ряд сборников вводит в научный оборот новые документы о рабочем и крестьянском движении в России.

Изданием сборника документов о крестьянском движении в 90-е годы XIX в. начался выход в свет общесоюзной серии по истории крестьянского движения в России в XIX веке. Усилилась разработка документальных богатств по истории феодализма в России. Важное место здесь занимают сборники по истории крестьянских движений (например, о восстании крестьян под предводительством С. Т. Разина), по социально-экономической истории («Материалы по истории Башкирской АССР»), по истории взаимоотношений русского народа с другими народами, по истории науки и военного искусства.

Ознакомление с богатствами архивохранилищ в значительной степени облегчается при наличии научно-справочной литературы. В последнее время издано 11 путеводителей по архивам, справочник «Государственные архивы СССР», ряд описей, обзоров и каталогов (например, обзоры документов по истории Октября в Москве, Петрограде, на Урале, в Ставрополье; по истории обрабатывающей промышленности России в первой половине XIX в.; по истории медицины в России; ряд фондовых обзоров; каталог кино-фото-фономатериалов по истории Октября и др.— всего 54 названия). Работа по изданию научно-справочной литературы была в последнее время несколько перестроена. В связи с тем, что многие архивы не были подготовлены к созданию путеводителей — одному из самых сложных видов научно-справочной работы,— им пришлось предварительно уточнить профиль, устранить недостатки фондирования. Вся эта работа, а также стремление к максимальной полноте освещения материалов значительно затянули издание некоторых путеводителей. Помимо научно-справочной литературы, многие архивы в прошедшем пятилетии готовили и выпускали небольшие брошюры, монографии, статьи по истории городов и др., основанные на архивных материалах.

Таким образом, в публикаторской деятельности ГАУ и архивов страны за прошедшие пять лет наметились следующие основные направления:

Во-первых, в последние годы основное внимание уделяется изучению фондов и публикации документов советского периода. Положительным фактором является то, что в эту работу включились архивные учреждения многих городов и областей страны, ранее не имевшие опыта такой деятельности (Херсон, Чукотка, Дальний Восток, Иркутск и др.). Более $^2/_3$ сборников по истории социалистического строительства издано на местах, что способствует развитию краеведения. Изданные сборники имеют большое научное значение: они расширяют документальную ба-

зу исторической науки. Велико также и их политическое значение, так как они наглядно показывают руководящую роль коммунистической партии и советского правительства в социалистическом строительстве.

Во-вторых, улучшается количественная и качественная сторона публикаторской работы. В настоящее время в нашей стране публикуется сборников документальных материалов больше, чем издавалось когда-либо в какой-нибудь другой стране. III Международная конференция «Круглого стола архивов» (1957 г.) признала, что по сравнению с архивными работниками многих стран советские архивисты достигли огромных успехов в деле публикации источников, а намечаемые ими планы являются в этом отношении также наибольшими. Согласно перспективному плану публикаторской работы Главного архивного управления СССР на 1961—1965 гг., предполагается издать 640 сборников документальных материалов, из них 446 по послеоктябрьскому и 194 по дореволюционному периоду истории нашей страны. Улучшится и качество подготавливаемых публикаций.

В-третьих, концентрируется внимание на издании сборников документов, раскрывающих миролюбивый характер внешней политики советского правительства, борьбу СССР за мирное сосуществование.

И, наконец, разнообразятся виды публикаций, больше издается мемуарной, эпистолярной и другой литературы, в особенности по советскому периоду. Для устранения существенных недостатков в выпуске такого рода литературы ГАУ совместно с Институтом истории АН СССР, ИМЛ при ЦК КПСС, Институтом мировой литературы и Историко-архивным институтом разрабатывает «Правила издания мемуарной литературы», наличие которых значительно облегчит работу исследователей над такого рода материалами.

В настоящее время ГАУ изучает возможность подготовки тематических справочников по истории советского общества, охватывающих в каждом отдельном случае всю совокупность документальных материалов по данной теме независимо от их местонахождения. Это значит, что исследователи получат сравнительно полное представление о круге необходимых источников, быстрее смогут найти нужные им материалы, лучше планировать их изучение. Пользуясь справочником, исследователи смогут, в частности, заказать копии документов, хранящихся в иногородних архивах, что даст немалую экономию средств и времени, которые затрачиваются на научные командировки. Тематические справочники являются одной из перспективных форм научной информации о содержании архивных фондов. Они могут оправдать себя даже в тех случаях, когда по данной теме планируется подготовка фундаментальной публикации документов. Чтобы издать последнюю, как показывает практика, нужно пять, а то и десять лет (публикация материалов о декабристах продолжается в течение 35 лет). Тематическая же подборка поможет ускорить разработку данной темы на местах.

Однако подготовка тематических справочников требует больших усилий. Архивисты обязаны изучить представляющие интерес документы не только в государственных архивах, но и в архивах министерств, ведомств, предприятий, организаций, в рукописных отделах библиотек, музеев. До сих пор этой работе не уделялось достаточного внимания.

Большое значение имеет учет тематики исследований, проводимых историками. Хорошо налаженный учет тематики, над которой работают посетители читальных залов архивов, позволит своевременно информировать заинтересованные учреждения и научную общественность о проводимых исследованиях, а это даст возможность избежать дублирования и ненужного параллелизма в научно-исследовательской работе над документальными материалами. Достаточно сказать, что фонды ЦК профсоюзов, хранящиеся в ЦГАОР и СС (насчитывают свыше 300 тыс. еди-

ниц хранения), представляющие большую научную ценность, используются исследователями крайне недостаточно. Слабо изучены материалы Центрального государственного военно-исторического архива о первой революционной ситуации в России, хотя здесь имеются многочисленные источники по этой тематике. Подобные примеры не единичны.

Архивистов волнует и то, что в масштабах страны никто не координирует и не обобщает опыт издания документальных источников. Усилия Института истории АН СССР и ГАУ в этом вопросе не всегда приводят к желаемым результатам. Это ведет к тому, что во многих сборниках, особенно публикуемых на периферии, материалы о тех или иных событиях нередко повторяются, допускается большой разнобой в отборе и археографической подготовке документов.

Планируя выпуск тех или иных документальных материалов, необходимо иметь в виду в первую очередь их актуальность, то есть вводить в научный оборот те архивные документы, которые требуются советским ученым, а также интересуют широкие слои нашей интеллигенции и всего советского народа. При подготовке сборников к изданию необходимо учитывать их рентабельность. Однако это не означает, что нужно мириться со сложившейся практикой, когда вопрос о публикации документальных источников и сроках выхода их в свет в значительной степени решается издательствами и книготоргующими организациями, устанавливающими, как правило, небольшие тиражи на такого рода издания. При этом не учитывается та трудоемкая и кропотливая работа, которая затрачивается на подготовку сборников. Кроме того, документальные публикации, и особенно путеводители, в отличие от другой книжной продукции, конечно, не могут быть распроданы в короткий срок. Это не означает, что на них нет спроса. Не следует забывать, что они появляются на полках наших книжных магазинов очень редко.

Исходя из решений XXI съезда партии и постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», Главное архивное управление СССР разработало перспективный план научно-публикаторской работы ГАУ и архивных учреждений Советского Союза на 1960—1965 годы. В его основе лежит подготовка сборников материалов по истории советского общества, главным образом по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Важнейшие направления, по которым развернется работа архивных учреждений страны по публикации документов, будут следующие.

В разделе плана «Великая Октябрьская социалистическая революция» основное место занимают четыре последующих тома общесоюзной серии документов, готовящейся ГАУ совместно с Институтом истории АН СССР и ИМЛ при ЦК КПСС. По теме «Гражданская война и иностранная военная интервенция» готовится трехтомное хрестоматийное издание основных материалов по истории гражданской войны. Оно дополняется рядом томов, планируемых архивными учреждениями союзных республик. Раздел «Социалистическое и коммунистическое строительство» включает ряд документальных публикаций о социалистическом и коммунистическом строительстве в стране, начиная с 1917 г. до наших дней: о строительстве социализма в первые годы Советской власти, о восстановлении народного хозяйства, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, о культурной революции в СССР, а также о восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства в послевоенный период. Планируется издание сборников различного характера — исследовательского, научно-популярного, агитационно-массового. Такое разнообразие видов публикаций даст возможность удовлетворить запросы самых широких кругов читателей.

Отличительной чертой перспективного плана является наличие в нем по основным важнейшим темам истории советского периода обще-

союзных серий, подготовляемых архивами всей страны по единым принципам, разработанным ГАУ и соответствующими научно-исследовательскими учреждениями. Для устранения параллелизма и кустарничества, а также экономии государственных средств ГАУ сочло целесообразным в новом перспективном плане предусмотреть подготовку и издание объединенных серий силами большинства архивных и других научных учреждений страны. Это даст возможность последовательно, всесторонне, в короткие сроки подготовить и издать публикации по таким важнейшим темам, как «Индустриализация страны и реконструкция промышленности СССР», «Коллективизация сельского хозяйства СССР», «Культурное строительство в СССР», «Дружественные экономические, культурные и научные связи СССР с другими народами». В настоящее время уже созданы главные редакции общесоюзных серий, членами которых являются представители Институтов истории и экономики Академии наук СССР, ИМЛ при ЦК КПСС, ГАУ и соответствующих научных учреждений союзных республик.

При подготовке общесоюзных изданий необходима координация действий и кооперация, которая позволит последовательно провести научные принципы в методике выявления и отбора, передаче текста и археографической обработке документов, будет способствовать установлению и развитию творческих связей между архивными учреждениями, поможет укреплению и расширению контактов архивов с другими научными учреждениями страны. Все это позволит ликвидировать наблюдающийся в ряде случаев разнобой в издании исторических источников, повысит научный уровень изданий. Положительную роль в ускорении издания публикаций по истории социалистического строительства, в повышении научного уровня этих работ сыграют подготовленные ГАУ «Правила издания документов советского периода», которые на основании изучения опыта публикации документов советской эпохи дадут указания по основным вопросам методики издания документов этого периода.

В перспективном плане научно-публикаторской работы наряду с изданиями, имеющими большое научное значение, уделяется внимание подготовке сборников агитационно-пропагандистского характера, рассчитанных на массового читателя. Это издания объемом не более 8—15 печатных листов по различным вопросам социалистического и коммунистического строительства (например, «Герои труда СССР», «Проблема освоения Сибири», «Освоение целины» и др.). Большое место в плане занимают публикации научно-познавательного характера, рассчитанные и на исследователей и на широкий круг читателей: сборники по проблемам международной солидарности трудящихся, по отдельным вопросам социалистического и коммунистического строительства и т. д. Немалое место в плане занимают издания по истории фабрик и заводов (Уралмашзавода, Сестрорецкого инструментального завода, Металлургического завода имени Г. И. Петровского и др.). Сборники должны показать путь развития нашей индустрии, рост квалификации и культуры рабочих и инженерных кадров, героику труда советского человека. В ряде публикаций, посвященных участию женщин в коммунистическом строительстве, будет дана картина раскрепощения женщин в условиях советского строя, освещена их большая и почетная роль во всех областях жизни нашего государства. Героический труд советской молодежи на заводах, фабриках, в колхозах, особенно их большие успехи в освоении целины, участие в новостройках в отдаленных районах страны раскроют сборники, посвященные Ленинскому комсомолу.

Перспективный план научно-публикаторской работы на 1960—1965 гг. наряду с большим объемом публикаций по истории советского общества предусматривает также издание документов, освещающих прошлое

нашей страны. Значительное место уделяется публикациям по истории экономики. Планируется показать развитие капиталистических монополий в металлообрабатывающей и нефтяной промышленности России, экономическое положение некоторых бывших окраин царской России, а также историю ряда городов и заводов. В перспективном плане много места отведено учебно-методической и научно-справочной литературе по теории и практике архивного дела. В ближайшее время должны быть подготовлены учебные пособия по истории архивного дела и государственных учреждений как в дореволюционный, так и в советский период, а также ряд методических пособий по археографии.

Все работы, предусмотренные перспективным планом, должны служить делу развития советской исторической науки, способствовать практическому решению задач коммунистического строительства, делу воспитания человека нового общества. План научно-публикаторской работы 1960—1965 гг. может быть выполнен только при условии творческого сотрудничества архивных и других научно-исследовательских учреждений страны. Содружество всех заинтересованных научных и учебных заведений, историков, литераторов, архивистов, безусловно, будет способствовать успешному решению поставленной коммунистической партией перед исторической наукой задачи всесторонней разработки и освещения коренных проблем истории советской эпохи.

ПРОБЛЕМА МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И БУРЖУАЗНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

В. Б. Княжинский

Коренное изменение в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма оказывает огромное воздействие на сознание широкой общественности в капиталистических странах. Это изменение привело к ломке складывавшихся там годами представлений о характере взаимоотношений социалистических и капиталистических государств. Несмотря на происки поборников «холодной войны», идея мирного сосуществования двух систем неуклонно завоевывает все новых и новых сторонников в капиталистических странах.

Это новое явление нашло отражение и в работах буржуазных и правосоциалистических исследователей новейшей истории капиталистических стран Европы. Многие враждебные социализму ученые, игнорировавшие ранее проблему мирного сосуществования, вынуждены констатировать необходимость мирных отношений между западноевропейскими странами и их восточными соседями и неизбежность экономического соревнования государств с противоположными социально-экономическими системами. Анализу отношений между европейскими государствами противоположных общественных систем в создавшихся условиях реакционные ученые уделяют ныне большое внимание, отмечая влияние этих отношений на общественное развитие в Западной Европе.

Данные вопросы ставились (и продолжают ставиться) западноевропейскими и американскими буржуазными учеными в опубликованных за последние два-три года исследованиях западноевропейских проблем, а также в посвященных этим проблемам разделах общих работ по истории международных отношений. Речь идет о книгах и статьях американских историков Дж. Кеннана, М. Флоринского, М. Болл, Дж. Тоустера, К. Блэка и Э. Хелмрича, английского историка М. Белова, французских социологов Раймона Арона, М. Алле и А. Марка, западногерманского историка Г. Ротфелса [1], о коллективной работе швейцарских и французских ученых во главе с женевским профессором Ж. Эрш [2], о материалах проведенной в Женеве под эгидой ЮНЕСКО и под руководством правосоциалистических идеологов А. Филипа и П. Спаака конференции западных ученых на тему «Европа и современ-

---

[1] G. Kennan. Russia, the Atom and the West. London. 1958; его же. Peaceful Coexistence. «Foreign Affairs», January 1960; M. Florinsky. The USSR and the Western Europe. «Current History», January 1959; M. Ball. NATO and the European Union Movement. New York. 1959; J. Towster Russia's Foreign Policy and the Western World. «Current History», November 1959; C. Black, E. Helmreich. Twentieth Century Europe. A History. New York. 1959; M. Beloff. The Great Powers. Essays in Twentieth Century Politics. London. 1959; R. Aron. La société industrielle et la guerre. Paris. 1959; его же. L'Occident avant la conférence au sommet. «Preuves», décembre 1959; M. Allais. L'Europe Unie route de la prospérité. Paris. 1960; A. Marc. L'Europe. Terre décisive. Paris. 1959; H. Rothfels. Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Vorträge und Aufsätze. Göttingen. 1959.

[2] J. Hersch, H. Freney, H. Rieben, F. Bondy, P. Gallois, A. Philip. L'Europe au défi. Paris. 1959.

ный мир»[3] и ряде других работ. Несмотря на различия во взглядах на международную политику у американца Дж. Кеннана, англичанина М. Белова, француза Р. Арона и западногерманского немца Г. Ротфелса, несмотря на оттенки в политических воззрениях правого социалиста А. Филипа, федералиста А. Марка и неолибералиста М. Алле, отношение их к проблеме мирного сосуществования одинаково. Всех их — и профессиональных ученых и политических деятелей — объединяет ненависть к социализму, сочетающаяся с сознанием невозможности сокрушить социалистические государства путем применения оружия.

Внимание, которое упомянутые буржуазные и правосоциалистические исследователи уделяют вопросам общественного развития в Западной Европе в условиях сосуществования двух систем, объясняется не только тем, что специальностью большинства из них является разработка европейских проблем. Особый интерес к этим вопросам проявляют и авторы общих работ — Р. Арон, М. Белов и другие, являющиеся видными представителями буржуазной общественной науки в своих странах. По словам, например, К. Блэка и Э. Хелмрича, «именно на европейском континенте проблемы нашего века приобретают наиболее острый характер»[4].

Реакционные ученые обращают внимание своих читателей на то, что именно в Европе высокоразвитые капиталистические страны непосредственно граничат с социалистическими. Так, Р. Арон в своей книге о развитии современного капитализма утверждает, что «два блока в своем монолитном виде существуют только в Европе: остальной мир является скорее ставкой в игре, нежели предметом американо-советского соперничества (или соперничества Запада и коммунистических стран, или капитализма и социализма)»[5]. Р. Арон имеет в виду прежде всего то, что в Европе особенно наглядно сопоставимы результаты мирного соревнования двух систем. Дело в том, что для капитализма чрезвычайно опасен пример, который подают своим западным соседям восточноевропейские народы, добивающиеся огромных успехов в развитии социалистической экономики и культуры, неуклонно повышающие свой жизненный уровень. Всего 20 лет назад большинство восточноевропейских стран принадлежало к числу самых отсталых в Европе. Но, став на путь социалистического строительства, эти страны быстро ликвидировали свою экономическую и культурную отсталость. Темпы их развития ныне так высоки, что западноевропейские державы сами вскоре окажутся в положении отсталых по сравнению со своими восточноевропейскими соседями. Пример европейских стран народной демократии кажется реакционным ученым весьма опасным и потому, что европейские народы, живущие на востоке и западе Европы, объединяет не только географическая общность, но и складывавшиеся веками экономические и культурные связи, общность исторических судеб. Все это дает буржуазным историкам богатую пищу для тревожных размышлений.

Пример социалистических стран Восточной Европы вызывает их тревогу в связи с обстановкой, сложившейся в Западной Европе. Производительные силы в западноевропейских странах давно переросли капиталистические производственные отношения, в результате чего там происходит неуклонное углубление и обострение экономических, социальных и политических противоречий. Классовая борьба достигла в них большой глубины и размаха. В крупнейших странах западноевропейского континента образовались могучие революционные силы, противостоящие капитализму. Не мудрено, что дипломированные защит-

[3] A. Philip, M. Born, P. Spaak, E. Gilson, P. de Berredo Carneiro. L'Europe et le monde d'aujourd'hui. Neuchâtel. 1958.

[4] C. Black, E. Helmreich. Указ. соч., стр. IX.

[5] R. Aron. La société industrielle et la guerre, p. 89.

ники капитализма, опасаясь роста влияния коммунистических идей на народные массы западноевропейских стран, серьезно задумываются над перспективами мирного соревнования двух систем для судеб капитализма в Западной Европе.

Внимание реакционных ученых к вопросам сосуществования европейских государств различных систем и его влияния на общественные отношения вызвано также тем, что именно в этом районе земного шара все еще не ликвидированы остатки второй мировой войны. Это обстоятельство реакционные историки, в частности Дж. Кеннан, активно используют для того, чтобы попытаться поставить под сомнение происхождение и значение послевоенных социальных преобразований в народно-демократических странах Европы и представить в искаженном виде понятие мирного сосуществования и тенденции общественного развития как в Западной Европе, так и во всемирном масштабе.

Авторы рассматриваемых работ отдают себе полный отчет в чрезвычайной политической остроте затронутых ими вопросов и их тесной связи с практическим решением важнейших проблем международных отношений. Более того, некоторые из них открыто черпают идеи из официальных выступлений государственных деятелей западных держав. Это особенно относится к книге М. Алле, ссылающегося для подтверждения своих выводов на заявления генерального секретаря НАТО П. Спаака по вопросам о мирном сосуществовании и об общественном развитии западноевропейских стран. Аргументация упомянутых реакционных ученых часто совпадает с доводами пропагандистских выступлений западных политиков. Так, фальсификация марксистско-ленинских положений Дж. Тоустером, К. Блэком и Э. Хелмричем, по сути дела, ничем не отличается по методу «доказательства» от манипулирования Н. Рокфеллера вымышленными «цитатами из Ленина», которые, кстати, позаимствованы у подобных Блэку и его коллегам «знатоков» марксизма[6]. Не случайно в большинстве рассматриваемых книг делается попытка обосновать те или иные внешнеполитические мероприятия западных держав. Содержание этих книг определяется не только общим мировоззрением авторов, но и теми конкретными политическими целями, которые преследуют реакционные круги западных держав.

Разоблачение научной несостоятельности и политической реакционности этой фальсификации истории и является задачей данной статьи.

★

Характерной общей чертой работ буржуазных и правосоциалистических ученых, касающихся проблемы отношений между европейскими государствами различных систем, является непонимание ими или умышленная фальсификация тех исторических процессов, которые обусловили необходимость мирного сосуществования капиталистических и социалистических стран в Европе и во всем мире.

Реакционные историки игнорируют основное содержание нашей эпохи — переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Поскольку полная и окончательная победа социализма в нашей стране стала очевидным и бесспорным фактом, они пытаются умалить ее значение с помощью утверждений о том, что эта победа-де представляет специфически русское явление «местного характера»[7]. Категорически отрицая закономерность перехода к социализму народно-демократических стран и не признавая

---

[6] См. «Правда», 18 июля 1960 года.

[7] G. Kennan. Peaceful Coexistence, p. 180; C. Black, E. Helmreich. Указ. соч., стр. 177 и др.

их субъектами международных отношений, они рассматривают проблему сосуществования европейских государств различных систем исключительно в плоскости отношений между Советским Союзом и капиталистическими государствами. Это «аргументируется» вымыслами о причинах возникновения народно-демократических режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, Г. Ротфелс объявляет эти режимы следствием усиления «коммунистической экспансии» в Европе, авторы американского учебного пособия по истории Европы К. Хейс и Ч. Коул — результатом «вмешательства» советских войск во внутренние дела этих стран [8]. Последняя версия особенно развивается Дж. Кеннаном, который пытается выдать существование народно-демократических режимов в Европе за препятствующие мирному сосуществованию «остатки войны» [9]. Реакционные ученые тешат себя мыслью о том, что возникновение народно-демократических государств в Европе определяется якобы ошибками, неудачами в политике правящих кругов западных держав. Все дело будто бы заключается только в «допущении» ими появления и присутствия советских войск в ряде восточноевропейских стран в связи с «окончанием последней мировой войны».

Подобные рассуждения о происхождении народно-демократического строя в Восточной Европе свидетельствуют лишь о злонамеренном искажении исторических фактов и марксистско-ленинского учения с целью скомпрометировать идею мирного сосуществования.

Война обнажила классовые противоречия в оккупированных гитлеровцами капиталистических странах Восточной Европы и активизировала в них политическую борьбу масс. Победы антифашистских сил во главе с Советским Союзом над гитлеровской Германией способствовали подъему национально-освободительной борьбы народов этих стран под руководством коммунистических партий против фашизма, которая завершилась свержением власти буржуазии. Силы внешней империалистической реакции не смогли прийти на помощь падавшим под натиском народных масс проимпериалистическим режимам [10]. Установление нового общественного строя в этих странах было делом рук их народов, жестоко страдавших от присущих капитализму войн и нищеты, а не результатом вмешательства советских войск, как это клеветнически утверждают фальсификаторы истории [11].

Победа народно-демократической революции в странах Восточной Европы привела к образованию целого ряда новых европейских социалистических государств, являющихся, как и Советский Союз, полноправными субъектами международных отношений. Как и Советский Союз, народно-демократические страны заинтересованы в мире. Потребность в мире органически вытекает из их социальной структуры, ликвидации в них эксплуататорских классов и групп, заинтересованных в эксплуатации, войнах, в захвате чужих территорий. Она вытекает также из закономерностей внутреннего развития и природы самих этих государств, все усилия которых направлены на выполнение величественных планов экономического и культурного развития, подъем бла-

---

[8] H. Rothfels. Указ. соч., стр. 79; C. Hayes, Ch. Cole. History of Europe. Vol. II. New York. 1956, pp. 450, 464.

[9] G. Kennan. Russia, the Atom and the West, p. 33.

[10] О причинах перехода от капитализма к социализму в этих странах см. подробнее Т. Павлов. Характер и значение на социалистическата революция в България. София. 1958, стр. 9—124; И. Веселы. О причинах возникновения и гибели буржуазного чехословацкого государства. «Вопросы истории», 1958, № 11, стр. 107—125; И. Гоушка и К. Кара. Характер народно-демократической революции. М. 1958, стр. 175—450, и др.

[11] Не случайно капитализм потерпел поражение в Чехословакии, когда там не было советских войск, и в Албании, куда они вообще не вступали. В то же время присутствие советских вооруженных сил на территории Австрии и Финляндии не повлекло за собой изменения социального строя этих стран.

госостояния людей. Мирное сосуществование является необходимым условием осуществления этих грандиозных задач. Вполне закономерно поэтому, что, как подчеркивалось в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве в ноябре 1957 г., ленинский принцип мирного сосуществования двух систем является незыблемой основой внешней политики социалистических стран[12]. Это было вновь подтверждено в коммюнике о встрече представителей этих партий в Бухаресте в июне 1960 года[13].

Фальсификаторы истории пытаются представить в качестве препятствия к мирному сосуществованию идеологию социалистического строя[14], ссылаясь на какие-то мифические положения марксизма об «экспорте революции». Однако марксисты всегда исходили из того, что переход от капитализма к социализму является внутренним делом народа каждой страны. В своих отношениях с капиталистическими странами Советское государство всегда стояло на позициях мирного сосуществования, строго придерживалось принципа невмешательства во внутренние дела этих стран. Отвечая в 1919 г. на вопрос корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News» — «Готово ли Советское правительство гарантировать абсолютное невмешательство во внутренние дела иностранных государств?»,— В. И. Ленин дал исчерпывающий ответ: «Мы готовы его гарантировать»[15]. Убежденность коммунистов в неизбежности всемирного перехода от капитализма к социализму не затрагивает области межгосударственных отношений. Мирное сосуществование не означает отказа народов социалистических стран от своего революционного мировоззрения, как и не предполагает отказа правящих кругов капиталистических стран от их идеологии. Спор же о том, какой общественный строй является лучшим, В. И. Ленин предлагал решать путем мирного экономического соревнования, «состязания» двух систем, в ходе которого социализм должен неизбежно продемонстрировать свое превосходство над капитализмом[16].

Реакционные буржуазные историки фальсифицируют отношения между Советским Союзом и капиталистическими государствами в Европе. Согласно концепции реакционной историографии, эти взаимоотношения определяются якобы стремлением Советского Союза к «устранению капиталистического окружения»[17]. Западные державы изображаются в роли хранителей мира, жестоко страдающих от «экспорта революции», но тем не менее всегда готовых к установлению наилучших отношений с Советским Союзом. «...Характер отношений между Западом и советским миром определяется советским правительством. Если оно пожелает напряженности — существует напряженность, если оно провозглашает разрядку — возникает разрядка. Западные державы ничего здесь не могут поделать»[18],— развивал этот тезис Р. Арон. И если сейчас идет речь о мирном сосуществовании, то только потому, утверждают К. Блэк, Э. Хелмрич, М. Болл и другие авторы упомянутых работ, что советское правительство якобы было вынуждено «недавно провозгласить» его необходимость[19].

Подобные клеветнические утверждения не новы и сами по себе не заслуживали бы внимания. Однако в данном случае они используются

---

[12] См. «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года». Госполитиздат. 1957, стр. 10.

[13] См. «Правда», 28 июня 1960 года.

[14] M. Beloff. Указ. соч., стр. 14.

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 32.

[16] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 426—427; т. 32, стр. 412—413.

[17] M. Florinsky. Указ. соч., стр. 6.

[18] R. Aron. L'Occident avant la conférence au sommet, p. 6.

[19] C. Black, E. Helmreich. Указ. соч., стр. 701, 749; M. Ball. Указ. соч., стр. 94.

реакционными историками в качестве краеугольных камней в их попытках «открыть» благоприятные для капитализма перспективы общественного развития в Европе. Заявление о «недавнем провозглашении» Советским Союзом «политики мирного сосуществования» служит отправной точкой в далеко нацеленной фальсификации истории.

В своей аргументации реакционные историки широко спекулируют на марксистском положении о неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму. Оно рассматривается ими как доказательство «агрессивных» намерений Советского Союза в отношении капиталистических стран[20]. К. Блэк и Э. Хелмрич, например, пишут о «типичной для Ленина агрессивной тактике пропаганды мировой революции и поощрении коммунистов во всем мире как можно быстрее захватить власть»[21]. Они пытаются доказать, что В. И. Ленин был противником мирного сосуществования и только «в 1956 году Хрущев заверил мир в том, что... цели коммунизма могут быть достигнуты в конце концов мирными средствами»[22]. Эти ученые господа злонамеренно замалчивают тот факт, что положение о неизбежности мирного сосуществования государств с различными общественно-экономическими системами является неразрывной частью ленинской теории социалистической революции.

В статьях «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции» и других работах В. И. Ленин неоднократно подчеркивал неизбежность продолжительного сосуществования капиталистических и социалистических государств[23]. Полемизируя с «левыми» сектантами, не понимавшими, что переход от капитализма к социализму каждой страны возможен лишь по мере обострения внутри нее классовых противоречий, созревания необходимых объективных и субъективных предпосылок революционных преобразований, В. И. Ленин категорически высказывался против всякого «подталкивания» революций извне[24]. Поскольку неравномерность и скачкообразность экономического и политического развития капиталистических стран обусловливает разновременность вызревания таких предпосылок в отдельных капиталистических странах, неизбежен период одновременного существования государств противоположных социально-экономических систем. В. И. Ленин подчеркивал глубокую заинтересованность социалистических стран в мире, в мирном сосуществовании с их капиталистическими соседями. «Окончание войн, мир между народами...— именно наш идеал...»[25],— писал он. Вполне закономерно поэтому, что принцип мирного сосуществования был воплощен в первом же документе советской внешней политики — ленинском декрете о мире[26]. Только явно недобросовестные люди могут отрицать, как это делает Дж. Кеннан[27], то, что этот документ пронизан стремлением к установлению сотрудничества с капиталистическими государствами в целях установления мира, к мирному сосуществованию.

Борьба Советского Союза за мирное сосуществование в настоящее время никоим образом не означает какого-то «пересмотра теории», как утверждают фальсификаторы истории[28]. Именно в соответствии с ленинским принципом мирного сосуществования советское правительство неоднократно выдвигало в годы, предшествовавшие второй мировой войне, предложения о создании системы коллективной безопасности

---

[20] J. Towster. Указ. соч., стр. 260.
[21] C. Black, E. Helmreich. Указ. соч., стр. 196.
[22] Там же, стр. 749.
[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 310—311; т. 23, стр. 67.
[24] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 49.
[25] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 264
[26] «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957, стр. 11—12.
[27] См. «Preuves», février 1960, p. 5.
[28] См. J. Towster. Указ. соч., стр. 261.

в Европе. После второй мировой войны Советский Союз также прилагал и прилагает неустанные усилия по обеспечению европейской безопасности совместными действиями социалистических и капиталистических государств. СССР принадлежит инициатива выдвижения проекта «Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе», предложений о ликвидации остатков войны на европейском континенте. И если в последние годы миролюбивые усилия Советского Союза, поддержанные всеми социалистическими государствами, стали особенно действенными, то это объясняется не какими-либо переменами в его внешней политике, а качественным изменением соотношения сил на международной арене в пользу миролюбивого лагеря социализма.

Решающим фактором этого изменения соотношения сил были огромные успехи всех стран социалистической системы, достигнутые в подъеме экономики, культуры, в укреплении общественного и государственного строя. В результате у лагеря социализма возникла материальная база для более успешной деятельности по обеспечению мира, для оказания огромного, все возрастающего воздействия на весь ход развития человечества. Влияние лагеря социализма на процессы, происходящие в капиталистическом мире, в частности, способствует росту там общественных и политических сил, заинтересованных в мире. Хотя при империализме по-прежнему существует экономическая основа для возникновения войн, рост этих сил в сочетании с активными действиями социалистических государств по обеспечению мира впервые в истории создает все предпосылки для возникновения реальной возможности исключить мировую войну из жизни общества еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира.

Изменение в соотношении сил социализма и капитализма наложило особый отпечаток на обстановку в Западной Европе. Для отдельных трезво мыслящих представителей правящих кругов западноевропейских государств — участников НАТО становится все более очевидным банкротство политики «отбрасывания коммунизма». Особая опасность этой политики, чреватой ракетно-ядерной войной, для западноевропейских стран, которые обладают сравнительно небольшими размерами территорий и высокой плотностью населения, осознается их народами. Борьба за мир и мирное сосуществование стала жизненной потребностью народных масс в Западной Европе, в памяти которых живы ужасы последней войны. К широкому фронту борцов за мирное сосуществование присоединяются и буржуазные общественные и политические деятели, с требованиями этого фронта не могут не считаться правительства западноевропейских стран. Отсутствие другой альтернативы мирному сосуществованию, кроме ракетно-ядерной войны, понимают и враги социализма. Война вызвала бы возмущение масс и свержение породившего ее капитализма, отмечал на конференции «Европа и современный мир» реакционный ученый П. де Берредо Карнейро, подчеркивая, что тогда весь мир «устремился бы по марксистскому пути» [29].

Тенденция к мирному сосуществованию стала усиливаться в странах Западной Европы и в связи с другими явлениями в капиталистическом мире. Рост производства в этих странах происходил более быстрыми темпами, чем в США. Удельный вес западноевропейских стран в капиталистической экономике значительно возрос по сравнению с первыми послевоенными годами [30]. Их экономическая зависимость от американского империализма несколько уменьшилась, а противоречия с ним возросли. В силу особенностей развития своей экономики западноевропейские страны значительно более, чем США, заинтересованы в развитии

---

[29] A. Philip etc. Указ. соч., стр. 136.

[30] См. «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны (статистический сборник)». М. 1959, стр. 67.

внешней торговли. Конкурентная борьба на сузившемся территориально капиталистическом рынке, особенно в связи с потерей западноевропейскими государствами многих своих бывших колониальных рынков, толкает деловые круги в Западной Европе на расширение экономических связей с социалистическими странами.

Эта тенденция неизбежно вытекает из международного разделения труда, она порождена, как ее определял В. И. Ленин, «хозяйственной необходимостью»[31], прокладывающей себе дорогу, несмотря на ненависть западных империалистов к социализму. Развитию этой тенденции благоприятствует неизменная готовность Советского Союза к всестороннему взаимовыгодному сотрудничеству со всеми капиталистическими государствами. Начиная с I Всеевропейской экономической конференции в Генуе в 1922 г., советское правительство неоднократно выдвигало предложения об организации широкого экономического и культурного сотрудничества всех европейских государств[32], в частности, на XV сессии Европейской экономической комиссии ООН. Как указывал в своем послании председателю XV сессии и исполнительному секретарю Европейской экономической комиссии председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в апреле 1960 г., Советский Союз «последовательно выступает за дальнейшее развитие сложившихся культурных, экономических и научно-технических связей между всеми европейскими странами, видя в этом один из важных факторов, способствующих делу мира и дружественного сотрудничества между государствами»[33].

Роль хозяйственных связей с социалистическими странами, притягательность советских предложений о развитии общеевропейского экономического сотрудничества для капиталистических стран непрерывно возрастают в связи с громадным расширением социалистического рынка. Заинтересованность в этом устойчивом, не подверженном конъюнктурным колебаниям рынке особенно велика для западноевропейских стран с их высоким развитием производительных сил, с их исторически сложившимися связями с Восточной Европой. Не случайно поэтому за последние несколько лет резко возрос объем торговли Советского Союза и других социалистических стран со странами Западной Европы — Англией, Францией, Италией, ФРГ и другими. Достаточно отметить, что на долю западноевропейских стран в 1959 г. приходилось почти две трети товарооборота СССР со всеми капиталистическими странами[34]. Расширение экономических связей западноевропейских стран со странами социалистического лагеря и прежде всего с Советским Союзом способствовало более быстрому у них по сравнению с США росту производства, а также росту внешней торговли, укреплению их позиций на рынках[35]. С осуществлением семилетнего плана в Советском Союзе, планов народнохозяйственного развития в других социалистических государствах возможности для расширения экономических связей западноевропейских стран с социалистическими государствами еще более возрастают. И если мирные отношения являются необходимой предпосылкой для развития экономических связей, то последние также способствуют заинтересованности государств в мирном сосуществовании.

---

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 237.

[32] См. «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях». Ч. III. Вып. I. М. 1928, стр. 170—173; «Сборник документов по международной политике и международному праву». Вып. II. М. 1932, стр. 68—75; «Внешняя политика Советского Союза, 1947 год». Ч II. М. 1953, стр. 120—125; «Правда», 17 марта 1957 г., 9 апреля 1960 г., и др.

[33] «Правда», 22 апреля 1960 года.

[34] См. Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн. Т. I. М. 1960, стр. 149—152.

[35] См. С. Вишнев. Структурные изменения в экономике западноевропейских стран. «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 7, стр. 38.

Таким образом, мирное сосуществование является объективной необходимостью и для капиталистических стран в силу исторического развития общества и прежде всего в связи с неуклонным ростом могущества лагеря социализма, его влияния на глубинные процессы, происходящие в капиталистическом мире. С этим как раз и не желают мириться апологеты капитализма. Грубо искажая факты, они пытаются объяснить необходимость мирных отношений между государствами различных систем наступлением «равновесия страха»[36]. Распространение идеи мирного сосуществования во всем мире М. Белов, например, объясняет только «развитием военного искусства»[37]. Факты банкротства агрессивной политики империализма в результате роста мощи лагеря социализма, ослабления позиций агрессивных кругов в самом капиталистическом мире реакционные ученые выдают за признаки политического отступления Советского Союза под воздействием империалистической «политики силы» и гонки вооружений.

★

Игнорируя объективные закономерности, обусловившие неизбежность мирного сосуществования двух систем, реакционные историки искажают и тенденции развития отношений между европейскими капиталистическими и социалистическими государствами, а также влияние этих отношений на положение в Западной Европе.

Взаимоотношения европейских капиталистических государств с социалистическими странами, утверждают фальсификаторы истории, будут и в дальнейшем определяться «коммунистическим вызовом»[38]. Исходя из «теории» «равновесия страха», они отмечают, что этот «вызов» не носит характера военной угрозы. «Лично я убежден,—говорил П. Спаак на конференции по проблеме «Европа и современный мир»,— что в ближайшие годы основные черты разделяющего ныне мир конфликта, борьбы между коммунизмом и Западом, будут определяться тем, что эта борьба будет развертываться в экономической и социальной областях». Трактуя таким образом экономическое соревнование и идеологическую борьбу двух систем, Спаак выразил «почти полную уверенность», что «в этой борьбе и в этой конкуренции выиграем именно мы», то есть капитализм[39]. Это заявление одного из видных западноевропейских идеологов империализма наиболее четко формулирует точку зрения, на которой сходятся реакционные авторы работ по истории Западной Европы.

«Почти полная уверенность» Спаака и его единомышленников в способности западноевропейского капитализма успешно соревноваться с социализмом мотивируется ими двояко. С одной стороны, они обосновывают свой оптимизм вымыслами об ослаблении в ходе этого соревнования экономических и политических позиций социализма на международной арене, с другой — «открывают» возможности «оздоровления» западноевропейского капитализма.

Враги социализма сознают, что открытое отрицание успехов в экономическом развитии и научно-технических достижений Советского Союза и других социалистических стран невозможно. Они вынуждены отмечать (но делают это только в отношении Советского Союза), не забывая при этом подчеркнуть свою «объективность», некоторые достижения социалистической экономики и науки, игнорировать которые они просто

---

[36] G. Kennan. Russia, the Atom and the West, p. 52; A. Philip etc. Указ. соч., стр. 68—70.
[37] M. Beloff. Указ. соч., стр. 21.
[38] Там же, стр. 14.
[39] См. A. Philip etc. Указ. соч., стр. 67, 70.

не в силах: быстрые темпы роста промышленного производства, запуск спутников и т. п.[40]. Кое-кто из реакционных ученых признает также, что по уровню своего промышленного развития Советский Союз перегоняет страны Западной Европы и догоняет США. Профессор Лозаннского университета А. Рибан пишет, например, что Западная Европа «определенно отстает в научном и техническом отношениях от Соединенных Штатов, а последние обеспокоены — и с полным основанием — тем, чтобы не оказаться в подобном положении по отношению к СССР»[41]. Реакционные ученые с беспокойством отмечают воздействие, которое оказывает экономический и научно-технический прогресс лагеря социализма на капиталистические, в частности западноевропейские, страны. Достижения Советского Союза, мрачно констатирует М. Алле, «кажется, глубоко повлияли на довольно эмоциональную общественность на Западе и даже деморализовали ее»[42].

Под дымовой завесой «объективности» в сочинениях реакционных ученых далее следует самая беспардонная фальсификация закономерностей развития социалистической экономики. Чаще всего пускается в ход пресловутая теория «затухающей кривой» — о постепенном будто бы замедлении темпов развития в «индустриально зрелом» обществе. «Не похоже на то, что темпы роста в советской экономике будут сохраняться на существующем уровне»[43],— заявляет «знаток» Советского Союза Дж. Кеннан. На таком основании делаются попытки доказать неосуществимость программы экономического развития, намеченной XXI съездом КПСС. «Во всех случаях несомненно,— утверждает, например, М. Алле,— что развитие России неизбежно будет сопряжено со все большими и большими трудностями по мере роста абсолютного объема ее продукции»[44]. Тщетность попытки применить в отношении социалистической экономики несостоятельную теорию «затухающей кривой», выдуманную буржуазными идеологами для маскировки загнивания империализма, препятствующего развитию производительных сил, вполне очевидна.

Пророчества реакционных ученых о грядущем «замедлении» темпов развития социалистической экономики опровергаются самой жизнью. Социализм создает все необходимые условия для непрерывного роста производительных сил. Прирост промышленной продукции в СССР за 1959 г. составил более 11% вместо 7,7% по плану и за первое полугодие 1960 г. более 10% вместо 8,1%[45]. Этот рост представляет собой очевидные признаки того, что семилетний план в Советском Союзе будет не только выполнен, но и выполнен досрочно, что свидетельствует не о «замедлении», а, наоборот, об ускорении темпов развития социалистического хозяйства, обусловленном преимуществами социализма над капитализмом. По объему промышленной продукции на душу населения Советский Союз выйдет к 1965 г. на первое место в Европе и вплотную приблизится к уровню Соединенных Штатов. Более быстрыми темпами, чем в Западной Европе, развивается экономика европейских стран народной демократии[46]. Фальсификаторы истории пытаются замолчать эти неопровержимые факты и путем неуклюжих рассуждений о «замедлении» темпов создать видимость каких-то экономических «затруднений» в Советском Союзе.

---

[40] Там же, стр. 138.

[41] J. Hersch etc. Указ. соч., стр. 66, 67.

[42] M. Allais. Указ. соч., стр. 230.

[43] G. Kennan. Russia, the Atom and the West, p. 3.

[44] M. Allais. Указ. соч., стр. 232—233.

[45] См. «Правда», 16 июля 1960 года.

[46] См. «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». М. 1959, стр. 58—60, а также «Правда», 24 июня 1960 года.

Выдавая желаемое за действительное, кое-кто из реакционных ученых стремится доказать также возможность ослабления под давлением западных держав и внутренних сил политических позиций социалистического лагеря, возникновения в нем «центробежных сил» [47]. В подтверждение этих вымыслов они ссылаются на деятельность ревизионистов, на контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 году.

Несостоятельность подобных расчетов международной реакции давно уже обнаружилась в ходе событий. Разгром империалистической агентуры в Венгрии в 1956 г., подписание московской Декларации Совещанием представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в 1957 г. убедительно продемонстрировали нерушимое единство лагеря социализма. По мере дальнейшего развития социалистических стран их взаимоотношения укрепляются, а социалистическая система еще более сплачивается. Сама природа социалистической системы такова, что она требует все более тесной координации экономического развития социалистических стран и их политического сплочения. Только таким путем возможно их успешное продвижение вперед — к социализму и коммунизму. Враги социализма тщетно надеются видеть социалистические страны разобщенными. События последнего времени, в частности встреча представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Бухаресте в конце июня 1960 г., еще раз показали монолитную сплоченность социалистического содружества. Участники совещания в Бухаресте заявили, что коммунистические и рабочие партии и впредь будут укреплять единство стран мировой социалистической системы [48].

Однако большинство упомянутых выше авторов не возлагает надежды на обанкротившуюся политику «освобождения». Некоторые из них косвенно признают, что общественное развитие социалистических стран происходит независимо от воли и действий правящих кругов капиталистических государств. «Наши возможности повлиять на развитие советского мира малы,— указывает М. Белов,— наши попытки, предпринимаемые в этом направлении, оказываются явно несостоятельными». По его мнению, в настоящее время, «отказавшись расходовать столько нашей энергии в поисках решений проблемы борьбы между коммунистическим и некоммунистическим мирами, которую ошибочно называют борьбой между Западом и Востоком, признав, что эта борьба затягивается на неопределенное время, можно было бы сконцентрировать внимание на наших собственных, более поддающихся решению проблемах» [49].

Та точка зрения, что исход соревнования капитализма с социализмом зависит прежде всего от способности капиталистических стран успешно разрешать их внутренние проблемы, разделяется многими реакционными историками. Борьба против «коммунистической угрозы», по словам Дж. Кеннана, должна вестись по линии решения «внутренних проблем западного общества» с тем, чтобы «обеспечить альтернативу народам, которые стоят на перепутье в Европе, где старые ценности потеряли былое значение» [50]. Наиболее откровенно выразил эту идею П. де Берредо Карнейро. По его мнению, «для Европы лучшее средство подорвать русский коммунизм заключается в том, чтобы обеспечить лучше, чем он, счастье и достоинство пролетарских масс» [51]. Однако

---

[47] См. M. Allais. Указ. соч., стр. 231; C. Black, E. Helmreich. Указ. соч., стр. 748—749; J. Towster. Указ. соч., стр. 261; J. Hersch etc. Указ. соч., стр. 121—122, 141—146.

[48] «Правда», 28 июня 1960 года.

[49] M. Beloff. Указ. соч., стр. 14—15, 21.

[50] G. Kennan. Russia, the Atom and the West, p. 93.

[51] A. Philip etc. Указ. соч., стр. 137.

рекламируемые реакционными учеными пути решения «внутренних проблем западного общества» свидетельствуют о том, что все эти заявления отнюдь не отражают признания необходимости решать вопросы идеологической борьбы путем мирного соревнования в деле наилучшего удовлетворения материальных и культурных запросов народных масс.

Разрешение внутренних проблем западноевропейских стран реакционные ученые мыслят в рамках замкнутого объединения этих государств. Несмотря на разногласия в вопросе о методах такого объединения, они единодушны в утверждениях о его «исторической необходимости».

«Интеграция» в той или иной форме провозглашается апологетами западноевропейского капитализма прямым путем к его «оздоровлению», поскольку источник всех его трудностей и конфликтов заключается, по их утверждению, в несоответствии «между характером наших учреждений и задачами, которые они призваны решать», между интернациональным характером современной экономики и слишком узкими национальными рамками западноевропейских государств. С ликвидацией национальных рамок, пытаются уверить поборники европейской «интеграции», откроется полный простор для прогресса производства, повысится жизненный уровень населения и тем самым будут устранены основы для экономических, социальных и политических конфликтов в Западной Европе[52]. Обойдя, таким образом, вопрос о подлинной причине всех трудностей и конфликтов капитализма — противоречии между современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями,— фальсификаторы истории «открывают» возможность какого-то коренного поворота в развитии западноевропейского капитализма путем ликвидации национального суверенитета западноевропейских стран[53].

«Открыв» путь разрешения противоречий западноевропейского капитализма, фальсификаторы истории в самых оптимистических тонах рисуют и перспективу его соревнования с социализмом. Возникновение и «процветание» «европейского», а затем «атлантического сообщества», пытаются доказать они, позволит «западной системе» продемонстрировать «свое решительное превосходство» перед лагерем социализма[54]. Однако явления, на которые ссылаются реакционные ученые в подтверждение своих прогнозов, отнюдь не свидетельствуют в пользу их утверждений.

В качестве доказательства развития тенденции к пророчествуемому фальсификаторами истории объединению приводится образование Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Расширение «общего рынка» шести стран до рамок НАТО и увенчание его политической надстройкой является, по мнению М. Алле, прямым путем к достижению идеального «атлантического сообщества». М. Алле пытается даже начертать конкретную программу достижения этого идеала апологетов западноевропейского капитализма. Его программа, представляющая, можно сказать, последнее слово буржуазной общественной науки, заслуживает рассмотрения хотя бы потому, что она положена в основу так называемого «Манифеста свободного общества». Обозначенный этим названием документ был подготовлен М. Алле и одобрен в феврале 1959 г. в Париже сборищем в несколько сот реакционных ученых, публицистов и дельцов.

Теоретической основой программы М. Алле являются давно опровергнутые утверждения буржуазных идеологов «неолибералистского»

---

[52] M. Beloff. Указ. соч., стр. 21; M. Allais. Указ. соч., стр. 247.

[53] Подробнее об этом см. В. Б. Княжинский. О фальсификации истории идеологами европейской «интеграции». «Вопросы истории», 1960, № 5.

[54] M. Allais. Указ. соч., стр. 14, 166.

толка и реформистов о том, что государственное регулирование и частичные реформы якобы могут устранять противоречия капитализма[55]. Рекламируя систему «свободного предпринимательства», М. Алле уверяет, что только одно воплощение в жизнь условий договора об «общем рынке» с устранением национальных барьеров якобы приведет к росту объема производства стран-участниц в два раза и повышению жизненного уровня их населения. Эти блага «общего рынка», полагает Алле, обусловят присоединение к нему в дальнейшем остальных западноевропейских стран. Для того, чтобы преодолевать «давление частных интересов» отдельных стран и граждан и обеспечить «честную» конкуренцию, участники объединения, по замыслу Алле, создадут политический орган, «гарантирующий» «свободу потребителя выбирать товары по своему вкусу, свободу производителя выпускать любые продукты, свободу трудящегося избирать род своих занятий и место работы». В результате в Западной Европе якобы возникнет на месте старого капитализма «некий синтез либерализма и социализма», в котором были бы «от либерализма — его техника высокоэффективного управления децентрализованной экономикой, основанной на частной инициативе и конкуренции цен, от социализма — его страстная воля к правде и справедливости, его высокое стремление к улучшению экономической организации путем структурных реформ»[56].

Как видно, общественная система, построенная на основе этого «синтеза либерализма и социализма», означала бы сохранение устоев капитализма и, следовательно, его экономических законов. «Свободное предпринимательство» и «честная конкуренция» на «общем рынке» будут неизбежно сопровождаться анархией производства, ростом концентрации капитала в руках монополий и разорением мелких и средних предпринимателей, обнищанием крестьянства, усилением эксплуатации рабочего класса, обострением всех противоречий капитализма, экономическими и политическими потрясениями. Создание «общего рынка» и связанные с ним структурные изменения в экономике западноевропейских стран могут привести и действительно приводят к некоторому росту производства (на чем усиленно спекулируют апологеты капитализма), но этот рост, во-первых, не означает, что жизненный уровень населения автоматически повышается, ибо в условиях капитализма рост производства ведет прежде всего к обогащению монополий; во-вторых, он не может ослабить противоречий капитализма в Западной Европе, а, наоборот, ведет к усилению конкурентной борьбы и противоречий между капиталистическими странами, к их взаимным столкновениям.

М. Алле, Р. Арон и другие реакционные ученые, рассуждающие о зарождении в Западной Европе «общества умиротворения», где границы между государствами якобы более не являются предметом спора и где осуществляется «классовое сотрудничество»[57], замалчивают основную особенность этого общества — господство монополистического капитала и рост государственно-монополистических тенденций. Именно на базе гигантской концентрации и тесного переплетения финансового капитала шести стран, возрастающего подчинения в них государства монополиям стало возможным возникновение «общего рынка» — международной государственно-монополистической организации. И если бы эта организация увенчалась наднациональной политической надстройкой, как мечтают реакционные ученые, то это не изменило бы существующего в Западной Европе строя со всеми присущими ему антагонизмами, а усилило бы их на более широкой основе.

---

[55] Подробно по этому вопросу см. «Критика современных буржуазных реформистских и ревизионистских экономических теорий». М. 1960, стр. 109—167.

[56] M. Allais. Указ. соч., стр. 19, 20, 53, 122, 130.

[57] См. R. Aron. La société industrielle et la guerre, p. 40 etc.

Даже сами апологеты западноевропейского капитализма, подводя первые итоги заключения договора об «общем рынке», вынуждены констатировать ряд явно не укладывающихся в их схему тенденций. Так, А. Рибан отмечает быстрый рост в 1958—1959 гг. концентрации в промышленности стран ЕЭС, особенно в Западной Германии, обострение противоречий внутри «общего рынка» и подчеркивает в этой связи необходимость «гарантий подчинения частных интересов общим интересам» [58]. Не сбываются и предсказания М. Алле о скором присоединении к «общему рынку» остальных западноевропейских государств. Да и сам он с тревогой пишет об образовании под эгидой Англии конкурирующего с ЕЭС блока семи стран — «Европейской ассоциации свободной торговли», об обострении противоречий государств — участников «общего рынка» (особенно Франции) с Соединенными Штатами, об «отсутствии всякого политического и экономического сотрудничества между странами НАТО» [59].

Отмечая все эти факты, фальсификаторы истории превратно толкуют их как временные, случайные отклонения от общей тенденции к «оздоровлению» западноевропейского капитализма, как результат вполне поправимых ошибок тех или иных правительств или политических деятелей. Они не желают признать, что капитализм в ходе своего развития вполне закономерно порождает подтачивающие его и ведущие к его краху противоречия. Попытки найти выход из этих противоречий путем государственно-монополистических мероприятий, например, решить проблему рынков в Западной Европе путем создания ЕЭС, неизбежно ведут к новому обострению противоречий капитализма. «...Обострение противоречий,— подчеркивал В. И. Ленин,— является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала» [60]. Эту объективную историческую закономерность никак не желают признавать реакционные ученые, тщетно пытающиеся изобрести панацею для западноевропейского капитализма.

В поисках выхода из внутренних противоречий идеологи капитализма ратуют за «сплочение» западных держав перед лицом «коммунистического вызова». «Если каждая страна будет предоставлена сама себе, ни одна из наших стран не сможет выдержать конкуренции и противостоять коммунистическому вызову»,— утверждал П. Спаак на научной конференции в Женеве, проповедуя «объединение Европы» [61].

Уповая на действие лозунга «антикоммунизма», Спаак и его единомышленники намеренно закрывают глаза на то, что неуклонное изменение соотношения сил в пользу социализма в сочетании с его миролюбием все более убеждает общественность западноевропейских стран в отсутствии у социалистических государств каких-либо агрессивных намерений. Это миролюбие империалисты после многочисленных провалов «политики силы» уже не в состоянии объяснять «слабостью» Советского Союза и народно-демократических государств. Рост мощи лагеря социализма неизбежно ведет и к дальнейшему росту заинтересованности деловых кругов капиталистических государств в развитии экономических связей с ним, которым участие в замкнутых блоках может только препятствовать. Огромное воздействие на отношения между капиталистическими государствами будет оказывать развитие отношений между участниками великого социалистического содружества, основанных на уважении национального суверенитета, полном равноправии и представляющих разительный контраст с отношениями господства и подчинения,

---

[58] J. Hersch etc. Указ. соч., стр. 119.
[59] M. Allais. Указ. соч., стр. 163—165, 236, 239 и т. д.
[60] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 286.
[61] A. Philip etc. Указ. соч., стр. 70—71.

характерными для участников империалистических блоков. Успехи социалистических стран в мирном соревновании способствуют активизации сил мира и демократии в странах Западной Европы, росту притягательной силы идей мирного сосуществования и сотрудничества всех европейских государств.

Преодолению противоречий между западноевропейскими государствами и слиянию их в один блок должно способствовать, по мнению реакционных ученых, например, А. Филипа, объединение усилий этих государств в целях совместного «освоения» слаборазвитых стран, бывших или являющихся колониями этих государств. Действительно, распад колониальной системы, значительно ослабляя в ряде западноевропейских государств позиции капитализма, питающегося за счет эксплуатации своих заморских владений, толкает империалистические круги в этих государствах на поиски средств укрепления устоев колониализма. Но в условиях роста могущества социалистических государств и бескорыстной помощи социалистического лагеря народам слаборазвитых стран в укреплении их независимости попытки «коллективного колониализма» терпят поражение и лишь углубляют пропасть между слаборазвитыми странами и империалистическими державами. Отсюда среди капиталистических государств, которых и без того разделяет конкуренция в борьбе за рынки слаборазвитых стран, возникает новый источник разногласий в вопросе о характере политики в отношении этих стран. Эти разногласия отмечает сам же А. Филип [62].

Ликвидация суверенитета будет привлекать, по словам реакционных ученых, западноевропейские страны якобы и тем, что она будто бы явится средством сохранения классового мира и расцвета в них «демократии». «Объединение Европы», представляя «лекарство от недугов нащего времени,— утверждает французский буржуазный историк Робер Арон,— может обеспечить прогресс не методами классовой борьбы, опыт которой показал, что она ведет к анархии или к диктатуре, а путем демократического сотрудничества различных социальных слоев...» [63]. Западноевропейские правящие круги и по этой причине должны-де преодолеть внутренние разногласия. Пророчествуя о положении в мире в 1970 г., американский социолог Дж. Арнольд пишет о «полностью интегрированной и демократизированной Западной Европе», в которой в результате «постоянной трансформации совершенно исключаются политические революции классического типа» [64]. Эта перспектива, по мнению реакционных ученых, должна способствовать «широкому объединению европейских политических сил» в целях создания наднациональных органов власти [65].

Уповая на привлекательность идеала наднациональной европейской власти, апологеты западноевропейского капитализма замалчивают классовый характер такой власти, то, что в ее создании заинтересована лишь верхушка империалистической буржуазии. Процесс концентрации средств производства в Западной Европе в руках горстки монополий, способствующий созданию межгосударственных монополистических объединений, ведет вместе с тем к разорению массы мелких и средних предпринимателей и крестьянства, усилению эксплуатации рабочего класса и углублению антагонизма между верхушкой империалистической буржуазии и громадным большинством населения [66]. Стремление монополий сохранить свое господство путем ликвидации, под флагом создания наднационального государства, национальных демократических институтов,

---

[62] J. Hersch etc. Указ. соч., стр. 228.
[63] R. Aron etc. L'ère des fédérations. Paris. 1958, pp. 31, 36.
[64] G. Arnold. Politics of 1970. «Partisan Review». 1958, № 3, p. 423.
[65] M. Allais. Указ. соч., стр. 131.
[66] См. О. Куусинен. О тенденциях и перспективах современного монополистического капитализма. «Проблемы мира и социализма», 1960, № 4.

которые завоеваны народами Западной Европы в результате многовековой борьбы, встречает возрастающий отпор широких народных масс.

Сговору империалистических монополий Западной Европы в целях подавления демократии под прикрытием посулов о ее «расцвете» в наднациональных рамках противостоит растущее сплочение различных слоев населения западноевропейских стран в борьбе против наступления монополий на жизненный уровень и демократические свободы. Рекламируемый буржуазными идеологами «синтез либерализма и социализма» явно не привлекает массы. В их сознании решение таких проблем, как повышение жизненного уровня, прекращение гонки вооружений и избавление от налогового гнета, разоружение и устранение угрозы войны, все более ассоциируется с социализмом. В условиях, когда капитализм показывает себя неспособным решать жизненно важные проблемы, стоящие перед народами Западной Европы, и когда эти проблемы успешно решаются в соседних социалистических странах, движение против засилья монополий все более приобретает характер борьбы против самих устоев капитализма. Борьба за мир и демократию вполне закономерно перерастает в борьбу за социализм. Как подчеркивалось в Обращении Римского совещания коммунистических партий капиталистических стран Европы ко всем трудящимся, ко всем демократам 25 ноября 1959 г., «с развитием сосуществования и мирного соревнования новые миллионы людей всех слоев могут быть быстрее приобщены к великим идеалам социализма. Коммунисты твердо уверены, что при создавшихся ныне новых условиях большинство народа в каждой из наших стран найдет пути и формы для объединения и для социалистического преобразования общества...»[67]. Ход общественного развития не оправдывает оптимизма ученых апологетов западноевропейского капитализма.

Впрочем, и сами реакционные ученые подчас обнаруживают неверие в свои собственные пророчества. В их книгах проскальзывает неуверенность в выборе, который сделают народы западноевропейских стран, между капитализмом и социализмом в ходе мирного соревнования двух систем. Апологеты капитализма боятся этого соревнования, ибо фактически отрицают за народами право самим определять, какой строй для них является приемлемым. Выражая страх перед возможностью «идеологического захвата» социализмом стран Западной Европы, они заявляют о необходимости для западных держав принять меры по «сохранению политического и территориального статус-кво в Западной Европе». Речь идет о дальнейшей гонке вооружений, укреплении военных блоков и тому подобных мероприятиях с целью обеспечить «равновесие сил» в Европе[68]. Фальсификаторы истории явно полагаются не на силу примера, а на «политику силы».

Страх некоторых реакционных ученых перед перспективой соревнования настолько велик, что они считают необходимым навязать Советскому Союзу предварительные условия «согласия» западных держав на мирное сосуществование. Они домогаются, в частности, идеологических уступок со стороны социалистических государств, требуют «свободного распространения информации» (то есть империалистической пропаганды) в социалистических странах, претендуют на «право» западных держав вмешиваться в дела европейских стран народной демократии[69]. Только на таких условиях, заявляют эти ученые мужи, мирное сосуществование для западноевропейских стран может быть приемлемым. Вполне очевидно, что эти домогательства односторонних уступок со стороны со-

---

[67] «Проблемы мира и социализма», 1960, № 1, стр. 53.

[68] J. Hersch etc. Указ. соч., стр. 153, 177, 183; R. Aron. L'Occident avant la conférence au sommet, p. 6.

[69] H. Rothfels. Указ. соч., стр. 193, 217; M. Allais. Указ. соч., стр. 245—246; G. Kennan. Peaceful Coexistence и др.

циалистических стран, связанные к тому же с посягательствами на их суверенитет, ничего не имеют общего с подлинным мирным сосуществованием государств различных систем.

Будучи не в состоянии в современных условиях открыто отрицать необходимость мирных отношений с социалистическими странами и неизбежность соревнования двух систем, реакционные ученые не хотят вместе с тем признать историческую обреченность капитализма. Поэтому они пытаются спекулировать на мирном сосуществовании, изображая его в виде некой гарантии сохранения капиталистических порядков в Западной Европе, искажая само понятие мирного сосуществования. Однако оно отнюдь не может означать «замораживания» общественных отношений в Западной Европе, о котором мечтают апологеты капитализма. Социалистические государства не вмешиваются во внутренние дела капиталистических стран, в том числе и в общественные отношения внутри этих стран. И если весь ход общественного развития ведет к усилению классовой борьбы в капиталистических странах и к росту симпатий населения западноевропейских стран к идеям социализма, то это является прежде всего результатом обострения внутренних противоречий капитализма в Западной Европе, его неспособности удовлетворять запросы народов.

★

Свыше сорока лет назад В. И. Ленин, отмечая кризис буржуазной исторической науки в эпоху империализма, писал, что ее характеризуют «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями...» [70]. Эту ленинскую характеристику в полной мере можно отнести и к попыткам реакционных ученых — авторов работ по истории стран Западной Европы определить перспективы развития этих стран в условиях мирного сосуществования.

Извращая понятие и сущность мирного сосуществования и измышляя «новые закономерности» развития Западной Европы, ученые апологеты западноевропейского капитализма пытаются доказать недоказуемое: возможность для империалистической реакции повернуть вспять колесо истории в Европе. Развитие противоречий капитализма в Западной Европе углубляет его общий кризис, этот кризис усиливается в результате неуклонного изменения соотношения сил в мире в пользу социализма. Усилия «открыть» возможности «оздоровления» гниющего европейского капитализма и остановить победное шествие социализма тщетны. Как отмечал в одном из своих выступлений во Франции Н. С. Хрущев, «историю делают не историки, они ее описывают, регистрируют то, что исторически складывается» [71]. Попытки реакционных ученых игнорировать исторически складывающиеся явления не могут повлиять на неудержимый ход истории.

Жизнь опровергает теоретические построения фальсификаторов истории, стремящихся доказать в угоду империалистическим кругам западноевропейских стран и США возможность превратить Западную Европу в оплот реакции, цепляясь за агрессивную политику НАТО. Все более широкие слои населения Западной Европы приходят к выводу о том, что стоящие перед ними проблемы не могут решаться путем создания замкнутых империалистических блоков и гонки вооружений. Это был вынужден констатировать даже ревностный поборник «атлантической» политики М. Белов, указывая на «трудности убедить широкие слои нашего

---

[70] В. И. Ленин. Соч. Т. 20. стр. 179.
[71] «Правда», 30 марта 1960 года.

населения в том, что Атлантическое сообщество или Объединенная Европа... открывают непосредственные возможности создать общие учреждения и решать действительно общие проблемы»[72].

Заинтересованность в этой политике только наиболее авантюристических элементов западноевропейской империалистической буржуазии разоблачается в Западной Европе всеми, кому дороги национальные интересы своих стран. Реакционные вымыслы о необходимости «сплочения» Западной Европы против социалистических государств опровергаются учеными-патриотами. «Смешно говорить о возможности проведения общей внешней политики шестью членами так называемой «Малой Европы», когда западногерманское правительство строит заговоры против Франции...,— писал известный французский ученый Бернар Лавернь.— Будущее принадлежит мирному сосуществованию между двумя группировками и разоружению в интересах всеобщего мира»[73]. Самый ход развития событий убеждает широкие круги общественности стран Западной Европы в объективной необходимости мирного сосуществования, в целесообразности решения неурегулированных международных проблем путем переговоров, когда все заинтересованные стороны в равной степени идут навстречу друг другу и никто не требует от другого того, что затрагивало бы основы его общественного строя, его идеологии, суверенитета того или иного государства.

Что касается Советского Союза, то, как отмечал глава советского правительства Н. С. Хрушев в выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «народы Советского Союза, Советское правительство неизменно стремятся к тому, чтобы в отношениях между государствами полностью утвердились принципы мирного сосуществования, чтобы эти принципы стали основополагающим законом жизни всего современного общества. За этими принципами скрывается не какой-то «подвох», изобретенный коммунистами, а простые, диктуемые самой жизнью вещи, а именно, что отношения между всеми государствами должны развиваться мирным путем, без применения силы, без войн, без вмешательства во внутренние дела друг друга»[74].

---

[72] M. Beloff. Указ. соч., стр. 19.
[73] «L'Année politique et économique», № 153, février 1960, p. 70.
[74] «Правда», 24 сентября 1960 года.

АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЛИТИКЕ США В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ в 1917—1920 годах

А. Е. Кунина

Растущая популярность Советского Союза и его мирной политики среди простых людей всего мира вызывает противодействие со стороны правящих кругов США, которые заинтересованы в продолжении и углублении «холодной войны». Их агрессивные намерения вновь с полной очевидностью обнаружились в связи с вторжением американских военных самолетов-разведчиков на советскую территорию. Эти грубые военные провокации предпринимаются американскими агрессивными кругами с целью накалить международную атмосферу и вернуться к худшим временам «холодной войны».

Разжигание империалистическими кругами США «холодной войны» сопровождается активизацией идеологической борьбы. Усилия идеологов реакционной буржуазии направлены на то, чтобы, с одной стороны, защитить обреченный историей на гибель капиталистический строй и, в частности, оправдать агрессивные действия США, с другой — дискредитировать Советский Союз, прокладывающий человечеству путь к коммунизму. «В капиталистических странах,— отмечал Н. С. Хрущев,— вся пропагандистская машина — пресса, радио, телевидение — пущена в ход с целью обмануть людей, запутать их, представить сложившуюся ситуацию в извращенном виде. День и ночь эта пропаганда трубит, будто агрессивные действия американской военщины совсем не такая страшная вещь, как об этом заявляет Советский Союз» [1].

Большая роль в идеологической борьбе отводится буржуазной историографии, призванной снабжать реакционную пропаганду «историческими аргументами», которые оправдывали бы нынешнюю агрессивную политику правящих кругов США. В современных условиях историография стала одним из поприщ, на котором буржуазия, напуганная неумолимым ходом истории, развернула борьбу против марксистско-ленинской науки, раскрывающей объективный характер законов общественного развития и указывающей неизбежность падения господства буржуазии и победу нового, социалистического строя. Эта деятельность идеологов империализма проявляется как в виде открытой фальсификации и клеветы на марксизм при изложении исторических фактов, так и в более замаскированной форме, которая становится основной в условиях возрастающего с каждым днем международного авторитета Советского Союза и его все усиливающейся настойчивой борьбы за мир.

Пухлые тома исторических «исследований», прикрытые оболочкой наукообразности, служат интересам тех, кто, выражаясь словами Н. С. Хрущева, хочет «распространять всякого рода реакционные, человеконенавистнические идеи, хочет как-то опорочить марксистско-ленинские идеалы, защитить свой прогнивший империалистический строй» [2]. Много таких «произведений» выбрасывается на книжный рынок США.

---

[1] «Правда», 29 мая 1960 года.
[2] «Правда», 11 октября 1959 года.

★

Пересмотреть историю советско-американских отношений с точки зрения нынешних политических целей американского империализма — такова задача, которую ставят перед собой не только авторы специальных работ, посвященных этому вопросу, но также и создатели общих книг по истории СССР, издающихся в США в большом количестве [3].

Крупнейшей вехой в истории человечества явилась Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эры — эры торжества социализма и коммунизма. Как бы враждебно ни относились буржуазные историки к этому величайшему событию в истории человечества, обойти его они не могут. От грубой клеветы или замалчивания значения Великого Октября, как это делалось раньше, они вынуждены перейти к более замаскированным методам фальсификации.

К ним прибегают и авторы книг, посвященных политике США в отношении Советской России в период 1917—1920 гг., изданных на протяжении последних пяти-шести лет. Сюда относятся книги Уорта, Браудера, Унтербергера и др. [4]. Первое место среди них, бесспорно, принадлежит Джорджу Кеннану, написавшему два тома задуманной им трилогии («Россия выходит из войны» и «Решение об интервенции»), которые рецензировались в нашей печати [5]. Ниже мы вновь остановимся на них, потому что, судя по новейшим книгам, посвященным этим вопросам, а также по журнальным статьям, опубликованным в США, работа Кеннана является своего рода эталоном для американских историков [6].

Какие цели преследует реакционная американская историография при изучении данного вопроса, наглядно показывает подготовляемая издательствами США «источниковедческая база» в виде переизданных в 1958 г. дневников Троцкого, воспоминаний Врангеля и тому подобных антисоветских измышлений [7].

Авторы прежних и новых «исследований» интересующего нас периода не хотят дать действительно объективной оценки Великой Октябрьской социалистической революции. Они выступают против того неоспоримого факта, что Октябрь выражал чаяния народа, что он представлял собой историческую закономерность, подготовленную всем предшествующим развитием истории. Вместо этого они пишут об ошибках, промахах, упущениях империалистических держав и белогвардейской контрреволюции, пытаясь таким образом объяснить причины падения режима, существовавшего в России до октября 1917 года. По мнению реакционных американских авторов, немаловажной причиной победы Великой Ок-

---

[3] G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven. 1958; W. Walsh. Russia and the Soviet Union. Ann Arbor. 1958; M. Karpovich. A Lecture on Russian History. Mouton Gravenhage. 1958; J. Gunther. Inside Russia To-day. New York. 1958; M. Wren. The Course of Russian History. New York. 1958; D. W. Treadgold. 20th Century Russia. Washington. 1959.

[4] R. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham. 1954; R. Browder. The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton. 1953; B. Unterberger. America's Siberian Expedition. 1918—1920. Durham. 1956; J. S. Curtiss. The Russian Revolution of 1917. Princeton. 1957.

[5] G. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton. 1956; его же. The Decision to Intervene. Princeton. 1958. Рецензии на эти книги см. «Вопросы истории», 1957, № 8; «История СССР», 1957, № 1; «Новая и новейшая история», 1958, № 4; «Коммунист», 1958, № 13.

[6] C. Jay Smith. Finland and the Russian Revolution 1917—1922. Athens. 1958; O. H. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolution. Feb. to Oct. 1917. New York. 1958; Sister Anne Meiburger. Efforts of Raymond Robins toward the Recognition of Soviet Russia and the Outlawry of War 1917—1933. Washington. 1958; Claude E. Fike. The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations. 1917—1919. «Journal of Modern History» June 1959, № 2.

[7] См., например, General Wrangel. Always with Honour. New York. 1958

тябрьской социалистической революции явилась будто бы недостаточная поддержка, оказанная Временному правительству Англией, Францией и особенно США. Будучи не в состоянии скрыть свою досаду по поводу недолговечности буржуазного Временного правительства, они видят причину его падения в ими же выдуманном «нежелании» правящих кругов США вмешиваться в русские дела.

Наиболее отчетливо эта точка зрения проявилась в книге Джорджа Кеннана «Россия выходит из войны», ставшей, как отмечалось выше, эталоном для американских «исследователей» этого вопроса [8]. Он обвиняет правительство Соединенных Штатов и официальных американских представителей в России во множестве допущенных ими «ошибок». С раздражением он пишет о том, что политика в отношении правительства Керенского была «недальновидной», «неэффективной» [9]. Американские миссии Рута и Стивенса, посланные в Россию летом 1917 г. для оказания поддержки Временному правительству, потерпели «жалкую неудачу». Что же касается официальных лиц, то они, по утверждению Кеннана, были совершенно некомпетентны в русском вопросе. Президент США Вильсон, заявляет Д. Кеннан, не был сведущ в русских делах, с государственным секретарем Лансингом, который разбирался в этом вопросе лучше него, он не считался. Посол США в России Френсис оказался «старым джентльменом» со странностями, несведущим в дипломатических делах [10]. В американском посольстве в Петрограде, как пишет Кеннан, царила неразбериха, велись интриги, не было налаженной связи с Вашингтоном.

Все эти «трагические обстоятельства», утверждает Кеннан, привели к тому, что США не смогли оказать должной и своевременной поддержки Керенскому. Вследствие непростительных «ошибок» правительства США Керенскому не удалось удержаться у власти и сохранить Россию как воюющую державу. Бессмертный исторический подвиг рабочих и крестьян России, которые под руководством Коммунистической партии своей героической борьбой вырвали страну из грабительской империалистической войны, а затем вывели ее на дорогу невиданного прогресса и расцвета,—этого Кеннан не хочет признать. Он видит лишь роковые «ошибки» США. Произошла «полная катастрофа», пишет Кеннан, в результате которой «бразды правления» в России были «захвачены» большевиками [11]. Такими и подобными им выражениями пользуется Кеннан, описывая победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще в 1919 г. американский коммунист Джон Рид в своей замечательной книге «10 дней, которые потрясли мир» остроумно высмеял клевету о «большевистской авантюре». «После целого года существования Советской власти,— писал он,— все еще модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантюр, на какие когда-либо осмеливалось человечество,— авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и высоких стремлений» [12].

Об ошибочности политики союзников, и в частности США, в отношении Временного правительства пишет американский историк Уорт в изданной им в 1954 г. книге «Союзники и русская революция», которая охватывает период от Февральской революции до заключения Брест-Ли-

---

[8] После выхода в свет сочинения Кеннана ни одна из книг или статей, посвященных русско-американским отношениям в 1917—1920 гг., не обходится без ссылок на него. Опубликованная в июньском номере за 1959 г. журнала «The Journal of Modern History» статья К. Файка, посвященная начальному периоду советско-американских отношений, вся испещрена ссылками на Кеннана.

[9] G. Kennan. Russia Leaves the War, pp. 12, 26.

[10] Там же, стр. 22, 38, 116.

[11] Там же, стр. 26.

[12] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957, стр. 13.

товского мира [13]. Подобно Кеннану, хотя и в более завуалированной форме, Уорт стремится подвести читателя к уже известному нам выводу. По мнению Уорта, правительство Соединенных Штатов допустило ошибку, назначив послом такого «посредственного», «ограниченного» человека, как Френсис, который был «неплохим бизнесменом», но совершенно не разбирался в русских делах. Ошибочно было и назначение Рута главой американской миссии в Россию: следовало назначить «более либерально настроенного человека», указывает Уорт. По его мнению, не нужно было одновременно с миссией Рута посылать в Россию железнодорожную миссию Стивенса, ибо эти люди не ладили между собой, что приводило ко всяческим недоразумениям. Рут, считает Уорт, выдвинул неплохие предложения об организации пропагандистской кампании против большевиков, но осуществление этих предложений вашингтонское правительство затянуло до тех пор, пока они практически стали бесполезными. Уорт утверждает, что госдепартамент, будучи неправильно информирован Френсисом и Рутом, переоценивал устойчивость правительства Керенского и не принял более решительных мер для его спасения. По мнению автора, президент Вильсон со свойственной ему приверженностью к общим декларациям идеалистического толка своевременно не поддержал предложение главы миссии «Американского Красного Креста» Томпсона о широком финансировании эсеровской пропагандистской кампании, возглавлявшейся Брешко-Брешковской. Когда Вильсон, якобы не желавший считаться с реальной опасностью большевизма и возможностью выхода России из войны, дал наконец согласие на отправку пропагандистской миссии во главе с Сиссоном, то было уже поздно. «Ко времени прибытия Сиссона,— пишет с иронией Уорт,— большевики уже три недели находились у власти» [14].

Эта версия подробнейшим образом развивается в статье К. Файка «Влияние Комитета Крила [15] и Американского Красного Креста на русско-американские отношения в 1917—1919 гг.» [16]. Здесь опять фигурирует то же «случайное» стечение обстоятельств, будто помешавшее американскому правительству заняться как следует русскими делами и «предотвратить» победу Октябрьской революции. Все внимание Вашингтона, оказывается, было поглощено мировой войной. В результате же «вводящих в заблуждение» донесений Рута, Френсиса и других официальных лиц в правительстве понятия не имели о том, что происходит в России. «Вашингтон,— пишет Файк,— был не подготовлен и недоверчив» к сообщениям о надвигавшейся революции в России. При этом вслед за Кеннаном, Уортом и др. Файк предумышленно замалчивает активнейшую, не прекращавшуюся ни на один миг борьбу США, Англии и Франции против назревавшей социалистической революции.

Файк идет даже дальше Кеннана, утверждая, что ввиду «бездеятельности» и «некомпетентности» американских официальных лиц в России — посла Френсиса, военного атташе Джадсона и др.— их функции были незаконно узурпированы «неофициальными» лицами — Сиссоном, Буллардом, Томпсоном и др., которые будто бы действовали по собственному усмотрению, без ведома и даже против желания Вашингтона.

Эта версия не соответствует действительности. Упоминаемые Файком так называемые «неофициальные» лица были в действительности официальными представителями США: Эдгар Сиссон являлся заместителем начальника американского Комитета общественной информации и был направлен в Россию по распоряжению Вильсона; Артур Буллард возглавлял русский филиал Комитета общественной информации.

---

[13] R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution.
[14] Там же, стр. 30—31, 98, 100, 106, 139, 147.
[15] Комитет общественной информации, созданный в США весною 1917 года.
[16] «Journal of Modern History», June 1959, № 2, pp. 93—109.

Итак, аргументация, к которой прибег Кеннан, теперь доводится до своего логического конца: оказывается, пока Вашингтон и «некомпетентные» официальные лица «бездействовали», все дела взяли в свои руки «неофициальные», никем не уполномоченные лица; на них, следовательно, якобы и падает вся ответственность за антисоветские действия американского правительства. Если в отдельных случаях, пытаются нас уверить американские историки, президент США принимал недружелюбные по отношению к Советской России решения, то это происходило исключительно по вине этих самых «неофициальных» лиц, советам которых он следовал за неимением компетентных официальных донесений от Френсиса.

Надо ли говорить о том, что авторы «критической» версии напрасно изливают желчь на Вильсона, Лансинга, Френсиса, Рута и на так называемых «неофициальных» лиц типа Сиссона и Томпсона, обвиняя их в тех или иных ошибках. Совершенно очевидно, что они действовали не по собственному усмотрению, а выполняли волю американских монополий. Они делали все, что было в их силах, чтобы помешать рождению нового, социалистического строя, ознаменовавшего конец господства капиталистической системы в России.

Чтобы убедиться в этом еще раз, достаточно перелистать мемуары Френсиса, документы из личного архива Лансинга, воспоминания Эдгара Сиссона (чьим именем была названа самая возмутительная фальшивка, которую когда-либо знала история,— так называемые «документы Сиссона»), материалы овермэновской комиссии и другие «документы» и свидетельства того времени.

Взять, к примеру, мемуары американского посла в России Френсиса [17]. С первой до последней страницы они источают злобную, непримиримую ненависть к Октябрьской революции и советскому правительству. Френсиса можно упрекнуть в чем угодно, но не в бездеятельности и в недостатке ненависти к русской революции. Хотя он и в самом деле был «старым джентльменом», но его возраст ни в коей мере не отразился на той энергии, которую он проявил в борьбе против социалистической революции, действуя по прямым указаниям госдепартамента. В этом никаких сомнений быть не может. Помимо подкрепленного документами [18] признания самого Френсиса о том, что проводившийся им курс «встречал одобрение департамента, который не считал нужным его менять» [19], сам факт, что Френсиса оставили на ответственнейшем посту американского посла в России на протяжении двух революций и периода военной интервенции, говорит о том, что все его действия вполне удовлетворяли правительство США. Более того, правительство США, ни на минуту не терявшее надежду на свержение Советской власти и восстановление капитализма в России, даже после возвращения Френсиса в США сохранило за ним должность посла в России [20]. Таким образом, Френсис с достаточным усердием выполнял наказ своего правительства. Не менее «добросовестно» действовали другие официальные и «неофициальные» лица, не говоря уже о самом президенте Вильсоне, внешняя политика которого носила ярко выраженный антисоветский характер.

---

[17] D. R. Francis. Russia from the American Embassy (April, 1916 — November, 1918). New York. 1921.

[18] В письме к сыну от 1 октября 1918 г. Френсис сообщал о полученной им от госдепартамента телеграмме (26 сентября 1918 г.) следующего содержания: «Проводимый Вами курс встречает самое серьезное одобрение. Он пользуется полным сочувствием президента, который охарактеризовал этот курс, как вполне американский» (D. R. Francis. Указ. соч., стр. 288).

[19] Там же, стр. 212.

[20] Хотя с 26 апреля 1919 г. я перестал получать жалованье в качестве посла, вспоминает Френсис в своих мемуарах, «меня все время держали в готовности для возвращения в Россию в качестве американского посла в случае установления там стабильного правительства» (что на языке Френсиса означало, разумеется, капиталистического правительства. Там же, стр. V).

«Критический» подход проявляется определенными американскими авторами и в отношении ряда других вопросов, связанных с историей Великой Октябрьской социалистической революции. Показательна в этом отношении книга Джея Смита «Финляндия и русская революция (1917—1922)», изданная в 1958 году. Продолжая поиски «ошибок» в духе Кеннана, Уорта и др., автор утверждает, что основная погрешность союзников состояла в том, что они не сосредоточили усилия на «спасении» от большевиков национальных окраин России. «Главная ошибка состояла в том, что не было сделано попытки спасти то, что можно было спасти»,— пишет он. Начисто игнорируя борьбу рабочего класса и трудового крестьянства во главе с Коммунистической партией за утверждение Советской власти на местах против белогвардейцев и буржуазной националистической контрреволюции (Центральной рады на Украине, атамана Каледина на Дону и др.), которых, кстати сказать, союзники активно поддерживали, Смит пытается доказать, что Октябрьская революция победила якобы лишь потому, что союзники «не догадались» отрезать центральную часть России от периферии! [21].

Подобная «критика» преследует цель скрыть активную роль США в поддержке внутренней контрреволюции. Таким путем, в частности, замазывается вопрос о помощи, оказанной правительством США Каледину. Кеннан, например, досадует на Френсиса, а также американских консулов Пуля и Смита за то, что они своими «преувеличенными» сообщениями будто бы вводили в заблуждение государственный департамент относительно сил Каледина. Данным обстоятельством объясняется то, утверждает Кеннан, почему Вашингтон согласился оказать некоторую помощь Каледину, действуя через посредство Англии и Франции, хотя это-де и противоречило общей позиции США. Подобная «незначительная» помощь Каледину была вызвана будто бы недоразумением, неправильными сведениями, поступавшими от американских представителей в России [22]. Что касается официальной позиции США, заявляет Смит, то они якобы придерживались политики «внимательного выжидания»; активно поддерживали Каледина лишь Англия и Франция. «Официальное отношение США к советскому режиму, в целом менее враждебное, чем отношение к нему Англии и Франции,— пишет, вопреки истине Уорт,— характеризовалось политикой непризнания, но вместе с тем и (девизом) «руки прочь» [23]. В соответствии с этой официальной политикой, отмечает далее Уорт, американские представители, мол, не вмешивались во внутренние дела России, а «позволяли» (!) русскому народу самому «спасти себя». Помощь, оказанная Каледину, была, оказывается, «случайным исключением» из этой общей политики, вызванная опрометчивыми поступками отдельных лиц.

Между тем достоверно известно, что правительство США оказало поддержку Каледину, причем поддержку весьма активную, не в результате «ложной информации», а в соответствии с общим антисоветским направлением своей политики, обусловленной классовой ненавистью к молодому пролетарскому государству.

В меморандуме от 10 декабря 1917 г. государственный секретарь Лансинг отмечал, что «если большевики останутся у власти, нам абсолютно не на что надеяться», и в связи с этим наметил программу поддержки Каледина, которого считал «единственным видимым ядром организованного движения, достаточно сильным для того, чтобы заменить большевиков...» [24]. В соответствии с этой программой Каледину был

---

[21] C. Jay Smith. Finland and the Russian Revolution. 1917—1922. Athens. 1958, p. 215.

[22] G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 190.

[23] R. Warth. Указ. соч., стр. 185.

[24] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers». Vol. II, pp. 343—344.

втайне предоставлен крупный американский заем. Непосредственную поддержку оказывали Каледину консулы Пуль и Смит, действуя отнюдь не из собственных побуждений, а по прямым директивам из Вашингтона [25].

Таким образом, под видом поисков «ошибок» американской дипломатии фактически совершается фальсификация истории. Кеннан и другие историки задним числом предъявляют претензии правительству США для того, чтобы обелить политику последнего. На деле проводится знакомая по реакционной буржуазной литературе прошлых лет мысль о том, что у правящих кругов Соединенных Штатов, якобы исполненных доброжелательства к русскому народу, не было определенной политики в русском вопросе, что президент Вильсон будто бы колебался и поэтому бездействовал. «Пассивность» правительства США, не принявшего-де своевременных мер для поддержки Временного правительства, и привела к падению последнего. Следовательно, в субъективных «ошибках» американской дипломатии, а не в объективной закономерности исторического процесса буржуазные авторы усматривают причины падения Временного правительства и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Невольно возникают вопросы: зачем понадобилось американским историкам такое новое «критическое» изложение событий? Да и является ли оно действительно новым? Чем отличается оно от трактовки советско-американских отношений в буржуазной литературе прежних лет?

Вспомним, как освещались советско-американские отношения в работах западных реакционных историков 20—30-х годов. В то время, когда правящие круги США проводили враждебную Советскому Союзу политику, реакционная буржуазная историография стремилась скрыть подлинные факты о первом в мире государстве рабочих и крестьян. Значение Великой Октябрьской социалистической революции замалчивалось или искажалось, политика Коммунистической партии и советского правительства извращалась, американское вмешательство в русские дела представлялось как «помощь» Советской России, а США изображались как бескорыстный друг русского народа.

Книга социалиста-ренегата Джона Спарго «Россия как американская проблема», изданная в Нью-Йорке в 1920 г., была посвящена русско-американским отношениям. Автор изображал их в следующем виде: «С самого начала правительство США проявляло искреннюю и глубокую дружбу к революционной России... Не может быть никакого сомнения, что Америка во всех случаях руководствовалась искренним желанием помочь России... Именно в порядке дружественных отношений была направлена в Россию миссия Стивенса для оказания помощи в налаживании железнодорожной системы. В этом же духе были задуманы другие планы оказания помощи России путем предоставления ей капитала и посылки специалистов для улучшения ее экономической жизни» [26]. О «невмешательстве» США в дела России, о «помощи» русскому народу писал и другой американский автор, М. Дейвис, в изданной им в 1920 г. книге «Открытые ворота в Россию». «Американское отношение,— отмечал он,— создавало впечатление об искреннем нежелании вмешиваться в русские политические дела» [27].

---

[25] Казалось бы, что это само собой разумеется. Между тем американские историки, и в частности Кеннан, настойчиво пытаются внушить читателю мысль о том, будто бы действия и рекомендации американских официальных лиц в России сплошь и рядом выражали всего лишь «личную точку зрения» отдельных «низших чинов», за которую правительство США не несет никакой ответственности (см. G. Kennan. Soviet Historiography and America's Role in the Intervention. «American Historical Review». January 1960, p. 307).

[26] J. Spargo. Russia as an American Problem. New York. 1920, p. 242.

[27] M. Davis. Open Gates to Russia. New York. 1920.

Лейтмотив о бескорыстной «помощи» США русскому народу в период до октября 1917 г. был преобладающим и в литературе последующих лет (не считая, разумеется, откровенно клеветнических сочинений). В таком духе писали в 1924 г. А. Деннис в книге «Внешняя политика Советской России»[28] и в 1944 г. Фостер Р. Даллес (известный исследователь дальневосточной политики США) в книге «Дорога в Тегеран»[29]. Политический смысл этой укоренившейся в течение многих лет в американской реакционной буржуазной историографии версии о «помощи» состоит в том, чтобы скрыть подлинные факты об активном вмешательстве США во внутренние дела России, о лихорадочном стремлении американских монополий любыми средствами поддержать буржуазно-помещичье Временное правительство и воспрепятствовать рождению подлинно народного государства рабочих и крестьян. До последних лет эта версия без существенных изменений повторялась во многих книгах, в той или иной мере затрагивающих историю советско-американских отношений. Зачем же в 50-х годах понадобилась новая «критическая» версия, согласно которой правительство США, якобы будучи введено в заблуждение своими недостаточно компетентными представителями, плохо помогало русскому народу, бездействовало, неоперативно откликнулось на происходившие в России революционные события и тем самым не смогло спасти от гибели «истинно демократическое» правительство Керенского?

Это свидетельствует об обострении идеологической борьбы, о попытках новыми средствами дискредитировать величайшее историческое событие нашего времени — Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Авторы «новых исследований» советско-американских отношений сосредоточивают внимание на отдельных «ошибках» американской политики, которые якобы и подготовили почву для победы социалистической революции. Не будь этих ошибок и промахов, не было бы и Октябрьской революции — таков новый прием, к которому прибегают фальсификаторы истории.

Нельзя отрицать, что «новый» метод освещения советско-американских отношений политически выгоден американскому империализму. Таким путем делается попытка одним выстрелом убить двух зайцев: отрицать историческую закономерность социалистической революции, объявив ее «случайностью», и фальсифицировать историю, скрывая за «ошибками» отдельных лиц активную контрреволюционную роль США.

Реакционные буржуазные идеологи, извращая историю, пытаются найти оправдание нынешнему политическому курсу правящих кругов США, направленному на усиление политики «холодной войны». Главный их удар направлен против ленинской политики мирного сосуществования, неуклонно проводимой советским правительством с первого дня его возникновения.

Восхваляя «миролюбие» США, реакционные буржуазные исследователи тщатся опорочить подлинно миролюбивую политику Советского Союза, представить его курс на мирное сосуществование как некий временный маневр. Они отрицают тот непреложный факт, что стремление к войне органически чуждо социалистическому государству. Так, Джордж Кеннан называет «извращением истории» бесспорную истину, неустанно повторяемую советскими руководителями о том, что приверженность к миру «неизбежно вытекает из характера социальной и политической системы, существующей в Советском Союзе». Он заявляет, что «советская позиция в таких вопросах (то есть в коренных вопросах внешней политики.— *А. К.*) стала иной», что она якобы «нуждалась в изменении для того, что-

[28] A. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. New York, 1924.
[29] F. R. Dulles. The Road to Teheran. Princeton. 1944.

бы отвечать требованиям мирного сосуществования в той форме, в какой определяет их г-н Хрущев» [30].

Именно подобные измышления буржуазных идеологов имел в виду Н. С. Хрущев, когда он заявлял: «На Западе кое-кто говорит, что Советский Союз будто бы изменил свою политику и поэтому с нами стало легче разговаривать. Это, конечно, неправильно...

Говорят еще, что Советский Союз выдвинул лозунг сосуществования только сейчас. Это тоже, разумеется, неправильно. Этот лозунг выдвинул Ленин, и мы гордимся тем, что именно великий Ленин — вождь коммунизма выдвинул этот лозунг!.. Мы горды тем, что всегда действовали и действуем так, как учил нас Ленин, который первым провозгласил этот лозунг!» [31].

Представители реакционной американской историографии, стремясь дискредитировать советскую политику мирного сосуществования, пытаются «по-новому» трактовать отношение США к внешней политике советского правительства в 1917 году. Как известно, много лет в ходу была основанная на пресловутой фальшивке, состряпанной американским правительством («документах Сиссона»), клевета о том, что большевики — германские агенты, и потому они пошли на заключение сепаратного мира с Германией [32]. Для новой трактовки характерно вынужденное признание Кеннаном и некоторыми другими американскими историками того факта, что к миру страстно стремился русский народ. В то же время они утверждают, что политика США, Англии, Франции, добивавшихся продолжения участия России в войне, являлась чьей-то «вздорной выдумкой» [33], способствовавшей победе социалистической революции. «Возникает вопрос,— пишет Кеннан,— не ускорили и не облегчили ли правительство США... и союзники падение Временного правительства тем, что настаивали на продолжении Россией войны и ставили свою поддержку ему в зависимость от этого» [34].

По сути дела, то же утверждает Уорт: «В существующих условиях заключение мира было логичным и необходимым. Перед союзниками стоял выбор: с хорошей миной примириться с ним или бороться против него и тем самым оттолкнуть от себя русский народ» [35].

Эти запоздалые сетования преследуют вполне определенную политическую цель. Во-первых, делается попытка скрыть истину о том, что в конкретных исторических условиях 1917 г. буржуазное Временное правительство не могло по своей классовой сущности проводить иную политику, кроме политики войны. Что касается правительства США, то оно было заинтересовано в затягивании войны (в которую Соединенные Шта-

---

[30] «Foreign Affairs», January 1960.

[31] «Правда», 18 ноября 1959 года.

[32] Несмотря на свою «критическую» позу, Кеннан и иже с ним фактически не отказываются от этой клеветнической версии. Разбору «документов Сиссона» в своей книге «Russia Leaves the War» он посвящает целую главу, а также статью в «Journal of Modern History» (т. XXVIII, № 2, июнь 1956). Извлекая эту стряпню из мусорной ямы истории, Кеннан вынужден подтвердить, что «документы Сиссона» — действительно фальшивка. Однако Кеннан отвергает «документы Сиссона» не за то, что они фальшивы, а за то, что это слишком грубая фальшивка. Подтекст его рассуждений таков: «То, что большевики находились на содержании у немцев, не подлежит сомнению, но надо это доказать более умело». В этом ему услужливо помогают английские историки из Оксфордского университета, которые выпустили в свет под редакцией некоего Земана и при активном содействии белоэмигранта Каткова сборник документов «Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry». Edited by Z. A. B. Zeman. London. Oxford University Press. 1958. Цель сборника, в котором главное место отведено разоблаченному еще В. И. Лениным меньшевику Парвусу, доказать связи большевиков с кайзеровским правительством.

[33] G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 24.

[34] Там же, стр. 23.

[35] R. Warth. Указ. соч., стр. 188.

ты вступили только 6 апреля 1917 г.) с тем, чтобы истощить другие страны и извлечь из войны максимальные выгоды. Во-вторых, путем мнимой критики действий правительства США делается попытка скрыть реальные факты о предпринятых им лихорадочных усилиях удержать Россию в состоянии войны, и, что особенно важно, приуменьшить провал этих усилий, приведший к крушению далеко идущих планов американского империализма в первой мировой войне. В-третьих, и это самое главное, «критика» правительства Вильсона пускается в ход американскими историками для дискредитации мирной политики советского правительства. Это делается по следующему рецепту: только руководители правительства США владели якобы секретом подлинно демократического мира в интересах русского народа, но они по своей политической близорукости и негибкости «не догадались» перейти от слов к делу.

Особую активность в этом направлении проявляет Кеннан, который подвергает обстрелу ленинский Декрет о мире. С нескрываемым раздражением Кеннан называет Декрет о мире «резко враждебным актом» по отношению к союзникам [36]. Он утверждает, что будто бы только из-за этого декрета, который большевики положили в основу своей внешней политики, возникла враждебность капиталистических стран к Советскому государству. Если бы не было такого документа, заявляет Кеннан, то, «возможно, западные страны с большей готовностью постарались бы вникнуть в глубокие социальные и политические причины успеха большевиков» [37].

Итак, по Кеннану, ответственность за враждебные отношения, сложившиеся в течение ряда лет после Октябрьской революции между Советской Россией и капиталистическими государствами, несут, оказывается, не последние, а большевики, которые своим Декретом о мире, обеспечившим выход России из войны, якобы оттолкнули от себя западные страны. Эта клевета на Декрет о мире, открывший новую эпоху в международных отношениях, заложивший основу советской политики мирного сосуществования, и является, следовательно, той «мудростью», которую протаскивают Кеннан и иже с ним под видом «критики» действий американского правительства.

Картина, которую рисуют американские историки, не имеет ничего общего с историческими фактами. Провозглашая Декрет о мире, советское правительство предлагало всем народам и правительствам воюющих стран немедленно заключить демократический мир без аннексий и контрибуций. Это было не фразерство о демократическом мире, к которому прибегали президент Вильсон, Ллойд-Джордж и иные деятели капиталистических держав и которое В. И. Ленин заклеймил как «буржуазное лганье» [38]. Это был мир на деле, конкретное предложение советского правительства о прекращении империалистической бойни.

Какие же «оскорбительные» для империалистических держав моменты усматривают историки типа Кеннана в Декрете о мире? Во-первых, декрет содержал обращение к народам воюющих стран; во-вторых, он провозглашал необходимость ликвидации колониализма, и, в-третьих, этот документ якобы нарушил принятое Россией в 1914 г. обязательство не заключать сепаратного мира.

Возмущение реакционных буржуазных историков по поводу того, что Декрет о мире содержал обращение не только к правительствам воюющих стран, но и к народам, с головой выдает их классовые устремления. Известно, что капиталисты заинтересованы в политической слепоте народа. Но Советская власть придерживается диаметрально противопо-

---

[36] G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 75.
[37] Там же, стр. 76.
[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 152.

ложной точки зрения. «По нашему представлению,—писал В. И. Ленин,— государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [39].

Обращаясь непосредственно к народам, советское правительство своим Декретом о мире впервые провозгласило новую, подлинно демократическую внешнюю политику, осуществляемую при прямом участии народных масс.

Империалистическую сущность американских «критиков» выдает также их недовольство тем, что Декрет о мире провозглашал ликвидацию колониализма. Действительно, в декрете давалось такое определение аннексии, на основании которого всем становилось ясно, что колониальная система империализма возникла и существует благодаря аннексионистской политике, насильственному захвату чужих земель [40]. Удивительно ли, что разоблачение сущности колониализма в момент, когда велась империалистическая война за новый передел мира, нанесло сильнейший удар империалистической дипломатии! Вполне естественно, что именно поэтому Декрет о мире встретил крайне враждебное отношение со стороны представителей буржуазной дипломатии.

Остановимся подробнее на последнем аргументе — о сепаратном мире, при помощи которого протаскивается грязное обвинение большевиков в связях с Германией. Подобная клевета не имеет ничего общего с действительностью. Во-первых, мысль, что Декрет о мире содержал предложение о заключении сепаратного мира, является искажением истины. В декрете ясно и открыто предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом и демократическом мире» [41]. Следовательно, речь шла не о сепаратном, а о всеобщем демократическом мире. Это недвусмысленно было сформулировано в «Обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР к народам воюющих стран от 15 ноября 1917 г.», в котором говорилось: «1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее» [42].

Таким образом, только отказ правительств США, Англии, Франции откликнуться на призыв советского правительства о заключении всеобщего демократического мира вынудил его согласиться на сепаратные переговоры с Германией и подписание в Бресте чрезвычайно тяжелого, унизительного мира. Между тем об отказе империалистических стран начать мирные переговоры американские историки умалчивают. Да это и понятно. Не о мире думали империалисты США и стран Антанты, а о продлении участия России в войне с тем, чтобы при помощи немецких войск задушить в зародыше ненавистную им Советскую власть. Дальнейшие события (Компьенское перемирие с Германией от 11 ноября 1918 г.) показали, что ради достижения этой цели США, Англия, Франция решились пойти на сговор со своим бывшим врагом и заключить империалистический мир за счет России. Статья 12 условий перемирия оформляла союз США, Англии, Франции с Германией для борьбы про-

---

[39] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 224.

[40] См. там же, стр. 218.

[41] «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957, стр. 11. Кеннан заявляет, что лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» был якобы позаимствован большевиками у Вильсона, который его сформулировал в своих «Четырнадцати пунктах» в январе 1918 г. (см. G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 142), хотя известно, что В. И. Ленин еще в марте 1916 г. подчеркивал, что главный пункт социал-демократической программы мира — это отрицание аннексий, признание самоопределения народов (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 156). Заимствованием занимался в данном случае Вильсон, который пытался воспользоваться этим лозунгом в демагогических целях, для обеспечения не демократического, а империалистического мира.

[42] «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 30.

тив Советской России. Эта статья предусматривала вывод германских войск с территории России только тогда, когда «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий» [43]. На основе Компьенского перемирия, как отмечал государственный секретарь США Лансинг, Соединенные Штаты, Англия, Франция стали союзниками Германии для борьбы против Советской России. «Союзные и присоединившиеся державы являются на основе перемирия союзниками Германии в прибалтийских провинциях» [44],— сказал он.

В. И. Ленин разоблачал лицемерные обвинения большевиков в том, что они якобы вступили в «соглашение» с немецким империализмом. «Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения Советской власти и соглашения с немецкой буржуазией» [45],— писал В. И. Ленин в феврале 1918 года.

Лицемерно негодуя по поводу Декрета о мире, Кеннан, Уорт невольно проговариваются о действительно предательском поведении дипломатических представителей США, Англии, Франции, которые бесцеремонно вмешивались во внутренние дела России, пытаясь любыми средствами сорвать мирные усилия советского правительства. Посол США Френсис, при посредничестве Троцкого, расточал демагогические обещания о помощи Советской России, если она откажется от подписания мира. Френсис через посредство полковника Робинса «уверял его (Троцкого) в американской поддержке в случае срыва переговоров» [46],— пишет Кеннан.

Предательские действия Троцкого, получившие поддержку официальных представителей США, привели к срыву брест-литовских мирных переговоров в феврале 1918 года. Впоследствии, в частном письме Робинсу, военный атташе США Джадсон, ссылаясь на переговоры американских представителей с Троцким, признавал: «Вам удалось оттянуть подписание Брест-Литовского договора» [47].

3 марта 1918 г. советское правительство во главе с В. И. Лениным заключило Брестский мир, условия которого были намного тяжелее и унизительнее первоначальных условий, выдвинутых в январе 1918 года. Президент США Вильсон хотел сорвать ратификацию Брестского договора, направив послание IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов, состоявшемуся 14—16 марта 1918 года. Цель этого послания историк Ч. Сеймур поясняет следующим образом: «Послание к съезду, выдержанное в дружественном тоне и обещающее поддержку, могло способствовать отказу съезда от ратификации мирного договора» [48].

Провокации империалистической дипломатии были сорваны в результате мудрой политики Коммунистической партии и советского правительства, которые, несмотря на тяжелый характер германских условий, вывели Россию из империалистической войны. Реакционные американские историки в связи с этим вынуждены сокрушенно констатировать «явную неудачу» попыток иностранных военных миссий сорвать мирные переговоры и заключение мира [49].

Весьма характерно, что по мере приближения в своих «исследованиях» к периоду иностранной военной интервенции критический пыл Кеннана, Уорта, Браудера и им подобных искателей «ошибок» остывает. Здесь уже никаких существенных ошибок со стороны правительства США они не обнаруживают. По их мнению, все было правильно. Вдохновляемое

---

[43] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II. М. 1926, стр. 95.

[44] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». Vol. IV, p. 69.

[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 38.

[46] G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 234.

[47] G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 401.

[48] «Архив полковника Хауза». Т. III, стр. 280.

[49] См R. Warth. Указ. соч., стр. 176.

высокими чувствами «дружбы» к русскому народу, правительство США будто бы оказывало ему всемерную «поддержку», упорно «возражало» против интервенции и, наконец, якобы нехотя решило принять в ней участие и то лишь под давлением других стран, руководствуясь потребностями войны с Германией и желанием спасти русский народ от японского порабощения.

Такой постановке вопроса, являющейся не чем иным, как перепевом в новых условиях старой, укоренившейся в реакционной американской историографии версии, не приходится удивляться. Разве могут идеологи буржуазии, усердно выполняющие политический заказ монополий, признать, что ответственность за ненормальные отношения, долгие годы существовавшие между Советским Союзом и США, несет правительство Соединенных Штатов, которое не только отказалось признать созданное волей народов Советское государство, но предприняло против него ничем не оправданную вооруженную интервенцию! «Ваша вооруженная интервенция в Россию — самое неприятное явление, которое когда-либо возникало в отношениях между нашими странами,— говорил Н. С. Хрущев, выступая в Голливуде во время своей поездки в США,— ведь мы никогда до этого не воевали с Америкой, никогда наши солдаты не были на американской земле, а ваши солдаты на земле советской были» [50].

Но реакционные буржуазные историки не хотят признать, что в 1918 г. американские солдаты вторглись на нашу землю и воевали против Советской России. Подобное признание вырвало бы почву из-под ног тех, кто упорно твердит об исконном «миролюбии» США. Активную роль США в интервенции наглядно и убедительно показали советские исследователи в книгах, изданных в 1950—1957 годах. Опираясь на высказывания В. И. Ленина, на многочисленные факты, почерпнутые как в советских архивах, так и из официальных американских документальных изданий, они раскрыли правду о роли США как одного из ведущих участников военной антисоветской интервенции [51]. Много новых, интересных свидетельств о роли США в антисоветской интервенции и об их борьбе против революции в странах Европы и Азии приводят в своих книгах, изданных за последние годы, историки Чехословакии, Польши, Венгрии, ГДР, Китая [52]. Убедительные доказательства агрессивной политики США в тот период содержатся и в исследованиях прогрессивных американских историков.

Факты, как известно,— упрямая вещь, и чем они убедительнее, тем большее раздражение вызывают в американских правящих кругах. В этой связи характерен наспех изданный в 1956 г. сборник статей реакционных американских историков под редакцией профессора Принстонского университета Блэка, где содержатся злобные пасквили на советскую историческую науку [53]. Особым нападкам авторы сборника подвергают исследования советских историков по периоду интервенции. Разоблачение роли США как организатора и участника военной интервенции составители сборника пытаются развенчать весьма примитивным способом, обвинив советских ученых в предвзятой враждебности к США.

---

[50] «Правда», 22 сентября 1959 года.

[51] А. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952; А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США. М. 1952; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М. 1954; Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. М. 1957; Р. Г. Симоненко. Империалістична політика США щодо України в 1917—1918 гг. Київ. 1957; С. С. Григорцевич. Антисоветская интервенция США на Дальнем Востоке. М. 1957.

[52] А. Норден. Между Берлином и Москвой. М. 1956; М. Мушкат. Интервенция — преступное орудие политики США. М. 1954, и др.

[53] C. E. Black, ed. Rewriting Russian History. Soviet Interpretation of Russia's Past. New York. 1956.

Бездоказательность подобных «опровержений» оказалась настолько очевидной[54], что перед американскими историками была спешно поставлена более серьезная задача: во что бы то ни стало и как можно скорее попытаться опровергнуть факты, приводимые советскими историками о роли США в антисоветской интервенции; любыми способами убедить читателя в том, что никакой интервенции со стороны США и в помине не было, а была лишь «дружеская помощь» русскому народу. За выполнение этой задачи усердно взялись реакционные американские историки. Но бороться с истиной нелегко, и поэтому в появляющихся один за другим с поразительной поспешностью пухлых томах «новых» исследований вновь выкладываются все те же набившие оскомину аргументы, с помощью которых делается попытка (в который раз!) черное выдать за белое.

США будто бы были против интервенции и согласились на участие в ней только под давлением союзников, пытается уверить читателя историк Р. Браудер в своей книге «Истоки советско-американской дипломатии». «Будучи поставленными перед ультиматумом,— отмечает он,— США неохотно согласились на ограниченное участие в Сибирской экспедиции»[55].

Точно так же ставится вопрос в книге Б. Унтербергер «Американская экспедиция в Сибири, 1918—1920»[56]. Само название глав в этой книге свидетельствует о намерении автора изобразить дело так, будто правительство США упорно «возражало» против интервенции и в конечном счете лишь весьма неохотно, против своей воли было в нее втянуто. Глава вторая называется: «Вильсон говорит «нет» (на предложение держав Антанты об организации интервенции)». «Давление усиливается» — название третьей главы. В конечном счете лишь в августе 1918 г. «Вильсон говорит «да»» (название четвертой главы).

Это «вынужденное» решение[57] правительство США приняло будто бы отнюдь не из-за каких-либо враждебных чувств к Советской России, подчеркивает Унтербергер. «Главным мотивом американской политики в Сибири и Северной Маньчжурии,— отмечает автор,— было сохранение «открытых дверей» в противовес империалистическим притязаниям Японии». Поэтому участие США в интервенции якобы дало «положительные результаты». «Американское участие в союзной интервенции,— по утверждению автора,— оказало смягчающее влияние, которое удерживало союзников от более экстремистских действий»[58]. Таким образом, Унтербергер поддерживает официальную версию американских правящих кругов о том, что, приняв участие в интервенции, США не воевали против народов России, а оказывали им «помощь».

«Оказание помощи» было единственным мотивом, побудившим правительство США послать свои войска в Россию, утверждает в своей книге «Сибирское фиаско» профессор Колумбийского университета Мэннинг[59], «специализирующийся» на искажении истории народов России. Уорт, автор вышеупомянутой книги «Союзники и русская революция», выражает эту же мысль следующим образом: «Было бы явным упрощением политики союзников, которая не преследовала никакой определенной и разумной цели, а базировалась на повседневной импровизации, считать, что интервенция представляла собой специально подготовленный заговор капиталистического мира для искоренения в зародыше эко-

---

[54] Американский историк Джон М. Томпсон, автор статьи, посвященной советской литературе по периоду интервенции, признает, что он даже не читал те книги, которые с такой легкостью «опровергает», а лишь ознакомился с рецензиями на них.

[55] R. P. Browder. The Origins of Soviet-American Diplomacy, p. 8.

[56] B. M. Unterberger. America's Siberian Expedition. Durham. 1956.

[57] «Действия США были вынужденными»,— отмечает Унтербергер. B. M. Unterberger. Указ. соч., стр. 88.

[58] Там же, стр. 140, 234.

[59] C. Manning. The Siberian Fiasco. New York. 1952.

номической ереси. США, которые были столь же могущественной капиталистической страной, как и Англия и Франция, все время отставали от своих более агрессивных антибольшевистских партнеров, выступая часто как действующий против своей воли соучастник» [60]. Итак, внушает Уорт, утверждать, что интервенция представляла собой заговор капиталистического мира против Советской власти,— это «упрощение» политики союзников, которая, оказывается, отнюдь не преследовала какой-либо определенной цели, а была всего лишь «импровизацией». Случайная «импровизация» — таково, следовательно, «новое» наименование, найденное Уортом для военной интервенции США, Англии, Франции, Японии против Советского государства. При этом, говорит Уорт, США в отличие от Англии и Франции не были агрессивно настроены против большевиков и действовали «не по своей воле».

В подобном же духе освещает события и Кеннан. Совсем забыв о своем первоначальном намерении (выраженном в предисловии) дать «критический» разбор американской политики в отношении России, Кеннан полностью присоединяется к официальной правительственной версии. Противопоставляя позицию США в этом вопросе позиции других держав, он пишет: «Со своей стороны, правительство США отчетливо и недвусмысленно отвергло все предложения, предусматривающие какую-либо форму иностранной интервенции в Сибири. Эта позиция была обусловлена опасением вызвать антагонизм русского народа» [61]. Лишь впоследствии, по настоянию Англии, Франции и Японии, правительство США якобы начало отступать от своей «упорной оппозиции против действий в Сибири» [62] и, руководствуясь желанием оказать «помощь» русскому народу в войне против Германии, согласилось на отправку японских войск в Сибирь.

Еще более упорно Кеннан проводит эту мысль в своей книге «Решение об интервенции», изданной в 1958 году. По мнению автора, выходит, что интервенция была начата в интересах войны против Германии и якобы не преследовала никаких антисоветских целей. Оказывается, ее осуществляли Франция и Италия, которым потом удалось втянуть в это дело и Англию, первоначально относившуюся будто бы к интервенции скептически. Что касается США, то Вашингтон-де был против участия американских войск в интервенции. Лишь в июле 1918 г. США, якобы поддавшись давлению Франции, Италии, Англии, высадили свои войска во Владивостоке и в Мурманске для борьбы против Германии и оказания «помощи» русскому народу. Утверждение о том, что интервенция США «отражала империалистические мотивы и нанесла серьезный ущерб русскому народу, представляет собой плод воображения советских пропагандистов»,— заявляет Кеннан в одной из своих последних статей [63].

Итак, вооруженная интервенция США в Советской России, являвшаяся актом открытой агрессии в целях свержения Советской власти, стоившим жизни десяткам тысяч советских людей и нанесшим огромный ущерб нашей стране, объявляется «плодом воображения» советских пропагандистов! Подобный демагогический прием поистине достоин пропагандистов Пентагона, ныне объявляющих агрессивное вторжение американских военных самолетов на советскую территорию «оборонительным» мероприятием правительства США.

Порочность позиций реакционных американских историков, отрицающих роль США в разжигании гражданской войны, в организации антисоветской военной интервенции, подтверждается даже выводами их коллег, которые в разное время пытались дать более или менее объективную оценку историческим фактам. Так, еще в 1928 г. американский бур-

[60] R. Warth. Указ. соч., стр. 188.
[61] G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 328.
[62] Там же, стр. 471, 476.
[63] G. Kennan. American Troops in Russia. «Atlantic», January 1959, p. 42.

жуазный историк Шуман в своей книге «Американская политика в отношении России с 1917 г.» на большом фактическом материале постарался объективно осветить события[64]. Он прямо писал о том, что политика США и стран Антанты была продиктована враждебным отношением к Советской власти. Он осудил антисоветскую интервенцию как ничем не обоснованный враждебный акт по отношению к России и разоблачил руководящую роль США в организации интервенции. «Союзная интервенция в Сибири,— писал Шуман,— предпринята по определенному приглашению Соединенных Штатов. В Северной России американские войска воевали с Красной Армией. Затем правительство Соединенных Штатов не только позволило русскому посольству в Вашингтоне посылать продовольствие и военное снаряжение Колчаку, но направило ему военные запасы по собственной инициативе и использовало свои войска в Восточной Сибири для облегчения их доставки на фронт. Эти действия были интервенцией самого бесспорного характера»[65].

К такому же выводу приходит американский буржуазный историк В. Вильямс в своем богато документированном исследовании по истории русско-американских отношений[66]. Отнюдь не питая особых симпатий к Советскому Союзу, Вильямс в результате изучения фактов и привлечения новых документов отвергает тезис реакционной историографии о «дружественном» отношении США к Советской России. Основываясь на данных, почерпнутых в значительной степени из неопубликованных американских архивов, Вильямс утверждает, что правительство США всячески пыталось в интересах монополий (в частности, Моргана) предотвратить социалистическую революцию и удержать Россию в составе воюющих держав. «В течение мая, июня, июля 1917 г.,— пишет он,— США действовали весьма энергично, стремясь помочь Временному правительству или заставить его продолжить войну и уничтожить оппозицию со стороны большевиков». После победы Октябрьской революции, продолжает автор, Вашингтон любыми средствами добивался свержения советского правительства, оказывая поддержку всем контрреволюционным элементам. Вильямс приводит секретный меморандум государственного секретаря Лансинга от 12 декабря 1917 г., в котором на десять дней раньше, чем в Англии и Франции, были сформулированы американские планы, предусматривавшие помощь Каледину и установление военной диктатуры в России. Из меморандума видно, что представители США поддерживали связь с Троцким с целью сорвать брест-литовские переговоры. Вильямс приводит слова американского посла Френсиса, собравшегося принять «любые необходимые меры, чтобы предотвратить (заключение) сепаратного мира». Излагая дальше материал, автор подчеркивает, что именно правительство США было инициатором клеветнической кампании против Коммунистической партии, против В. И. Ленина. Ложное обвинение большевиков в связях с германской разведкой распространял заместитель председателя Комитета общественной информации США Эдгар Сиссон.

Вильямс без обиняков заявляет, что вооруженная интервенция США против Советской России была вызвана не интересами войны с Германией и не стремлением Соединенных Штатов предотвратить экспансию Японии, а преследовала цель уничтожения Советской власти. Решение американского правительства о начале вооруженной интервенции было принято в январе 1918 года. «...Ясно,— пишет Вильямс,— что к концу января 1918 г. принцип интервенции был положен президентом Вильсоном в основу американской политики в отношении России». «Никогда,— добавляет он,— мнения Вашингтона, Лондона или Парижа не

---

[64] F. L. Schuman. American Policy Toward Russia Since 1917. New York. 1928.
[65] Там же, стр. 305.
[66] W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947. New York. 1952.

расходились в отношении главной цели — низвержения советского правительства». Правительство США, подчеркивает автор, поддерживало силы реакции не только в России, но и в других странах Европы. В частности, оно способствовало подавлению революций в Германии и Венгрии.

Вильямс заявляет, что ответственность за ненормальные отношения, сложившиеся между США и Советским государством в 1917—1920 гг., ложится целиком на правительство США, которое проводило активную антисоветскую политику. Что касается советского правительства, продолжает автор, то оно, начиная с 1917 г., настойчиво добивалось нормализации советско-американских отношений и установления торговых связей. Однако советские предложения неизменно отвергались США. «...Вашингтон не откликнулся на постоянные предложения Москвы о нормализации отношений вплоть до ноября 1933 г.,— пишет Вильямс.— Непоколебимость Гувера явилась лишь окончательным выражением того антагонизма по отношению к Москве, в результате которого все попытки добиться признания в 1921 г. потерпели поражение» [67].

Так, попытка сколько-нибудь объективно разобраться в исторических фактах неизбежно приводит исследователя к заключению о том, что Советский Союз неизменно проводил мирную внешнюю политику в то время, как империалистические державы, в частности США, руководствовались в своей политике стремлением при помощи войны ликвидировать возникшую социалистическую систему в лице Советского государства.

Знаменательно признание Вильямса, который утверждает, что противоречия, существовавшие между США и Японией, хотя и имели существенное значение, не являлись для США определяющими в вопросе об организации интервенции. Главным соображением был «резкий антагонизм Вашингтона к советскому правительству». Вильямс следующим образом характеризует политику правительства США: «Вильсон, активно помогая адмиралу Колчаку, способствовал низвержению большевистского правительства Бела Куна в Венгрии, помогал контрреволюции на юге России, установил американскую экономическую блокаду против Советов, всячески потворствовал попыткам Польши получить новую территорию на Украине и в последние дни своего президентства одобрил план, рассчитанный на то, чтобы лишить Ленина власти. Если наряду с этим оказывалось противодействие японскому проникновению в Сибирь, то это никак не изменяло резкого антагонизма Вашингтона по отношению к советскому правительству» [68].

Вопреки утверждениям реакционных американских историков типа Унтербергер, Кеннана и др., исторические факты говорят о том, что США не только не оказывали противодействия японской интервенции, но сами проявляли инициативу в этом вопросе. Еще в первых числах ноября 1917 г. правительство Соединенных Штатов обратилось к Англии с предложением об использовании японских войск для интервенции на Дальнем Востоке. Сообщая о готовности английского правительства поддержать почин США, Ллойд-Джордж писал в госдепартамент: «Если оно (правительство США.— *А. К.*) считает, что японцев можно уговорить отправить экспедиционные войска в Россию, то мы поддержим его всеми возможными путями» [69].

Несмотря на наличие империалистических противоречий между США и Японией, использование японских войск представлялось американскому правительству наиболее эффективным средством осуществления интервенции на Советском Дальнем Востоке. При этом США, одна-

---

[67] Там же, стр. 92, 101, 128—129, 135, 179.

[68] W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947, p. 170.

[69] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Russia 1918». Vol. II, pp. 1—2.

ко, возражали против требования Японии о предоставлении ей полной свободы рук в качестве единственной интервенционистской силы. «Любая военная экспедиция в Сибирь...,— подчеркивал госдепартамент в меморандуме от 8 февраля 1918 г.,— должна быть предпринята путем международного сотрудничества, а не какой-либо одной державой, действующей по уполномочию других» [70]. Американское правительство выдвинуло в противовес японскому свой план, предусматривавший руководящую роль США в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке.

Разногласия между США и Японией в вопросе о японской интервенции, которые усиленно раздувают Унтербергер, Кеннан и др., действительно имели место, но касались они не существа вопроса, то есть быть или не быть интервенции, а условий ее осуществления. Стремясь свергнуть Советскую власть, каждый из участников интервенции боролся вместе с тем за максимальную долю в империалистическом грабеже.

На основе договоренности с США 5 апреля 1918 г. во Владивостоке был высажен японский десант [71], а 8 июля того же года между США и Японией было заключено официальное соглашение о совместных военных действиях на Дальнем Востоке и в Сибири [72]. В мае 1918 г. американское правительство высадило войска в Мурманске, а в августе — во Владивостоке. По-разбойничьи вторгшись на советскую территорию, американские войска не только приняли активное участие в боевых действиях против Красной Армии, но совершали расправу с мирными жителями.

Эти исторические факты хорошо помнят советские люди. Они представляют собой именно ту «преобладающую и явную тяжесть доступного фактического материала», которая, по словам Кеннана, является «верховным арбитром в историческом споре» [73]. Бесспорные факты никак не вяжутся с утверждениями некоторых американских авторов о «благородной Америке», якобы руководствовавшейся в своих действиях всецело чувствами «дружбы» к советскому народу. Советский народ помнит, говорил Н. С. Хрущев во время своего пребывания в США в 1959 г., что «в тяжелое время после Октябрьской революции американские солдаты под руководством своих генералов высаживались на советской земле, чтобы помочь белогвардейцам бороться против нашего советского строя» [74].

Между тем советское правительство, со своей стороны, неизменно стремилось к установлению нормальных, дружественных отношений с США. В обращении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к конгрессу и президенту США Гардингу от 20 марта 1921 г. отмечалось: «С первых же дней своего существования Советская Россия надеялась на возможность скорого установления дружественных отношений с великой Североамериканской республикой и твердо рассчитывала, что между обеими республиками создадутся тесные и устойчивые связи к взаимной выгоде. В тот момент, когда со стороны держав Антанты началось вторжение в пределы Советской России без объявления войны и без всякого вызова с ее стороны, Советское правительство неоднократно обращалось к американскому правительству с предложением принять меры, чтобы положить конец кровопролитию. Даже тогда, когда американские войска вместе с другими участвовали в нападении на Советскую Россию, правительство Советской республики продолжало выражать надежду на скорое изменение американской политики по отношению к ней... Но президент Вильсон, без всякой причины и без объявления войны

---

[70] Там же, стр. 41—42.
[71] Там же, стр. 100.
[72] Там же, стр. 267—268, 270.
[73] G. Kennan. Soviet Historiography and America's Role in the Intervention. «American Historical Review», January 1960, p. 302.
[74] «Правда», 22 сентября 1959 года.

напавший на Российскую республику, за все время своего управления проявлял растущую враждебность к Российской республике...» [75].

Политика военной интервенции против Советского государства, активным организатором и участником которого являлось правительство США, провалилась. Несмотря на свои превосходящие силы, интервенты терпели поражение за поражением и в конечном счете под натиском Красной Армии и по требованию своих народов были вынуждены вывести свои войска с нашей земли. Провал антисоветской интервенции в тех исторических условиях означал для американских империалистов вместе с тем крах их планов завоевания мирового господства, которые они упорно вынашивали с конца XIX века.

Подводя итоги, необходимо отметить, что усиленное внимание, которое реакционные буржуазные историки США уделяют в последние годы начальному периоду советско-американских отношений, не случайно. Оно преследует определенные политические цели. Под видом поисков «ошибок» американской дипломатии не только совершается фальсификация истории, но и внушается читателю мысль, что все невзгоды США на международной арене якобы обусловлены этими «всеопределяющими» субъективными «ошибками», а не объективным ходом исторического развития. Реакционные историки пытаются отрицать всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества и преградившей путь всем империалистическим претендентам на мировое господство.

Посредством клеветы на исторический Декрет о мире делается попытка подорвать доверие к ленинской политике мирного сосуществования, последовательно проводимой советским правительством с момента его создания.

Буржуазные реакционные историки (в который раз!) хотят прикрыть активную, ведущую роль США в антисоветской военной интервенции, изображая их в качестве вынужденных, пассивных пособников Англии и Франции. При этом интервенция ими трактуется не как военное нападение на Советскую Россию, а как... операция в войне против Германии. Этим самым они пытаются отрицать классовый характер той враждебной политики, которую американские правящие круги проводили в отношении молодого Советского государства.

Путем фальсификации существа антисоветской вооруженной интервенции империалистических держав в 1918—1920 гг. американские реакционные историки стремятся подвести историческую «базу» под нынешнюю агрессивную политику США в отношении Советского Союза. Не США, высадившие войска на советскую территорию в целях оказания «помощи» русскому народу, а советское правительство, нарушившее якобы союзные обязательства России и заключившее сепаратный мир с Германией, несет ответственность за враждебные отношения, установившиеся между обеими странами,— таков вывод, которым ряд буржуазных историков услужливо снабжает своих политических деятелей.

Отсюда ясно, почему реакционные историки так яростно выступают против разоблачения советскими историками руководящей роли США в антисоветской интервенции. Речь идет не больше, не меньше, как о попытках снять с США вину за проводимую американскими правящими кругами политику «холодной войны», за агрессивные действия, направленные на развязывание новой войны против Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

---

[75] «Документы внешней политики СССР». М. 1960, стр. 9—10.

Правда о той агрессивной роли, которую США играли по отношению к Советской республике с самого момента ее создания, выбивает почву из-под ног идеологов политики «с позиции силы», пытающихся представить империалистическое государство США в качестве исконного «друга» русского народа и таким путем замаскировать агрессивный характер американской внешней политики.

Политические деятели и историки типа Кеннана, клевеща на советскую политику мирного сосуществования, вместе с тем пытаются изобразить себя сторонниками этого мирного сосуществования. Однако в качестве условия мирного сосуществования Кеннан и иже с ним ставят отказ советского правительства и Коммунистической партии от идеологической борьбы, отказ от марксизма-ленинизма и капитуляцию перед реакционным мировоззрением Запада. В частности, Кеннан предлагает советским историкам отказаться от бесспорной исторической истины о том, что США являлись организаторами и активными участниками военной интервенции против Советской России. При таком условии он готов даже на такую милость, как «сокращение разницы во взглядах, которая сейчас разделяет» буржуазных историков США и советских историков [76].

Нам еще раз хочется напомнить г-ну Кеннану и его коллегам, что Коммунистическая партия и советское правительство, проводя политику мирного сосуществования государств с различными социальными системами, ни на миг не отказывались и ни при каких условиях не откажутся от идеологической борьбы с лагерем капитализма. Советский Союз согласен идти и идет на разумные уступки в международных отношениях. «Но нельзя смешивать взаимные уступки в интересах мирного сосуществования государств,— подчеркивает Н. С. Хрущев,— с уступками в принципах, в том, что касается самой природы нашего социалистического строя, нашей идеологии. Здесь ни о каких уступках и каком-либо приспособлении не может быть и речи. Если будут уступки в принципах, в вопросах идеологии, то это будет означать сползание на позиции наших противников. Это будет означать качественное изменение политики, будет предательством дела рабочего класса» [77].

---

[76] G. Kennan. Soviet Historiography and America's Role in the Intervention. «American Historical Review», January 1960, p. 322.

[77] Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн. Т. II. М. 1960, стр. 350.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ *

Б. Ф. Поршнев

Понятия «Западная Европа» и «Восточная Европа» относятся преимущественно к области географической науки. Что касается истории, то представление о какой-то вечной противоположности, всегда разделявшей Западную и Восточную Европу, только вредит познанию действительности. Разрыв между ними существует лишь в сознании историков и выражает скорее ограниченность кругозора и традиционную специализацию исследователей, нередко также предвзятые концепции, но, во всяком случае, не историческую реальность.

Оставим в стороне средние века. По крайней мере с последних десятилетий XV в., после образования Османской империи и освобождения России от монгольского ига, оба эти государства оказывали могучее воздействие на исторические судьбы Центральной и в известной мере Западной Европы. Система европейских государств перестраивалась в связи с этим. Если начиная уже с XVI в. воздействие Османской империи постепенно ослабевало, то воздействие России, напротив, все более возрастало на протяжении дальнейшей истории. Рассматривать историю Европы XVI—XVIII вв. (не говоря о дальнейшем) вне взаимосвязи Востока и Запада совершенно ненаучно.

Но именно потому, что в традициях исторической науки между ними образовался разрыв, ныне еще возможны настоящие открытия в области изучения этих взаимосвязей.

Проблема взаимосвязей Западной и Восточной Европы имеет три основных аспекта.

Прежде всего это вопрос об экономических связях, то есть о торговле. Историкам сейчас хорошо известен переворот в мировых торговых связях, в ценах, а вслед за тем и в многообразных явлениях экономической жизни, последовавший за открытием атлантических морских путей в Америку, Африку и Азию, переворот, основой которого была разница между уровнями экономического развития Западной Европы и внеевропейских народов, кристаллизовавшаяся в баснословных доходах европейских искателей наживы. Но гораздо менее изучены удачные и неудачные попытки конкурирующих искателей наживы добиться того же или еще большего через Северный Ледовитый океан, через балтийско-речной путь, ведший еще в средние века «из варяг в греки», через волжско-каспийский путь в Персию. Усилия и путешественников, и купцов, и политиков в XVI—XVII вв. были направлены на то, чтобы пробить свободную водную дорогу в страны Востока через Россию. Если бы это удалось, наверно, последовал бы другой, еще больший переворот в ценах и экономической жизни Западной Европы. Но это не удалось. Торговая экспансия Запада не проникла дальше Балтики. Однако и торговля через Балтику по речным путям с континентальными странами Во-

---

* Доклад на XI Международном конгрессе исторических наук.

сточной Европы явилась источником высоких прибылей. Балтийская торговля заняла второе место после атлантической. Она стала поводом ожесточенной борьбы политических сил за монополию, за dominium maris Balthici. Она оказала глубокое косвенное воздействие на экономическое развитие всех стран Восточной Европы, в частности аграрное, причем историкам следовало бы обратить главное внимание не на количество вывозимых оттуда на Запад сельскохозяйственных продуктов (оно не было велико), а как раз на высокую норму той прибыли, которую получали и делили между собой купцы-посредники и местные помещики-крепостники.

Вторым аспектом проблемы взаимосвязи Западной и Восточной Европы является вопрос об их осведомленности друг о друге и взаимном культурном влиянии. Познания европейских авторов XVI—XVII вв. в области политической географии были вообще несовершенны. Они часто распространяли путаные, нелепые сведения даже о близлежащих странах. Но государственные архивы в общем показывают гораздо большую осведомленность правящих кругов о политике и положении других, в том числе и отдаленных европейских государств, чем это традиционно полагают историки. Конечно, никакие параллели с характером современной международной информации недопустимы, масштабы должны быть взяты принципиально иные, но все же в XVI—XVII вв. Московское государство или Польско-Литовское государство вовсе не были, скажем, для Англии, Испании и Франции какими-то неведомыми экзотическими землями, даже если западные писатели и картографы применяли к ним фантастические наименования «Скифия» или «Великая Татария». Не было и в Москве или Варшаве никакого «наивного неведения» о Западе, о котором подчас говорят историки. Однако не менее важно и то, что сама искаженная, ложная информация друг о друге между разными странами, в том числе между Западной и Восточной Европой, была не просто плодом недостаточной осведомленности, но и дезинформацией, то есть выражением определенных исторических отношений. Недостаток точной информации в ту эпоху служил лишь фактором, особенно облегчавшим дезинформацию. Так, книга Маржере о России, изданная во Франции по повелению Генриха IV и распространившая в публике множество неверных представлений о Московском государстве, отвечала тем самым известным политическим и церковным интересам. Шире говоря, само относительное культурное разобщение между Западной и Восточной Европой, связанное, между прочим, и с церковным расколом, являлось не вакуумом, но взаимным отношением, и поэтому содержание его требует новых и новых исследований историков.

Третий аспект — это политические отношения Западной и Восточной Европы. Вопрос этот касается прежде всего истории дипломатических отношений и войн. Но он далеко не сводится к ним. Может быть, к числу наиболее трудных, но и наиболее интересных тем исторической науки должны быть отнесены те общественные взаимосвязи и отношения, о которых сами современники ничего не знали, которые вовсе не преломлялись сквозь призму сознания людей. Допустим, что в Англии XVI или XVII в. ничего не слышали бы о России и обратно. Разве это исключает, что их исторические судьбы были все-таки взаимосвязаны? Ведь они являлись членами единой системы государств. Понятие «система государств» (Staatensystem) уже довольно давно стало употребляться историками[1]. Научный потенциал этого понятия очень велик. Речь идет, очевидно, не только о сети дипломатических связей, не только о блоках и союзах нескольких государств. Каждое государ-

[1] Отметим, что В. И. Ленин пользовался этим понятием (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 219).

ство непосредственно было связано в историческом прошлом лишь с частью существовавших государств, те — с другими, другие — с третьими. Только их совокупность образовывала систему, а следовательно, каждое государство состояло с частью других лишь в косвенных отношениях, объективно существовавших, но субъективно далеко не полностью сознаваемых или вовсе не сознаваемых политическими деятелями.

Если под этим углом зрения взглянуть на развитие политических отношений Западной и Восточной Европы в XVI и XVII вв., то можно увидеть некоторые черты системы государств, которые трудно было бы обнаружить в тех или иных отдельных дипломатических документах.

Великие сдвиги в отношениях Восточной Европы с государствами и племенами Азии, совершившиеся во второй половине XV в., поставили Западную Европу перед лицом Османской империи, возникшей на месте «второго Рима» — Византийской, или Восточной Римской, империи,— и перед лицом Московского государства, претендовавшего теперь на роль «третьего Рима», преемника окончательно павшей римской державы. И тотчас Запад ответил возобновлением давно отброшенных попыток возродить «первый Рим»: сплотить все страны Западной Европы в единую «универсальную», «всехристианскую», «священную» Римскую империю. Ядром ее должна была стать габсбургская Австрия как непосредственный противовес Османской Турции. Габсбурги должны были стать всеевропейскими всекатолическими императорами. При Максимилиане I были сделаны существенные шаги к реализации этого плана, начавшего при Карле V уже облекаться плотью, превращаться в грозную реальность. Но этот план слишком противоречил всему предшествовавшему политическому развитию Западной Европы, так же как и всему экономическому и социальному прогрессу, связанному с зарождением капитализма. На пути его стало подстегнутое этой угрозой оформление ряда национально-абсолютистских государств, затем — мощное противодействие в виде взрыва Реформации, расколовшей Западную Европу на непримиримые лагери. Отныне борьба Реформации и Контрреформации и тесно связанная с ней «габсбургская проблема» стали на долгий срок основным содержанием политической истории Западной Европы. Тридцатилетняя война явилась кульминационным и завершающим актом этой эпопеи, вылившимся в форму войны уже не местной, не локальной, но в известном смысле всеевропейской — первой всеевропейской войны.

Противники Австрийского дома, вернее, политики объединения Европы в единой габсбургско-католической империи, естественно, не упускали возможностей контактироваться с Османской империей и ее вассальными княжествами в Юго-Восточной Европе. По мере уменьшения турецкой угрозы политическая система в Европе в ходе XVI в. видоизменялась. Сама Османская империя мало-помалу стала всего лишь звеном своеобразного трехчленного барьера, охватившего «Священную Римскую империю» с востока, юго-востока и северо-востока. Позже, в XVIII в., его называли «восточным барьером». Он состоял из Османской империи, Польского, или вернее (со времени Люблинской унии) Польско-Литовского, государства (Речи Посполитой) и Шведского королевства, стремительно разросшегося и усилившегося к началу XVII века. В глазах одних политических сил этот барьер был обращен преимущественно против Центральной Европы, где находился очаг агрессии, опасный для всех. Для других, прежде всего для самой габсбургской державы, это был барьер, отделявший остальную Европу от крепнувшей России. И в самом деле, «восточный барьер» (если воспользоваться и для кануна Тридцатилетней войны этим позднейшим термином) мог выполнять такую двойную роль. Между составлявшими его тремя государствами: Турцией, Польско-Литовским государством и

Швецией — неизменно существовали и то и дело с большой остротой прорывались противоречия.

Россия, в свою очередь, находилась в глубоких противоречиях со всеми тремя членами «восточного барьера», и ее усиление не могло не вызывать их противодействия[2]. Османская империя и ее вассалы, в первую очередь Крымское ханство, лишили Русское государство традиционных выходов в Черное море. Швеция по Столбовскому миру 1617 г. отняла у Русского государства выходы в Балтийское море. Россия тем самым осталась без водных, то есть непосредственных, связей с европейскими государствами, если не считать остававшегося открытым, но трудного пути через Белое море, вокруг Скандинавии. Все три члена «восточного барьера» владели теми или иными территориями, исторически тяготевшими к России или прежде принадлежавшими ей; включали русское или этнически связанное с народами Московского государства население. Во всех трех государствах «барьера» часть населения исповедовала православие и видела в Московском государстве защитника своих конфессиональных интересов. Понятно, что Московское государство оказывало возраставшее и все более опасное давление на «восточный барьер» — то на весь в целом, то на отдельных его членов, блокируясь с другими и используя трещины между ними.

Надо оговориться, что речь тут идет совсем не о том, чтобы оправдывать внешнюю политику Московского государства или осуждать ее. Советским историкам чужда идеализация внешней политики самодержавно-крепостнической России или отрицание ее агрессивного характера в известные периоды. Между внешней политикой дореволюционной России и СССР они видят не преемственность, а противоположность. Но в данном случае, говоря о внешней политике Московского государства в конце XVI — начале XVII в., мы вправе сказать, что она не была агрессией, а являлась борьбой за возвращение земель, утраченных в эпоху исторического ослабления Руси под монгольским игом.

Как ни остры были противоречия Московского государства с флангами «восточного барьера» — с мусульманской Турцией и протестантской Швецией, как ни велика была напряженность его отношений с ними, как ни катастрофичны бывали конфликты, до второй половины XVIII в. на первом плане стояли все же противоречия с центральным членом «барьера» — с Польско-Литовским государством. Оно включало в свои пределы огромные массивы русских (белорусских, украинских) земель и русского населения. Воссоединение этих земель и народов с Россией, хотя бы неполное, было первоочередной исторической задачей, первым условием возможности дальнейшей борьбы с фланговыми державами «барьера» за Прибалтику и Причерноморье. И, в свою очередь, именно Польско-Литовское государство из всех трех в наибольшей степени было воинственно в отношении России. Как государство по преимуществу католическое, оно в наименьшей степени было враждебно Австрийскому дому и его планам мирового господства, в наибольшей степени готово было к союзу с ним, особенно со времени царствования Сигизмунда III Ваза.

Многие исследователи склонны смотреть на Польско-Литовское государство XVI—XVII вв. сквозь исторические очки: из-за полного ослабления и распада этого государства в XVIII в. они считают его незначительной политической величиной и прежде, в частности накануне и во время Тридцатилетней войны. Между тем современники не без основания называли Сигизмунда III «северным Филиппом», то есть сопоставляли его с самым могущественным и самым агрессивным государем Ев-

---

[2] См. Б. Ф. Поршнев. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. «Ученые записки» Академии общественных наук при ЦК КПСС. Вып. II, 1948.

ропы конца XVI в.— испанским королем Филиппом II Габсбургом. Эти сравнения подразумевали как бы возможность полюбовного раздела христианского мира между двумя величайшими католическими домами (впрочем, уже породнившимися между собой). Во всяком случае, Польско-Литовское государство являлось могучим и влиятельным звеном европейской системы государств. Лишь национально-освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого в 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией в результате последовавшей за тем русско-польской войны нанесли первый тяжелый удар этой сильной, хотя и полной внутренних противоречий многонациональной державе. С этого времени «восточный барьер» поддерживался преимущественно флангами. А в XVIII в., после того, как значительно усилившаяся Россия нанесла ряд ударов по обоим флангам, Польско-Литовское государство рухнуло, подверглось разделам, и вместе с тем прорванный «восточный барьер» навсегда перестал существовать.

Внешняя политика Московского государства в первой половине XVII в. в значительной степени определялась именно его противоречиями с Польско-Литовским государством. Западная и Центральная Европа интересовала его преимущественно как нечто лежащее «по ту сторону» Польско-Литовского государства. Там московское правительство то более смутно, то более ясно усматривало союзников этого государства, в частности в лице германского императора, испанского короля, римского папы. Англия, Франция, Голландия интересовали его как потенциальные противники этих союзников его главного врага. В Московском государстве, конечно, относительно немного знали об этих далеких странах (хотя, правда, все-таки кое-что знали), дипломатические сношения с ними были малоразвитыми, но объективно тем самым, помимо чьего-либо ясного понимания, при плохой осведомленности друг о друге, они находились в определенных политических отношениях, ибо занимали определенные места в европейской системе государств при всей ее подвижности и неустойчивости. И, в свою очередь, в странах Западной и Центральной Европы видели в Московском государстве преимущественно нечто лежавшее «по ту сторону» Польско-Литовского государства. Им интересовались как силой, оказывавшей политическое давление на Польско-Литовское государство с востока, или как возможным объектом политических притязаний и экспансии Польско-Литовского государства. Последнее, в частности, не могло оказать всей ожидаемой от него поддержки габсбургско-католическим планам «похищения Европы» до тех пор и постольку, доколе и поскольку возраставшая сила Московского государства давила на него с востока. Напротив, Польско-Литовское государство само нуждалось в помощи и поддержке Габсбургов, в известной мере отвлекая этим их политические силы от западноевропейских проблем.

Глубокий социально-экономический кризис в Московском государстве, приведший к крестьянской войне, которая охватила почти всю страну, и острой политической борьбе («Смутное время»), был использован для попытки стереть вообще «третий Рим» с политической карты. Интервенция Польско-Литовского государства в охваченную пламенем социальной борьбы Россию пользовалась негласной поддержкой Габсбургов. К ней присоединилась интервенция Швеции. Только одна Турция из стран «барьера», связанная в то время другими заботами, не принимала прямого участия в этой попытке раздела и покорения России. Попытка эта кончилась провалом, но все же Столбовский мир с Швецией 1617 г. и Деулинское перемирие с Польско-Литовским государством 1618 г. зафиксировали крупные потери России и ее явное политическое ослабление. И именно тогда же, в 1617 и 1618 гг., габсбургский императорский двор в Германии, руководимый орденом иезуитов, бросил давно вынашиваемый вызов Реформации и национальной незави-

симости не только в Чехии (Чехия была лишь пробным шаром), а во всей германской империи и во всей Европе. Момент казался выбранным удачно. Все противники были в это время парализованы. И все-таки победа ускользнула, как призрак. То было началом Тридцатилетней войны.

В основе неудачи лежала потеря темпа. Мужественное сопротивление Чехии дало недостающее время для активизации некоторых противников Габсбургов, в том числе Нидерландов [3]. Несмотря на Белую Гору, в 1621 г. обстановка была уже не той, как в 1618 году. В частности, возобновилась война Нидерландов с Испанией — затянувшийся эпилог нидерландской буржуазной революции и войны за независимость. Гораздо быстрее, чем можно было ожидать, оправлялось и восстанавливало свои силы Московское государство. В 1621 г. Земский собор в Москве постановил готовиться к войне с Польско-Литовским государством, за возвращение отторгнутых по Деулинскому перемирию западно-русских земель: Смоленщины, Северщины. Уже тогда возник план осуществить эту войну силами не одного Московского государства, но в союзе с обоими фланговыми государствами «восточного барьера» — Швецией и Турцией, воспользовавшись их противоречиями с Польско-Литовским государством. Переговоры о совместном выступлении начались и развивались успешно. Но в тот момент Московское государство оказалось еще не подготовленным к активным действиям, и из всего замысла непосредственно осуществилась лишь короткая вспышка: турецко-польская Хотинская война 1621—1622 годов. Однако начало включению Московского государства в европейскую политическую борьбу с габсбургско-католическим лагерем было положено. Дипломатические отношения с Империей были прерваны с 1616 до 1654 года. В «датский период» Тридцатилетней войны московское правительство стало применять (сначала неуверенно) особый доступный ему способ субсидирования антигабсбургских государств: оно разрешало им, и только им, в особенности же правительству Дании, закупку зерна по дешевым ценам, стоявшим на русском внутреннем рынке, для вывоза его через Белое море и перепродажи на Западе со значительной прибылью.

Но полностью весь этот политический курс Московского государства созрел и развернулся только в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в., то есть в конце «датского» и начале «шведского» периодов Тридцатилетней войны.

Некогда польский историк Чермак с сожалением писал, что Польша была единственным европейским государством, не принимавшим никакого участия в Тридцатилетней войне [4]. Это мнение в дальнейшем было опровергнуто бесчисленными фактами, показывающими тесную политическую и даже военную взаимопомощь между Польско-Литовским государством и имперским правительством в различные моменты Тридцатилетней войны. Причем все это служило в конечном счете не на пользу, а во вред коренным интересам польского народа: исторически прогрессивной могла быть только обратная политика — борьба за возвращение некогда отошедших к Габсбургам исконных польских земель на западе, в частности Силезии, путем отказа от захваченных польскими и литовскими магнатами русских, украинских и белорусских территорий на востоке и союза Польши с Россией.

---

[3] В задачу настоящего доклада не входит перечисление все возрастающей литературы по истории международных отношений эпохи Тридцатилетней войны. Но все же из новейших работ нельзя не отметить первоклассного исследования чешского историка: Josef Polišensky. Nizozemská politika a Bílá Hora. Praha 1958.

[4] W. Czermak. Polska wobec wyniku wojny 30-letniej. Studya historyczne. Kraków. 1901.

Зато гораздо бесспорнее представлялось историкам мнение, что Россия в самом деле не имела ни малейшего отношения к истории Тридцатилетней войны. Взгляд этот казался совершенно неоспоримым и очевидным. Правда, разрозненные факты, говорящие как будто об обратном, констатировались прежде как шведскими (Кронхольм, Вейле), так и русскими историками (Бантыш-Каменский, Соловьев, Форстен). Но это было далеко от опровержения общепринятого взгляда в целом. Вот почему противоположный тезис — о том, что внешняя политика Московского государства существенно повлияла на международные отношения в разгар Тридцатилетней войны, особенно в «шведский» период, был на первых порах встречен как парадокс. Интересно, что тезис этот был выдвинут почти одновременно во время второй мировой войны Давидом Норрманом в Швеции [5], обратившимся к изучению шведских архивных источников, и автором этих строк в СССР, основывавшимся на русских архивных материалах. Наши исследования далеко нельзя назвать совпадающими по выводам и материалам, между прочим, потому, что Д. Норрман не привлек не только русские неопубликованные документы, но и опубликованные на русском языке, к тому же ограничив свое исследование довольно узкими хронологическими рамками — 1630—1632 годами. Во всяком случае, с указанного момента начался штурм историками, преимущественно историками СССР, этой интереснейшей открывшейся проблемы: Россия и Тридцатилетняя война. С 1945 до начала 1947 г. вышло в свет несколько статей автора этих строк по данной теме [6]. В конце 1947 г. появилась брошюра О. Л. Вайнштейна [7], сделавшего первую попытку изложить в целом уже привлекшую широкое внимание проблему; к сожалению, автор совсем не изучал источников, имеющихся в архивах СССР. В дальнейшем к исследованию этой увлекательной темы присоединились и некоторые другие советские историки. Из зарубежных авторов ей посвятил в 1953 г. несколько страниц в своем докладе на съезде немецких историков известный западногерманский ученый Георг фон Раух [8], не проявивший, однако, полного знакомства с русской и шведской литературой вопроса. Что касается автора этих строк, то он продолжал в дальнейшем публикацию серии своих статей по истории международных отношений эпохи Тридцатилетней войны [9], а также выступил с обобщениями основных итогов всего исследования в Финляндии в 1956 г.[10] и вскоре в Австрии, на четвертом съезде австрийских историков [11].

Основной архивный фонд, на который опираются эти исследования,— это архив Посольского приказа (тогдашнего департамента иностранных дел), хранящийся в Москве, в Центральном государственном

---

[5] David Norrman. Gustaw Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tyska kriget (1630—1632). Uppsala. 1943.

[6] Б. Ф. Поршнев. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал», 1945, № 3; его же. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии», 1945, № 5; его же. Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны. «Вопросы истории», 1947, № 1.

[7] О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война. М. 1947.

[8] G. von Rauch. Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jahrhunderts. «Historische Zeitschrift», August 1954. Bd. 178, H. 1, S. 30—32.

[9] См., например, Б. Ф. Поршнев. Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг. «Скандинавский сборник». Т. 1. Таллин. 1956. Другие статьи автора будут указаны ниже.

[10] B. F. Porshnew. Neuvostoliton historijoitsiyain tutkimukset Venäjän ösündesta kolmikymmenvuotisen sotaan. (Die Forschungen der Historiker Sowjetrusslands über die Anteil Russlands am Dreissigjährigen Krieg). «Historiallinen Aikakauskirja», 1956, № 1.

[11] B. Porschnew. Über die Rolle Russlands im Dreissigjährigen Krieg. «Bericht über den vierten österreichischen Historikertag in Klagenfurt, 17—21 September 1956». Wien. 1957.

архиве древних актов (ЦГАДА). Вся переписка русского Посольского приказа с иностранными державами, как и материалы о деятельности иностранных послов и резидентов в Москве и русских посольств, которых отправляли за границу, применительно к интересующему нас времени сохранилась почти в целости. В подавляющей части документы эти еще не опубликованы и очень мало изучены. Это поистине гигантский фонд источников, изучение которого потребовало долгого ряда лет. Все «столбцы» и «книги» Посольского приказа расклассифицированы по странам. Главное значение для нашей темы имеет весьма обширный по количеству материала раздел «Сношения с Швецией», а именно за 1620—1640-е годы. Важны также собрания документов о сношениях с Турцией, Крымом, Францией, Англией, Голландией, Польшей, Данией, Семиградьем и другими странами, а также с греческими православными церквами. Кроме русских документов, для исследования указанной проблемы важнейшее значение имеют документы шведских государственных архивов, в известной части опубликованные или же цитированные в трудах упомянутых выше авторов. Существенное значение имеют также документы, хранящиеся во французских, австрийских и других архивах.

В 1619 г. из польского плена возвратился в Москву и стал фактическим главою Московского государства отец первого Романова, царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет Никитич. Это была по-своему огромная историческая фигура, хотя остающаяся до сих пор малоизученной. Федор (Филарет) Никитич Романов сыграл крупную роль еще в истории «Смутного времени». Он был ближайшим из остававшихся в живых наследников Ивана Грозного; самым опасным врагом Бориса Годунова; может быть, тайным организатором, несмотря на свое глухое монастырское заточение, появления первого самозванца; неустанным и гибким деятелем «смуты», возведенным вторым самозванцем в сан патриарха всея Руси. Став, наконец, «великим государем», то есть подлинным царем при безропотном Михаиле Федоровиче, патриарх Филарет Никитич успешно боролся с реакционным боярством и может быть отнесен к числу предтеч абсолютизма в России. Из девятилетнего пребывания в Польско-Литовском государстве в качестве заложника Филарет Никитич вынес хорошее знание этого государства и европейской политической ситуации. Главную внешнеполитическую задачу России Филарет Никитич видел в сокрушении Польско-Литовского государства для возвращения русских, украинских и белорусских земель. Он отдавал себе отчет в необходимости сокрушения для этого и союзников Польско-Литовского государства — всего габсбургско-католического лагеря в Европе. Последовательно и настойчиво он устранял из правительственного аппарата Московского государства сторонников обратного, дружественного Польско-Литовскому государству курса, таких, как думный дьяк Иван Грамотин.

Та же главная внешнеполитическая задача диктовала Филарету Никитичу и его окружению необходимость хотя бы временного сближения Московского государства с основными военными и политическими противниками Польско-Литовского государства — Швецией и Турцией, то есть с обоими флангами «барьера», несмотря на все имевшиеся обиды и противоречия. Шведско-польская и турецко-польская борьба занимала в первые десятилетия XVII в. важное место в политической жизни Европы. Активный обмен Московского государства посольствами со Швецией и Турцией (а также вассалом Турции — Крымским ханством) довольно быстро осуществил это сближение в течение 20-х годов XVII века.

Со стороны Швеции главным организатором сближения с Московским государством являлся король Густав-Адольф. Эта сторона его политики в последний период его правления освещена еще недостаточно (преимущественно в указанной работе Д. Норрмана и лишь в малой

мере также Нильсом Анлундом, Иоганном Паулем, Карлом Вейле и в опубликованной шведским генеральным штабом истории войн Густава-Адольфа). Хотя в своей политике сближения с Россией Густав-Адольф опирался на довольно влиятельные шведские военные круги, она не находила полной поддержки со стороны канцлера Акселя Оксеншерна и большинства шведской олигархии. Допустимо предположение, что, может быть, именно эта политика привела в решающий момент к устранению Густава-Адольфа с исторической сцены.

В Турции Московское государство не нашло таких активных сторонников сближения среди правящих лиц. Роль главного поборника и организатора русско-турецкого военно-политического союза против Польско-Литовского государства выпала на долю вселенского и константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Его большое влияние при султанском дворе поддерживалось также голландским и английским послами, но встречало ожесточенное противодействие противной партии, возглавлявшейся иезуитами и послами католических держав, в первую очередь австрийским и французским (может быть, точнее сказать, не французским, а послом отца Жозефа — графом Сези). Активным поборником идеи военного союза с Московским государством выступил также формальный вассал Османской империи, но фактически почти самостоятельный государь Семиградья Бетлен Габор. Он, в свою очередь, уже находился в тесных союзнических отношениях с Густавом-Адольфом.

Курс Филарета Никитича на всемерное сближение со Швецией и Турцией также вызывал немало противодействия в правящих кругах Московского государства. Так, даже один из его ближайших сподвижников, князь И. Б. Черкасский, ставший после его смерти, с 1633 г., фактическим руководителем русской политики, отнюдь не был безоговорочным сторонником этого курса. Ведь только отказ со стороны России от борьбы в ближайшее время за Прибалтику (и Причерноморье) открывал возможность русско-шведского (и русско-турецкого) сближения против общего врага — Польско-Литовского государства, а в известной мере и против всего габсбургско-католического лагеря. Но Филарет Никитич сумел нейтрализовать эту оппозицию, по крайней мере на некоторое время.

Москва стала в конце 20-х — начале 30-х годов естественным связующим звеном в формировании восточноевропейской коалиции. Густав-Адольф старался обеспечить себе поддержку со стороны Турции, Крыма, Семиградья, запорожского казачества и в сношениях с этими политическими силами Восточной Европы искал содействия Московского государства. Шведские послы ездили через Москву в Турцию и Крым для переговоров о союзе, а турецкие и крымские с той же целью — в Швецию.

1628—1629 годы — рубеж в развитии Тридцатилетней войны. «Датский период», как прежде «чешский», закончился почти полной победой императора и католической реакции внутри Германии. Теперь вся Европа стояла перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов. Однако Франция и Швеция, которым предстояло в будущем победоносно завершить Тридцатилетнюю войну, в это время еще находились на заднем плане, хотя именно им грозила непосредственная опасность: Франции — удушение в кольце габсбургских владений, которое она при Ришелье дважды пыталась разорвать в Италии, в 1624 и 1628 гг. (войны за Вальтелину и за Мантуанское наследство); Швеции — утеря балтийского господства и восстановление на шведском престоле католика Сигизмунда III руками его родственников и союзников Габсбургов.

Ришелье искал союза с Густавом-Адольфом еще с 1625 г., исходя из мысли, что гибельной для Империи была бы только война на два фронта, тиски между двумя армиями. Но тогда этот план сорвался из-

за отказа Густава-Адольфа начать войну в Империи, прежде чем он покончит войну с Польско-Литовским государством за балтийское побережье — за Ливонию и Пруссию. Эта война, давняя, затихшая было в 1622—1624 гг., снова разгорелась в 1625 году. Несмотря на все уговоры, Густав-Адольф оставался непреклонным в своем отказе; в 1626 г. он сообщил английским, голландским и бранденбургским дипломатам, что повернуть оружие против Империи, не окончив войны с Польшей, было бы безумием. Для Ришелье это означало невозможность антигабсбургской политики: силы Дании были исчерпаны, Голландия уже несла бремя войны с Испанией, Англия, раздираемая внутренними противоречиями, от попыток международного умиротворения вскоре перешла к войне с Францией, а затем к состоянию полного внешнеполитического паралича. Ришелье на время отдался прогабсбургской политике отца Жозефа. Но к 1628—1629 гг. угроза национальной независимости Франции стала слишком непосредственной. Выход состоял только в том, чтобы добиться хотя бы временного перемирия между Швецией и Польско-Литовским государством и реальной гарантии того, что за то время, пока шведская армия будет воевать в Германии, польско-литовская армия не нанесет ей неожиданного удара в спину.

Посредничество Франции в заключении в 1629 г. Альтмаркского шестилетнего перемирия между Швецией и Польско-Литовским государством многие историки называют «мастерским ходом» Ришелье [12]. Но дипломаты не творят историю. Французская дипломатия всего лишь использовала фактор, от нее не зависевший, но ставший ей известным: в 1628 г. Московское государство тайно сообщило сначала Турции, затем Швеции о своем окончательном решении не дожидаться истечения срока Деулинского перемирия и начать войну с Польско-Литовским государством и его союзниками в ближайшее время вместе с Швецией, Турцией, Семиградьем и при союзнических отношениях с Данией, Голландией и Англией. Франции оставалось только поддержать и использовать это решение. Отправление французским правительством Шарнасе в Варшаву и Стокгольм и Деэ де Курменена в Москву (где он добился подтверждения указанных сведений и союзнических отношений), возможно также и негласное соучастие Ришелье в поездке в Москву деятелей французской гугенотской партии Талейрана и Русселя — это составные элементы одного дипломатического акта [13]. Извещенное о надвигавшейся войне с Московским государством, правительство Польско-Литовского государства, до того решительно отвергавшее перемирие с Швецией, проявило сговорчивость, уступчивость и поспешность. Вскоре после Альтмаркского перемирия и получения официального заверения московского правительства о предстоящей вскоре русско-польской войне Густав-Адольф высадился со своим войском на одном из островов балтийского побережья Империи. Начался «шведский» период Тридцатилетней войны. Но после первых блестящих успехов в Померании Густав-Адольф неожиданно прекратил наступление. Этот глубокий стратег и политик лучше, чем кто-либо в Швеции, понимал, что если Польско-Литовское государство не будет связано «московской войной», оно двинет свои войска на помощь императору, как и император прежде оказывал ему военную помощь против шведов, в частности в польской Пруссии. И тогда сам Густав-Адольф оказался бы в Германии в смертельных тисках.

Для Швеции военное столкновение с германской Империей диктовалось развитием борьбы за экономическое и политическое господство над Балтикой. Вместе с тем Густав-Адольф, уже «отнявший море», по его

[12] Основное исследование об этом см. M. Cichocki. Medjacja Francji w roseimie Altmarskim. Kraków. 1928.

[13] Б. Ф. Поршнев. Из истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны. «Французский ежегодник. 1958». М. 1959.

собственным словам, у Московского государства и фактически добившийся того же в ожесточенной войне с Польско-Литовским государством, не только зарился теперь на принадлежавшее Империи померанское побережье Балтики, но и беспокойно оглядывался на Габсбургов, готовых лишить его и всех приобретений и короны; император, по его словам, «метил в самое сердце Шведского государства».

Однако зачем нужно было Московскому государству содействовать шведскому вторжению в Германию? Изучение документов Посольского приказа показывает, что не было сколько-нибудь существенных политических событий в любой из европейских стран, о которых в Москве не были бы получены сообщения через те или иные каналы. Все это тщательно суммировалось и изучалось [14]. Документы Посольского приказа показывают также, что буквально все иностранные послы, касавшиеся в Москве польской проблемы, послы Турции, Швеции, Франции, Голландии, сходились в одном тезисе: Польско-Литовское государство сильно помощью, которую ему оказывает Империя; если международная обстановка сложится в Европе так, что Империя не сможет помогать Польско-Литовскому государству, то Польско-Литовское государство будет слабо и может быть побеждено. Отсюда широкая коалиционная точка зрения во внешней политике Филарета Никитича. Когда французский посол Деэ де Курменен осторожно коснулся в переговорах в Москве возможного шведско-польского перемирия, его только спросили: «Если польский король со шведским помирятся, государю их (французскому) Людовику то выгодно ли будет, и английскому королю, и датскому, и голландцам то выгодно же ли будет?» Раз да, значит, и Московское государство не возражает против этого перемирия. Оно адресовало Густаву-Адольфу пожелание победы над германским императором.

Более того, Московское государство оказало весьма существенную материальную помощь шведам в их дорогостоящей войне в Германии. В условиях Тридцатилетней войны, как войны наемных армий, военный потенциал противников определялся возможностью мобилизовать максимум денежной наличности. Широко известно, что с 1631 г. Швеция вела войну в Германии в значительной степени на французские субсидии: 400 тыс. рейхсталеров в год, что соответствовало приблизительно $^1/_4$ всего государственного бюджета Швеции, но лишь $^1/_{50}$ государственного бюджета Франции. Московское государство применило отмеченный выше способ предоставления скрытых субсидий: в 1628—1633 гг. оно предоставляло шведскому правительству в отличие от других иностранцев зерно по себестоимости, отказываясь от пошлин и обычной монопольной прибыли (торговля хлебом была царской монополией) и отлично зная к тому же, что зерно будет перепродано на амстердамской бирже по ценам, стремительно возросшим в те годы. Это были именно политические субсидии, а не торговые операции, хотя субсидии и отпускались в товарной форме: шведские послы неизменно указывали, что они испрашивают русское зерно как помощь для ведения войны против «римского (германского) императора», «Австрийского дома», «папежан» (католической лиги). Шведское правительственное послание 1630 г. к русскому царю разъясняло, что «тою хлебною помощью скрытым образом будет нанесен ущерб и императору и польскому королю»: как только Густав-Адольф развернет войну против императора, это будет обороной и Московского государства, ибо у Польско-Литовского государства, германской Империи и римско-католической церкви ныне общая судьба — общая победа или общая гибель. Московское правитель-

[14] Г. В. Форстен, хотя он специально и не изучал эти архивы, справедливо писал: «Напрасно думают, что в Москве ничего не знали о событиях западноевропейских; напротив, там внимательно следили за великой религиозно-политической борьбой, занимавшей Европу целых 30 лет» (Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях. Т. II. СПБ. 1894, стр 497).

ство с такими же самыми чисто военно-политическими мотивировками давало разрешения на вывоз зерна. Произведенные нами подсчеты размеров этой материальной помощи дали поразительные результаты: в течение 6 лет московское правительство предоставляло шведскому правительству для ведения войны в Германии в среднем ежегодно около 100 тыс. рейхсталеров номинальной субсидии (уступка своих доходов, сравнительно с отпуском другим иностранцам), что составляло приблизительно $^1/_{20}$ всего государственного бюджета Московского государства, и около 400 тыс. рейхсталеров реального дохода (от перепродажи зерна в Голландии). Половина этой шестилетней скрытой субсидии, а именно около 1 млн. 200 тыс. рейхсталеров, приходится на 1630 год. Понятно, почему к 1631 г. Густав-Адольф смог развернуть крупные военные силы в Германии.

Одновременно Московское государство вело дипломатическую и военную подготовку к войне с Польско-Литовским государством. Затяжка переговоров с Турцией и Семиградьем о совместном выступлении и формирования русской армии привела к откладыванию начала военных действий вплоть до августа 1632 года. Но Густав-Адольф был в курсе всех приготовлений, и это многое объясняет в его поведении в Германии, приковывавшем напряженное внимание всей Европы.

Он долго оставался на занятом померанском плацдарме, ожидая, действительно ли Польско-Литовское государство окажется скованным военной угрозой с востока. Он помогал русским уполномоченным в вербовке ландскнехтов и найме командного состава, в закупке оружия и амуниции в Германии. Благодаря его рекомендации сын одного из его самых выдающихся военачальников, фельдмаршала Александра Лесли, полковник Александр Лесли-младший был поставлен во главе всех наемных иноземных войск Московского государства. Специальные уполномоченные шведского короля — Антон Мониер, Иоган Мёллер, Жак Руссель — непосредственно связывали его с московским двором и трудились над окончательным оформлением шведско-русского союза.

Для историков Тридцатилетней войны оставалось не вполне ясным, почему Густав-Адольф двинулся в глубь Германии только через год после занятия Померании и почему он еще через год вернулся с армией из юго-западной Германии, где был уже у порога триумфа, назад в северо-восточную Германию, найдя там свой трагический конец. Но загадки «шведского периода» Тридцатилетней войны получают удовлетворительное объяснение, если принять во внимание положение дел в Восточной Европе, и прежде всего историю подготовки и начала так называемой Смоленской войны — войны между Московским и Польско-Литовским государствами 1632—1634 годов.

Единственное, что хоть отчасти описано в исторической литературе,— это вызывающие обычно недоумение и даже порицание претензии Густава-Адольфа на польскую корону в связи с близившейся смертью Сигизмунда III, претензии, которые, по мнению многих, в том числе его канцлера Акселя Оксеншерна, лишь отвлекали его от ведения войны в Германии, сулившей ему, может быть, даже императорскую корону. Общепризнано, что шансы Густава-Адольфа на добровольное избрание его польско-литовским сеймом, даже при поддержке его кандидатуры диссидентами, были близки к нулю. Но считается, что даже эти ничтожные шансы были сорваны шумной пропагандой его кандидатуры, организованной Жаком Русселем, получившим для этой цели необычайно широкие полномочия от Густава-Адольфа. Однако анализ всей совокупности источников приводит к выводу, что Густав-Адольф и его уполномоченный Жак Руссель преследовали этим путем иную цель: ускорить вступление Московского государства в войну с Польско-Литовским государством. Жак Руссель настойчиво разъяснял в Москве, что польская

корона в конце концов достанется Густаву-Адольфу, но либо путем добровольного его избрания, и тогда Московское государство ничего не выиграет от этого, либо насильственными средствами, если Московское государство вступит в войну, и тогда оно получит свою долю общей победы.

Ту же цель преследовал Жак Руссель и отправкой двух своих доверенных лиц через Москву к запорожским казакам с призывом от имени Густава-Адольфа восстать против Польши. Он старался практически связать казацкое восстание с Москвой и тем самым предрешить вопрос о переходе Запорожской Украины от Польско-Литовского государства к Московскому [15].

Но насколько далеко продвинулось оформление русско-шведского военно-политического союза, оставалось до недавнего времени совсем неизвестным. Теперь на основе архивных документов выяснено, что Густав-Адольф дал обещание не только помочь в организации русской наемной армии, поделившись с ней всем своим первоклассным военно-техническим опытом (что и было выполнено, в том числе русским был передан секрет облегченных пушек), но и двинуть часть своей армии на Польско-Литовское государство с запада, из Силезии или Пруссии, когда русская армия будет наступать с востока. Командование этой будущей операцией с запада было поручено сначала Густаву Горну, затем Александру Лесли-старшему, наконец, Герману Врангелю. Русское правительство взяло на себя обязательство оплатить стоимость этой операции. Была согласована в главных чертах и граница последующего воссоединения с Московским государством русских, украинских и белорусских земель: граница должна была пройти по Западной Двине, Неману, Днепру, с выходом в Черное море. Московское правительство соглашалось за эту помощь содействовать получению Густавом-Адольфом польской короны. Предполагалось, по-видимому, что он взамен уступленных на востоке земель присоединит к Польше Силезию. Обе стороны готовы были дать обещание сохранить между собой самый тесный дружественный союз и на дальнейшие времена.

Заняв померанский плацдарм летом 1630 г., Густав-Адольф вынужден был проявлять в Германии осторожность до сентября 1631 г. не только из-за внутригерманской обстановки, но прежде всего из-за ожидания вестей из Москвы по всем этим сложным вопросам шведско-русского союза. Только в июне 1631 г. к нему прибыли в Штеттин из Москвы Александр Лесли-младший с подробной информацией и русские послы, привезшие Густаву-Адольфу официальное уведомление об объявлении Московским государством войны Сигизмунду III. В этом документе, как и в одновременных посланиях русского царя английскому королю Карлу I, датскому королю Христиану IV, голландскому штатгальтеру Генриху Оранскому и Нидерландским Генеральным Штатам, решение начинать военные действия против Сигизмунда III и его сына Владислава объяснялось намерением последних завоевать Московское государство и ввести в нем католицизм «по умышлению папы римского и по совету императора (германского) и короля испанского». В августе 1631 г. Густав-Адольф получил и переданные через Русселя, Мониера и Мёллера ответы московского правительства о согласии по всем основным пунктам переговоров о союзе. Теперь Густав-Адольф мог не бояться удара со стороны Польско-Литовского государства. В то же время отсрочка выступления русской армии до лета 1632 г. освобождала его на несколько месяцев и от необходимости быть вблизи польской границы для руководства встречным наступлением с запада. Вот почему он смог ринуться в свой головокружительный победоносный

[15] И. П. Крипякевич. Козаччина в політичних комбінаціях 1620—1630 рр. «Записки наукового товариства імени Шевченка» Т 117—118. Львів. 1914.

рейд в глубь Германии, вступить в единоборство с Тилли и Валленштейном, погрузиться в сложный мир внутригерманских политических отношений и социальных противоречий. Только весной 1632 г. под Нюрнбергом он снова страстно занялся польскими и русскими делами и с возрастающим нетерпением стал стремиться назад в северо-восточную Германию, несмотря на все противодействие Акселя Оксеншерна, не понимавшего в полной мере тревог великого стратега и дипломата и настаивавшего, чтобы он без оглядки шел на Вену. В августе 1632 г. русское правительство двинуло к польско-литовской границе свое войско, развернувшее в сентябре — октябре стремительное наступление и осадившее Смоленск. В октябре 1632 г. Густав-Адольф с армией двинулся на север, предварительно предписав фельдмаршалу Врангелю готовиться к наступлению на Польшу из Пруссии.

Таким образом, взаимосвязь ярчайшего эпизода Тридцатилетней войны — ошеломившего Европу похода «снежного короля» туда и обратно через всю Германию — и русско-польской Смоленской войны в настоящее время может считаться доказанной.

Но русско-шведский союз против Польско-Литовского государства был лишь частью и лишь программой-минимум гораздо дальше идущих планов, вынашивавшихся в то время некоторыми политическими и религиозными деятелями в разных странах.

Напомним, что речь идет о кульминационном моменте борьбы Реформации и Контрреформации, то есть протестантизма и католической реакции в Европе. Политическая борьба еще была облечена в идеологическую форму религиозной борьбы. На протяжении 20-х годов XVII в. чаша весов дважды почти окончательно склонялась к победе католицизма. И поэтому именно в те же годы в антикатолических церковных и политических кругах активно развивались планы сплочения и соединения в единую силу всех некатолических церквей. Между лютеранством, кальвинизмом, англиканством существовала глубочайшая рознь. Устранить ее хотя бы ценой далеко идущих уступок в вопросах вероучения и культа — таков был единственный путь к победе над общим противником, по мнению деятелей объединительного движения. Джон Дури (Durie, Dourie, Duräus) и его сподвижники в Германии, архиепископ кентерберийский Аббот со своими друзьями в Англии, голландские арминиане, чешские последователи Амоса Коменского, Густав-Адольф и Аксель Оксеншерна в Швеции, Бетлен Габор в Семиградье и многие другие были поборниками этого движения. Но дело уже не могло сводиться к новому этапу в истории Реформации — соединению реформированных церквей. Идеология движения неминуемо должна была принять эйкуменистский характер: выступить как идея объединения всех христианских церквей путем совместного сокрушения единственной из них, признаваемой еретической, а именно римско-католической церкви. Иными словами, и логика движения и реальное соотношение сил обязательно требовали включения в это церковное единство и греко-православной церкви.

Со своей стороны, и многие влиятельные руководители греко-православной церкви ходом общественно-политических событий подталкивались к тому же желанию. Православные народы Балканского полуострова, находившиеся под властью Турции, снова и снова готовились к восстанию и борьбе за независимость под религиозными знаменами, под лозунгом свержения мусульманского ига. В частности, такое восстание назревало в первом-втором десятилетиях XVII века. Тогда-то на эту большую потенциальную силу решил опереться французский вельможа герцог Неверский, являвшийся по происхождению последним представителем свергнутой турками византийской династии Палеологов. Восстание должно было восстановить Византийскую империю — «второй Рим». Но, согласно замыслу, Византия должна была воскреснуть уже

как католическая держава. За спиной герцога Неверского стояли отец Жозеф, папство, Испания, Империя, Польско-Литовское государство и другие католические силы. Для крестового похода был создан могущественный католический орден «Христианской милиции». В то же время герцог Неверский находился в сношениях с частью духовенства Греции, Сербии, Албании, Македонии, Болгарии, Герцеговины, Далмации, а также Валахии и Молдавии. Александрийско-константинопольские патриархи Мелетий Пегас и еще более его преемник Кирилл Лукарис понимали, что осуществление этого грандиозного замысла хотя и дало бы желанное освобождение христиан от власти ислама, вместе с тем означало бы ликвидацию всей возглавлявшейся ими греко-православной церкви (за исключением, может быть, русского патриаршества). И единственный противовес этой надвигавшейся унии с католицизмом они усматривали в энергичном и смелом сближении с протестантизмом, в первую очередь с наиболее активной и воинствующей из протестантских церквей — кальвинизмом.

Особенно далеко по этому пути пошел Кирилл Лукарис. Вокруг его имени в исторической и церковной литературе до сих пор кипит борьба мнений. Но является окончательно доказанным, что константинопольский патриарх решился на полное слияние православного и кальвинистского вероучения, несмотря на противодействие немалой части греческого духовенства. В 1629 г. он опубликовал «Confessio» («Исповедание веры»), где включены основные догматы кальвинизма. Кирилл Лукарис находился в теснейших связях с женевскими, голландскими, английскими, немецкими, венгерскими, французскими кальвинистами. Он вступил в сношения и с крупнейшими поборниками объединительного протестантского движения в Европе, в том числе с Густавом-Адольфом, Акселем Оксеншерна, Бетленом Габором. Его ближайшими сподвижниками и в известной мере духовными руководителями в ожесточенной и полной драматизма борьбе были находившиеся в Константинополе голландский посол Корнелий Хага и женевский пастор и богослов Антон Лежер. Папство и орден иезуитов делали все мыслимое для дискредитации Кирилла Лукариса и низложения его с патриаршего престола; последнего им удавалось достигнуть несколько раз путем всяческого давления на двор султана Мурада IV, но Кирилл Лукарис каждый раз победоносно возвращался на свой пост, пока не был убит в 1638 году.

Курс вселенского и константинопольского патриарха на объединение православия и кальвинизма не был вопросом его индивидуальных религиозных убеждений. Этот курс пользовался поддержкой определенной части высшего православного духовенства, в том числе и некоторых других патриархов. Но все же Кириллу Лукарису приходилось действовать с большой осторожностью, нередко втайне, маневрируя, осуществляя реформу скорее де-факто, например, путем замены старых богослужебных книг новыми.

До сих пор оставался совершенно не затронутым исследователями вопрос о том, знал ли русский патриарх Филарет Никитич, занимавший формально второе, а фактически едва ли не первое место среди православных иерархов, о реформе, предпринятой Кириллом Лукарисом, и как он к ней относился. Архивные документы говорят лишь об их самых тесных и частых связях: обмене посланиями по различным частным вопросам, отправлении друг к другу надежных лиц с устными сообщениями, не доверявшимися бумаге. По-видимому, многое из переписки двух патриархов, как и вообще из бумаг Филарета Никитича, было уничтожено сразу после его смерти и в дальнейшем. И все-таки всесторонний анализ церковной и политической деятельности Филарета Никитича заставляет в настоящее время с большим основанием предполагать, что он

был посвящен в замысел Кирилла Лукариса и поддерживал этот замысел, хотя и с большой осторожностью. Неизбежно последовавшие в конце концов разоблачения, может быть, следует связать с его скоропостижной смертью в октябре 1633 года. Благодаря своему исключительно авторитарному положению в русской церкви Филарет Никитич мог попытаться понемногу осуществить этот замысел путем изъятия из употребления части богослужебных книг и распространения в дальнейшем взамен них новых. Он нарушил традиционную неприкосновенность старинных русских церковных книг, широко поставил дело их «исправления», как и печатания новых, полностью изъял употреблявшийся при его предшественниках «устав». Все это, по-видимому, подготавливало почву для более смелых действий. Совершенно случайно сохранившийся в архиве Посольского приказа отрывок из разоблачений, сообщенных шведским гонцом Вассерманом в марте 1634 г., говорит о том, что патриарх Филарет Никитич заказал Жаку Русселю за крупную сумму организовать перевод на русский язык кальвинистского «служебника», что и было выполнено. По всей вероятности, ко времени Филарета Никитича относится и найденная финским историком Бекманом в архивах Хельсинки рукопись перевода на русский язык кальвинистского голландского катехизиса. Этот компрометирующий покойного патриарха Филарета Никитича документ сохранился среди личных бумаг Артамона Матвеева, активного продолжателя во второй половине XVII в. внешней политики Филарета Никитича [16].

Кроме нескольких иерархов греко-православной церкви, непосредственную связь патриарха всея Руси Филарета Никитича с патриархом вселенским и константинопольским Кириллом Лукарисом осуществлял Жак Руссель. Он пользовался огромным личным доверием и того и другого. Он же осуществлял и связь Филарета Никитича с протестантскими кругами Запада. В дальнейшем он приобрел такое же доверие и Густава-Адольфа. Жак Руссель — интереснейший исторический персонаж [17]. Он был французом по происхождению, кальвинистом, братом крупного деятеля кальвинистской церкви, подвизавшегося сначала в Седане, затем в окружении вождя французских гугенотов герцога Рогана. Жак Руссель получил широкое гуманистическое и богословское образование. Прожив несколько лет в Польско-Литовском государстве, Жак Руссель правильно оценил его внутреннее состояние и огромную роль в планах европейской католической реакции. После попытки разъяснить все это кардиналу Ришелье у стен Ла Рошели в 1628 г. Жак Руссель вскоре встретил понимание у герцога Рогана и был направлен последним в Восточную Европу для содействия сплочению всех антикатолических сил. Он побывал при дворах герцога Савойского, герцога Неверского в Мантуе, затем в Венеции, при дворе Бетлена Габора, откуда в качестве официального посла (вместе с другим гугенотом, Шарлем Талейраном) поехал в Константинополь. Там он и выступил уже вполне сложившимся адептом идеи объединения некатолических христианских церквей. Но церковно-религиозные планы были в ту эпоху лишь идеологической формой, за которой выступало определенное политическое содержание: план создания обширной антигабсбургской коалиции, преимущественно восточноевропейских сил (Семиградья, Молдавии, Валахии, запорожского казачества, Московского государства, Швеции, а также Венеции и

---

[16] E. Böckman. Den kalviniska kyrkaus trosbekäunelse och katekes (Das Glaubensbekenntnis und der Kahtechismus des kalvinischen Kirche. Eine kirchenslavische Handschrift in der russischen Abteilung der Universität-Bibliothek, Helsinki). «Suomen kirkkohistorialinen seuran vuosikirja (Finska kyrkhistoriska samfundets årsskrift)», XXVI. 1936.

[17] О нем, кроме упомянутых работ И. Крипякевича, M. Cichocki, D. Norrman и автора этого доклада, см. также B. Silfversvan. Eräs polittinen haaveilija 1600—luvulla. «Historiallinen Aikakauskirja», 1934, № 3.

других). Другой заветной целью Жака Русселя было получить разрешение Московского государства на свободную «персидскую торговлю». Из Константинополя Жак Руссель в роли посла Бетлена Габора прибыл в Москву[18], а оттуда ко двору Густава-Адольфа, находившегося уже в Германии, затем в Лифляндию и Москву уже в качестве посла Густава-Адольфа и т. д. Руссель проявил гигантскую политическую активность для осуществления, в частности, ближайшей цели — организации русско-шведского союза против Польско-Литовского государства. Его называли впоследствии главным инициатором Смоленской войны. После смерти своего последнего официального патрона, Густава-Адольфа, Жак Руссель уехал в Голландию, в 1634 г. через Москву вернулся в Константинополь, оттуда — в Венецию (где многие годы находился в изгнании герцог Роган). Вернувшись опять в Константинополь, очевидно, в связи с новым восстановлением и усилением Кирилла Лукариса, Жак Руссель умер там в 1636 году.

Но Смоленская война, возникновению которой Жак Руссель так много содействовал и которая косвенно сделала возможным триумфы Густава-Адольфа в Германии, оборвалась скоро и неожиданно. Причин к тому несколько. Аксель Оксеншерна и шведский государственный совет, не проявившие вовремя понимания глубоких замыслов Густава-Адольфа, после его смерти не подписали уже почти полностью согласованного шведско-русского союзного договора, и русское посольство вернулось из Стокгольма в Москву осенью 1633 г. с пустыми руками. Турция, занятая борьбой с Ираном, опоздала с обещанным выступлением против Польско-Литовского государства, а крымские татары тревожили Московское государство набегами с юга[19]. Восстание запорожского казачества против польского национального гнета задержалось на несколько лет. Но главной причиной, вынудившей московское правительство подписать в июне 1634 г. Поляновский мир с Польско-Литовским государством (выиграв всего лишь отречение Владислава IV от претензий на русский престол), явилось широкое крестьянско-казацкое восстание в ряде центральных областей России, возникшее в 1633—1634 гг. в связи с усилением экономического гнета и начавшее увлекать за собой беднейшее население самой Москвы. Во главе этого народного движения на первом этапе стоял крестьянин-партизан Иван Балаш, от имени которого оно получило в исторической литературе название «балашовщина». Тень «Смутного времени» снова нависла над русским самодержавием[20]. Для подавления внутреннего мятежа оно поспешило развязать себе руки от внешней войны. После смерти Филарета Никитича и подписания Поляновского мира в русский правительственный аппарат стали возвращаться сторонники пропольской политики, и Московское государство на многие годы отвернулось от активных действий на западе.

Заключение Поляновского мира 1634 г. имело катастрофическое значение для шведской армии в Германии. Поскольку Владислав IV стал незамедлительно готовиться к возобновлению войны с Швецией в союзе с Данией, Швеции пришлось оттянуть к польской границе часть своих войск, притом значительно большую, чем потребовалось бы для осуществления плана Густава-Адольфа и Филарета Никитича. Недостаток резервов привел к цепи поражений шведской армии в Германии, начавшейся с Нёрдлингена, к распаду Гейльбронского союза немецких князей, потерявших веру в шведскую силу, к неумолимому прибли-

---

[18] T. Wittman. Bethlen Gábor és az 1628/1629 évi erdélyi-orosz szövetségterv keletkezése. Budapest. 1956.

[19] А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М. 1948.

[20] Б. Ф. Поршнев. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. «История СССР», 1957, № 5.

жению фиаско всего шведского похода в Германию. Положение спас лишь Ришелье: в июне 1635 г. Франция принуждена была вступить в открытую войну с Габсбургами, что дало шведам возможность оказать необходимое давление на Польско-Литовское государство и добиться от него Стумздорфского мира, после чего шведская армия более десяти лет могла снова вести активную войну в Германии, не опасаясь удара в спину.

Такова сложная цепь взаимосвязанных явлений. Что знал Балаш о Ришелье, а Ришелье о Балаше? Ничего. Между тем «балашовщина», сорвавшая Смоленскую войну, косвенно отразилась на другом конце Европы, ибо заставила Ришелье, отодвинув интересы католической церкви, ринуться в тяжкую битву за спасение национальной независимости Франции.

Но вступление католической Франции в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургских сил все же означало существенное изменение характера этой войны: отныне она перестала даже и по форме быть религиозной войной. Религиозная оболочка окончательно отпала, а вместе с нею — все указанные выше планы и замыслы. Большинство действующих лиц описанной драмы сошло со сцены на протяжении всего лишь нескольких лет. «Франко-шведский» период Тридцатилетней войны был уже чисто политическим финалом, когда Франция и Швеция медленно, но неумолимо сжимали и душили агрессивную габсбургскую Империю, а воинственная габсбургская Испания все более приближалась к коллапсу (по выражению Веджвуд) в неравной борьбе с франко-голландскими союзными силами.

В этот период воздействие Восточной Европы, и в частности России, на историю Тридцатилетней войны было уже не столь заметным. Однако роль России как важного фактора европейской системы государств с новой силой проявилась в критические 1644—1645 годы. В это время габсбургско-католическая дипломатия бросила на стол свой последний козырь. Была сделана попытка отвлечь Швецию от войны против германского императора, создав против нее коалицию из Дании, Польско-Литовского государства и России. Дания выступила первой. Были предприняты огромные усилия для примирения и сближения России с Польско-Литовским государством, а также для сближения ее с Данией путем династического брака. Однако после некоторых колебаний Московское государство отказалось от предназначавшейся ему роли и осталось верным дружественному Швеции курсу. Это предопределило отказ и Польско-Литовского государства. Таким образом, и на этот раз позиция Москвы глубоко отозвалась на общеевропейских делах и в немалой мере предопределила трагический для Габсбургов конец Тридцатилетней войны.

Еще раз глубокая связь и единство политической истории Западной и Восточной Европы сказались в самом конце Тридцатилетней войны — во время подготовки и заключения Вестфальского мира 1648 г. и в ее эпилоге, продолжавшемся до 1653 года.

Тридцатилетняя война завершилась не полным, а частичным и абортированным поражением Габсбургов. Это связано с тем, что окончание ее падает на время необычайно широкого раската по всей Европе революционных массовых движений.

Ведь именно с последними годами Тридцатилетней войны совпадает наивысший подъем английской революции под руководством Кромвеля. Во Франции с 1648 г. бушевала Фронда, имевшая на первом этапе характер серьезного революционного движения. В Испании на протяжении 40-х и начала 50-х годов XVII в. ареной народной борьбы («войны жнецов») была Каталония. Португалия была с 1640 г. очагом республиканских заговоров, социального брожения. Значительные политические, если и не социальные бури разыгрывались в Дании, в Голландии.

Широчайшее народное антифеодальное и антииспанское движение развернулось в 1647—1648 гг. в Южной Италии и Сицилии; в Неаполе вслед за Лондоном была провозглашена республика. В 1648 г. восставали крестьяне Австрии, в 1650—1653 гг.— Швеции, в 1653 г. пылала крестьянская война в Швейцарии. В Польско-Литовском государстве в 1648—1651 гг. происходили восстания польских крестьян, в 1648—1654 гг. бушевала национально-освободительная и антифеодальная война украинских крестьян под руководством Хмельницкого. В Московском государстве в 1648 г. прокатилась широкая волна городских восстаний, завершившись в 1650 г. восстаниями в Новгороде и Пскове и крестьянскими движениями в окрестных областях.

Шведский уполномоченный на Вестфальском мирном конгрессе Сальвиус писал в 1648 г. в одном из донесений своему правительству: «Представляется каким-то великим чудом, что во всем мире слышно о восстаниях народа против государей, как-то во Франции, Англии, Германии, Польше, Московии, Турции... Является ли причиной тому некое общее расположение звезд на небе или же что-то вроде всеобщего сговора народов в отношении дурных правителей,— один бог может знать». Это «великое чудо» 1648 и близких к нему годов привлекало огромное внимание современников, но заинтересовало историков лишь недавно (до того каждое из этих движений изучалось изолированно от других). Так, английский историк Мэрримен опубликовал книгу на эту тему [21]. В 1957 г. в Англии состоялась специальная встреча историков разных стран для обсуждения проблемы одновременности и взаимосвязи ряда революционных движений середины XVII века [22].

Их одновременность, очевидно, зависела в известной мере от истощения финансовых ресурсов всех европейских правительств в связи с Тридцатилетней войной. Их взаимосвязь была более велика, чем прежде предполагалось. Кромвель, как утверждают, находился в переписке с Хмельницким; о восстании украинцев писала пресса Фронды [23]. Идейное воздействие английской революции на классовые битвы во Франции, Германии, Голландии, Швеции было огромным. И, наконец, очень велико было их прямое или косвенное влияние на политику правительств, участвовавших в Вестфальском мире. Вести об английской революции подстегнули Фронду во Франции, а это заставило кардинала Мазарини изо всех сил спешить с подписанием мира и пойти на огромные уступки противникам [24]. Швецию труднее было побудить к прекращению сулившей новые успехи войны в Германии, но к сговорчивости ее еще в 1646 г. побудили известия о наборе большой армии польско-литовским королем Владиславом IV [25]. В конце 1648 г. шведское правительство направило тайную инструкцию Карлу-Густаву, кузену королевы Христины, командовавшему шведской армией в Германии: зорко следить за бушующими в Польско-Литовском государстве внутренними раздорами и оттянуть главные силы шведской армии через Силезию и Саксонию на восток, к польской границе, дабы иметь возможность вторгнуться в Поль-

---

[21] R. Merriman. Six Contemporaneous Revolutions. Oxford. 1938.

[22] Seventeenth Century Revolutions. «Past and Present», april 1958, № 13.

[23] Б. Ф. Поршнев. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. «Вопросы истории», 1954, № 5. Немецкий перевод этой статьи опубликован в «Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slawischen Beziehungen und Geschichte Ost — und Mitteleuropas». Halle (Saale). 1956; польский перевод — в «Zagadniena nauki historycznej. Przekrlady», 1954, № 1.

[24] Б. Ф. Поршнев. Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир. «Средние века». Т. III, 1951; его же. Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию. «Средние века». Т. VIII, 1956; его же. «Вторая Фронда» и английская республика. «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле. М. 1957.

[25] Б. Ф. Поршнев. Швеция и Вестфальский мир «Скандинавский сборник». Т. II. Таллин. 1957.

шу из Германии, если это окажется полезным для Швеции. Восставшие в 1648 г. казаки и украинские крестьяне обратились за помощью к России. Но русское правительство начало войну с Польско-Литовским государством только в 1654 г., и только в 1655 г. Швеция осуществила вторжение в Польшу, уже полностью освободившись к этому времени от забот Тридцатилетней войны.

Итак, мы убедились в тесной взаимосвязи внешней политики государств Восточной Европы и Западной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. Но для историка всякое исследование частной, конкретной темы — это то же, что для физика эксперимент. Данная тема заставляет нас вернуться к теоретическому понятию «система государств». Система это или простая сумма государств? Не существует ли общих объективных закономерностей, приложимых ко всякой системе государств?

Сейчас возможно ответить лишь немногое.

Во-первых, нам кажется несомненным, что во всей истории всякому без исключения государству, пока его внутренний общественный строй основывался на эксплуатации человека человеком, частной собственности на средства производства, классовом антагонизме, была вместе с тем свойственна и тенденция к внешней экспансии. Тенденция эта обычно парализовалась подобными же тенденциями других государств. Дипломатия была лишь неустанным прощупыванием слабых мест окружения или же опасностей, грозящих данному государству со стороны других. Во-вторых, на этом фоне в каждую эпоху выступал тот или другой основной очаг агрессии. Это и превращало сумму государств в систему (если говорить о «системе государств» в чисто политическом смысле). В эпоху Тридцатилетней войны основным очагом агрессии являлся габсбургско-католический лагерь с его претензиями на всеевропейское господство. Против агрессии всегда сплачивались те или иные силы, образовывался второй центр системы. Между ними находили свое место государства-лимитрофы и государства, претендовавшие на роль «третьего радующегося», против которых, в свою очередь, складывался тот или иной противовес и т. д. Однако если и есть общие и объективные, то есть не зависящие от частной воли, закономерности любой системы государств, то все же история рисует нам картину постоянной изменчивости и смены этих систем. Причиной тому — столь же объективные и неумолимые законы экономического развития, а также различие темпов этого развития у народов в зависимости от конкретных исторических условий. Наконец, накапливавшиеся классовые противоречия подчас взрывались с огромной силой и приводили к глубоким изменениям общественно-политического строя в той или иной стране, что неминуемо меняло ее удельный вес и положение в системе государств, а следовательно, косвенно отражалось и на всей системе.

Таким образом, история международных отношений не может быть отнесена к чисто описательным отраслям исторической науки и противопоставлена, скажем, экономической или социальной истории. В этой отрасли также могут быть достигнуты большие обобщения и получены важные теоретические выводы.

ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ *

В. Д. Блаватский

Северное Причерноморье еще до возникновения греческих городов прошло сложный путь исторического развития. Об этих отдаленных временах имеются свидетельства античной мифологии, древних историков, топонимики и археологические источники, правда, еще во многом неясные.

Первое знакомство отважных эгейских мореходов с негостеприимными берегами Понта получило отражение в мифе о походе Аргонавтов. Достойно внимания, что Гекатей Милетский (fr. 187) оспаривал сказание, согласно которому Аргонавты плавали по Танаису. Это показывает, что плавание их по Танаису было одной из догекатеевых версий. Далее следуют мифы об Ифигении в Тавриде, об Ахилле на острове Левке, о пребывании Одиссея в мрачной стране киммерийцев. Завершающим звеном является фантастическая география Логографов со сказаниями о гиперборeях и борьбе аримаспов с грифами. Связи Северного Причерноморья со Средиземноморьем во II тысячелетии и в начале I тысячелетия до н. э. подтверждаются находками эгейских и малоазийских изделий этого времени в низовьях Днестра и Днепра, а также на Боспоре Киммерийском [1].

Однако выявить историческую реальность, завуалированную фантастикой мифа,— дело нелегкое. Надежнее и отчетливее более поздние свидетельства Геродота (IV, 11—12), Страбона (VII, 4, 3; XI, 2, 5) и других авторов о древнейших насельниках Северного Причерноморья — киммерийцах, обитавших там до прихода скифов. О походах киммерийцев и скифов в Малую Азию и страны Переднего Востока сообщают Геродот и восточные источники, с этими свидетельствами согласуются результаты недавних раскопок [2] Гордиона, разрушенного киммерийцами.

Еще до обоснования эллинов на северных берегах Понта тамошнее население было разноплеменным. Доказательством служит древняя топонимика. Там встречаются ираноязычные [3] термины: Βοςνσνεγης, Παντικαπης и фракоязычные Τυςιδτακη [4]; наименование боспорского города Κυτα, или Κυταιογ можно сопоставить с аналогичным названием в Закавказье. Упоминаемое Гекатеем (Steph. Byz. Καςκινιτις) название крымского города Керкинитида перекликается с наименованием северо-

---

* Доклад на XI Международном конгрессе исторических наук.

[1] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии и искусств. РАНИОН, II М. 1928, стр. 54 и сл.; А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л. 1947, стр. 19. 26 и сл.

[2] Rodney S. Young. The Campaign of 1955 at Gordion. AJA. Vol. 60. 1956, pp. 263—264; vol. 62. 1958, pp. 142, 154.

[3] В. И. Абаев. Скифский язык Сборник «Осетинский язык и фольклор». М.-Л. 1949, стр. 170, 175, 183, 187.

[4] О наличии автохтонного фракоязычного населения на Боспоре см. I. I. Rusu. Elemente traco-getice in Sciţia şi Bosporul Cimmerian. Studii şi Cercetàri de Istorie Veche. IX, 2. 1958, p. 314 и сл.

кавказского племени керкетов. Название племени Ψηδδοί (IOSPE, II, №№ 6, 83) сохранилось в наименованиях рек Северного Кавказа.

Это позволяет полагать, что более древней группой племен в Северном Причерноморье были обитатели Северного Кавказа, его предгорий и горного Крыма (тавры). Вторым пластом были киммерийцы, вероятно, родственные фракийцам [ср. свидетельство Страбона (I, 31, 21; XIV, 1, 4) о трерах]. Возможно, преемниками киммерийцев были синды. Наконец, к третьему, ираноязычному пласту принадлежали скифы, савроматы и дандарии.

Труднее установить соответствие между этими данными и памятниками археологии. Однако и последние свидетельствуют о том, что население Северного Причерноморья в III, II и первой трети I тысячелетия до н. э. было различным по характеру культуры. Так, в III—первой половине II тысячелетия до н. э. западную часть степной и лесостепной полосы занимали так называемые трипольские племена, а восточную — носители «ямной», а позднее «катакомбной» культуры. Все эти культуры не распространялись на южный и восточный Крым, а также на бассейн Кубани. На территории последнего на рубеже III и II тысячелетий до н. э. пышно расцвела «майкопская» культура. Около середины II тысячелетия до н. э. «катакомбную» культуру сменила доскифская «срубная» культура, носителями которой, вероятно, были исторические киммерийцы.

★

Уже в VII в. до н. э. наладились торговые связи греческих купцов с северопонтийскими варварами, чему немало способствовало развитие земледелия и скотоводства в бассейнах Буга, Днепра и Кубани. Тогда стали возникать сначала временные, а затем постоянные торговые фактории. Такой эмпорий существовал в VII—VI вв. до н. э. на острове Березани, в нем была обнаружена родосская и самосская, клазоменская, навкратийская, коринфская и аттическая керамика.

В первой половине VI в. до н. э. в Северном Причерноморье появились первые эллинские полисы. С этого времени до крушения античной цивилизации в IV в. н. э. наблюдается параллелизм процесса исторического развития в странах Средиземноморья и античных центрах на Понте, правда, осложненный локальными особенностями, подчас значительными.

Эллинство, соседом которого на Западе был римско-италийский мир, а на Востоке — иранская держава Ахеменидов, состояло из нескольких частей, имевших сильно выраженную локальную окраску. Это относится к различным частям Балканского полуострова и особенно к Малой Азии, Сицилии, Великой Греции, Кипру, Навкратису и другим колониям. Северопонтийские государства были северо-восточной ветвью эллинского мира на его далекой окраине. Там имел место контакт довольно малочисленных и по большей части далеко расставленных один от другого, сравнительно слабых греческих центров и многолюдных, в большинстве оседлых варварских племен. Однако среди этого варварского мира значительную роль играли и кочевники, принадлежавшие к северной группе ираноязычных племен.

Этот варварский мир не был неизменным. Примерно в VII в. до н. э. произошло вторжение скифов, потеснивших киммерийцев. Сарматы, обитавшие к востоку от Дона, уже во второй половине IV в. до н. э. вторглись в Скифию и постепенно захватили бо́льшую часть последней; во II в. до н. э. в руках скифов оставался степной Крым и прилежащая к нему территория примерно до Ольвии. В I в. до н. э. в северо-западную часть Причерноморья вторгались геты. Около середины III в. н. э. в страны Северного Понта нахлынули пришедшие с севера готские племена.

Наконец, в последних десятилетиях IV в. н. э. по всему Северному Причерноморью прокатилась опустошительная волна гуннского нашествия. Неоднократная смена соседей создала своеобразные условия существования северопонтийских полисов в отличие от окраинных греческих государств в Сицилии, Великой Греции, Галлии, Фракии и т. д., где соседи-варвары в основном оставались постоянными.

Северный Понт обладал значительными природными ресурсами: тучными полями и пастбищами, изобилием рыбы (Strab. VII, 4, 6). Эти ресурсы, обеспечивая переселенцам развитие земледелия, скотоводства и морских промыслов, способствовали также получению путем торговли с местными племенами хлеба, скота и кож. В обмен на них в VII—VI вв. до н. э. в степь поступала главным образом продукция греческой метрополии.

Существенную роль в истории северопонтийских государств играла их отдаленность от метрополии и сравнительно слабое соприкосновение с нею. Сколько-нибудь постоянных сухопутных дорог, связывающих эту далекую окраину с метрополией, не было. Существовал только морской путь, различные варианты которого засвидетельствованы древними периплами. Плавание было трудным и даже опасным вследствие природных условий на Понте. Были и иные опасности: береговое право фракийцев (Xenoph. Anab. VII, 5, 12), пиратство тавров, акеев, эниохов и других местных племен (Diod. XX, 25; Strab. XI, 2, 12). Пиратство самих северопонтийских греков отчетливо выступает в текстах проксений, упоминающих как привилегию свободу от разграбления в мирное время (IOSPE, I², №№ 20, 22, 349, 357, 358, 364, 376, 378, 697; II, № 1). Пиратам содействовали и боспорские правители (Strab. XI, 2, 12).

Больше контактов, чем с Балканской Грецией, у Северного Понта было с Малой Азией, особенно с ее западным и северным побережьями, а также с Фракией, Македонией, скифо-меото-сарматским миром и кавказским побережьем. Указанное положение отнюдь не означает отрицания торговых связей Северного Понта со Средиземноморьем, хорошо известных по письменным источникам и особенно по многочисленным археологическим находкам. Недаром вопрос о проливах, соединяющих Черное море с Эгейским бассейном, играл существенную роль в политике греческих полисов. Однако связи Северного Понта с метрополией, ограниченные периодом навигаций, далеко не были столь интенсивными, как в континентальной Греции, где, помимо экономического общения, немалую роль играли всеэллинские состязания атлетов, культовые празднества и оракулы, не говоря уже о военных союзах и связанных с ними совместных походах.

В результате довольно слабых политических контактов Северного Понта со Средиземноморьем античные историки сравнительно мало осветили историю Северного Причерноморья и почти не останавливались на происходивших там внутренних событиях. Чуть ли не единственным исключением является рассказ Диодора Сицилийского (XX, 22—24) о войне сыновей боспорского правителя Перисада I. Особенно скудны данные по социальной истории; между тем северопонтийские государственные образования эллинов (не говоря уже о скифах) были различны и испытывали значительные изменения. Внимание древних авторов более привлекали походы Дария, Филиппа II, Зопириона, Лисимаха, Митридата Евпатора, Юлия Аквилы, Т. Плавтия Сильвана и т. п., а отчасти также военная активность боспорских правителей, упоминаемая Полиэном (V, 23, 1; VI, 9, 3—4; VII, 37, 1). Особый интерес вызвала еще у римских авторов (Arrian. Tact. 4, 7; 16, 6; 35, 3; Tacit. Hist. 1, 79) тактика тяжелой сарматской конницы, игравшей немалую роль в позднеантичное время.

Лапидарные надписи несколько пополняют историю Ольвии и Херсонеса. Бледнее эпиграфика Боспора, ограниченная почти только

эпитафиями и посвятительными надписями. Не менее важна северопонтийская нумизматика, проливающая свет не только на экономику, но и на некоторые политические события. При недостатке письменных источников для исследования Северного Понта исключительное значение имеют археологические данные, более объективные, но менее ясные для изучения политических событий или же социальной истории. При таких обстоятельствах для воссоздания общей картины процесса исторического развития античных государств Северного Причерноморья неизбежно подчас приходится прибегать к гипотезам.

Особенностью северопонтийских государств являлась склонность к устойчивому сохранению традиций метрополии, заметно выступавшая в Ольвии и Херсонесе. Приверженность традиции, во всяком случае в области художественных вкусов, можно отметить и на Боспоре. Она выступает, например, в преобладании привозной чернофигурной керамики в первой половине V в. до н. э., когда повсеместно распространились краснофигурные вазы; в производстве посуды с простыми узорами, которое, появившись в VI в. до н. э., продолжалось и в V—IV вв. до н. э., сохраняя традиции периода архаики, а также в повторении образцов краснофигурной вазописи IV в. до н. э. в росписях боспорских так называемых акварельных пелик III—II вв. до н. э.

Отмеченная особенность характерна для некоторой застойности представлений общества отдаленной окраины. Наряду с нею, прежде всего на Боспоре, можно отметить и новые черты, сказывавшиеся в особенностях хозяйства, социального строя, быта, художественных вкусов. Эти черты по большей части возникли в результате местных условий и прежде всего тесных связей с соседними варварами. В первые века существования боспорских городов контакты с местным населением осуществлялись преимущественно греческой знатью, с одной стороны, и племенными вождями — с другой, что привело к некоторой близости между этими группами населения. Параллельным явлением можно считать связи (в том числе брачные) между афинской знатью и фракийской аристократией; потомком такого брака был известный историк Фукидид, сын Олора. Характер греко-варварских контактов привел к тому, что иррадиация эллинской культуры в сторону степей затронула главным образом племенных вождей. Они потребляли проникавшие туда греческие товары: торевтику, вино и проч.

Постепенно эти связи настолько усилились, что привели к расширению некоторых отраслей хозяйства, особенно производства хлеба и скота у местных племен, наиболее сильно втянутых в торговлю. Обмен северопонтийских варваров с эллинскими купцами должен был также способствовать появлению работорговли, источником которой были войны между местными племенами. Коль скоро в роли крупных торговцев со стороны варваров выступала племенная знать, отмеченные экономические связи способствовали ее обогащению, увеличению имущественной дифференциации в варварской среде и усилению власти племенных вождей. Таким образом, общение с греками в конечном счете приводило к ускорению социально-экономических процессов в среде северопонтийских племен.

Экономическим связям эллинов с варварами сопутствовало культурное воздействие первых на вторых, правда, не особенно глубокое. Оно сказалось в потреблении варварами предметов греческого обихода, применении оборонительных доспехов, в освоении некоторых орудий труда, например, ручных мельниц. Должно отметить, что даже в первые века существования северопонтийских городов этот процесс не был односторонним. Греки также испытали некоторое воздействие местных племен; результатом его было, например, большое значение культа Великого женского божества на Боспоре, известного с древнейших времен.

★

В VI и в значительной части V в. до н. э. в период возникновения и в первые времена существования северопонтийских городов они были близки полисам и их союзам в эллинской метрополии. До IV в. до н. э. северопонтийские полисы не были богатыми, рабовладение в них было сравнительно мало развито; находившиеся там города были невелики, население самых крупных из них не превышало нескольких тысяч жителей. Характер этих полисов — Ольвии и Тиры на западе и боспорских городов на востоке — был более или менее однородным. Недавно раскопанные в Пантикапее жилища VI в. до н. э. значительно меньше и беднее милетских домов того же времени. От пантикапейских ранних домов резко отличаются более обширные монументальные жилища IV в. до н. э. и последующего времени. Некрополь Пантикапея подтверждает это наблюдение[5].

Экономические связи Северного Причерноморья в VI в. до н. э. преимущественно направлялись в сторону малоазийской Ионии, прилежащих островов и отчасти Коринфа; примерно с последней трети VI в. до н. э. некоторую роль в этих связях начала играть и Аттика.

После установления Аттического морского союза в Северное Причерноморье протянулась властная рука Афинской αρχη, однако владычество Афин, ограничивавшееся только некоторыми северопонтийскими городами, было эфемерным. Другое дело — экономические связи с Афинами, которые, усилившись в конце V в. до н. э., в следующем столетии приняли особенно широкий размах.

С последних десятилетий V в. до н. э. намечается заметное различие в северопонтийских государствах: с 438 г. до н. э. на Боспоре установилась династия Спартокидов, под властью которых находилось объединение боспорских городов, между тем как Тира, Ольвия и Херсонес продолжали оставаться полисами. Ольвия, видимо, располагавшая сравнительно небольшой хорой, представляла собой город с развитыми ремеслами и торговлей. Обладавший обширной хорой Херсонес в значительной мере был земледельческим и отчасти ремесленным полисом; торговля в нем играла более скромную роль, чем в Ольвии.

Первая и вторая треть IV в. до н. э. были временем кризиса в метрополии. Вместе с тем это — время подъема окраинных стран: Сицилии, Галикарнасса, Македонии, Фракии, Кипра, Боспора. Этот подъем явился результатом тесного контакта названных окраин с прилегавшими к ним обширными неэллинскими территориями.

При Левконе I (387—347 гг. до н. э.) в Боспорское государство в результате экспансии были включены Феодосия и значительные территории в бассейне Кубани, что превратило Боспор в разносоставное греко-синдо-меотское государство. Характерной особенностью его был симбиоз греческих полисов и варварской хоры, заселенной местными племенами, в основном состоявшими из полусвободных общинников. Таким образом, на Боспоре примерно за полустолетие до завоеваний Александра Великого возникли и существовали общественный строй и государство, близкие по типу эллинистическим, но не идентичные им; дело в том, что местные племена, включенные в Боспорское государство, по социально-экономическому развитию стояли значительно ниже, чем земледельческое население стран Переднего Востока, вошедшее в состав эллинистических монархий. Это время в истории Боспора нам представляется возможным назвать периодом протоэллинизма.

В IV в. до н. э. большое число греческих (и варварских) переселенцев, устремившихся на Боспор, обеспечили рост старых и основание новых городов; так, около конца этого периода в низовьях Дона был осно-

[5] M. Rostowzew. Skythien und Bosporus. Berlin. 1931, S. 172, 174, 178.

ван Танаис — опорный пункт Боспора в северо-восточном Приазовье. Пополнение населения способствовало развитию ремесла и увеличению значения городов. В рассматриваемое время на Боспоре росло рабовладение. Экономические связи Боспора приобрели особенно большой размах. Широко известен обширный экспорт боспорского хлеба в Афины и другие центры Эгейского моря (Demosth. adv. Lept. 32; Isocr. Trap. 3, 4; Strab. VII, 4, 6; IG II², 212; IG XII, 2, 3). Главными владельцами хлеба были боспорские архонты. Получаемое в обмен на хлеб, золото позволяло в большом количестве изготовлять произведения торевтики, что, возможно, стало монополией боспорских архонтов. Изделия торевтики не столько потреблялись на месте, сколько приобретались меотской и скифской знатью в обмен на сырье. В это время в Скифию поступали не только товары метрополии, как в VII—VI вв. до н. э., но и изделия самого Боспора.

Обилие золота в руках боспорских правителей позволило им начать чеканку золотой монеты раньше, чем в Македонии[6]. Монетная чеканка Боспора обеспечивала возможность найма многочисленных солдат и моряков, потребных для военной экспансии Боспора. Согласно Диодору (XX, 25), в конце IV в. до н. э. боспорский правитель Евмелом делал попытки внутрипонтийской консолидации, в частности, сказавшейся в помощи осажденным каллатийцам. Большая политическая и экономическая активность Боспора, увеличившая его значение, способствовала перемещению интересов античных авторов. Если в VI—V вв. до н. э. внимание их преимущественно было направлено на Скифию, то в IV в. до н. э. Боспорское государство отодвинуло на второй план других обитателей стран Северного Понта. Таким образом, со второй четверти IV в. до н. э. различие между Боспорским государством, с одной стороны, и Ольвией и Херсонесом — с другой, стало еще большим.

В III—II вв. до н. э. на первое место выдвинулись большие эллинистические монархии: Египет, держава Селевкидов, Македония и другие. В Причерноморье большое значение получило Понтийское государство, особенно в конце II — начале I в. до н. э. Обладавшие большой экономической и политической мощью эллинистические монархии приобрели значительное влияние в восточном Средиземноморье и в Причерноморье, оттесняя на второй план ранее расцветавшие окраинные государства, в том числе и Боспор. Некоторую роль в ухудшении хозяйственного положения Боспора и других северопонтийских государств сыграло опустошительное нашествие сарматов на скифов, отразившееся на ранее налаженных экономических связях. Изменилось в это время и направление северопонтийских торговых связей со Средиземноморьем. Взамен Аттики усилилось значение торговли с Малой Азией, Родосом и другими эгейскими центрами.

Период эллинизма по-разному проявился в северопонтийских государствах, и исторические судьбы их не были одинаковы. Боспор стал второстепенным эллинистическим государством, структура которого в основном оставалась такой же, как в IV в. до н. э.: он состоял из греческих полисов и варварской хоры. Общее положение экономики на Боспоре в III—II вв. до н. э. представляло собою сложную картину. Отдельные отрасли производства то оживлялись, то затухали, весь процесс развития носил неравномерный характер, в общем обнаруживая наклонности к спаду. Имущественное неравенство в среде граждан боспорских городов, видимо, не уменьшалось, а продолжало возрастать.

Херсонес, который, судя по его гражданской присяге (IOSPE, I², № 401), в начале III в. н. э. включал в свои владения Керкинитиду и Прекрасную гавань, во многом напоминал уцелевшие в эллинистическое время значительные полисы Средиземноморья, как, например, Родос или

[6] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, М.-Л. 1951, стр. 176.

Византий, но он был меньше и слабее их. Как и в других античных государствах, в это время в Херсонесе наблюдается усиление экономической дифференциации. Данные эпиграфики (IOSPE, I², № 403; IV, № 80) позволяют предполагать рост земельной собственности в конце III — начале II в. до н. э. Раскопки города показали наличие в Херсонесе во II в. до н. э. наряду со сравнительно небольшими (около 150 кв. м площадью) скромными жилищами значительно большего и богаче отделанного дома.

По аналогичным данным, имущественная дифференциация в Ольвии стала еще большей. Там в это время размеры богатых домов достигали 1 500 кв. м, более чем в 15 раз превосходя по площади бедные жилища. На наличие в Ольвии очень крупных состояний указывают эпиграфические свидетельства, прежде всего декрет в честь Протогена (IOSPE, I², № 32). В этой надписи говорится также о движении рабов в Ольвии, а именно, что враги полиса — галаты и скифы — переманили к себе всех ольвийских рабов (τηυ οικετειαυ απαςαυ).

Если период эллинизма в Средиземноморье и Причерноморье по большей части характеризуется возникновением новых государственных форм в результате подчинения местного, неэллинского, населения грекомакедонцам, то Ольвия представляет собой иной, более редкий пример греческого города, подпавшего под власть варваров-скифов. В III в. до н. э. Ольвия платила дань скифскому царю Сайтафарну, а во II в. до н. э. в ней чеканил свою монету Скилур.

Конец II и первая треть I в. до н. э.— это время понтийского царства Митридата Евпатора, безуспешно боровшегося с Римом. Митридат включил в свою державу северопричерноморские государства: Херсонес, Боспор, Ольвию,— а также крымских скифов. Эта держава оказалась эфемерной, однако она способствовала зарождению ряда исторических процессов, в дальнейшем имевших большое значение для Северного Причерноморья.

Конец II и первая половина I в. до н. э. в Северном Причерноморье полны бурными событиями. Ряд городов и населенных пунктов был разрушен, что было связано с серией войн, упоминаемых авторами (Strab. VII, 4, 5; App. Mithr. 64, 67, 108, 120; Dio Gass. XXXVI, 50, 2; XLII, 47, 5; P. Oros. VI, 5, 1—2). Ольвия еще к I в. до н. э. пришла в состояние захирения; по свидетельству Диона Хрисостома (or. XXXVI), она неоднократно подвергалась разорению, а в середине I в. до н. э. ее разгромили геты. Херсонес стойко выдержал натиск скифов; однако археологические исследования Гераклейского полуострова показали, что многочисленные усадьбы в Херсонесской хоре были сильно опустошены.

На Боспоре в это время, видимо, происходили большие социальные брожения. В конце II в. до н. э. вспыхнуло восстание рабов (Савмак), подавленное войсками Митридата, затем последовали новые военные столкновения и захваты неприятелями боспорских городов. Раскопки последнего пятнадцатилетия установили происшедшие в этот период сильные разрушения Пантикапея, Феодосии и некоторых малых городов Боспора. Несколько позднее, в конце I в. до н. э., боспорский царь Полемон I разгромил Танаис; этот город, к которому тяготел ряд соседних племен (Strab. XI, 2, 11), ранее, видимо, вышел из состава Боспорского государства.

Северопонтийские города по большей части довольно скоро после их разрушения были восстановлены. Население вновь оживших городов сильно изменилось: туда нахлынуло много варваров, подвергшихся эллинизации. Дион Хрисостом рисует яркую картину варваризации населения Ольвии в I в. н. э., а ольвийские лапидарные надписи первых веков нашей эры пестрят фракийскими и скифскими именами[7].

[7] L. Zgusta. Die Personennamen Griechischer Städte der Nördlischen Schwarzmeerküste. Praha. 1955, S.248, 250, 258; I. I. Rusu. Указ. соч., стр. 308.

Восстановление боспорских городов происходило в особых условиях, которые были в Северном Причерноморье в I в. до н. э. и в первых десятилетиях I в. н. э. В первой трети I в. до н. э. власть Митридата простиралась не только на северопонтийские античные государства, но и на крымских скифов, а союзниками царя были многолюдные сарматские племена, доставлявшие ему наемников. Сын Митридата, Фарнак, унаследовавший боспорские владения отца, видимо, сохранил власть над зависимыми местными племенами, а также прежних союзников; по крайней мере, стремясь подавить восстание на Боспоре, он прибег к помощи скифов и савроматов (App. Mithr. 120). Преемник Фарнака, Асандр (47—17 гг. до н. э.), видимо, удержал владения своего предшественника; имеются серьезные основания предполагать, что в то время под контролем Боспора находился весь Крымский полуостров. Аспург, царствовавший с 8 г. до н. э. до 38 г. н. э., вероятно, также держал в известной зависимости от Боспора обитателей Крыма, надписи называют его: υποταξαντι Σκυγας και Ταυρους. Поэтому на подвластных Боспору территориях и в союзе с ним оказалось значительное число варваров, прежде всего сарматов; многие из них служили в войсках Митридата и других правителей. Видимо, из числа этих варваров, подвергнувшихся некоторой эллинизации и воспринявших греческий язык, пополнялось население восстанавливавшихся боспорских городов.

На Боспоре в I—II вв. н. э. наблюдается большой подъем. Усиление и обновление Боспора в значительной мере явилось результатом притока сарматов, с которыми новые силы влились в захиревшие античные города. Пришельцы способствовали изменению характера хозяйства. Так, с ними, вероятно, связано появление выездного земледелия. Впрочем, время было неспокойным, что побуждало население концентрироваться в укрепленных городах. С приходом сарматов изменился также быт и культурный облик боспорцев.

В первых веках нашей эры, когда широкая кайма стран, обрамлявших Средиземноморье, была объединена под властью империи, которой на востоке противостояли парфяне, а на севере — германцы, сарматы и славянский мир, Рим играл заметную роль на северных берегах Понта, особенно в западной части их. В Херсонесе с I в. н. э. стоял римский гарнизон. К востоку от Херсонеса была сооружена римская крепость Харакс, существовавшая в I—III вв. н. э. В Ольвии с середины II в. н. э. также появились римские солдаты. Таким образом, эти полисы испытали судьбу, близкую всему окраинному эллинскому миру. Для социального строя того времени в Херсонесе и Ольвии была характерна власть плутократии, крупных рабовладельцев.

Значительно меньшей была роль Рима на Боспоре, ограничивавшаяся внешнеполитическим влиянием. Морскую торговлю Боспор в это время вел преимущественно с Малой Азией, в области культурной жизни воздействие Рима было слабым. В общем роль Рима на Боспоре можно в известной мере сопоставить с ролью последнего в Армении. Довольно сильный в военном отношении, Боспор являлся аванпостом античного мира в борьбе с кочевыми варварами. Временами Боспор проявлял стремление к политической независимости, иногда находя поддержку и среди своих соседей — варваров, как это было во времена (41—45 гг. н. э.) боспорского царя Митридата III (Tacit Ann. XII, 15—19). Это противодействие Риму, нужно думать, отчасти было обусловлено влиянием входивших в состав Боспора варварских элементов. Управлявшийся со времен Аспурга местной династией, Боспор представлял собою полуварварское государство, самое варваризованное из античных государств на Северном Понте.

Своего рода противовесом Боспору было Скифское царство в Крыму — самое эллинизированное из северопонтийских варварских обществ;

это сказалось в облике его столицы Неаполя, обнаруженных там образцах архитектурного декора и греческих надписях.

Для экономики Боспора первых веков н. э. характерно большое развитие сельского хозяйства, особенно хлебопашества, которым занимались обитатели не только хоры, но и городов. Немалое значение имел и морской промысел. В одном из небольших боспорских городов — Дии-Тиритаке — ловля и засол рыбы приобрели широкий размах. В занятиях населения Пантикапея с I в. до н. э. начало играть роль виноделие, а с II—III вв. н. э. большое распространение получило хлебопашество. Это вело к рустификации города и постепенной натурализации хозяйства.

Новый облик восстановленного после разрушения Пантикапея показывает, что в городах в I—II вв. н. э. крупное рабовладение продолжало играть заметную роль; в столице сооружались обширные террасы с мощными подпорными стенами и большие богатые дома. В сельских местностях, по-видимому, широко применялся труд прикрепленных к земле хлебопашцев — пелатов, засвидетельствованных надписью 151 г. н. э. (IOSPE, II, № 353). Близкого типа зависимые землепашцы — servitii по Тациту (Annal. XI, 17), возможно, были и у боспорских соседей — сираков. В социальной структуре боспорского общества большую роль играла аристократия, нередко объединенная в фиасы, которая в случае войны выставляла тяжело вооруженную конницу сарматского типа — катафракту; вероятно, в зависимости от нее находились пелаты. Располагавшие сложным бюрократическим аппаратом боспорские цари носили титул βασιλευς βασιλεων, созвучный наименованию восточных монархов. В это время изменяется религия; большую роль играет культ Θεος υψιστος, а в первой четверти IV в. н. э. получило распространение христианство.

В середине III в. н. э. в Северное Причерноморье вторглись готские племена, разрушившие Ольвию, которая с этого времени перестала существовать как город. Сильному разгрому подверглось Боспорское государство: свидетельство Зосима (I, 31, 1—3) упоминает лишь о том, что боспорцы предоставляли проникшим туда племенам свои корабли для нападения на южные страны. Археологические данные значительно дополняют эту картину: в третьей четверти III в. н. э ряд малых укрепленных поселений был уничтожен, в дальнейшем жизнь в них почти не возобновлялась. Разгрому подвергся и Пантикапей; восстановленный, он не мог достичь прежнего благоустройства и богатства.

После готского вторжения Боспорское государство продолжало существовать более столетия в условиях усиливавшейся натурализации хозяйства. Аммиан Марцелин (XXII, 8, 32) подчеркивает ведущую роль земледелия в экономике Боспора этого времени. В последних десятилетиях IV в. н. э. на Боспорское государство обрушилась еще более опустошительная, чем предшествующие, волна гуннского нашествия. Этим завершилась античная эпоха в истории Северного Причерноморья.

Однако и после страшных опустошений, причиненных гуннами, Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и некоторые другие северопонтийские города не прекратили своего существования. Правда, как показывают раскопки, Пантикапей того времени сильно уменьшился в своих размерах; значительную часть площади прежнего города занял некрополь. Политическая история Боспора в период раннего средневековья освещена довольно скудно; видимо, до начала VI в. н. э. там господствовали гунны (Procop. de b. Pers. I, 1), вероятно, к VI в. н. э. относится правление довольно загадочного боспорского царя Т. Ю. Диуптуна (IOSPE, II, № 49 [1]).

Херсонес также продолжал существовать. Как показывают над-

пись[8] императора Зенона 488 г. н. э. и другие свидетельства, этот город находился под эгидой Восточной империи.

★

Особенностью северопонтийских городов было то, что доминирующее положение в них всегда принадлежало грекам. Хотя в V—II вв. до н. э. в эти города вливалось много эллинизированных варваров, характер культуры и населения в основном оставался греческим. В дальнейшем греческие элементы подверглись в той или иной мере варваризации. Варваризация, однако, не касалась языка: как официальным, так и общеупотребительным языком всегда оставался греческий, хотя иногда он и утрачивал свою чистоту, что отмечал Дион Хрисостом. Даже для боспорцев языки соседних племен были непонятны, о чем свидетельствует наличие коллегии аланских переводчиков, известной по посвятительной надписи 208 г. н. э.[9].

Общераспространенная на Северном Понте любовь к древним поэтам и особенно Гомеру засвидетельствована Дионом Хрисостомом, некоторыми graffiti на черепках, воздействиями на творчество местных поэтов. Последнее нам известно по эпитафиям, главным образом первых веков н. э. Обитатели северопонтийских городов проявляли интерес и к философии, внеся в нее скромный вклад. Вспомним Биона Борисфенита, популяризатора кинической школы, и стоика Сфера — соделителя спартанского царя-реформатора Клеомена. Были там и местные историки. Имя Сириска-херсонесца засвидетельствовано эпиграфикой (IOSPE, I², № 344), видимо, существовали боспорские хроники, вероятно, позволившие Диодору описать борьбу сыновей Перисада I; имя боспорского ученого I в. н. э. Стратоника сохранено его эпитафией[10].

Все это рисует греческую культуру на Северном Понте, имевшую несколько провинциальный характер.

В VI—II вв. до н. э. социально-экономический строй северопонтийских городов носил чисто античный характер. Культурный облик граждан этих городов в первые века их существования был чисто эллинским, типичным для греков-палестритов.

Однако в боспорском обществе уже в IV в. до н. э. наблюдается одно своеобразное явление, резко отличающее его от эллинства Средиземноморья. Бытовой обиход и художественные вкусы основной массы граждан боспорских городов того времени, судя по находкам при раскопках различных предметов и, в частности, терракотовых фигурок, не имели существенных отличий от общегреческих. Однако проникновение на Боспор синдо-меотской знати наложило некоторую печать на круг культурных интересов высших слоев боспорского общества, что сказалось и на облике северопонтийских городов уже в IV в. до н. э. Дело в том, что на Боспоре не только в VI в. до н. э., когда города были небольшими и бедными, но и в богатом Пантикапее IV в. до н. э. очень мало скульптуры. Греческая скульптура, с которой неразрывно связана идеология античного полиса, мировоззрение атлета-гражданина, представления о калокагатии, не казалась столь необходимой правящим кругам Боспора. Статуи и рельефы этого времени сравнительно редко встречаются при раскопках Пантикапея, не говоря уже о других боспорских городах. Вместе с тем на Боспоре большое распространение получила торевтика, в частности нашивка золотых бляшек на одежду, что

---

[8] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен. СПБ. 1896, № 7.

[9] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 году. «Известия имп. Археологической комиссии» (ИАК). Вып. 40. 1911, стр. 112 и сл., № 28.

[10] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году. ИАК. Вып. 54. 1914, стр. 71 и сл., № 5.

придавало ей полуварварский характер. Другими словами, во вкусах боспорского общества IV в. до н. э. сказался некоторый налет представлений варварской знати, несколько заслонивший мировоззрение эллинского гражданства.

Боспорская торевтика IV в. до н. э.— очень своеобразное и вместе с тем сложное явление, синкретически сочетавшее эллинское художественное творчество с некоторыми чертами, порожденными местной средой; лучшие произведения ее под наименованием «скифского золота» стяжали мировую известность.

Воздействие варварского мира на боспорское общество еще резче сказалось в первых веках нашей эры. Оно проявилось в одежде, оружии, быте, распространении верховой езды, погребальных обрядах, неразрывно связанных с сарматизацией населения боспорских городов. В это время сам Боспор стал центром, где выкристаллизовались некоторые явления, вероятно, порожденные сарматским миром. Так, в формировании полихромного стиля ювелирных изделий, видимо, сыграли значительную роль мастерские пантикапейских торевтов. Равным образом возникшие в сарматской среде тамгообразные знаки получили большое распространение на территории Боспора.

★

Северное Причерноморье внесло значительный вклад в эллинскую культуру. Начало этому было положено очень рано, еще во времена мифической древности, когда многие идеи выражались в сказаниях, облеченных в мифологическую форму. О мифах, сложившихся в конце II— начале I тысячелетия до н. э. в связи с Северным Понтом, мы уже говорили. Со времени возникновения северопонтийских полисов туманная мифологическая завеса постепенно рассеивалась, и Северное Причерноморье вступало в орбиту полнокровной греческой науки, носителями которой являлись Гекатей, Геродот, Гиппократ и др. Северное Причерноморье стало своего рода «окном» для эллинской науки, позволявшим ей заглянуть в обширные страны, без чего она оставалась бы ограниченной Средиземноморьем, зоной винограда и маслины. Эллины благодаря этому получили представление о странах с умеренным (для греков — холодным) и действительно холодным климатом.

Сведения о Северном Причерноморье не ограничивались сообщениями о побережье и прилегающей к нему степной полосе; они охватывали территорию, раскинувшуюся далеко на восток, северо-восток и север. Вопрос о глубине проникновения греков в Скифию весьма сложен. Для решения его весьма существенна находка в Немировском городище сосуда с греческой надписью конца VII — начала VI в. до н. э.: λαχε με[11]. Сосуд этот местного производства, поэтому несомненно, что надпись сделана на месте; следовательно, сделавший ее грек поднялся вверх по Бугу более чем на 300 километров. Содержание надписи — «получи меня по жребию» — связано с застольной игрой, характерной для быта греков. Поэтому исключается предположение, что грек был рабом, да и самое предположение о греческих рабах в тех местах в столь раннее время мало правдоподобно.

Проникавшие так далеко греческие купцы вряд ли ограничивались немым обменом, не разговаривая с варварами. Поэтому они могли получать сведения о близких и более далеких местностях. В связи с этим напомним свидетельство Геродота (IV, 13) об Аристее из Проконнеса, который писал, что за скифами обитают исседоны, затем аримаспы, после гипербореи, за которыми находится море. Это свидетельство о наличии за гиперборeями моря, а не океана, который можно было бы ожидать в обычной мифологической версии, позволяет предполагать, что оно вос-

[11] В. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища. «Советская археология». 1959, № 1, стр. 259 и сл.

ходило к источникам, имевшим под собой реальную основу; возможно, до него дошли хотя бы туманные сведения о самом близком из морей, то есть Балтийском. Геродот (IV, 101) в другом месте сообщает, что от моря (Понта) до меланхлонов — 4 тыс. стадий, то есть около 740 километров. Это расстояние, видимо, было измерено, хотя бы и приблизительно. Достойно внимания, что почти на такое же расстояние на север от моря, а именно в район Курска проникали чернофигурная керамика и остродонные амфоры конца VI в. до н. э.

Сведения о более отдаленных территориях поступали на северные берега Понта лишь понаслышке, через нескольких посредников. Во всяком случае, известия доходили иногда издалека. Другое дело, что нередко трудно сказать, откуда именно.

Говоря о территориях, расположенных на север от Причерноморья, прежде всего нужно отметить упоминания Геродота (IV, 7 и 31) о снежных зимах и, возможно, об арктическом климате. Еще острее встал вопрос о знакомстве с севером в связи с находкой гипсового рельефа эллинистического времени в мастерской торевта в Мемфисе. Там на небольшом рельефе изображена женщина в длинной одежде, подобной дохе; эта женщина доит самку оленя, рядом стоит олень и сидят две собаки; эта сцена, напоминающая быт номадов севера, вряд ли могла бы появиться без всякого знакомства с ним. В пользу связей с далеким севером говорят находки костей и рога северного оленя в Ольвии[12]. Конечно, это не дает основания предполагать какие-то прямые связи с отдаленными районами; речь может идти скорее о торговом обмене через ряд промежуточных звеньев.

Кл. Птолемей, нанесший на свою карту Балтийское море, на западном побережье которого им отмечены венеты, в северо-восточной части Европы довольно точно передает Волгу и впадающую в нее большую реку примерно на месте Камы (V, 8, 13). Страны к востоку от Северного Причерноморья также были известны на значительном протяжении до северного Прикаспия и Приаралья. Об этом свидетельствует восточный путь из Ольвии, описанный Геродотом (IV, 18—27), а подтверждением служит проникновение ольвийских бронзовых зеркал VI в. до н. э. до района Орска. Однако далеко не все в повествовании Геродота оказывается вполне ясным, например, вопрос о местонахождении исседонов. Геродот помещает их к востоку от аргиппеев. Одни из исследователей думают, что исседоны жили около реки Исети, другие — в Средней Азии.

Таким образом, знакомство с Северным Причерноморьем пополнило античную науку сведениями о географии Юго-Восточной Европы, протекающих там реках, долинах, существовавших там флоре и фауне, познакомило со странами более холодного климата. Значительно обогатились представления об этнографии скифов и других племен. Степной мир, особенно быт кочевников, их соматический облик, одежда, оружие, нравы, религиозные представления стали достоянием античной науки, способствуя приобретению ею более универсального характера. Должно отметить, что, хотя в Северном Причерноморье численно превалировали земледельцы, внимание греков в большей мере привлекали номады, более своеобразные по колориту и вместе с тем игравшие большую политическую роль.

Античные центры Северного Причерноморья, обогатив эллинский мир новыми идеями в науке, кроме того, способствовали появлению новых образов в искусстве. Это сказалось прежде всего в боспорской торевтике, где мы находим выразительные сцены из жизни северопонтийских варваров в характерной для них обстановке, передачу их лиц, при-

---

[12] И. Г. Пидопличко, В. А. Поночовный. Лось и северный олень в доисторическом прошлом. «Природа», 1953, № 7.

чесок, одежды, оружия, изображения их сражающимися или дрессирующими лошадей.

В произведениях античной литературы тематика, связанная с жизнью варваров Северного Причерноморья, тоже играла некоторую роль и в эллинистическое время и в первых веках н. э. (Лукиан). Одной из своеобразных особенностей античной литературы, начиная с Гомера, и особенно в лице Эфора, являлась идеализация варваров Северного Причерноморья, изображавшихся в виде живущих согласно законам природы добродетельных кочевников, которые противопоставлялись развращенному населению средиземноморских городов.

Выше уже говорилось о значительном обогащении греческой науки в результате знакомства с северопонтийскими странами. Это обогащение выразилось не только в накоплении и освоении новых данных, но и в сопоставлении научных материалов, полученных из стран Северного Понта, с данными Средиземноморья. Это способствовало развитию научных теорий, позволило эллинским ученым поставить ряд проблем, которые едва ли могли возникнуть при иных обстоятельствах: например, такой вопрос, как воздействие жары и холода на организмы животных или воздействие быта кочевников на организм человека.

Итак, хотя крупнейшими очагами античной культуры были средиземноморские страны, однако и северопонтийские центры внесли в нее свой вклад, что придало ей еще более универсальный характер.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА РАБОЧИХ РОССИИ

Ю. И. Кирьянов

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на вопрос об изменении состава рабочих в годы первой мировой войны. Война усилила приток в промышленность «новичков»: не искушенных в классовой борьбе крестьян, женщин, подростков и др. При этом следует иметь в виду, что рабочий класс пополнялся как за счет представителей разорившихся крестьян и членов семей рабочих, так и за счет скрывавшихся от мобилизации кулаков, дворян и пр. В. И. Ленин отмечал: «Очень часто, когда говорят: «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны...» [1].

Советские историки начиная с 20-х годов уделяли известное внимание изучению указанного вопроса [2]. В настоящей статье сделана попытка рассмотреть его на примере одного из важнейших районов страны — Южного промышленного района [3].

★

Накануне первой мировой войны (в 1913 г.) в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России было занято 3 115 тыс. рабочих [4], из них в металлургической промышленности юга в среднем ежемесячно насчитывалось 84 552 рабочих, в каменноугольной промышленности Донбасса — 168 440 и в железорудной промышленности Криворожья — 23 700 рабочих. Всего же в указанных трех отраслях промышленности юга было занято 276,6 тыс. рабочих, или около 9% всех

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 268; см. там же, стр. 228.

[2] Е. О. Шатан. Проблема рабочей силы в основных промышленных районах СССР. «Труды Комиссии по металлу при Госплане УССР». Харьков. 1927. № 12; М. Гильберт. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. «История пролетариата СССР». 1934, № 3 (19); А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М. 1958; А. А. Нестеренко. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М. 1954; Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М. 1955; И. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М. 1957; М. А. Брусов. Каменноугольная промышленность России в период первой мировой войны 1914—1917 гг. Л. 1952 (кандидатская диссертация); Й. Т. Щербина. Зміни в складі промислових робітників Україні в роки першої світової війни. «Наукові записки» Інституту історії АН УССР. Т. 9. Київ. 1957, и др.

[3] Здесь находились 22 доменных и передельных завода, угольные шахты Донбасса и железные рудники Криворожья.

[4] «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.)» Т. I, ч. 3-я. М. 1930, стр. 176—177; А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 64—65.

промышленных рабочих России. Наиболее многочисленным отрядом в составе рабочего класса юга являлись шахтеры. В 1913 г. в Донбассе сосредоточивалось 75% всех рабочих каменноугольной промышленности России [5], а в 1916 г. (исключая Домбровский бассейн) — 90% [6]. На доменных и передельных заводах юга в 1913 г. было занято более трети общего числа рабочих России, трудившихся на подобного рода предприятиях. Рабочие железных рудников Криворожья составляли 47,7% от общей численности рабочих железорудной промышленности страны [7].

Одной из отличительных особенностей промышленности юга являлась высокая концентрация производства и рабочей силы. Если в целом по России в 1910 г. на предприятиях с количеством рабочих более 500 было занято 53,4% всех рабочих, то на таких же предприятиях металлургической промышленности юга в 1913 г. сосредоточивалось 99,6% всех рабочих, а в каменноугольной промышленности — 91,1% [8].

Для металлургических, каменноугольных и железорудных предприятий юга характерным являлось и то, что здесь было много пришлых рабочих. На двух крупных железных рудниках Криворожья («Сухая Балка» и Александровский), судя по данным о распределении по месту рождения рабочих с травматическими повреждениями, в 1909—1913 гг. местные рабочие (то есть из Екатеринославской и Херсонской губерний) составляли 22,3%, выходцы из Киевской губернии — 20,1%, из Черниговской — 26,2%, из Орловской — 13,4% и Могилевской — 6,1% [9]. По данным отчета о деятельности общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии, рабочие, обращавшиеся к врачам этого общества, распределялись по месту приписки следующим образом: местные рабочие (Екатеринославская и Херсонская губернии) в 1913 г.—26,2%, в 1915 г.—32,3%; из украинских губерний в целом и из Бессарабии в 1913 г.— 47,4%, в 1915 г.— 47,8%; из русских губерний в 1913 г.— 33,0%, в 1915 г.—21,5%; из белорусских губерний в 1913 г.—14,0%, в 1915 г.— 12,9%; из Прибалтики в 1913 г.—2,4%, в 1915 г.—6,8%; из польских губерний в 1913 г.— 2,1%, в 1915 г.— 11,0%. Прибегавшие к медицинской помощи рабочие из губерний Кавказа составили в 1913 г. 0,1%, рабочие китайского и турецкого подданства и без указания места приписки — соответственно 0,1%, 0,1% и 0,8% [10]. Эти данные свидетельствуют о том, что около половины рабочих в промышленности юга были из украинских губерний, а среди пришлых большинство составляли рабочие из русских губерний.

---

[5] Подсчитано по данным сборника «Динамика...». Т. I, ч. 3-я, стр. 176.

[6] Г. Д. Бакулев. Указ. соч., стр. 203.

[7] Подсчитано по данным сборника «Динамика...». Т. I, ч. 3-я, стр. 176.

[8] Данные о концентрации рабочей силы в металлургической промышленности подсчитаны по сборнику «Статистика Украины», № 5, серия 3, вып. III. Харьков. 1922, стр. 258—260; подсчеты по каменноугольной промышленности сделаны по среднемесячным данным сборника «Каменноугольная промышленность Южной России в 1913 г.». Вып. I. Харьков. 1914.

[9] «Труды XI губернского съезда земских врачей и представителей земских учреждений Екатеринославской губ. 20—29 марта 1914 г.». Т. IV. Екатеринослав. 1914, стр. 30—31.

[10] Подсчеты сделаны по данным «Отчета о деятельности Общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии... за 1913 (1915) г.». Екатеринослав. 1914 (1916), стр. 38.

В числе белорусских губерний учтены Минская, Витебская, Могилевская, Гродненская; прибалтийских — Ковенская, Виленская, Курляндская, Эстляндская; польских — Люблинская, Варшавская, Радомская, Келецкая, Ломжинская, Петроковская, Седлецкая; кавказских — Тифлисская и Эриванская.

Сводных данных о национальном составе рабочих нет. Некоторое представление о нем дают неполные данные о составе рабочих отдельных предприятий. Так, летом 1915 г. на Трубопрокатном заводе в Екатеринославе русских рабочих (по-видимому, имелись в виду русские, украинцы и белорусы) было 2 366 человек, католиков — 152, евреев — 109, немцев (русских подданных) — 5, французов — 1, лютеран — 15, турок-христиан — 1, магометан (русских подданных) — 3 (Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО), ф. 2 с., д. 3228, лл. 465—468).

Такой состав рабочей силы в известной мере определял и значительную ее текучесть[11]. На отдельных металлургических предприятиях юга таковая накануне войны ежегодно достигала 60% от общего числа рабочих[12]. Текучесть рабочей силы в каменноугольной промышленности, по-видимому, была еще большей. Это объяснялось тем, что наняться на шахту было гораздо проще, нежели на металлургический завод или железный рудник[13]. Один из участников революционного движения в Донбассе, М. Острогорский, отмечал, что «контингент шахтеров в Донбассе до империалистической войны никогда не был постоянным в силу связанности огромнейшей части последних с деревней и землей. Текучесть состава рабочей силы в сильнейшей степени мешала созданию кадрового революционно-пролетарского ядра на шахтах — рудниках. Эти кадры неизбежно уменьшались при отливах рабочих в деревню весной, а при обратном наплыве их осенью, на «заработки», остававшиеся коренные кадры почти с головой захлестывались этой неорганизованной и распыленной массой, единственным осмысленным стремлением которой было одно лишь желание заработать, не считаясь ни с чем»[14]. Переход с одного места работы на другое был связан с попытками рабочих в какой-то мере улучшить свое экономическое положение[15], поскольку на ряде промышленных предприятий, а также на сельскохозяйственных работах в страдную пору оплата наемного труда была выше.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на изменение численности и состава рабочих, явились военные мобилизации. По данным Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников, с 1 июля по 1 августа 1914 г. численность рабочих каменноугольной промышленности Донбасса сократилась на 32,6%[16]. Эти цифры подтверждаются отчетами окружных инженеров. Так, по сведениям окружного инженера Алмазного горного округа, к 1 августа 1914 г. было мобилизовано в армию около 30% рабочих этого округа[17]. Несмотря на то, что к 1 сентября того же года на рудники Алмазного округа вернулось 7—10% призванных в армию[18], здесь ощущалась заметная нехватка квалифицированной рабочей силы[19]. В Криворожском железорудном районе с 1 июля по 1 августа

---

[11] Кроме того, крайне тяжелые условия труда вынуждали рабочих покидать на время предприятия и уходить на сельскохозяйственные работы. На этот факт указал, например, врач И. Л. Лиссер, отметивший, что на обследованных им в течение 1904—1906 гг. двух железных рудниках Криворожья был весьма незначительный процент рабочих, проработавших более одного года (см. «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова». Год XIII, 1907, № 8, стр. 750).

[12] Данные по крупнейшему Александровскому заводу см. в журнале «Вопросы страхования», 5 июля 1914 г., № 27(37), стр. 13.

[13] Так, в 1912 г. самый высокий процент рабочих, бракуемых при медицинском освидетельствовании при приеме на предприятия, был на заводах — 10,4%, на железных рудниках — 8,7%, на шахтах — 4,5% (журнал «Горнозаводское дело», 1914, № 8—9, стр. 8607; см. также журнал «Вопросы санитарии и медицины на горных и горнозаводских предприятиях Юга России». Харьков. 1914, № 5, стр. 12).

[14] М. Острогорский. Рабочее движение в Горловско-Щербиновском районе Донбасса. «Летопись революции», 1928, № 3, стр. 76.

[15] Газета «Голос». Самара. 20 сентября 1916 г., № 2, стр. 4; «Бюллетень харьковской каменноугольной и железоторговой биржи». Харьков. 25 августа 1915 г., № 14.

[16] «Народное хозяйство в 1916 г.». Вып. 3, стр. 65. По данным Совета съезда горнопромышленников, на 1 августа 1914 г. в Донбассе было 92,5 тыс. шахтеров, то есть их численность сократилась по сравнению с довоенным уровнем до 50% («Доклад Совета съезда совещанию горнопромышленников Донецкого бассейна 9 августа 1914 г. о современном положении горной и горнозаводской промышленности Юга России в связи с войной». Харьков. 1914, стр. 2—3, 9). Однако данные «Доклада», тенденциозного по своему существу, по-видимому, преувеличивают убыль рабочей силы.

[17] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 37, 1914 г. оп. 58, д. 730, л. 18.

[18] Там же, лл. 84, 99.

[19] Там же, лл. 225, 285.

1914 г. численность рабочих сократилась на 49,8% [20]. С конца июня по конец июля 1914 г. количество рабочих на южных металлургических заводах преимущественно в результате мобилизации уменьшилось с 95 403 до 78 772 чел., то есть на 17,5% [21]. На некоторых крупнейших металлургических заводах юга в период первой мобилизации было призвано в армию до 30% рабочих, хотя некоторые предприятия потеряли в результате первой мобилизации всего 3—7% рабочих [22]. Вскоре после начала войны была введена отсрочка по мобилизации для ряда категорий рабочих. Поэтому во время последующих мобилизаций убыль их с предприятий была значительно меньшей, чем в первую мобилизацию. В Горловском горном округе, например, январская мобилизация 1915 г. сократила численность рабочих приблизительно на 6% [23].

Однако пролетарии попадали в армию не только в результате очередных мобилизаций. Все увольняемые с предприятий за участие в стачечном движении фактически лишались отсрочки по мобилизации и по специальному распоряжению воинского начальника направлялись в действующую армию. В период апрельской стачки 1916 г. на крупнейшем металлургическом Днепровском заводе, где бастовало 7 тыс. рабочих, к воинскому начальнику было направлено 362 рабочих [24] (3,8% от общей численности на 1 июля 1914 г.). Всего на 1 июля 1915 г. на заводе Гартмана в Луганске было мобилизовано 21,9%, на апрель 1916 г.—около 27%, а на 1 ноября 1916 г.—31,8% от общей численности рабочих завода накануне войны [25]. С Александровского завода за время войны (до Февральской революции) было мобилизовано 3,9 тыс. рабочих, то есть почти 40% общего количества рабочих на 1 июля 1914 года [26]. По данным правления Южно-Русского Днепровского металлургического общества от 13 июня 1916 г., с металлургического Днепровского завода было мобилизовано к этому времени 46,9% от общего количества рабочих, числившихся на 1 июля 1914 года [27].

Владельцы предприятий стремились увеличить общее число рабочих и таким путем в какой-то степени компенсировать нехватку квалифицированной рабочей силы. В 1916 г. по сравнению с 1913 г. общая чис-

---

[20] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка». Вып. I. Пгр. 1916, стр. 119. В «Финансово-экономическом ежегоднике» (год 7-й. Пгр. 1916, стр. 294—295), носившем тенденциозный характер, отмечается, что из Криворожского железорудного района после объявления войны убыло около 60% всех рабочих.

[21] Данные статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России («Горнозаводское дело», 1914, № 36, стр. 9528). Эти данные подтверждаются материалами заводоуправлений ряда металлургических предприятий (Филиал Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) УССР в Харькове, ф. 938, д 34, лл. 6, 9, 31 об., 38—39; д. 31, лл. 8, 11 об.— 12 об., 15, 16—16 об.; д. 42; лл. 25—25 об.).

[22] В течение июля 1914 г. численность рабочих сократилась на Александровском заводе на 31,9%, Днепровском — на 14,8% Макеевском — на 3,2%, Ольховском — на 14,3%, Сулинском — на 7%, Краматорском — на 30,2%, Гданцевском — на 5,3%, Кадиевском — на 29,0%, на заводе Гартмана — на 12,5%, Константиновском — на 9,9% Подсчеты сделаны по данным, поступившим в Совет съезда горнопромышленников от заводоуправлений (Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 34; см. также ЦГИАЛ, ф. 26, оп. 1, д. 695). В телеграмме от 20 июля 1914 г., направленной в Горный департамент, указывалось, что на металлургическом заводе «Русский Провиданс» было мобилизовано около трети рабочих, а часть рабочих разъехалась. В результате на заводе осталось около 60% рабочих (ЦГИАЛ, ф. 37, 1914 г., оп. 58, д. 730, л. 1).

[23] ЦГИАЛ, ф. 37, 1915 г., оп. 58, д. 770, л. 2.

[24] ГАДС, ф. 2 с, д. 3297, л. 372. В сборнике «Рабочее движение в годы войны» (М. 1925, стр. 158) приводятся неполные данные о числе рабочих, отправленных к воинскому начальнику (220 человек).

[25] Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 43, лл. 12—15; д. 42, лл. 34, 35. Данные на апрель 1916 г.— Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 504 (Главное артиллерийское управление), оп. 40, д. 65, л. 270. В период всеобщей июльской стачки 1916 г. в Луганске часть забастовщиков (около 600) была призвана в действующую армию.

[26] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 36.

[27] ЦГИАЛ, ф. 33, оп. 1, 1916 г., д. 115, лл. 15—15 об.

ленность рабочих в каменноугольной и металлургической промышленности юга значительно возрастает. В каменноугольной промышленности Донбасса среднемесячная численность рабочих в годы войны изменялась следующим образом: в 1913 г.— 168 440 (100%), в 1914 г.— 185 823 (110,3%), в 1915 г.—180 600 (107,2%), в 1916 г.—237 811 (141,1%) [28]. В металлургической промышленности юга на 21 доменном и передельном заводе (без завода «Наваль», сведения по которому за 1915 и 1916 гг. отсутствуют) среднемесячная численность рабочих изменялась следующим образом: 1913 г.— 78 938 (100%), 1914 г.—80 204 (101,6%), 1915 г.— 82 275 (104,2%) и 1916 г.—110 626 (140,1%) [29]. В железорудной промышленности Криворожья численность рабочих за это же время несколько снизилась. В 1913 г. здесь работало 23,7 тыс. рабочих (100%), в 1914 г.— 21,5 тыс. (90,7%), в 1915 г.— 17,5 тыс. (73,8%) и в 1916 г.— 22,9 тыс. (96,6%) [30].

Значительно изменился в годы войны и состав рабочих (в %%) [31]. (См. табл. на стр. 94.)

Приведенные в таблице сведения показывают, что за год-полтора до Февральской революции в каменноугольной и металлургической промышленности юга значительно уменьшилась доля невоеннобязанных рабочих, а также еще не призванных военнообязанных рабочих (графа «прочие»). Она соответственно падает с 59,7% до 17,85% и с 41,1% до 19,6% (включая беженцев). В то же время увеличивается доля военнообязанных, получивших отсрочку: в каменноугольной промышленности с 23,7% до 44,94% и в металлургической промышленности с 28,5% до

---

[28] См. «Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна за последние четыре (1913—1916) года». Харьков. 1917, вып. № 697. При показе динамики численности рабочих каменноугольной промышленности нам представляется неправильным пользоваться данными «Статистических бюллетеней Особого совещания по топливу» так, как это делает А. Г. Рашин (указ. соч., стр. 79). Абсолютные данные Особого совещания за 1916 г., приводимые А. Г. Рашиным, превышают на 5,6% данные Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников, в то время как для 1913 г. в «Статистических бюллетенях» используются данные того же Статистического бюро Совета съезда. Это обстоятельство не учитывается и в работе И. Т. Щербины (Указ. соч., стр. 116). Однако следует признать, что абсолютные данные Особого совещания о количестве рабочих более точны (они имеются только за 1916 г.), чем сведения Совета съезда горнопромышленников юга России. Последние неполны, так как не охватывают ряд предприятий, не входивших в эту организацию.

[29] Подсчитано по данным Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России (ЦГИАЛ, ф. 26, оп. 1, дд. 606, 695) (помесячные сведения по заводам юга за 11 месяцев 1913 и за 10 месяцев 1914 г.); Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. 350, оп. 2, д. 7, л. 5 (помесячные сведения в целом по металлургическим предприятиям юга без завода «Наваль» за 1915 и 1916 гг.). Численность рабочих на Керченском заводе за 1913 г. взята за декабрь (2 тыс.), так как до осени завод не работал. Данные по тем же заводам (без завода «Наваль») на конец года, приводимые в исторической литературе (см. И. Маевский. Указ. соч., стр. 337 и др.), дают иное соотношение количества рабочих: в 1913 г.— 81 895 (100%), 1914 г.— 78 746 (96,15%), 1915 г.— 90 162 (110,1%) и 1916 г.— 123 437 (150,7%).

[30] «Збірник статистичних відомостей по народному господарству України». Київ. 1919, стр. 93. Здесь приводятся среднесуточные данные начальника горного управления Южной России о численности рабочих железорудной промышленности юга за 1913—1915 гг. и Криворожья — за 1916 год. Из данных по югу за 1913—1915 гг. исключены при подсчете рабочие железорудной промышленности Таврического горного округа. Динамика изменения численности рабочих по среднесуточным (среднемесячным) данным значительно отличается от динамики изменения численности по данным на конец года (соответственно 100%; 56,4%; 82,4% и 113,9%). («Горнозаводское дело», 1917, № 11—12, стр. 15550; см. также «Україна. Статистичний справочник». Харків. 1925, стр. 192).

[31] В каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса на 1 марта 1917 г. было 3,85% женщин и 6,94% подростков. В графу «прочие» в этом разделе включены китайские рабочие, которых на 1 марта 1917 г было 0,85%. В разделе «Металлургическая промышленность Юга» в графу «прочие» включены беженцы, составлявшие на 1 марта 1916 г. 2,9%. В железорудной промышленности Криворожья на 1 сентября 1916 г. насчитывалось 5,3% женщин и 4% подростков, на 1 января 1917 г. соответственно — 3,1% и 3,8%. В графу «прочие» (невоеннообязанные) в данном разделе включены жители Средней Азии, составлявшие на 1 января 1917 г. 0,9%.

	Всего (чел.)	Военнообязанные, получившие отсрочку	Военнопленные	Женщины и подростки	Прочие
Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донбасса					
15 октября 1915 г.[32]	190 122	23,7	8,2	8,4	59,7
1 марта 1917 г.[33]	291 597	44,94	26,42	10,79	17,85
Металлургическая промышленность юга[34]					
1 марта 1916 г.	99 791	28,5	15,7	14,7	41,1
1 марта 1917 г.	128 495	38,8	27,4	14,2	19,6
Железорудная промышленность Криворожья[35]					
1 августа 1915 г.	12 871		14,78		
1 октября 1915 г.[36]	15 376	13,3	41,9		
1 сентября 1916 г.	23 192	20,3	53,7	9,3	16,7
1 января 1917 г.	25 688	22,0	59,1	6,9	12,0

38,8%. Эти же тенденции, хотя и в меньшей степени, характерны для железорудной промышленности (в железорудной промышленности Криворожья со второй половины 1916 г. более 50% рабочих составляли военнопленные).

К Февральской революции число рабочих, получивших отсрочку, значительно превысило установленную правительством норму в 25% от общего числа рабочих каменноугольной и металлургической промышленности[37]. На 1 марта 1917 г. в этих отраслях промышленности юга военнообязанные соответственно составляли 44,94% и 38,8%. Численность рабочих-мужчин в каменноугольной промышленности за период с 1 марта 1914 г. по 1 марта 1917 г., несмотря на мобилизации, почти не изменилась. Значительную долю рабочих в промышленности юга составляли военнопленные, которые начали прибывать на металлургические предприятия уже в январе 1915 года[38]. Предприниматели намеревались использовать военнопленных, в частности, во время забастовок. Председатель Совета съезда горнопромышленников юга России писал в мае 1916 г. в докладной записке министру торговли и промышленности, что увеличение числа пленных «явится одним из средств для предупреждения возникновения забастовок»[39]. Согласно правилам 17 марта 1915 г. об отпуске

---

[32] См. «Труды XL съезда горнопромышленников Юга России». Харьков. Т. II, стр. 20—21. По данным «Известий Центрального военно-промышленного комитета» (Петроград, № 92, 7 мая 1916 г.), на 1 сентября 1915 г. в каменноугольной промышленности юга было занято 15,7 тыс. военнопленных.

[33] Данные угольного отдела Особого совещания по топливу. «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, отдел статистики, стр. 4.

[34] На 1 марта 1916 г.— данные Совета съезда горнопромышленников («Горнозаводское дело», 1916, № 14—15, стр. 13278); на 1 марта 1917 г.— данные «Бюллетеня Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи», 1917, № 5, стр. 110. Абсолютные данные «Бюллетеня...» несколько превышают данные Совета съезда.

[35] Данные на 1 августа 1915 г. см. «Материалы к учету...». Вып. I, стр. 119. Остальные данные см. «Ежемесячная статистика железорудной промышленности Криворожского района». Издание Совета съезда горнопромышленников юга России. (Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 165, л. 2 об; д. 44, л. 13).

[36] Данные на 1 октября 1915 г. см. выпуск «Сведения о добыче и вывозе железной руды по Криворожскому району за 1914 и 9 мес. 1915 г.». Харьков. 13 ноября 1915 г., № 603.

[37] См. «Борьба за Октябрь на Артемовщине». Артемовск. 1929, стр. 23—24.

[38] По данным окружного инженера Горловского горного округа от 30 января 1915 г., на Петровском заводе на 8 300 рабочих было 400 военнопленных (ЦГИАЛ, ф. 37, 1915 г., оп. 58, д. 770, л. 2). На Александровский металлургический завод первая партия военнопленных (315 человек) прибыла в начале июля 1915 года (ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 22). В июне 1915 г. прибыла партия военнопленных (598 человек) на Днепровский завод (ГАДО, ф. 2 с, д. 3228, л. 399).

[39] «Горнозаводское дело», 1916, № 20, стр. 13542. В исторической литературе бытует, на наш взгляд, неправильное безоговорочное утверждение, будто труд военнопленных являлся самым дешевым (А. А. Нестеренко. Указ. соч., стр. 275; И. Ма-

военнопленных, их численность не должна была превышать 15% общего числа рабочих на предприятии[40]. Накануне Февральской революции в промышленности Южного района удельный вес военнопленных был значительно выше этой нормы: в каменноугольной промышленности он равнялся 26,42%, в металлургической — 27,4%, в железорудной достигал почти 60%. В то же время в Московском промышленном районе, по данным заводских совещаний на 1 сентября 1916 г., военнопленные во всех группах предприятий в целом составляли всего лишь 1,5% от общей численности рабочих[41].

В годы войны, особенно в начальный ее период, усилился приток в промышленность женщин и подростков. Если в 1913 г. в каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса численность женщин и подростков соответственно составляла 1,6% и 7,8%, то в 1916 г. их было уже 4,5% и 6,8%[42]. Особенно увеличилось применение женского и детского труда в металлургической промышленности: в 1913 г. женщины составляли здесь 0,4%, подростки — 2,9%, в 1914 г.— соответственно — 0,7% и 3,9%, в 1915 г.— 4,7% и 9,4%. В 1916 г. общий процент женщин и подростков, занятых в металлургической промышленности юга, равнялся 17,8[43]. Заметное увеличение численности женщин и подростков в этот период наблюдалось также и в железорудной промышленности: в 1913 г. они составляли соответственно 0,05% и 3,8%, в 1914 г.— 0,23% и 5,0%, в 1915 г.— 3,1% и 5,3%, в 1916 г.— 4,5% и 3,8%[44]. Доля женщин и под-

---

евский. Указ. соч., стр. 323, и др.). Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что труд неквалифицированных военнопленных на Днепровском и Петровском металлургических заводах весной 1916 г. обходился предпринимателям дороже труда низкооплачиваемых русских рабочих (ГАДО, ф. 39 с, д. 1, лл. 12—13; ф. 2 с, д. 3297, л. 40). По данным начальника горного управления Южной России, в мартеновском цехе Никополь-Мариупольского завода в марте 1916 г. заработок русских чернорабочих был ниже, чем у военнопленных (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1916 г., д. 827, лл. 55 об—56). При этом необходимо иметь в виду, что производительность труда военнопленных была значительно ниже, чем у русских рабочих (см. «Материалы к учету...». Вып. 1, стр. 40; вып. II. Пгр. 1917, стр. 36; ГАДО, ф. 2 с, д. 3117, лл. 218—219, и др.). В ряде случаев (даже в период крупных забастовок) предприятия продолжали действовать, используя главным образом труд военнопленных. Например, на Днепровском металлургическом заводе в апреле 1916 г., когда забастовка приняла общий характер и во всех цехах была прекращена работа, «только две домны еле-еле поддерживались, да и то при помощи лишь военнопленных» (ГАДО, ф. 39 с, д. 2, лл. 30—32). Такие же факты имели место в период майско-июньской забастовки 1916 г. на крупном металлургическом Донецко-Юрьевском заводе (там же, ф. 2с, д. 3376, л. 45) и т. д. Таким образом, труд военнопленных нередко использовался прежде всего во время забастовок, а не вследствие его дешевизны.

[40] ГАХО, ф. 3, оп. 289, д. 5061, л. 32.

[41] П. И. Лященко. История народного хозяйства. Т. II. М.-Л. 1952, стр. 612.

[42] Данные за 1913 и 1914 гг. опубликованы в сборнике «Каменноугольная промышленность России в 1914 г.» (Вып. II, ч. I. Харьков. 1915, стр. XXVI). Среднее число женщин в августе и ноябре 1913 г. не превышало 1,58% (там же, стр. XXXVII). По данным «Отчета начальника Горного управления Южной России за 1913 (1914, 1915) г.». Екатеринослав. 1914 (1915, 1917), отдел I, стр. 4, 80), доля женщин и подростков была весьма близка к указанному выше числу и соответственно составляла в 1913 г. 0,6% и 9,6%. Для 1916 г. среднемесячное число женщин и подростков подсчитано по данным угольного отдела Особого совещания по топливу за первые одиннадцать месяцев (см. «Известия Особого совещания по топливу», №1, декабрь 1916, стр. 26, 40; № 2, февраль 1917, стр. 160).

[43] Данные за 1913—1915 гг. подсчитаны по «Отчету начальника Горного управления Южной России за 1913 (1914, 1915) г.». В 1915 г. на 15 металлургических заводах, учтенных в этом источнике работало 64 286 рабочих, то есть 78,1% от общего числа рабочих, занятых в металлургической промышленности юга России (21 предприятие). Доля женщин и подростков в 1916 г. вычислена по ежемесячным данным Совета съезда горнопромышленников за первые одиннадцать месяцев (за январь — май — «Горнозаводское дело», 1916, стр. 13098, 13278, 13657; за июнь—ноябрь —«Материалы к учету...». Вып. II, стр. 120).

[44] Данные по железорудной промышленности юга России за 1913, 1914 и 1915 гг. подсчитаны по «Отчету начальника Горного управления Южной России за 1913 (1914, 1915) г.» Для 1916 г. приведены средние по помесячным данным за второе полугодие по Криворожскому району. См. «Ежемесячная статистика железорудной про-

ростков накануне войны в железорудной промышленности (3,85%) была меньшей, чем в каменноугольной (9,4%), и почти такой же, как в металлургической (3,3%). В 1916 г. на железных рудниках, несмотря на острую нужду в рабочей силе, женщин и подростков было меньше, чем на предприятиях каменноугольной или металлургической промышленности (соответственно 8,3%, 11,3% и 17,8%). При увеличении численности рабочих-подростков в каменноугольной промышленности в годы войны их удельный вес, однако, несколько снизился, что объясняется общим увеличением численности рабочих в данной отрасли промышленности. В 1916 г. по сравнению с 1915 г. несколько снизилась доля подростков в железорудной промышленности, что было связано, по-видимому, с частичной заменой их труда более производительным трудом женщин и военнопленных.

Рабочие из числа беженцев, жителей окраин России и иностранцев составляли сравнительно незначительную долю общего числа рабочих, хотя буржуазия предпринимала меры для пополнения рабочей силы промышленности юга, в частности за счет вербовки китайских рабочих. В каменноугольной промышленности в 1916 г. доля беженцев не превышала одного процента от общего числа рабочих. Хотя в Екатеринославской губернии в конце 1915 — начале 1916 г. находилось более 200 тысяч беженцев, въезд в шахтерские уезды был для них ограничен специально принятым решением, запрещавшим направлять в Донбасс беженцев во избежание заноса туда заразных болезней [45]. К тому же беженцы из западных губерний являлись преимущественно земледельческими рабочими [46]. В металлургической промышленности в начале 1916 г. численность беженцев составляла около 3%.

Вопрос о пополнении рабочей силы каменноугольной промышленности Донбасса рабочими, завербованными в Китае, Корее, Иране, Японии и других странах, усиленно обсуждался еще в начале 1915 года. В Совет съезда горнопромышленников юга России поступали запросы о том, как получить указанных рабочих. Вместе с тем отдельные подрядчики направляли в Совет съезда свои предложения о доставке рабочих из Китая, Ирана, Кавказа и других мест. Но до специального постановления совета министров ввоз китайцев разрешался лишь на территорию восточнее Волги. Только 30 июня 1916 г. это ограничение было снято [47], и на рудниках Донбасса стал применяться в очень незначительных размерах труд китайцев. Осенью 1916 г. численность китайских рабочих составляла здесь около 0,5%, а к 1 марта 1917 г.— 0,85%.

В небольших размерах на предприятиях юга применялся труд узбеков и туркмен. Для работы на крупнейшем металлургическом Александровском заводе Брянского общества были привлечены по реквизиции сначала 373 узбека и затем 249 туркмен, что составило приблизительно 4% от общего числа рабочих завода на 1 февраля 1917 года [48]. На Сулинском металлургическом заводе к 1 февраля 1917 г. 80 рабочих, то есть 1,5%, были неславянского происхождения («инородцы») [49]. На металлургическом заводе «Русский Провиданс» насчитывалось, по данным на 1 ноября 1916 г., 450 узбеков, или 11,3% (помимо 1 229 военнопленных,

---

мышленности Криворожского района». Издание Совета съезда горнопромышленников юга России. Харьков. Выпуски за июль, август, декабрь. Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 165, л. 2 об.; д. 44, лл. 10, 13; выпуски за сентябрь и октябрь имеются в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Данные за ноябрь — «Материалы к учету...». Вып. II, стр. 34—35.

[45] См. «Отчет Екатеринославского комитета Всероссийского союза городов за время по 1 января 1916 г.». Екатеринослав. 1915, стр. 110—111.

[46] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1915 г., д. 790, л 56 об.

[47] Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 20, лл. 63, 65.

[48] ЦГИАЛ, ф. 37, 1916 г., оп. 58, д. 835, л. 383.

[49] Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 211, л. 22.

составлявших 30,9% всех рабочих) [50]. Данных о наличии узбеков на других металлургических предприятиях юга нет. Рабочие из Средней Азии использовались в конце 1916 г. также на железных рудниках Криворожья. Однако доля их была здесь очень мала и колебалась в пределах 0,5—1%; на 1 октября их было 138, на 1 декабря — 150 и на 1 января 1917 г.— 248 человек [51].

Вызванные войной и мобилизациями изменения в составе рабочих южного района нашли свое выражение и в сокращении численности квалифицированной, наиболее постоянной рабочей силы. По нашим подсчетам, 55% призванных в действующую армию с завода Гартмана в период первой мобилизации составляли квалифицированные и лишь 45% неквалифицированные или малоквалифицированные рабочие («чернорабочие», «рабочие», «ученики») [52]. Из числа мобилизованных с того же завода с начала войны по 1 ноября 1916 г. 53,8% составляли квалифицированные рабочие и 46,2% — чернорабочие [53].

На пяти металлургических заводах юга (Днепровском, «Русском Провидансе», заводе Новороссийского общества, Ольховском и Дружковском) доля квалифицированных и неквалифицированных рабочих за период с июня 1914 г. по июль 1916 г. изменилась следующим образом [54]:

	1914 г. (до войны)	1915 г.	Середина 1916 г.
Квалифицированные: всего (чел.)	16 197	14 090	16 146
в %%	64,94	49,84	43,8
в том числе:			
мужчин	64,84	49,24	43,0
женщин	0,1	0,33	0,5
военнопленных	—	0,27	0,3
Чернорабочие: всего (чел.)	8 738	14 173	20 687
в %%	35,06	50,16	56,2
в том числе:			
мужчин	32,74	31,4	29,6
женщин	1,82	3,13	5,1
подростков	0,5	7,43	7,3
военнопленных	—	8,2	14,2

Таким образом, численность квалифицированных рабочих на указанных заводах заметно уменьшилась в 1915 г. по сравнению с довоенным временем (на 13%) и только в середине 1916 г. достигла довоенного уровня. Однако в связи с увеличением общей численности рабочей силы доля квалифицированных рабочих к середине 1916 г. по сравнению с довоенным временем упала с 65% до 44%. К тому же квалификация рабочих в целом снизилась [55]. Нередко убыль даже сравнительно незначительного числа квалифицированных рабочих заметно сказывалась на производстве. Окружной инженер Горловского горного округа сообщал в своем донесении от 6 апреля 1915 г., что в резуль-

[50] Подсчитано по данным ЦГВИА, ф. 369 с, оп. XV, д. 2, ч. 4, лл. 446—447.

[51] Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 165, л. 1.

[52] Подсчеты сделаны по данным заводоуправления. ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 127, 1914 г., лл. 88—103.

[53] Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 43, лл. 12—15; д. 42, лл. 34, 35.

[54] Подсчитано по данным ЦГВИА, ф. 369 с, оп. XVI, д. 23, л. 243

[55] На 1 марта 1917 г. на трех других южных металлургических заводах (Константиновском, Сулинском и Трубопрокатном) соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих было следующим: квалифицированных—53,4% (8 944 человека), в том числе: мужчин — 48,76%, женщин — 1,47%, подростков — 0,74%, военнопленных — 2,43%; чернорабочих — 46,6% (7 801 человек), в том числе: мужчин — 7,99%, женщин — 14,72%, подростков — 8,37%, военнопленных — 15,52%. Подсчитано по данным филиала ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 211, лл. 2, 13, 24.

тате отправки в действующую армию 25 забойщиков, принимавших участие в апрельской забастовке на шахте № 1 Южно-Русского общества (всего бастовало 772 из 1 100 рабочих шахты), добыча угля упала приблизительно на 15%. В связи с этим окружной инженер присоединялся к ходатайству предпринимателей о возвращении указанных рабочих[56]. Летом 1915 г. Военно-промышленный комитет и Совет съезда горнопромышленников юга России[57] возбудили вопрос о возвращении по именным спискам из действующей армии рабочих, техников и инженеров, отсутствие которых тяжело отражалось на производстве. Однако штаб верховного главнокомандующего решил этот вопрос положительно только 22 января 1917 года[58].

Текучесть рабочей силы, характерная для тяжелой промышленности юга, в определенной мере обусловливалась не только войной, но и связью значительной части рабочих юга с сельским хозяйством. Накануне войны процесс освобождения рабочих от связи с землей в целом ускорился[59]. Однако на юге в силу существовавших здесь конъюнктурных условий, а также крайне тяжелых условий труда на предприятиях часть рабочих, уже порвавших связь с землей, в весенне-летний период все же уходила наниматься на сельскохозяйственные работы. Журнал «Горнозаводское дело» сообщал в начале 1915 г., что за последние годы в Донецком бассейне в течение 3 месяцев, на которые падают основные сельскохозяйственные работы, недоставало до 30% рабочих для удержания добычи угля на прежнем уровне[60].

По сравнению с довоенным временем отлив рабочих на полевые работы (по крайней мере, до 1916 г.) в силу ряда причин значительно возрос[61]. Пополнение промышленности в годы войны выходцами из деревни увеличило долю рабочих, связанных с сельским хозяйством. А нехватка рабочих рук в деревне повлекла за собой, в свою очередь,

---

[56] ГАДО, ф. 4 с, д. 1300, л. 80.

[57] Проходивший в конце 1916 г. 41-й съезд горнопромышленников юга России отметил, что одним из действенных средств увеличения добычи каменного угля в Донбассе «явилось бы возвращение из армии квалифицированных рабочих». См. «Горнозаводское дело». 1916, № 51, стр. 14937—14938.

[58] П. Шевлякин. Война и угольная промышленность. Сборник «Война и топливо 1914—1917 гг.». М.-Л. 1930, стр. 39.

[59] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 442.

[60] «Горнозаводское дело», 1915, № 8, стр. 10510 (примечание). В этом же номере отмечалось, что среднегодовая нехватка рабочей силы исчислялась лишь 13%. В ряде работ советских историков применяется, на наш взгляд, неправильная методика определения доли рабочих, связанных с землей, а также доли «постоянных» (несезонных) и кадровых рабочих. Так, Г. Д. Бакулев, отмечая уменьшение в предвоенные годы числа рабочих на шахтах Донбасса в течение марта—апреля по сравнению с зимними месяцами на 11—16%, считает, что эта цифра определяет и долю рабочих, связанных с землей (Г. Д. Бакулев. Указ. соч., стр. 204). Горный инженер Меллер, занимавшийся вопросами пополнения горной промышленности Донбасса рабочей силой, писал, что приходившие в Донбасс на заработки из внутренних губерний страны крестьяне делились «на летних и зимних рабочих, которые сменяли друг друга» (см. Э. Ф. Меллер. О необходимости ввоза в Донецкий бассейн китайских рабочих. «Горнозаводское дело», 1916, № 47, стр. 14709). По нашим подсчетам, на 24 рудниках Боково-Хрустального горного района Донбасса с начала и до конца июня 1915 г. при уменьшении общей численности рабочих всего лишь на 2,6% фактически с рудников ушло 16,4% рабочих, значительная часть которых была заменена новыми рабочими (Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, оп. 1, д. 49, лл. 4—4 об.). Следовательно, статистические данные о численности рабочих на начало и конец месяца не дают еще правильного представления о действительной текучести рабочей силы. Это обстоятельство не учитывается не только в книге Г. Д. Бакулева, но и в ряде других работ при определении доли постоянных рабочих (например, А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 510—511; Ф. Е. Лось. Формирование рабочего класса Украины и его революционная борьба в конце XIX и в начале XX столетия. Киев. 1955, стр. 155). А. А. Нестеренко даже пишет, что накануне войны в металлургической промышленности юга количество кадровых (?) рабочих достигало 100%, а в угольной — 87% (А. А. Нестеренко. Указ. соч., стр. 155).

[61] См. «Материалы к учету...». Вып. I, стр. 25.

увеличение периода пребывания рабочих на полевых работах. Администрация некоторых рудников с целью уменьшения количества заявок на расчет весной 1915 г. выдала рабочим аванс вперед[62]. Тем не менее уход на полевые работы продолжался. В письме от 14 мая 1915 г. из Рутченкова (по-видимому, одного из администраторов шахты) отмечалось: «Добыча угля и количество рабочих сократились на 25—30%. Предвидится дальнейший отлив рабочих на полевые работы. Прилива же не предвидится»[63]. Бахмутский уездный исправник в донесении губернатору от 10 апреля 1915 г., характеризуя положение дел на мелких шахтах Никитовского и Щербиновского районов, писал: «Число рабочих на мелких шахтах стало $^1/_3$ нормального количества по примеру прошлого года по случаю весеннего времени и полевых работ. Разница лишь та, что прошлые годы обыкновенно после пасхи из ушедших рабочих временно, до июня, возвращалось около 6%, теперь этого не наблюдается, очевидно, по случаю военного времени и недостатка рабочих для домашнего обихода»[64]. Уполномоченные съезда горнопромышленников юга России сообщали, что обычно с начала апреля в связи с полевыми работами на шахтах оставалось лишь 65—70% от общего числа рабочих, занятых в зимнее время[65]. В Лисичанском районе в июле 1916 г. около 40% рабочих шахт были жителями окрестных сел и деревень, имевшими свои хозяйства. В определенные месяцы они уходили домой на полевые работы[66].

В 1916 г. текучесть рабочих в целом в промышленности юга заметно сокращается ввиду последовавшего еще в 1915 г. запрещения под угрозой призыва в армию покидать предприятия хотя бы временно. Однако и эта мера не приостановила отлива рабочих в весенне-летний период[67]. В ряде случаев рабочие, несмотря на запрет, покидали предприятия и уезжали в деревню. Массовый уход рабочих с предприятий имел место и в период крупных забастовок 1916 г. на предприятиях юга. Так было, например, во время апрельской стачки 1916 г. на металлургическом Днепровском заводе, с которого ушло 21,5% от общей численности рабочих[68]; аналогичным было положение и в период горловско-щербиновской стачки шахтеров в апреле — мае 1916 года[69].

Связь с сельским хозяйством некоторой части рабочих металлургических предприятий юга как накануне, так и во время войны была значительно слабее, чем у рабочих каменноугольной промышленности. Накануне войны часть рабочих металлургических заводов (Александровского, Гантке, Днепровского и др.), проживая в прилегающих к заводам поселках, вела небольшое подсобное хозяйство[70]. На металлургических предприятиях, расположенных в Донбассе, связь с деревней была более заметной, чем на таких же предприятиях, находившихся около крупных городов (например, под Екатеринославом). Правление Русско-Бельгийского металлургического общества, сообщая в Горный департамент об уходе летом 1915 г. рабочих с Петровского завода (Енакиево) на полевые работы, отмечало, что рабочие, нанимавшиеся

---

[62] ЦГИАЛ, ф. 37, 1915 г., оп. 58, д. 770, л. 69.

[63] ЦГИАМ, ф. Департамента полиции, перлюстрация, 1915 г., д. 564, л. 927.

[64] ГАДО, ф. 4с, д. 1300, л. 53 об.

[65] «Горнозаводское дело», 1916, № 4, стр. 12844.

[66] ЦГИАЛ, ф. 37, 1916 г., оп. 58, д. 825, л. 261.

[67] Нам представляется неверным утверждение, содержащееся в «Материалах к учету...» (вып. II, стр. 17), о том, что к 1916 г. отлив рабочих из промышленности в деревню почти совершенно прекратился.

[68] Подсчитано по данным ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 21, ч. 1, л. 23 и ГАДО, ф. 2с, д. 3298, л. 161.

[69] ГАХО, ф. 3, оп. 289, д. 5834, л. 8 об.

[70] И. Л. Болясный. Рабочее движение в Екатеринославской губернии в годы революционного подъема (1912—1914 гг.). Днепропетровск. 1951, стр. 143 (кандидатская диссертация).

на сельскохозяйственные работы в страдную пору, получали за свой труд более высокую плату, чем на заводе. В сообщении подчеркивалось, что «явление это не ново и повторяется каждый год». «Петровские заводы расположены в... районе и по соседству с богатыми немецкими колониями, и поэтому вполне естественно в известные моменты летнего времени недостаток рабочих дает себя чувствовать здесь сильнее, чем, например, на заводах, расположенных вблизи больших городов, как, например, около Екатеринослава»[71].

Уход на сельскохозяйственные работы в весенне-летний период имел место накануне войны и среди рабочих железных рудников Криворожья[72].

Доля рабочих, по разным причинам ежегодно покидавших предприятия южного промышленного района, была весьма большой. В 1915 г. даже на некоторых металлургических заводах она составляла 56—65%: на Александровском заводе (с числом рабочих 8 150 человек) рабочих со стажем работы на этом предприятии менее года насчитывалось 56,0%[73]. По данным отчета больничной кассы металлургического Никополь-Мариупольского завода за 1915 г., состав участников кассы, охватывавшей около 93% всех рабочих завода, за год сменился на 65%[74]. На крупнейшем металлургическом Днепровском заводе (в поселке Каменском), по данным директора завода от 11 января 1916 г., ежегодно рассчитывалось около 60% (свыше 6 тыс.) всех рабочих и такое же количество поступало вновь. Группа «не коренных рабочих», то есть в значительной части рассчитываемых в течение года, распределялась следующим образом: рабочих со стажем около года насчитывалось: военнопленных — 1 435; рабочих цеха общих работ (то есть неквалифицированных или малоквалифицированных) — 3 684; женщин — 465; подростков — 885[75].

Несмотря на призывы рабочих в действующую армию, на металлургических предприятиях все же оставалось в 1915 г. приблизительно 35—40% рабочих со стажем работы на одном и том же предприятии 3—5 лет. На Александровском металлургическом заводе рабочих со стажем 3 года и более было в 1915 г. 34,0%[76]; на Днепровском металлургическом заводе в январе 1916 г. коренных заводских рабочих — специалистов (проработавших на заводе не менее 5 лет) было 4 200 (38,2%)[77]. В 1916 г. число рабочих, проработавших непрерывно на одном предприятии несколько лет, уменьшается. В связи с апрельской забастовкой 1916 г. на Днепровском заводе «постоянный контингент» рабочих составлял лишь 25—30% от общего их числа (10 тыс.)[78]. По данным отчета о деятельности Общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии, обращавшиеся за медицинской помощью рабочие по продолжительности работы на последнем по времени предприятии распределялись следующим образом: проработавших до полугода в 1913 г. было 34%, в 1915 г.— 43%; до 2 лет соответственно — 57% и 66%; от 2 до 15 лет — 39% и 29%; от 15 лет и более — 4% и 5%. Эти данные свидетельствуют также о том, что в 1915 г. приблизительно треть рабочих имела стаж работы на последнем предприятии более 2 лет (в 1913 г. такие рабочие составляли 43%). Значительный интерес представляют данные этого же общества об общем произ-

---

[71] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1915 г., д. 788, л. 37.

[72] «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова». Год XIII. 1907, № 8, стр. 751.

[73] Подсчитано по данным ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 24.

[74] «Вопросы страхования», 1916, № 12. стр. 8.

[75] ГАДО, ф. 2с, д. 3297, лл. 386 об.— 387

[76] ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 24.

[77] ГАДО, ф. 2с, д. 3297, лл. 386 об.— 387.

[78] Там же, д. 3129, л. 52 об.

водственном стаже работы на заводах рабочих, которые обращались за медицинской помощью: в 1913 г. с общим стажем до полугода их было 11%, до 3 лет — 32%, от 3 до 15 лет — 51%, 15 лет и более — 17%. В годы войны доля рабочих со стажем от 3 до 5 лет уменьшается, но наряду с этим увеличивается процент рабочих с небольшим стажем (от нескольких месяцев до 3 лет), а также в незначительной степени — процент рабочих со стажем более 15 лет[79].

Война оказала заметное влияние и на концентрацию рабочей силы. Это влияние в различных отраслях тяжелой промышленности юга проявилось по-разному. В металлургической промышленности доля рабочих, занятых на заводах-гигантах (с числом рабочих более 10 тыс. человек), увеличилась с 1913 г. по 1915 г. с 12,3% до 24%. В то же время в каменноугольной промышленности в связи с тем, что здесь в силу ряда причин в годы войны увеличилось число мелких предприятий, концентрация рабочей силы несколько снизилась. На предприятиях каменноугольной промышленности Донбасса с числом рабочих более 500 человек в 1913 г. было занято 91,1%, а в 1915 г.— лишь 69,8% общего числа рабочих. Основная масса рабочих была сосредоточена попрежнему на предприятиях с числом рабочих 100 и более[80].

Изменение состава рабочих в промышленности юга в годы войны, а также уменьшение концентрации рабочей силы в каменноугольной промышленности сказались на рабочем движении в этом районе. Если в 1905 г. количество стачечников в Петербургской губернии (1 012,3 тыс.) превышало число стачечников Екатеринославской губернии (370 тыс.) в 2,7 раза (включая повторные выступления)[81], то во второй половине 1914—1916 гг. количество стачечников только одного Петрограда превышало их число в Екатеринославской губернии в 5,5—6,5 раза[82].

Подведем краткие итоги. Война существенно повлияла на изменение численности и состава рабочих Южного промышленного района. В 1914—1916 гг. состав рабочих становится здесь менее пролетарским. В силу того, что значительную часть рабочих тяжелой промышленности Южного района составляли не местные, а пришлые рабочие, а также ввиду большого удельного веса среди рабочих юга мужчин и в связи с некоторыми другими причинами[83], изменения в составе рабочих промышленных предприятий юга в годы войны были более значительными, чем в некоторых других промышленных районах страны. Эти изменения отразились и на рабочем движении как до, так и после Февральской революции, что прежде всего проявилось в «отставании» рабочего движения на юге России по сравнению с таким промышленным районом, как Петроградский.

---

[79] Подсчеты сделаны по данным «Отчета о деятельности Общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии... за 1913 (1915) г.», стр. 24—25.

[80] Данные о концентрации рабочей силы в металлургической промышленности подсчитаны по сведениям на конец года. Сборник «Статистика Украины» (№ 3, серия 3, вып. III. Харьков. 1922, стр. 258—260); данные о концентрации рабочей силы в каменноугольной промышленности подсчитаны по среднемесячным сведениям сборника «Каменноугольная промышленность... в 1913 (1915) г.». Вып. I.

[81] А. С. Амальрик. Размещение стачечников в Европейской России в 1905 г. «Исторические записки». Т. 52, 1955, стр. 174.

[82] См. И. И. Крылова. К вопросу о статистике стачек петроградских рабочих в годы первой мировой войны. Сборник статей «Из истории империализма в России». М.-Л. 1959, стр. 425—426; Ю. И. Кирьянов. Стачечная борьба рабочих Екатеринославской губернии в годы первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). «История СССР», 1960, № 4.

[83] Здесь имеются в виду меньшая острота продовольственного кризиса на юге страны и более ощутимое отражение на рабочем движении ударов, наносимых полицией местным большевистским организациям.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ В РОССИИ (в период империализма)

В мае с. г. в Институте истории АН СССР состоялась сессия Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», посвященная аграрной истории России в период империализма. В работе сессии приняло участие около 80 ученых Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Баку, Алма-Аты, Томска, Оренбурга, Одессы, Казани и других городов.

Центральное место в работе сессии занял доклад С. М. Дубровского (Институт истории АН СССР) «К вопросу об уровне развития капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма».

Развитие капитализма в сельском хозяйстве страны в целом, сказал докладчик, шло прусским путем, который «хотя и внедрялся, но фактически далеко не победил». За «американский» путь, по его мнению, шла лишь борьба. Районов, где преобладала бы эволюция «американского» типа, в стране не было. Развитие по американскому типу могло пойти только после победоносной буржуазно-демократической революции. Но и при эволюции по прусскому пути все же был достигнут уровень развития капитализма, достаточный для того, чтобы буржуазно-демократическая революция смогла перерасти в революцию социалистическую.

С. М. Дубровский обратил внимание на различную степень развития капитализма в землевладении, землепользовании, ведении хозяйства и сбыте продукции. Больше всего остатки крепостничества сохранились в землевладении. Но и здесь к 1917 г. произошли заметные изменения: капиталистическое землевладение охватывало уже 33% всех земель, а крепостнические латифундии — 27%. Докладчик предостерег от преувеличения роли остатков крепостничества. Несмотря на их громадное распространение, аграрный строй России определялся, по мнению С. М. Дубровского, преобладанием капиталистических отношений. С. М. Дубровский акцентировал внимание на самом процессе складывания капиталистических аграрных порядков в России. В заключение докладчик на основе конкретных данных о крестьянском движении за 1900—1917 гг. показал соотношение двух социальных войн в деревне.

Н. С. Персэв (Саратовский университет) в своем выступлении поддержал тезис С. М. Дубровского. Он также считает, что развитие капитализма в сельском хозяйстве страны шло прусским путем, а за эволюцию американского типа шла лишь борьба. Иное мнение высказал А. В. Шапкарин (МГУ), указавший на преобладание американских форм аграрного капитализма в некоторых районах. Несколько отличную от А. В. Шапкарина точку зрения высказал Ф. Е. Лось (Киев). По его мнению, для России можно говорить лишь об элементах «американской эволюции» в сельском хозяйстве. Преобладание этих элементов, как отметил Ф. Е. Лось, наблюдалось, например, на юге Украины.

М. А. Рубач (Институт истории АН Украинской ССР) сделал доклад на тему: «Социальная структура аграрных отношений и классовое расслоение крестьянства в украинской деревне к 1917 г.». Он пришел к выводу, что уровень развития капитализма на Украине был более высоким, чем по всей России, что на Украине помещики и казна по размерам землевладения преобладали над крестьянской буржуазией. А в области землепользования, посевных площадей и концентрации поголовья скота «в целом крестьянская буржуазия опередила помещичьи хозяйства». М. А Рубач

отметил своеобразие аграрных отношений в различных районах Украины и связанные с этим особенности в развитии классовой борьбы в деревне. Докладчик показал, что события марта — октября 1917 г. способствовали упрочению союза рабочего класса с деревенской беднотой, развертыванию социалистической революции. К 1917 г., по мнению докладчика, как в украинской, так и в российской деревне в целом преобладали капиталистические отношения.

Доклад М. А. Рубача вызвал большой интерес среди участников сессии. А. М. Анфимов высказал сомнение в правильности отнесения М. А. Рубачем в группу сельской буржуазии части середняков, из которых многие не только не пользовались наемной рабочей силой, но сами продавали свою рабочую силу.

Сессия заслушала также доклад А. М. Анфимова (Институт истории АН СССР) «В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века»[1]. В высказываниях В. И. Ленина, считает докладчик, нет тезиса о том, что капиталистический способ производства к 1917 г. был преобладающим в сельском хозяйстве России. Для успеха социалистической революции в крестьянской стране необходим известный уровень развития капитализма в деревне, но не обязательно, чтобы капиталистический способ сельскохозяйственного производства стал преобладающим. Опыт революции показал, что и при имевшемся уровне развития капитализма в сельском хозяйстве рабочему классу удалось объединить вокруг себя деревенскую бедноту для борьбы с сельской и городской буржуазией. А. М. Анфимову возражали Л. А. Селивановская и М. А. Рубач, считающие доказанным преобладание капиталистических отношений в сельском хозяйстве России, а также А. В. Шапкарин, признающий бесспорным факт окончательного раскола крестьянства в России на буржуазию и сельский пролетариат уже к концу XIX века.

Е. А. Луцкий в докладе «Экономические основы аграрной программы партии большевиков в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции» отметил, что, поскольку к 1917 г. Россия оставалась крестьянской страной, аграрный вопрос занимал важное место в общей стратегии коммунистической партии; аграрная программа была разработана В. И. Лениным на основе учета экономических и политических факторов. Конфискация помещичьих латифундий и национализация всех земель в стране продолжали оставаться первейшими требованиями крестьянства, и поэтому большевистская партия сохранила их в своей программе. Но в условиях борьбы за социалистическую революцию национализация земли получала новое содержание. Она, указывал В. И. Ленин, означала на практике «могучий удар частной собственности на все средства производства вообще»[2], «не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»[3].

В. К. Яцунский (Институт истории АН СССР), выступая по докладу Е. А. Луцкого, высказал мысль о том, что необходимо расширить источниковедческую базу исследуемой проблемы за счет привлечения данных земской статистики XX в. и материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов, следует также уделять больше внимания изучению развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Сессия обсудила доклад П. И. Климова (Институт истории АН СССР) «К вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством в период революции 1905—1907 гг.». Докладчик показал, что крестьянское движение в стране развивалось под влиянием борьбы рабочего класса. Партия большевиков завоевывала все больший авторитет в крестьянстве. В ходе революции появились первые попытки организационного оформления союза рабочих и крестьян. Однако, сказал докладчик, нельзя сбрасывать со счетов как слабость этого союза в то время, так и элемент стихийности в его складывании.

Сессия заслушала несколько сообщений по истории аграрных отношений в ряде районов страны, вызвавших интерес у аудитории. К сожалению, основные проблемы, поставленные докладчиками,— об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве, об особенностях классовой дифференциации крестьянства — не нашли достаточного

[1] Напечатан в журнале «Вопросы истории» (1960, № 4).

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 7-е, ч. 1. М. 1954, стр. 340.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 395.

освещения в сообщениях, а отчасти и в выступлениях. В данном случае сказались, очевидно, недостатки в организации сессии: на обсуждение было поставлено слишком большое количество докладов и сообщений. Последние представляли собой скорее своеобразные творческие отчеты о большой проделанной работе по изучению аграрных отношений на материалах местных архивов.

Л. Б. Белявская (Томский политехнический институт) охарактеризовала социально-политические последствия столыпинской переселенческой политики на Дальнем Востоке. Выступавшая, в частности, отметила, что если до революции 1905—1907 гг. главный контингент переселенцев составляли середняки, то в последующие годы в их массе преобладал наиболее революционный элемент деревни — беднота. Против этого тезиса возражал С. М. Дубровский, который считает, что и после революции 1905—1907 гг. в числе переселенцев преобладали середняки, хотя, как отметил выступавший, имущественный ценз их понизился, больше стало переселяться владельцев маломощных хозяйств.

А. А. Храмков (Томский политехнический институт) в сообщении «О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в начале XX в.» указал на более свободные условия для развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири по сравнению с внутренними губерниями России. Докладчик тем не менее показал наличие существенных пережитков крепостничества в Сибири (гнет самодержавия, феодальный характер собственности царской семьи на землю, тяжелый податной гнет и т. д.). Поэтому и в этой части страны главным содержанием крестьянского движения была борьба за разрешение аграрного вопроса.

Многие участники сессии положительно отозвались о весьма интересном сообщении А. А. Храмкова. Правда, А. В. Фадеев (Институт истории АН СССР) критиковал А. А. Храмкова за преувеличение роли крепостнических пережитков в сибирской деревне.

В сообщении «О характере революционной борьбы казахско-киргизского крестьянства Семиречья в начале XX в.» П. Г. Галузо (Институт истории Казахской ССР) осветил борьбу трудящихся казахов и киргизов за уничтожение феодальных отношений. П. Г. Галузо показал реакционные черты столыпинской реформы, приводившей к усилению феодальной эксплуатации казахов и киргизов и тормозившей развитие капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. В борьбе против байско-манапских элементов и грабительской практики царизма бедняцко-середняцкая часть аула стремилась вывести скотоводство из кризиса с помощью перехода к оседлому земледельческому хозяйству. Успех этой борьбы мог быть обеспечен лишь при условии союза с рабочим классом России, в чем состояла важнейшая предпосылка перерастания демократической национально-освободительной революции в Казахстане в революцию социалистическую.

Л. А. Селивановская (Оренбургский педагогический институт) остановилась на малоизученном вопросе о социальной дифференциации оренбургского казачества в конце XIX—начале XX века.

Ю. И. Кирьянов (Институт истории АН СССР) осветил положение и борьбу крестьян Екатеринославской губернии в годы первой мировой войны, работу большевиков по привлечению крестьянства на сторону рабочего класса. Он сказал, что менее активный характер крестьянской борьбы на Екатеринославщине, чем в других губерниях Украины, объяснялся, в частности, относительно лучшей обеспеченностью здесь крестьян землей.

Е. В. Сизоненко (Одесский университет) оспаривала это положение. Она считает, что крестьянское движение в Екатеринославской губернии было значительнее, чем в других губерниях. Е. В. Сизоненко высказала также мысль о том, что в начале мировой войны в рабочем движении наблюдался спад, а движение крестьянства, наоборот, усилилось.

И. Д. Кузнецов (Чебоксарский педагогический институт) в сообщении «Аграрный вопрос в Чувашии накануне Октябрьской революции» показал процесс капиталистического развития чувашской деревни.

А. П. Иерусалимский (Московский авиационный институт) затронул вопрос о развитии крестьянского движения в годы нового революционного подъема. Из-

вестно, что в литературе укоренилось мнение о резком снижении числа крестьянских выступлений в 1911—1914 годах. А. К. Иерусалимский отмечает, что в указанные годы сократилось количество поджогов крестьянами помещичьих усадеб, но увеличилось число массовых выступлений крестьян (78 в 1910 г. и 124 в 1913 г.). Заметно участились политические выступления крестьян (40 в 1910 г. и 71 в 1913 г.).

А. И. Исмаилов (Институт истории АН Азербайджанской ССР) обрисовал аграрный строй Азербайджана в конце XIX — начале XX века. Н. П. Егунов (Улан-Удэ. Педагогический институт) вскрыл классовую сущность движения бурятского крестьянства в 1903—1904 гг., вызванного попытками царизма отрезать земли у бурят и эвенков.

Л. П. Минарик (Москва. Государственный исторический музей) осветила капиталистическую эволюцию Ракитянского имения князей Юсуповых. Характерной чертой этой эволюции был рост хозяйства помещика наряду с сохранением и даже усилением (особенно с 1913 г.) кабально-отработочных форм, что обостряло борьбу против него как на почве капиталистической, так и на почве крепостнической эксплуатации.

К. И. Шабуня (Институт истории АН Белорусской ССР) посвятил свое выступление аграрному строю Белоруссии. Он отметил преобладание капиталистической системы хозяйства в белорусской деревне, факт полного раскола деревни как в имущественном, так и в классовом отношении.

В. П. Данилов (Институт истории АН СССР) отметил, что при изучении Великой Октябрьской социалистической революции из поля зрения исследователей до сих пор выпадает вопрос о двух этапах революции в деревне, в частности докомбедовский этап. Положение В. И. Ленина о том, что классовое деление крестьянства перед Октябрем 1917 г. еще не назрело и не вылилось наружу, по сути дела, историками обходится. Надо иметь в виду, что во второй социальной войне в 1917 г. преобладание получила борьба за помещичью землю. Борьба с кулачеством развернулась в основном после Октябрьской революции. Но первая социальная война продолжалась вплоть до полной победы Советской власти.

С заключительным словом выступил А. Л. Сидоров. Он подчеркнул, что рассмотренные на сессии доклады в основном получили положительную оценку. А. Л. Сидоров высказал ряд конкретных замечаний в адрес отдельных выступлений. Так, он отметил, что в докладе С. М. Дубровского уровень развития капитализма в сельском хозяйстве России недостаточно раскрывается на фактическом материале.

Относительно затронутого докладчиком вопроса о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве в России А. Л. Сидоров высказал мнение, что в ряде районов, несомненно, наблюдалась эволюция американского типа, хотя ей мешали крепостнические пережитки; в целом же по стране капитализм развивался по прусскому пути. В. И. Ленин видел тенденцию капиталистической эволюции американского типа в реальной жизни России, в развитии сельского хозяйства вновь колонизуемых районов, где помещичий гнет был более слабым.

Отметив научную ценность экономических расчетов в докладе М. А. Рубача, А. Л. Сидоров не согласился с ним в том, что капиталистические отношения в сельском хозяйстве России уже окончательно победили к 1917 г., ибо это означало бы признание успеха столыпинской реформы, отрицание ее краха. Но в отдельных районах капиталистическое хозяйство, несомненно, преобладало.

А. Л. Сидоров отметил также, что изложение в докладе А. М. Анфимова взглядов В. И. Ленина на характер аграрных отношений в России принципиально не расходится с тем, что говорится в докладе С. М. Дубровского. А. Л. Сидоров указал на некоторое преувеличение в докладе А. М. Анфимова крепостнических черт аграрного строя России. Аграрный строй крестьянского хозяйства, по мнению А. Л. Сидорова, следует считать мелкобуржуазным, приближающимся к буржуазному.

Результаты сессии, сказал в заключение А. Л. Сидоров, свидетельствуют о возросшем интересе историков к проблемам аграрной истории России XX века. К сожалению, в разработке этих проблем сделано пока еще очень мало. По существу, остаются нерешенными такие важнейшие вопросы, как уровень развития капитализма, характер господствовавших систем хозяйства как по районам, так и по стране в целом. Не установлено количественное соотношение двух социальных войн в российской деревне,

так как источники, несомненно, преуменьшают размах борьбы против кулачества, особенно в 1917 году. Сама методика изучения крестьянского движения недостаточно отработана: регистрируются и принимаются за единицу выступления как небольших групп крестьян, так и целых волостей и чуть ли не уездов.

Мало внимания уделяют исследователи конкретному изучению помещичьего и крестьянского хозяйства, особенно развитию производительных сил в сельском хозяйстве. Слабо используются даже такие ценные источники, как итоги земских подворных переписей. Крайне отстает от потребностей науки издание источников по социально-экономической истории России и особенно сельского хозяйства XIX века. Плохо обстоит дело с изучением пореформенной аграрной истории. Прошедший в декабре 1959 г. симпозиум по аграрной истории Восточной Европы показал, что аграрной историей периода капитализма советские историки занимаются гораздо меньше, чем периода феодализма.

Следует более широко и систематически заняться порайонным изучением развития капитализма в сельском хозяйстве. В этой связи особый интерес представляют сообщения товарищей, в которых была сделана попытка (пусть не исчерпывающая, но плодотворная) показать характер и своеобразие аграрных отношений в различных районах страны.

На первый план в ближайшие годы следует выдвинуть, сказал А. Л. Сидоров, задачу воспитания молодых кадров историков-аграрников и активизацию работы сформировавшихся исследователей.

А. А. Матвеев, М. С. Симонова

Обзоры и рецензии

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» С. М. СОЛОВЬЕВА *

Необходимость переиздания «Истории России с древнейших времен», принадлежащей перу крупнейшего русского буржуазного историка С. М. Соловьева, назрела давно. Последнее (дореволюционное) издание этого труда было осуществлено товариществом «Общественная польза» и стало библиографической редкостью; к тому же оно неудовлетворительно в научном отношении (отсутствуют комментарии, а справочный аппарат невелик и весьма несовершенен). Между тем в этом обобщающем труде нуждаются все те, кто ведет исследовательскую и преподавательскую работу в области отечественной истории и истории русской исторической науки, а также студенты, аспиранты и широкие круги советских читателей, интересующихся исторической литературой.

В научной деятельности С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» занимает особое место. Она является не только самым крупным его произведением, но и важнейшим творческим достижением. К созданию указанного труда С. М. Соловьев приступил, уже будучи сложившимся ученым, разработавшим в основных чертах самостоятельную концепцию русской истории, характеристика и оценка которой даны в ряде работ советских историков [1].

Новое издание «Истории России с древнейших времен» открывается обстоятельной вступительной статьей Л. В. Черепнина, ответственного редактора издания. Л. В. Че-

* С. М. СОЛОВЬЕВ. *История России с древнейших времен.* Кн. 1—3 (Тт. 1—6). Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во социально-экономической литературы. М. 1959—1960. Тираж 35 000. Цена 17 руб.

[1] Наиболее значительное внимание изучению исторической концепции С. М. Соловьева уделил Н. Л. Рубинштейн. См. его работы: «Русская историография». М. 1941 (гл. 19), «С. М. Соловьев и русская историческая наука» («Вопросы истории», 1945, № 3—4), «Очерки истории исторической науки в СССР» (т. I, М. 1955, стр. 347—366).

репнин, опираясь на итоги предшествующего изучения исторических взглядов С. М. Соловьева, охарактеризовал основные этапы научной биографии крупнейшего русского буржуазного историка, а также ту переходную эпоху, в которой протекала его научная деятельность, и определил состояние исторической науки в России в середине прошлого века. Во вступительной статье изложена сущность исторической концепции С. М. Соловьева, раскрыты ее политические и теоретические основы, показаны ее отличительные особенности, в частности те черты, которые ставят эту концепцию выше воззрений дворянских историков, и вместе с тем отмечена ее либерально-буржуазная и идеалистическая ограниченность. Анализ концепции С. М. Соловьева основан на изучении всего научного наследства ученого. Основное внимание в вводной статье уделено всесторонней характеристике «Истории России с древнейших времен». Здесь прослеживается процесс создания этого труда, анализируются его структура и источниковедческая основа, раскрываются содержание важнейших разделов и научное значение этого исторического произведения. Органическим дополнением к вводной статье служат обширные и тщательно составленные научные комментарии, которые раскрывают содержание каждого тома с позиций марксистско-ленинской методологии и дают оценку коренных проблем, рассмотренных С. М. Соловьевым.

В настоящей статье делается попытка осветить лишь некоторые важнейшие (получившие наиболее яркое отражение в «Истории России с древнейших времен») особенности научной деятельности С. М. Соловьева, а также те вопросы, которые недостаточно освещены в вводной статье. К числу последних относятся вопросы об оценке труда С. М. Соловьева современниками, о месте С. М. Соловьева в русской дореволюционной историографии, о месте его «Истории России с древнейших времен» в ряду обобщающих трудов по истории различных стран, принадлежащих перу крупнейших европейских историков его времени.

Для С. М. Соловьева как ученого были прежде всего характерны необычайная эрудиция, широта кругозора, многообразие интересов, исключительное трудолюбие и отчетливо выраженная склонность к теоретическим обобщениям. Эти особенности способствовали созданию им выдающихся научных трудов по истории. Вместе с тем не следует забывать, что С. М. Соловьев выступил как представитель буржуазной историографии периода ее подъема, когда она сделала шаг вперед по сравнению с официальной дворянской историографией.

Известно, что виднейшие представители русской дворянской историографии первой половины XIX в. Н. М. Карамзин и М. П. Погодин вслед за историками XVIII в. сводили историю России к деяниям самодержавных венценосцев. В отличие от них представители оформлявшейся в то время в России буржуазной историографии — И. Г. Эверс, М. Т. Каченовский, Н. А. Полевой, К. Д. Кавелин — уделяли главное внимание роли государства в истории, рассматривали деятельность государства уже более многосторонне и глубоко, являясь в этом смысле предшественниками С. М. Соловьева. В сфере их внимания, в частности, находились история государственных учреждений и история развития правовых норм с их изменениями и усложнениями. Эти историки начали изучать общественные отношения, проявлять внимание к быту и культуре народа, к его занятиям, к истории его взаимоотношений с народами других стран, а в отдельных случаях и к вопросам экономического развития страны, в частности к торговым связям с соседними народами. Как и представители западноевропейской буржуазной историографии, русские буржуазные историки стали изучать гражданскую историю как совокупность различных сторон общественного развития, пытаясь в какой-то степени постичь внутреннюю обусловленность и закономерность исторического процесса. Вместе с расширением проблематики буржуазной исторической науки стала расширяться и ее источниковедческая основа, совершенствовались методы анализа источников.

Однако в трудах буржуазных историков — предшественников С. М. Соловьева теоретические вопросы истории Русского государства и народа еще не получили основательной разработки и воплощения в целостную концепцию русского исторического процесса. Они не смогли создать обобщающих исторических трудов. И. Г. Эверс, как известно, сформулировал лишь «родовую теорию», исходя из которой он объяснял развитие древнерусской истории. Последующих же этапов истории России Эверс не касался. Н. А. Полевой в «Истории русского народа» сделал попытку противопо-

ставить официальной схеме русского исторического процесса, изложенной в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, свое собственное понимание русской истории. Хотя книга Н. А. Полевого и содержала некоторые новые идеи, характерные для развивавшейся буржуазной историографии, однако опять-таки лишь применительно к древнерусской истории. История России от времени царствования Ивана III до правления Бориса Годунова излагалась в труде Н. А. Полевого в основном в духе Н. М. Карамзина. М. Т. Каченовский в своих немногочисленных и небольших работах также не вышел за рамки проблем древнерусской истории. Он высказал отдельные рациональные суждения о необходимости критического подхода к древнерусским источникам и общие соображения о характере общественного развития восточных славян, но вместе с тем в трактовке ряда вопросов допустил такие крайности, которые искажали древнейшую историю России, в частности создавали неправильное представление о Киевской Руси, которую М. Т. Каченовский относил к «баснословному периоду» русской истории. К. Д. Кавелин, уделявший основное внимание исследованию истории русского права, в самой общей форме сформулировал концепцию русской истории, оказавшую известное влияние и на С. М. Соловьева, но не разработал ни одной крупной проблемы истории России в исследовательском плане.

Таким образом, предшествующее развитие буржуазной исторической науки позволило С. М. Соловьеву разработать новую концепцию русской истории. Научная заслуга С. М. Соловьева состоит в том, что он сумел не только опереться на рациональные моменты в работах своих предшественников, но и пойти гораздо дальше их воззрений. Его концепция отличалась рядом существенно новых особенностей: она охватывала историю России от древнейших времен до последней четверти XVIII в. и имела целью разрешить ряд коренных (доступных пониманию буржуазного историка) проблем этой истории. Теоретические принципы концепции С. М. Соловьева не выходили за пределы идеалистического понимания истории, но они были более глубокими и содержательными, чем в трудах его предшественников. Заметное влияние на концепцию С. М. Соловьева оказала гегелевская «Философия истории», что прежде всего сказалось в трактовке им идеи внутренней обусловленности и закономерности исторического процесса, идеи исторического прогресса, а также ряда проблем русской истории и составило одну из особенностей его исторических воззрений. При разработке своей концепции С. М. Соловьев учитывал достижения западноевропейской историографии, в частности теоретические принципы и выводы французских историков периода реставрации — Ф. Гизо и О. Тьерри. Характерно, однако, что идея классовой борьбы, получившая отражение в ранних трудах этих историков, осталась чуждой С. М. Соловьеву. В период пребывания за границей в 1842—1844 гг. он имел возможность посещать лекции или же изучать труды таких выдающихся историков, как К. Риттер, Ф. Раумер, Л. Ранке и Ф. Шлоссер — в Германии и Ф. Гизо, Ж. Мишле — во Франции. Несомненное влияние оказали на С. М. Соловьева также воззрения передового русского историка того времени — Т. Н. Грановского (в свою очередь, испытавшего некоторое влияние западноевропейской философии и историографии), в частности его теория «органического развития общества».

Усвоение и творческая переработка С. М. Соловьевым достижений русской исторической науки, а также западноевропейской историографии подготовили его как ученого к созданию самостоятельной исторической концепции. Но методы разработки этой концепции, ее содержание и социальная сущность обусловливались главным образом либерально-буржуазными политическими воззрениями С. М. Соловьева. Эти воззрения формировались в переломную для исторического развития России эпоху — в годы резкого обострения кризиса крепостнической системы, подготовки и осуществления отмены крепостного права, в условиях революционной ситуации. Характеризуя буржуазный либерализм того времени, В. И. Ленин писал: «Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков» [2].

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 96.

Внутренняя двойственность либерализма — его оппозиционность по отношению к крепостничеству и умеренность, непоследовательность этой оппозиционности, склонность либералов к соглашению с силами реакции для борьбы с движением масс, с опасностью народной революции — нашла отражение и во взглядах С. М. Соловьева, и в этом кроются истоки сильных и слабых сторон его исторической концепции. Эта двойственность определила отношение историка к современности. Она проявилась, с одной стороны, в осуждении им крайностей реакционного николаевского режима, с другой — в его стремлении к сильной монархической власти, якобы способной предотвратить революцию. Та же двойственность выявилась и в освещении С. М. Соловьевым истории России.

Сильная сторона исторической концепции С. М. Соловьева проявилась в его стремлении вскрыть закономерность русского исторического процесса, показать его органический характер. Правда, в понимании закономерностей русского исторического процесса С. М. Соловьев стоял на идеалистических позициях (он не видел материальных основ общественного развития, сводя все дело к идее прогресса, идее обогащения цивилизации). Но даже и такое идеалистическое объяснение принципа закономерности имело положительное значение для дальнейшего развития русской исторической науки.

Признание закономерного, органического характера исторического процесса давало возможность преодолеть несостоятельный тезис дворянской историографии о якобы решающем значении внешних факторов (например, завоевания варягов, господства монголов) в развитии русской истории; оно создавало условия для разработки периодизации истории, отличавшейся от официальной дворянской, для установления связи между отдельными историческими периодами и событиями, расширяло пределы исторического исследования, привлекая внимание историков к новым проблемам. Именно эти особенности «новой исторической школы», представленной С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным, ценил Н. Г. Чернышевский, отмечавший, что эти историки имели «строго научный взгляд» на историю и стремились к объяснению «смысла событий и государственной жизни»[3]. Но Н. Г. Чернышевский тонко подметил и другую черту, присущую представителям «новой исторической школы», то есть буржуазной историографии: они уделяли преобладающее внимание «государственной жизни», политической истории. Это подтверждается, в частности, содержанием первых крупных работ С. М. Соловьева.

Основное положение концепции русской истории С. М. Соловьева — тезис о постепенном утверждении государственных отношений в борьбе с отживающими родовыми отношениями — впервые было изложено в его ранних работах: магистерской диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (1845) и докторской диссертации «История отношений между князьями Рюрикова дома» (1847). Эти труды показали научную зрелость С. М. Соловьева, а их материалы и выводы облегчили ему работу над первыми томами «Истории России с древнейших времен», в основе которой лежал тот же тезис о смене родовых отношений государственными, определивший структуру этого труда, схему разработанной в нем периодизации русской истории, а также трактовку ее важнейших событий.

Приступив к изданию своего обобщающего труда в 1851 г., С. М. Соловьев регулярно публиковал по тому в год. Только смерть оборвала эту исключительную по напряженности и результатам работу (издание было приостановлено на 29-м томе). Создание столь обширного труда по истории России усилиями одного человека было научным подвигом. При этом нужно иметь в виду, что научная деятельность С. М. Соловьева не ограничивалась работой над этим фундаментальным трудом. В течение многих лет он постоянно делил свое время между рабочим кабинетом, архивом и студенческой аудиторией.

Такого широкого охвата событий, какое мы видим в монументальном труде С. М. Соловьева, а соответственно и громадного количества изученных источников, подавляющее большинство которых было впервые извлечено из архивов и стало достоянием науки, нет в трудах его предшественников. Напомним, что М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин довели свои обобщающие труды только до начала XVII в., а С. М. Со-

---

[3] См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. III. М. 1947, стр. 181.

ловьев осветил в своей «Истории России с древнейших времен» события вплоть до последней четверти XVIII века.

Подчеркнем, что если при изложении истории России до начала XVII в. С. М. Соловьеву понадобилось в основном только более полно раскрыть исторические события или же дать им иную трактовку на основе новых теоретических принципов, а в некоторых случаях и на основе вновь привлеченных источников, то при освещении последующей истории ему приходилось в значительной мере писать историю заново, особенно применительно к послепетровскому периоду, привлекая для этого новые источники.

Что касается изучения истории России до начала XVII в., то и в пределах этого периода С. М. Соловьев дал свое толкование ряда важнейших проблем русской истории. В отличие от дворянских историков С. М. Соловьев не был склонен преувеличивать роль варягов в исторических судьбах славянства, но и он не смог научно разрешить «норманскую» проблему. Историю Киевской Руси С. М. Соловьев истолковал с позиции «родовой теории», уделив основное внимание междукняжеским родовым отношениям. Историю Северо-Восточной Руси С. М. Соловьев рассматривал как новый этап русской истории, характеризовавшийся утверждением вотчинного владения и начал единовластия, что, по мнению С. М. Соловьева, создало условия для постепенного утверждения государственных отношений в борьбе с родовыми. В связи с этим, характеризуя возвышение Москвы как центра складывавшегося единого Русского государства, он полагал, что государственное начало одерживает полную победу при Иване IV в напряженной и драматической борьбе с боярством как носителем старых, родовых отношений. С. М. Соловьев подошел к пониманию опричнины как политики, направленной против боярства, но не раскрыл ее классовую сущность. При освещении периода «Смуты» и последующих периодов, характеризовавшихся крестьянскими восстаниями и войнами, С. М. Соловьев, подобно дворянским и другим буржуазным историкам, проявил классовую ограниченность при оценке народных движений, в частности, при оценке крестьянских войн под предводительством И. И. Болотникова и С. Т. Разина. Так, в крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина он видел «порождение анархизма», противогосударственного начала.

История России XVII в. во многом трактовалась С. М. Соловьевым иначе, чем его предшественниками, или освещалась заново. XVII век рассматривался историком как период подготовки реформ Петра I. Тем самым обосновывался тезис С. М. Соловьева об органическом развитии России и доказывалась необходимость преобразований Петра I, исследованию которых он посвятил 6 томов «Истории России с древнейших времен» (тт. XIII—XVIII). Деятельность Петра I являлась основной, излюбленной темой исследований С. М. Соловьева, раскрывающей существо его исторической концепции. В трактовке этой проблемы наиболее отчетливо проявились сильные и слабые стороны политических и научных воззрений Соловьева. Мысли историка об исторической подготовленности, необходимости и прогрессивном характере реформ Петра I были верны в своей основе и явились вкладом в русскую историческую науку. Однако при оценке этих реформ обнаружились классовая, либерально-буржуазная сущность и идеалистическая основа взглядов С. М. Соловьева: «поворот к Западу» сводился им преимущественно к восприятию западноевропейской культуры. В то же время реформы Петра I тенденциозно противопоставлялись С. М. Соловьевым Французской буржуазной революции конца XVIII в. как пример удачных преобразований, осуществляемых «сверху», волей «прирожденного главы государства», одаренного «небывалою силою» [4]. В реформах Петра I С. М. Соловьев видел «прообраз» таких преобразований в России (ожидавшихся в его время либералами), которые предотвратили бы народную революцию.

Привлечение нового материала и своеобразное освещение событий «послепетровского периода» (1725—1774 гг.) сделали этот раздел «Истории России...» одним из наиболее свежих и интересных.

Таким образом, в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева получили освещение основные проблемы и события русской истории, начиная с древнейших времен и кончая серединой царствования Екатерины II. Этот труд, бесспорно, свиде-

---

[4] См. С. М. Соловьев. История России... Изд. «Общественная польза». Б. г. и б. м. Кн. III, стб. 1055.

тельствовал об окончательном утверждении буржуазной историографии и вместе с тем показывал ее классовую сущность и теоретическую ограниченность.

Значение обобщающего труда С. М. Соловьева заключалось также и в том, что он, опираясь на успехи русской исторической науки, которых она достигла в середине прошлого века, в частности, в области изучения источников, способствовал ее новым достижениям в источниковедении. При написании «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьевым были использованы издания Археографической комиссии, а также другие источники, опубликованные к тому времени: летописи, актовый материал, памятники законодательства, записки иностранцев и др. Эти источники послужили С. М. Соловьеву основой для изучения истории Русского государства до XV в. включительно. Среди них был сравнительно небольшой комплекс неизвестных ранее архивных материалов, которые С. М. Соловьев ввел в научный оборот.

Значительно больше неизвестных ранее архивных материалов привлек С. М. Соловьев для освещения истории России в XVI и особенно в XVII—XVIII веках. Круг новых материалов, извлеченных из архивов, расширялся по мере приближения исследования С. М. Соловьева к его завершающей дате — 1774 году.

Так, изучая историю России XVI в., С. М. Соловьев впервые использовал многие ценные документы о дипломатических сношениях России с другими странами, хранившиеся в Московском главном архиве министерства иностранных дел. Для изучения истории России XVII в. С. М. Соловьев впервые привлек ряд рукописных повестей и сказаний русских деятелей и иностранцев, летописи, хронографы, письма русских царей и некоторые другие ранее неизвестные источники. При исследовании этого периода истории России С. М. Соловьев широко использовал дипломатическую документацию, а также материалы приказов, в частности столбцы Приказа тайных дел, документы из «портфелей» Г. Ф. Миллера, представляющих исключительную ценность. Но наиболее широко привлекал С. М. Соловьев новые архивные материалы для освещения истории России XVIII века.

Интересно отметить, что тома «Истории России...», посвященные первой четверти XVIII в., были изданы С. М. Соловьевым вслед за опубликованием многотомной «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова. Работа Н. Г. Устрялова была основана на чрезвычайно широком использовании архивных материалов, и тем не менее соответствующие разделы «Истории России...» С. М. Соловьева вносили много нового в освещение этого периода истории России.

Особенно интересны новые материалы, привлеченные С. М. Соловьевым для освещения так называемого «послепетровского периода». История России этого времени разрабатывалась им заново. С. М. Соловьев использовал материалы секретных архивных фондов. Он впервые изучил фонды Кабинета, Сената, Верховного тайного совета, Преображенского приказа, Тайной канцелярии, а также дипломатическую документацию XVIII века.

Само собою разумеется, что обращение С. М. Соловьева к новым источникам потребовало от него и совершенствования методов их изучения — установления датировки, сопоставления редакций, отбора из их числа наиболее достоверных, внимательного изучения особенностей источников определенной эпохи и т. д.

Столь обширный круг новых источников и их всестороннее изучение сделали «Историю России...» С. М. Соловьева не только крупнейшим обобщающим трудом, но и колоссальным сводом новых фактов, ценнейшим первоисточником и авторитетным указателем богатейших сокровищ русских архивов для многих поколений исследователей[5].

Несмотря на значительную научную ценность «Истории России с древнейших времен», выход первых ее томов был встречен многими современниками С. М. Соловьева настороженно и даже враждебно. В роли критиков этого труда выступили виднейший представитель официально-монархической историографии М. П. Погодин (бывший

---

[5] В вводной статье Л. В. Черепнина к советскому изданию «Истории России...» С. М. Соловьева впервые в историографической литературе дана обстоятельная характеристика источниковедческой основы этого труда и методов, применявшихся С. М. Соловьевым при изучении источников. Некоторые сведения о работе С. М. Соловьева над «Историей России...», а также отдельные наблюдения источниковедческого характера содержатся в статье А. И. Андреева «Работа С. М. Соловьева над «Историей России» («Труды» Историко-архивного института. Т. III. М. 1947).

учитель С. М. Соловьева по университету), а также идеолог славянофильства Константин Аксаков. В защиту С. М. Соловьева высказался только К. Д. Кавелин. Однако постепенно отношение к «Истории России...» стало меняться. С. М. Соловьев отвечал критикам не опровержениями, а регулярным изданием очередных томов своего капитального труда, и такой ответ оказался наиболее убедительным. «История России...», как в этом воочию могли убедиться современники С. М. Соловьева, становилась энциклопедией знаний по русской истории. Показательна в этом отношении оценка труда С. М. Соловьева К. Н. Бестужевым-Рюминым, являвшимся в свое время крупным авторитетом в области русской истории. Он был одним из наиболее внимательных рецензентов работы С. М. Соловьева, откликался почти на каждый ее том [6].

Уже в одном из первых своих отзывов на «Историю России...» К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что С. М. Соловьев впервые поставил и начал разрешать многие важнейшие вопросы русской истории, «ввел в область русской истории явления, которые прежде в нее не входили, и тем бросил неожиданный свет на то, что все знали» [7]. Однако славянофильские настроения помешали К. Н. Бестужеву-Рюмину вначале дать верную оценку труда С. М. Соловьева. Более того, впадая в крайность, К. Н. Бестужев-Рюмин даже был склонен поставить «Историю России...» ниже «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Но с течением времени, по мере выхода новых томов работы С. М. Соловьева, становилось все более ясным, сколь значителен вклад историка в русскую историческую науку. Поэтому К. Н. Бестужев-Рюмин впоследствии признал свою неправоту и заявил, что исследование С. М. Соловьева знаменовало собой важную веху в развитии русской историографии. Его отзывы о последних томах «Истории России...» воздают должное капитальному труду ученого и выдержаны в объективных тонах [8].

Всем непредубежденным современникам постепенно становилось ясным, что «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева является национальной ценностью, обеспечивающей ее автору почетное место не только в русской, но и в мировой историографии. Более того, современники С. М. Соловьева убеждались в превосходстве его труда над обобщающими трудами известных европейских историков. Так, труды французского историка Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» и «История цивилизации в Европе» основывались на ограниченном материале и были образцом синтетических исторических работ. Труд английского историка Т. Маколея «История Англии» ограничивался XVII в. и посвящался восхвалению «славной революции» с позиций вигов. По широте и методике использования источников, охвату событий и теоретическому уровню работа Т. Маколея уступала труду С. М. Соловьева. Капитальное сочинение немецкого историка Ф. Х. Шлоссера «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» освещало историю главнейших европейских стран на протяжении избранного автором периода в сравнительно общей форме и не отличалось таким богатством источниковедческой основы, как исследование С. М. Соловьева. Тем более это следует сказать о «Всеобщей истории» Г. Вебера, компилятивном и в научном отношении не очень ценном труде [9]. Современники С. М. Соловьева легко могли сравнить его обобщающее произведение с работами названных ино-

---

[6] Значительное внимание воззрениям С. М. Соловьева уделил К. Н. Бестужев-Рюмин в статье «Современное состояние русской истории, как науки» («Московское обозрение», 1859, № 1). Что касается «Истории России с древнейших времен», то оценка каждого ее тома давалась К. Н. Бестужевым-Рюминым в рецензиях, печатавшихся в 1858—1877 гг. в различных периодических изданиях (преимущественно в журнале «Отечественные записки»).

[7] К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» С. Соловьева. Т. VIII. «Отечественные записки», 1858, № 8, стр. 54.

[8] См. статью К. Н. Бестужева-Рюмина «XXV-летие «Истории России» С. М. Соловьева (1851—1876)» («Русская старина», 1876, № 3); его отзывы о 23—26 тт. «Истории России» С. М. Соловьева (сборник «Государственные знания». СПБ, т. I. 1874; т. II. 1875; т. III. 1876; т. IV. 1877).

[9] Н. Г. Чернышевский, вынужденный в последние годы своей жизни из-за стесненных материальных обстоятельств заниматься переводом «Всеобщей истории» Г. Вебера, отмечал научную неполноценность этого труда. «Историю России» С. М. Соловьева Н. Г. Чернышевский, напротив, считал работой, обогащающей русскую историографию (см. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М. 1949, стр. 405).

странных историков, поскольку в русском переводе эти работы (исключая работу Г. Вебера) появились в 50—60-х годах прошлого века, то есть в те годы, когда выходила «История России...». Но превосходство многотомного труда С. М. Соловьева над трудами современных ему иностранных историков состоит не только в том, что этот труд охватил почти всю национальную историю и тщательно документирован. Он возвышается над многими подобными трудами и в теоретическом отношении, ибо С. М. Соловьев более широко, чем многие его современники, понимал задачи исторической науки и более разносторонне трактовал исторический процесс. С. М. Соловьеву было чуждо, например, стремление немецкого историка Л. Ранке при изложении событий ограничиваться только внешней фактической стороной истории, установлением лишь того, «как это действительно происходило». С. М. Соловьев всегда пытался уяснить смысл событий прошлого.

В то же время понимание условий исторического развития С. М. Соловьевым отличалось от понимания английского историка Г. Бокля, который крайне переоценивал роль географического фактора в истории, считая его основным, определяющим. Хотя С. М. Соловьев в ряде случаев и переоценивал значение природного фактора в истории России, все же он попытался определить значение и других основных элементов и условий исторического развития: «природы племени», «хода внешних событий». В результате С. М. Соловьев, оставаясь в пределах идеалистических представлений о ходе истории, все же дал более разностороннюю трактовку исторического процесса.

Наконец, следует отметить, что С. М. Соловьеву были чужды узкий национализм, ненависть к другим народам, что являлось в его время распространенным пороком среди историков, особенно немецких. Давая оценку взглядам одного из них, В. Риля, С. М. Соловьев с осуждением писал о свойственной последнему «мелкой, недостойной великого народа вражды, зависти к другим народам» [10] и видел в этом существенную ограниченность историка.

Все эти положительные стороны исторических воззрений С. М. Соловьева получили воплощение в «Истории России с древнейших времен».

Занимая почетное место в русской и мировой историографии, труд Соловьева являлся вершиной его научного творчества,

Все остальные произведения С. М. Соловьева были или подготовкой к созданию этого основного труда (как, например, его диссертации), или сопутствовали его написанию (например, историографические работы, в которых С. М. Соловьев определял свое отношение к предшествующему этапу в развитии русской исторической науки), или вытекали из проблематики и материалов «Истории России...» («История падения Польши», 1863; «Публичные чтения о Петре Великом», 1872), или, наконец, дополняли собой этот капитальный труд («Император Александр I. Политика и дипломатия», 1877). Следовательно, важнейшие особенности исторической концепции С. М. Соловьева получили наиболее полное воплощение в «Истории России с древнейших времен». Основные теоретические установки изложены С. М. Соловьевым во введениях к I и XIII томам «Истории России...». Введение к первому тому открывается общим изложением теории «органического развития» применительно к истории России. С. М. Соловьев писал здесь, обращаясь к русским историкам: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время» [11].

Из теории «органического развития» вытекала известная формула С. М. Соловьева «естественно и необходимо», служившая отправным моментом для понимания всего хода русского исторического процесса как внутренне обусловленного и закономерного. Не случайно так часто сам С. М. Соловьев приводил эту формулу, являвшуюся для него своеобразным теоретическим кредо. Как вспоминал позднее В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, раскрывая эту формулу при изложении русской истории,

---

[10] С. М. Соловьев. Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза», стб. 864.
[11] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I, т. I. М. 1959. стр. 55.

сообщал своим слушателям «удивительно цельный, стройной нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории... Настойчиво говорил и повторял он, где нужно, о связи явлений, о последовательности исторического развития, об общих его законах, о том, что называл он необычным словом — историчностью»[12]. Что касается введения к XIII тому «Истории России...», то здесь принцип историзма раскрывался С. М. Соловьевым в процессе обобщенного изложения хода русской истории до реформ Петра I и обоснования этих реформ как закономерных, органически вытекавших из предшествующего развития страны и потому прогрессивных по своему характеру и историческим последствиям. Такое признание С. М. Соловьевым закономерного развития России было направлено прямо против антиисторизма дворянских историков и в особенности против идеализации допетровской старины славянофилами.

Концепция русской истории, изложенная С. М. Соловьевым в его обобщающей работе, при всей ее идеалистичности и односторонности, была новым словом в русской историографии того времени. Она отличалась своей целостностью, основывалась на признании решающего значения внутренних факторов, была пронизана идеей закономерности, устанавливала принципиальное единство исторического развития России и Западной Европы, хотя последнее положение и не раскрывалось последовательно. Именно эта концепция (в главнейших своих чертах) определила все последующее развитие буржуазной историографии в России. Перефразируя известное изречение: «Вся русская литература второй половины XIX века вышла из «Шинели» Гоголя»,— можно с не меньшим правом утверждать, что русская буржуазная историография вышла из «Истории России...» С. М. Соловьева. Этот труд представлял собой итог всего предшествующего развития русской историографии и, будучи высшим достижением буржуазной исторической науки России, в свою очередь, явился исходным моментом и основой последующего развития русской исторической науки.

Историческая концепция С. М. Соловьева получила дальнейшее развитие и обобщение в монографиях талантливого ученика С. М. Соловьева — В. О. Ключевского, созданных им в 80—90-х годах прошлого века и особенно в его итоговом труде — «Курсе русской истории». В то же время в этой последней работе В. О. Ключевского уже отразились и некоторые кризисные явления, широко проявившиеся в буржуазной историографии в эпоху империализма. Зрелостью теоретических принципов и лучшими сторонами своих воззрений был обязан влиянию С. М. Соловьева и такой выдающийся русский буржуазный историк, как Н. П. Павлов-Сильванский. Более того, отход от традиций С. М. Соловьева — традиций буржуазной историографии периода ее подъема, выражавшихся прежде всего в признании принципа закономерности в истории,— служил своеобразным критерием для оценки теоретических основ буржуазной историографии периода ее упадка в эпоху империализма. Как известно, одним из наиболее ярких проявлений кризиса буржуазной историографии в период империализма был отказ от принципа закономерности, отказ от широких обобщений, столь типичных для исследований С. М. Соловьева и в первую очередь для его «Истории России...», превращение изучения разрозненных фактов в единственную цель исторической науки. Очевидно, именно признанием принципа закономерности в истории С. М. Соловьев обязан тому, что он забыт современной западной реакционной историографией, превозносящей лишь тех русских историков, которые отказались от этого принципа.

Однако само собой разумеется, что концепция С. М. Соловьева, положительно отличаясь от эклектических, позитивистских и неокантианских упражнений таких буржуазных историков эпохи империализма, как А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и им подобных, вместе с тем была концепцией исторически и классово ограниченной. Некоторые ее слабые стороны были подмечены современниками С. М. Соловьева — революционерами-демократами, которые справедливо указывали на то, что С. М. Соловьев не понял подлинного значения деятельности народных масс как основной творческой силы истории[13]. Этот недостаток отмечал и Л. Н. Тол-

[12] В. О. Ключевский. Соч. Т. VIII. М. 1959, стр. 259—260.

[13] См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I, т. I. М. 1959, стр. 49 (вступительная статья).

стой[14]. Наиболее ясны они, конечно, советскому историку, вооруженному марксистско-ленинской методологией, которая позволяет вскрыть классовое существо и идеалистический характер воззрений буржуазных историков. Советские историки показали, что С. М. Соловьев не только с идеалистических позиций рассматривал исторический процесс, но и допускал непоследовательность в трактовке признававшегося им принципа внутренне обусловленного, закономерного развития России. Так, в ряде случаев он преувеличивал значение природного фактора в истории страны, процесса колонизации новых пространств, значение борьбы «леса» со «степью», как он образно определял борьбу Руси с кочевыми народами. Кроме того, С. М. Соловьев допускал переоценку степени различия между историческим развитием России и Западной Европы, что противоречило его общим установкам, опять-таки ссылаясь при этом на природный фактор. Не следует также забывать, что самую закономерность истории С. М. Соловьев, будучи буржуазным либералом, сводил к мирному, постепенному, эволюционному развитию общества, в пределах законности, без «конвульсий» и «потрясений», без «болезненных прыжков», как он называл революционные преобразования, нарушающие «нормальное» развитие общества.

Главной движущей силой общественного развития С. М. Соловьев считал государство, рассматривая его в качестве «внеклассовой организации», равно заботящейся о благе всех сословий и классов, о «благе народа», регулирующей мирный ход общественного развития реформами, проводимыми «сверху». Деятельность государства всегда оставалась у С. М. Соловьева на первом плане, наполнялась им «мудрым» смыслом и оправдывалась, в чем выразилась буржуазная природа его воззрений. Не случайно, что С. М. Соловьев воспринял теорию Б. Н. Чичерина о создании в России сословий «сверху» (силой государственной власти), в равной мере обязанных крепить государственную мощь. Тем самым С. М. Соловьев так же, как и Б. Н. Чичерин, исторически обосновывал необходимость установления крепостного права в России и видел возможность освобождения крестьян только государством. С. М. Соловьев склонен был даже полагать, что «государственность», которую он рассматривал как стремление к укреплению государственного могущества, являлась якобы исконной национальной особенностью русского народа. Этот тезис составил одну из реакционных черт политических и исторических воззрений С. М. Соловьева.

Вполне понятно, что все противодействующее укреплению государства решительно осуждалось С. М. Соловьевым, рассматривалось в качестве проявления действий «анархических элементов» народа, не поднявшихся до сознания общенациональных «государственных интересов» и потому не желавших служить государству. В силу этого С. М. Соловьев глубоко враждебно относился ко всем проявлениям классовой борьбы и прежде всего к народным движениям в России — крестьянским восстаниям, казацким волнениям, протестам работных людей против крепостной неволи, к стихии народной борьбы вообще. Эта сторона политических и исторических воззрений С. М. Соловьева сближала его с представителями «государственной школы» в русской историографии — Б. Н. Чичериным и К. Д. Кавелиным. Именно эти воззрения и их дальнейшая эволюция привели С. М. Соловьева к тому, что он, напуганный реальной угрозой народной революции в период революционной ситуации 1859—1861 гг., стал впоследствии превращаться из либерала в консерватора, в убежденного сторонника сильной монархической власти. С. М. Соловьев постепенно воспринял важнейшие принципы «государственников», хотя и не стал типичным представителем этой школы[15]. В «Истории России с древнейших времен» проявились и буржуазные, великодержавные воззрения С. М. Соловьева на историю отдельных народов России; он относил их к «неисторическим» народам и потому отрицал за ними право на самостоятельное развитие.

Классовой и теоретической ограниченностью С. М. Соловьева, а также уровнем

---

[14] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 48. М. 1952, стр. 124 (см. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. I. М. 1959, стр. 50, вступительная статья).

[15] Об отношении С. М. Соловьева к «государственникам» см. В. Е. Иллерицкий. О государственной школе в русской историографии («Вопросы истории», 1959, № 5).

исторической науки его времени можно объяснить то обстоятельство, что коренная основа общественного развития — материальное производство — оказалась вне пределов его исследования. С. М. Соловьев лишь спорадически проявлял внимание к вопросам экономического развития страны и не смог оценить всей важности этой стороны исторического процесса. Это, в частности, выразилось и в том, что источники по экономической истории России — писцовые или таможенные книги, статистические материалы — С. М. Соловьевым не изучались.

К слабым сторонам «Истории России с древнейших времен» следует отнести и недостаточную обработку материалов русской истории 30—70-х годов XVIII века. Здесь сила обобщающей мысли как бы изменила С. М. Соловьеву.

Но и учитывая классовую сущность и идеалистическую ограниченность исторической концепции С. М. Соловьева, а также связанные с этим слабые стороны его обобщающего труда, в теоретическом отношении, безусловно, уже устаревшего, советский читатель, и в особенности историк-специалист, не может встать на позиции недооценки научного значения его «Истории России...». Признание значения этой работы С. М. Соловьева не может быть ограничено указанием на то лишь, что она составляет важный этап в развитии русской исторической науки. Кроме своего историографического значения, обобщающий труд С. М. Соловьева до сих пор продолжает оставаться колоссальным сводом фактов, особенно относящихся к политической истории России, и в этом отношении оказавшимся непревзойденным в трудах других русских буржуазных историков. «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева продолжает оставаться богатой сокровищницей знаний, чем в значительной мере оправдывается ее издание в наше время.

Издание наиболее ценных трудов крупнейших русских историков, связанное с глубоким изучением их воззрений и научного наследства, будет способствовать расширению и углублению исследовательской работы в области историографии, разработка которой необходима для теоретического вооружения советских историков. Значение этой работы начинает с полным основанием широко признаваться в последнее время.

Изданные к настоящему времени три книги «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева включают первые шесть томов этого труда, в которых изложение русской истории доведено до конца царствования Ивана IV (1584 г.). Кроме вводной статьи Л. В. Черепнина, изданные книги, как уже отмечалось выше, имеют обширный научный аппарат. К каждому тому даны примечания, состоящие из двух элементов — авторских примечаний и подготовленных составителями дополнений к ним. Необходимость последних вызвана тем, что С. М. Соловьев зачастую ограничивался глухими ссылками на использованные им источники (печатные и архивные), а также на историческую литературу. В советском издании эти глухие ссылки впервые получают полную расшифровку и переводятся, где это возможно, на новые архивные шифры и последние издания соответствующих источников, а также и использованных С. М. Соловьевым исторических трудов. В тех же случаях, когда С. М. Соловьев ссылался на архивные материалы, которые впоследствии были опубликованы, в дополнениях к примечаниям приводятся ссылки на эти публикации. Тем самым составители последовательно изучают всю источниковедческую основу громадного труда С. М. Соловьева и выполняют сложную работу по переводу всех его ссылок на новейшие издания. Такая колоссальная по своей трудоемкости и тщательная по исполнению работа делает первое советское издание «Истории России с древнейших времен» особенно ценным в научном отношении. Дополнения к авторским примечаниям дают много нового не только массовому читателю, но и историку-специалисту, хорошо знакомому с прежними изданиями этого труда.

Научная ценность советского издания «Истории России с древнейших времен» повышается и за счет комментариев, данных в приложении к каждой книге. Цель этих комментариев хорошо определена во вводной статье: «В комментариях указываются те наблюдения Соловьева, которые вошли в историческую науку и подвергаются критике с позиций марксистско-ленинской теории и с точки зрения новейших дости-

жений исторической науки его утверждения, для нас неприемлемые»[16]. В комментариях получает критическую оценку трактовка проблем истории, даваемая С. М. Соловьевым как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Чтобы получить представление о содержании комментариев, достаточно сослаться на комментарии ко второй книге (тт. 3—4), посвященной истории России от конца княжения Ярослава Мудрого до княжения Василия Темного включительно (1054—1462 гг.). Здесь получили критическую оценку следующие вопросы: общая концепция С. М. Соловьева (на материале 3—4-го томов); периодизация общественно-политического развития России в XIII в.; характеристика С. М. Соловьевым общественного строя Руси XI—XIII вв.; интерпретация им истории общественно-политической мысли XI—XIII вв., борьбы народов нашей страны за независимость в XIII в.; постановка вопросов социально-экономического развития Руси XIV—XV вв.; трактовка истории классовой борьбы в период политического объединения русских земель вокруг Москвы; вопросы развития феодальной земельной собственности в XIV—XV вв.; русские города XIV—XV вв.; роль церкви в период политического объединения русских земель вокруг Москвы, образование Русского централизованного государства, связь труда С. М. Соловьева с дворянской историографией; наконец, источниковедческая основа «Истории России...».

Приведенный пример убедительно показывает, сколь существенные проблемы являются предметом научного комментирования. Критический анализ всех рассмотренных в комментариях вопросов дается на основе новейших достижений советской исторической науки, с учетом выводов наиболее фундаментальных трудов советских историков. Тем самым комментарии знакомят читателя не только с трудом С. М. Соловьева, но и с современным состоянием советской историографии в области разработки крупнейших проблем отечественной истории. По отдельным проблемам комментарии перерастают в большое критическое исследование обобщающего труда С. М. Соловьева, что помогает в овладении его сложным материалом не только широкому читателю, впервые изучающему «Историю России с древнейших времен», но и чрезвычайно полезно историку-специалисту.

Каждая книга «Истории России...» содержит указатель имен и указатель географических и этнографических наименований, благодаря чему значительно облегчается пользование томами.

Комментирование «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в трех изданных книгах осуществлено В. Т. Пашуто и А. М. Сахаровым, примечания и указатели составлены А. П. Виноградовой, Н. В. Синицыной, В. С. Рыкаловым и Т. Д. Цинзерлинг.

В. Е. Иллерицкий

[16] См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I, т. I, стр. 51 (вступительная статья).

«*Материалы по истории СССР*». Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. Изд-во АН СССР. М. 1959. 800 стр. Тираж 2 000. Цена 31 руб. 30 коп.

Рецензируемый сборник — лишь вторая попытка документального освещения одной из важнейших проблем истории России периода империализма. В 1957 г., к сороковой годовщине Великого Октября, были выпущены два тома документов об экономическом положении России перед революцией (в марте — октябре 1917 г.), значительная часть которых характеризует последние годы господства монополистического и финансового капитала в России[1].

Что касается предшествующего периода,

[1] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы. Ч. I—II. М.-Л. 1957.

то по нему исследователи располагают весьма ограниченным кругом опубликованных документов [2].

Подобное положение с публикацией документальных материалов по истории российского империализма нельзя признать нормальным. История монополистического капитализма в России принадлежит к числу актуальных проблем советской исторической науки. Значимость этой проблемы определяется не только тем, что она связана с одним из важнейших периодов истории нашей страны, но и тем, что изучение ее дает ответ на общий вопрос об объективных условиях борьбы рабочего класса за установление своей диктатуры и победу социалистической революции.

Поэтому выход в свет рецензируемого сборника является фактом большого научного значения. Он содержит десять тематических публикаций, освещающих различные стороны истории монополистического капитализма в России от 80—90-х годов XIX в. до первой мировой войны.

Главное достоинство сборника заключается в том, что опубликованные в нем документы не только расширяют круг новых фактов, относящихся к истории монополистического капитализма, но по-новому освещают ряд принципиальных положений, дают возможность решить некоторые спорные вопросы. Это относится прежде всего к документам, характеризующим деятельность монополий в машиностроительной и нефтяной промышленности, появившихся здесь раньше, чем в других отраслях. В нашей экономической и исторической литературе до недавнего времени считалось, что первыми монополиями в России являлись сахарный синдикат, объединения гвоздильных и дрожжевых заводов, объединение предприятий, изготовлявших иголки, и т. п. На основе обобщения этих данных появилась даже точка зрения об особенностях раннего периода развития монополистического капитала в России. Сторонники такого взгляда утверждали, что в отличие от западноевропейских стран и Америки, где монополизация началась с высококонцентрированных отраслей тяжелой промышленности, у нас первые монополии возникли во второстепенных отраслях, в которых преобладало мелкое и среднее производство. Это означало, что общие закономерности развития монополистического капитала, и в частности закономерность возникновения монополий на основе высокой концентрации, в России якобы не действовали.

Опубликованные документы проливают новый свет на этот вопрос. Они показывают, что в России были монополии, о существовании которых знал только узкий круг лиц. Они действовали нелегально с молчаливого одобрения правительства [3]. Так, целая группа монополий — «Союз рельсовых заводов», «Союз фабрикантов рельсовых скреплений», «Союз заводов, изготовляющих железнодорожные принадлежности», соглашение мостостроительных заводов — сложилась в ведущей отрасли русской промышленности, обслуживавшей железнодорожное строительство.

В состав монополий входили наиболее крупные машиностроительные заводы страны, предприятия, выделявшиеся уже в тот период высоким уровнем концентрации производства и рабочей силы (общество Путиловских заводов, общество Брянских заводов, Южно-русское днепровское общество и др.).

Тексты соглашений и другие документы, касающиеся истории этих монополий, впервые опубликованы в сборнике (стр. 18—45) [4]. В 80—90-х годах XIX в. ряд монополий образовался в нефтяной промышленности. Сфера действий самой крупной из них — «Союза семи крупных фирм»,— возглавлявшейся Нобелем, выходила далеко за пределы России. В 90-х годах между «Союзом» и американской монополией «Standard

---

[2] См. публикации: «Продуголь (К вопросу о финансовом капитале в России)». «Красный архив». 1926. Т. 5; «К истории топливно-металлического голода в России накануне первой мировой войны». «Исторический архив». 1951. № 6; «К истории топливного голода в России». «Исторический архив». 1957. № 1; «К истории концерна Стахеева». «Исторический архив». 1957. № 3; П. И. Лященко. Из истории монополий в России. «Исторические записки». 1946. Т. 26.

[3] По действовавшему в России в конце XIX — начале XX в. законодательству соглашения монополистического характера были формально запрещены.

[4] Публикация в сборнике не исчерпывает всех данных о ранних монополиях в России (в частности, в промышленности, обслуживавшей железнодорожное строительство). Известно, например, что в 1891—1893 гг. существовало объединение вагоностроительных заводов, в состав которого входили заводы Коломенского, Сормовского, Путиловского, Брянского обществ, Русско-Балтийский завод и завод общества «Лильпоп, Рау и Левенштейн». Договор объединения хранится в Брянском областном государственном архиве, ф. 220, оп. 1, д. 410, л. 1.

Oil C°» велись переговоры о разделе сфер влияния на мировом рынке.

Таким образом, данные документов сборника о ранних монополиях имеют принципиальное значение. Они свидетельствуют о том, что в России, как и во всех капиталистических странах, монополии возникли прежде всего в отраслях тяжелой промышленности на основе высокой концентрации производства. Образованию этих монополий способствовал и ряд других благоприятных обстоятельств: сосредоточение производства монополизируемого продукта на немногих предприятиях, концентрация спроса в виде казенных заказов, а также поддержка со стороны царского правительства.

Монополии 80—90-х годов не отличались большой прочностью. Во второй половине 90-х годов, когда наблюдался промышленный подъем, они распались. Большинство предприятий, входивших ранее в монополии, оказалось в начале 1900-х годов в составе новых монополистических объединений, которые просуществовали вплоть до Октябрьской революции.

1900-е годы были важным этапом в развитии монополистического капитализма в России. Монополистические объединения получили распространение во всех важнейших отраслях русской промышленности. Далеко не полные подсчеты показывают, что к началу первой мировой войны в России действовало свыше 150 монополий различного типа.

В процессе монополизации русской промышленности важную роль играл банковский капитал. Русские, французские, бельгийские, германские и английские банки стояли за спиной крупнейших монополий, контролируя и направляя деятельность таких объединений, как «Продамет», «Продуголь», «Продвагон» и др. В предвоенные годы в России получили распространение высшие формы монополистических объединений типа трестов и концернов.

Эта важнейшая сторона процесса развития российского монополистического капитала изучена наиболее слабо. До недавнего времени было известно о возникновении накануне и во время войны трех нефтяных и табачного трестов и ряда финансовых групп — Ярошинского, Стахеева, но так как эти факты были единичными, то они представлялись исключениями из общего правила, и в научной литературе укоренилось мнение, что в России до образования высших форм монополий дело не дошло. Новейшие изыскания показали, что подобный ошибочный взгляд сложился в результате недостаточной изученности вопроса.

Сращивание промышленных монополий с банками, тенденция к образованию монополистических объединений высшего типа были закономерным итогом развития промышленного и банковского капитала в России и имели место во многих важнейших отраслях промышленности: машиностроительной и металлургической, нефтяной и горнорудной, текстильной, сахарной и табачной, а также на транспорте и в торговле. Ряд материалов (о военно-промышленной группе Русско-Азиатского банка, о концерне Рябушинского, о группе «Вогау», о банковском железнодорожном синдикате во главе с Русско-Азиатским и Международным банками), характеризующих этот процесс, публикуется в сборнике.

★

Наряду с публикациями, отражающими историю отдельных монополий в России, в сборник включены материалы, которые характеризуют промышленную политику этих монополий. В их числе договоры и примыкающие к ним «особые условия» крупнейшей в России монополистической организации «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет»).

Официально «Продамет» считался акционерным обществом и должен был действовать в соответствии с утвержденным правительством уставом. Однако не устав, а так называемые контрагентские договоры определяли его внутреннюю организацию и подлинное содержание деятельности. Подобные договоры носили секретный характер; разрабатывались они по типовому образцу и заключались обществом отдельно с каждым заводом по каждому виду продукции. В нашей литературе был опубликован один из таких договоров «Продамета», заключенный в 1909 году[5]. В сборник включены тексты договоров 1902 и 1912 годов. (Их срок действия был продлен до конца 1917 года. Таким образом, они сохраняли свою силу вплоть до национализации общества в 1918 году.)

Теперь нам известны все контрагентские договоры «Продамета», являющиеся незаменимым источником для изучения методов его монополистической политики. Исследо-

[5] См. «Исторические записки». 1946. Т. 20.

вание содержания договоров дает возможность проследить, как усиливалось влияние этой могущественной монополии в России, внутреннюю борьбу между различными группами монополистов. Ценность их заключается также в том, что они раскрывают беззастенчивые тайные махинации по регулированию производства, предпринимавшиеся заправилами монополий с целью обеспечения монопольно высокой прибыли.

Одним из важнейших средств такого регулирования было проводившееся «Продаметом» искусственное сокращение производства. Контрагентские договоры и «особые условия» предусматривали систему поощрений (премий) за отказ от расширения производства, за уменьшение долей участия.

За три года промышленного подъема (1912—1914) было уплачено около 6 млн. руб. премий за отказ от производства (стр. 479).

Подобными же методами действовали и другие монополии, например «Продуголь» (стр. 503—516).

★

Большая группа документов сборника содержит материалы, характеризующие экономическую политику царского правительства в конце XIX — начале XX в. и взаимоотношения монополий и царизма. Такие материалы имеются в публикациях о ранних нефтяных монополиях, о политике «Продугля», о проникновении банковского капитала в железнодорожное строительство. На эти темы в сборнике помещено несколько обобщающих документов.

В одном из них — во «всеподданнейшем» докладе «о необходимости установить, а затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи» (1899 г.),— составленном Витте, дано изложение основных принципов экономической политики царизма конца XIX — начала XX века.

Вступление России в период империализма сопровождалось глубокими изменениями не только в экономической, но и в социальной и политической жизни страны. Развитие монополий и рост финансового капитала, усиление экономической мощи и политического влияния буржуазии как в городе, так и в деревне — все это не могло не наложить отпечатка на политику царизма, в частности в области экономики. По вопросу о направлении экономической политики в среде господствующего класса существовали разногласия, остроту которым придавала обстановка глубокого кризиса, переживаемого страной в связи с назреванием революции. Выход из кризиса определенные круги видели в приспособлении к условиям буржуазного развития. Концентрированное выражение этого мнения дал в своем докладе Витте.

Как видно из содержания его доклада, он ставил перед собой цель не только определить сумму мероприятий, направленных на развитие промышленности, но указать программу решения важнейших политических задач: преодоления внутреннего кризиса и поднятия международного престижа Российской империи. Однако сделал он это с присущей ему, как представителю дворянско-помещичьего класса, ограниченностью.

Так, выдвинув в качестве краеугольного положения своей программы всемерное развитие национальной промышленности, Витте не смог определить иных средств ее осуществления, кроме протекционизма и широкого привлечения иностранного капитала.

В свете опыта социалистической индустриализации в СССР, проведение которой обеспечило нам подлинную национальную независимость и продвижение по пути прогресса, особенно ярко обнаруживается классовая ограниченность воззрений Витте, не видевшего для России иного пути, кроме добровольного закабаления ее иностранным капиталом.

После некоторой борьбы Витте удалось добиться утверждения своей программы. Родившийся в решающий для становления империализма период, его доклад являлся программным документом экономической политики царизма эпохи империализма. Об этом свидетельствует тот факт, что основную линию экономической политики Витте неуклонно защищали и проводили в жизнь его преемники.

В докладе не затрагивался такой важный вопрос экономической политики царизма, как вопрос об отношении к монополиям. И это понятно, так как процесс монополизации русской промышленности вступил в решающую стадию только в начале XX века.

Кроме того, поскольку существование монополистических объединений в России запрещалось законом, постольку проследить отношение к ним царизма по официальным документам трудно. Тем более ценно опубликование в сборнике документа, в котором отражена эта сторона экономической политики царизма. Речь идет о «Записке о синдикатах».

Ценность «Записки» как исторического источника заключается в том, что пока это единственный в своем роде документ, содержащий богатый фактический материал о взаимоотношениях монополий и государственного аппарата царской России.

Хотя связи между монополиями и органами государственного управления в России были самыми тесными и монополии широко использовали их в своих интересах, в силу сложившихся условий ни та, ни другая сторона не стремилась рекламировать свои отношения. Естественно, нужны были особые обстоятельства, чтобы документ, затрагивающий эту тему, мог появиться.

В 1908—1912 гг. сенат проводил ряд ревизий (под руководством сенаторов Нейдгарта, Гарина, Медема, Дедюлина и др.), в ходе которых было осуществлено расследование по поводу сдачи и выполнения казенных заказов. Так как казенные заказы привлекали особое внимание монополий и некоторые из них организовывались с целью захвата таких заказов, в руки ревизующих органов попала богатая документация ряда монополистических объединений.

Полученные материалы использовались сенаторами при составлении «всеподданнейших» докладов. Один из них, «всеподданнейший» доклад сенатора Д. Б. Нейдгарта Николаю II о произведенной в 1911 г. ревизии казенных, земских, городских и общественных мостостроительных операций, опубликован в сборнике (стр. 349—360). В нем содержатся сведения о деятельности некоторых монополий в машиностроительной промышленности и военном производстве и об их связях с должностными лицами ведомственных учреждений. Нейдгарт не ограничился одним докладом. Под его руководством была составлена специальная «Записка о синдикатах»[6], в которой наряду с обобщением данных об указанных монополиях содержалась характеристика их роли и влияния в экономической жизни страны. В «Записке» подчеркивался спекулятивный характер деятельности монополий, их крайне отрицательное влияние на промышленность и торговлю.

«Какие еще могут требоваться доказательства вреда синдикатов, если судостроительный синдикат сорганизовался с тем, чтобы его участники сразу на одном только подряде наживали от казны миллионы рублей, если были случаи, когда казна благодаря синдикату переплачивала при сдаче подряда на поставку артиллерийских снарядов сразу около 3 000 000 руб.» (стр. 343),— гласил этот документ.

Нельзя не отметить, что при всей резкости оценки деятельности монополий она все же является односторонней, ибо составители «Записки» дали ее с позиций определенных кругов дворянско-помещичьего класса. Но значение «Записки» этим не ограничивается. Она говорит больше, чем желали ее авторы, проливая яркий свет на взаимоотношения монополий и царизма.

Например, факты, приведенные в «Записке», убедительно показывают, что, несмотря на законодательство, запрещавшее монополистические объединения в России, царское правительство не только не препятствовало, но способствовало их оформлению. Так было с монополией вагоностроительных заводов, которая действовала под видом легального акционерного «Общества для торговли изделиями русских вагоностроительных заводов» (стр. 304), с нелегальной монополией мостостроительных заводов (стр. 283—284). Подобные факты свидетельствуют о том, что монополии в России, в частности в машиностроительной и военной промышленности, встречали самое благожелательное и покровительственное отношение царизма. Не случайно и то, что по личному указанию царя ревизии были приостановлены, а все материалы расследований, в том числе и «Записка о синдикатах», оказались погребенными в архивах.

Ярко характеризуют взаимоотношения монополий и царизма материалы о деятельности «Комитета по распределению заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог». Созданный правительством в 1902 г. для оказания помощи промышленным предприятиям и банкам, связанным с железнодорожным строительством, этот комитет с самого начала превратился в своеобразный орган, который действовал в тесном контакте с крупнейшими монополиями — «Продаметом», «Продвагоном» и «Продпаровозом». Через комитет в руки монополистов попадала львиная доля казенных заказов, что давало последним колоссальные прибыли. Общая сумма заказов, выданных комитетом только за 1902—1905 гг., составила около 330 млн. рублей.

[6] Из «Записки», выявленной М. Я. Гефтером еще в 1953 г., стало известно, что, помимо хорошо знакомых монополий «Продвагона», «Продпаровоза», машиностроительные предприятия были объединены в ряде монополий по производству мостов, железнодорожных стрелок, военных судов и военных обозов, а также по производству снарядов.

Несмотря на то, что комитет был создан как временный орган в период кризиса, крупнейшие промышленники добились продления его деятельности сначала до 1909, потом до 1911 года.

В 1911 г. снова встал вопрос о судьбе комитета. Представители «Продвагона» и «Продпаровоза» обратились к председателю совета министров с прошением (стр. 231—237), в котором доказывали, что сохранение комитета является единственным условием нормальной работы важнейших отраслей русской промышленности, а его упразднение якобы приведет к «панике и промышленной анархии» (стр. 237). Данный вопрос рассматривался на Междуведомственном совещании 11 декабря и на заседании совета министров 29 декабря 1911 г. (доклад председателя совещания генерала Петрова и Особый журнал совета министров публикуются в рецензируемом сборнике, стр. 237—257, 257—266).

И хотя совет министров признал сложившуюся систему «весьма невыгодной для железнодорожного хозяйства» (стр. 260) и отметил, что ее существование в течение длительного срока объясняется не кризисом промышленности, а стремлением заводчиков сохранить высокие цены на железнодорожные изделия (стр. 261), комитет продолжал действовать до 1915 года. Документы наглядно показывают, как крупным промышленникам и в первую очередь монополистам удавалось навязывать свою волю царскому правительству.

Вошедшие в сборник документы представляют в целом большой научный интерес. Они расширяют круг фактов, характеризующих развитие монополистического капитализма в России, дают возможность исправить некоторые неверные представления, внести ясность в решение отдельных спорных вопросов. Эти документы дают яркое представление о важнейших общих закономерностях и специфических особенностях развития российского империализма.

Однако не все в сборнике можно признать бесспорным, и прежде всего вызывает замечание принцип отбора документов.

В предисловии к сборнику отмечается, что он не является систематическим и составлен из документов, обнаруженных исследователями в процессе их работы. Но поскольку сборник задуман как тематический, вряд ли стоило составителям идти по такому пути. Более целесообразным было бы сосредоточить внимание на некоторых определенных вопросах, подробно и всесторонне освещая их.

Включение в сборник слишком большого количества различных по содержанию публикаций привело к тому, что некоторые из них (о роли банков в промышленности, в железнодорожном строительстве) только подводят к теме, не раскрывая ее.

В то же время ценность сборника снижает отсутствие в нем некоторых материалов, в частности документов, отражающих эксплуататорскую сущность монополий, их антирабочие мероприятия, политику в рабочем вопросе.

Отдельные публикации слишком обширны (так, о ранних монополиях в нефтяной промышленности приведено очень много материала).

В сборнике имеются документы, мало дающие для раскрытия темы, например, проект докладной записки представителей мостостроительных заводов министру финансов от 20 мая 1903 г. (стр. 361—362). В нем кратко говорится об истории борьбы за создание синдиката мостостроительных заводов в 1902 — 1903 годах. Основные перипетии этой борьбы изложены более подробно (хотя и с некоторыми неточностями) в «Записке о синдикатах». Упоминаемый в проекте факт о том, что члены мостостроительного синдиката добивались от правительства «особых привилегий» при получении заказов (стр. 362), следовало лишь оговорить во вводном слове (что и сделано составителями), а не публиковать полный текст этого проекта.

Включение в сборник проекта докладной записки имело бы смысл, если бы она принадлежала участникам мостостроительного синдиката и выражала их требования. (Кстати сказать, по заголовку документа: «Проект докладной записки представителей мостостроительных заводов министру финансов об организации мостостроительного синдиката и необходимости предоставления ему правительством особых привилегий» — можно прийти к такому заключению.) Между тем проект был составлен представителями заводов, не вошедших в состав синдиката; обиженные предприниматели ходатайствовали о том, чтобы заказы на мосты распределялись между всеми заводами.

Хорошее впечатление оставляет научный аппарат сборника. Каждую публикацию предваряет вводная статья. Многие публикации снабжены подробными примечаниями. Исключительно ценным дополнением к

сборнику являются указатели имен и торгово-промышленных предприятий. В последнем содержатся данные о действовавших в России монополиях. Указатель имен имеет значение не только справочника,— он отражает также происходивший в России процесс сращивания монополий и государственного аппарата царизма.

Вводные статьи носят исследовательский характер. В них излагается история вопроса, содержатся необходимые справочные сведения, дается характеристика и критика источников. Это крайне важно для правильного понимания и использования документов сборника. К сожалению, критический разбор приводимых документов имеется не во всех публикациях.

В этом отношении страдает недостатками вводная статья о монополиях в нефтяной промышленности. Авторы ограничились общей историей вопроса. Не даны необходимые разъяснения документов, характеризующих полемику вокруг доклада Витте в 1899 г. (например, по поводу высказанного министром иностранных дел Муравьевым мнения об отношении к монополиям).

Не все сделано по проверке и уточнению фактов, приводимых в документах, особенно в материалах, имеющих обобщающий характер. Следовало более тщательно проверить данные об истории отдельных монополий (мостостроительного синдиката, «Продвагона» и др.), о которых говорилось в «Записке о синдикатах». Сравнение материалов сборника с подлинниками и копиями документов — последние находятся в том же фонде сенатора Нейдгарта (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1333, оп. 2, дд. 1, 2),— на основании которых составлена «Записка», помогает обнаружить ряд неточностей, правда, часть из них исправлена в комментариях к «Записке», другие так и остались не отмеченными составителями. Например, из «Записки» следует, что решающую роль в оформлении соглашения мостостроительных заводов в марте 1903 г. сыграл июньский съезд представителей мостостроительных заводов 1902 г. (стр. 282—284).

В действительности дело обстояло иначе. На июньском съезде представители мостостроительных заводов не смогли договориться между собой. Обсуждаемый ими проект соглашения не был принят из-за разногласий по поводу долей участия и позиции владельцев крупных предприятий, не желавших слишком широкого объединения [7].

Переговоры между крупными предприятиями о заключении соглашения были возобновлены лишь в начале 1903 года. В феврале того же года состоялся новый съезд, и только 1 марта 1903 г. было, наконец, оформлено соглашение. Имеются некоторые неточности в изложении истории борьбы заводов за заключение соглашения в более ранний период (февраль, апрель 1902 г.), в датировке обсуждавшихся проектов соглашений и т. д.

В заключение следует подчеркнуть, что материалы сборника, хотя и касаются только России, где развитие империализма отличалось большим своеобразием, дают многое для понимания последнего этапа развития капитализма вообще, для критики современных реакционных буржуазных теорий империализма.

Можно с уверенностью сказать, что рецензируемая книга будет служить источником для исследовательской работы и ценным пособием для преподавателей, студентов и пропагандистов.

Публикацию документов, разоблачающих империализм, и не только российский, но и других стран, необходимо продолжить.

Т. Д. Крупина

[7] ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 2, лл. 47, 48

«Новейшая история Индии». Ответственные редакторы В. В. Балабушевич и А. М. Дьяков. Изд-во восточной литературы. М. 1959. 758 стр. Тираж 4 200. Цена 30 руб.

С выходом «Новейшей истории Индии» советский читатель впервые получает солидный труд, охватывающий историю Индии от конца первой мировой войны до периода борьбы Индийской республики за укрепление своей политической независимости и завоевание экономической самостоятельности. Вряд ли необходимо дока-

зывать важность подлинно научного, марксистско-ленинского анализа новейшей истории Индии, одной из великих держав современности, с каждым днем играющей все большую роль в решении международных проблем, в решении судеб человечества.

«Новейшая история Индии» — это не только повесть о героической борьбе народных масс старейшей и крупнейшей колонии европейского капитала, добившихся ликвидации вековой зависимости от английских завоевателей. События этого периода — один из ярких примеров неодолимости процесса распада колониальной системы империализма. Значение этого примера далеко выходит за рамки изучения и правильного понимания исторического развития самой Индии, уяснения того национально-особенного, что характерно именно для этой страны; этот пример, несомненно, способствует раскрытию и показу ряда общих закономерностей, присущих национально-освободительному движению колониальных и зависимых стран в эпоху общего кризиса капиталистической системы.

При этом нельзя не подчеркнуть трудностей, которые стояли перед авторами рецензируемого труда. Обычно очерк новейшей истории любой европейской страны опирается на монографическую разработку различных аспектов экономической и гражданской истории, процессов развития культуры. Он, как правило, обобщает и систематизирует уже достигнутые исследователями результаты, отражает существующий уровень изучения вопросов. Задача, стоявшая перед авторами рецензируемого труда, была значительно шире и сложнее. При всех бесспорных заслугах советских индоведов в области изучения новейшей истории Индии далеко не все проблемы и не все периоды новейшей истории этой страны разработаны с достаточной полнотой. Поэтому при создании обобщающего труда по Индии были обнаружены весьма существенные «белые пятна», перед авторами встала задача не только обобщения и систематизации, но и научного исследования ряда вопросов.

Более того, при анализе и трактовке многих явлений новейшей истории Индии зачастую наблюдались односторонний подход, догматическая оценка значения тех или иных явлений. Общеизвестно, что широкое хождение имела характеристика, данная национальной буржуазии Индии И. В. Сталиным в его речи в Коммунистическом университете трудящихся Востока в 1925 г., отрицавшая ее способность бороться против империализма; преувеличивались успехи рабочего класса в руководстве национально-освободительным движением; неверно трактовалась роль Ганди и т. д. Это требовало от авторов не только заполнения «белых пятен», но и творческого изучения многих исторических периодов и процессов в истории Индии колониальной и Индии независимой, которые, казалось бы, уже были более или менее детально исследованы ранее.

Со всеми этими трудностями авторы в целом справились успешно. Рецензируемый труд, несомненно,— положительный пример коллективного исследования, избежавшего существующей всегда при этом опасности превратиться в сборник пусть ценных, но оторванных друг от друга самостоятельных статей. «Новейшая история Индии»—яркое свидетельство того, что именно на путях правильно организованной коллективной работы можно добиться в значительно более короткий срок завершения сложных исследований, можно создать цельный, монолитный труд, все части которого тесно связаны между собой и подчинены общей идее. Сейчас, когда коллективные методы научно-исследовательской работы получают все большее распространение и в области гуманитарных наук, нам представляется принципиально важным отметить как успех в целом, так и еще известные недостатки данного коллективного труда.

Авторский коллектив плодотворно объединил советских индоведов старшего поколения (В. В. Балабушевич, А. М. Дьяков, С. М. Мельман, С. И. Тюляев) и молодых ученых (Н. Д. Гаврюшина, Л. Р. Гордон-Полонская, А. И. Левковский, А. М. Мельников, Ю. П. Насенко, С. И. Потабенко). Совместная работа историков, экономистов, искусствоведов и филологов дала возможность отразить в рецензируемой книге не только политическую историю, но и экономику и культуру Индии. Последнее обстоятельство заслуживает быть особенно отмеченным, ибо как раз разделы культуры в наших общих трудах по истории, как правило, либо вообще отсутствуют, либо представляют собой формальные, мало интересные справки.

Нет возможности (да и необходимости) разбирать все богатое содержание тома. Говоря о достоинствах работы, нужно отнести к ним прежде всего очень удачный,

на наш взгляд, показ авторами положения народных масс и их роли в национально-освободительном движении. При этом, несмотря на неизбежную краткость изложения, определяемую и общими размерами работы и насыщенностью рассматриваемого сорокалетнего периода индийской истории событиями, авторам удалось проследить разнообразие форм народных выступлений, их различную степень зрелости в отдельных районах и в разные периоды. Вместе с тем, что особенно важно, создана отчетливая картина постепенного качественного изменения борьбы народных масс, обогащавшихся опытом в процессе освободительного движения. Авторы убедительно доказали, что результатом активности народных масс являлись даже те маневры и вынужденные уступки, на которые шли колонизаторы до второй мировой войны. Вся книга содействует развеиванию мифа о «мирном» завоевании Индией национальной независимости. В то же время хорошо показана неизбежность поступательного хода национально-освободительного движения, вытекающая из колониального подчинения и эксплуатации Индии. Сущность колониальной политики английского империализма, его попытки сохранить и приспособить свое колониальное господство к новым историческим условиям проанализированы не только правильно и политически остро, но на большом и в значительной мере вновь привлеченном материале. В частности, пресловутая политика «разделяй и властвуй» не только констатируется, но и тщательно прослеживается. В рецензируемой работе показано разжигание империалистами национальных, религиозных и прочих противоречий внутри Индии. Авторами вскрыты и те объективные условия, исторически сложившиеся в Индии, которые искусно и коварно использовали в своих интересах империалисты.

Не ставя перед собой, естественно, задачу специального изложения такой важнейшей проблемы современной Индии, как национальный вопрос, авторы рецензируемой книги уделяют ему должное внимание. Итогом большой работы авторского коллектива является последовательный анализ роли отдельных классов в национально-освободительном движении. Впервые советский читатель получает правильное представление о реальном соотношении классовых сил на всех этапах новейшей истории Индии. Становится понятным сложное переплетение общедемократических, общенациональных задач, стоявших перед колониальной Индией и не исчезнувших еще и сейчас, после возрождения страны как суверенной республики. Необходимость и возможность единого антиимпериалистического фронта, несмотря на наличие и обострение классовой борьбы, выступают с полной очевидностью.

Диалектический подход авторов к вопросу о роли национальной буржуазии и ее основной и главной партии — Национального конгресса — сказался в показе руководящей роли национальной буржуазии в национально-освободительном движении при одновременном раскрытии классовой ограниченности буржуазии, ее страха перед требованиями и классовой борьбой пролетариата и крестьянства. Разносторонне раскрыты причины, предопределявшие антиимпериалистическую борьбу индийской буржуазии, что помогает понять, почему в борьбе за национальную независимость и государственный суверенитет национальная буржуазия способна выступить руководителем общенародной освободительной борьбы. Вместе с тем правильная характеристика различных слоев господствующих классов, и в частности своеобразия возникшего в колониальных условиях Индии монополистического капитала, облегчает уяснение сложной борьбы за пути развития независимой Индии. Как уже отмечалось, коллектив сумел преодолеть имевшиеся ранее ошибочные оценки роли национальной буржуазии. Однако приходится отметить, что некоторые «пережитки» догматического подхода все же проскальзывают в отдельных неудачных формулировках, не отражающихся, к счастью, на общей правильной концепции.

На всем протяжении книги прослеживаются соотношение сил буржуазии и рабочего класса в национально-освободительном движении и их борьба за гегемонию.

Рабочему классу, особенностям его формирования, положению различных групп пролетариата, рабочему движению и соединению социализма с рабочим движением уделено в книге большое внимание. В результате «Новейшая история Индии» дает цельную картину истории рабочего класса за исследуемый период. Путь, пройденный пролетариатом от стихийных стачек и защиты своих экономических интересов до сознательной борьбы за руководство освободительным движением, очерчен правильно. Авторам удалось проследить в конкретных условиях Индии влияние Вели-

кой Октябрьской социалистической революции как на национально-освободительное движение, так и на рост классового самосознания пролетариата. Показан процесс проникновения социалистических идей в передовые слои индийского общества, возникновение коммунистических групп, образование компартии.

В исключительно сложных и трудных условиях жесточайших преследований и террора колонизаторов боролся авангард индийских трудящихся за создание самостоятельной политической партии пролетариата. В то же время авторы диалектически подошли и к освещению трудностей борьбы коммунистов за завоевание большинства рабочего класса, за его единство, за освобождение трудящихся из-под идеологического влияния буржуазии. Именно потому, что в рецензируемом труде впервые со всей четкостью поставлен вопрос о значении деятельности Ганди и Национального конгресса для вовлечения широких масс в политическую деятельность, становятся понятными популярность Ганди в народных массах, в частности среди рабочего класса, и сложность преодоления влияния идей гандизма. Следует при этом подчеркнуть, что трактовка деятельности Ганди — крупнейшего представителя индийского национального движения, патриота, борца против кастового неравенства и религиозной розни — впервые в нашей литературе дается с научной, марксистской объективностью. Хотелось бы найти в работе более глубокий анализ истоков и идейно-философской сущности гандизма. Этому учению уделяется в книге немало внимания, но лишь в плане его политического значения для национально-освободительного движения. Нам представляется, что более тщательный анализ буржуазно-националистических идей, и в первую очередь гандизма, помог бы лучше понять и задачи преодоления буржуазного идеологического влияния на трудящихся.

Героическая борьба рабочего класса, его организационный и идейный рост, постепенно превращающий его в застрельщика революционно-освободительной борьбы, показаны в работе ярко и убедительно. Значительно слабее изложены авторами проблемы единого антиимпериалистического фронта и роли рабочего класса в борьбе за его создание. Авторы, по существу, обходят вопрос о сектантских ошибках, имевших распространение в коммунистической партии и проявившихся, в частности, в отрицании роли национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе. Об этом, если и упоминается, то вскользь. Например, на стр. 257 отмечаются «сектантские тенденции отдельных руководителей профсоюзов, отрицавших прогрессивную роль национальной буржуазии в движении за независимость». Однако если бы дело шло только об упомянутых «тенденциях отдельных руководителей профсоюзов», то вряд ли это могло бы нанести серьезный вред делу сплочения антиимпериалистических сил.

В книге, как нам кажется, следовало бы со всей определенностью поставить вопрос о том, что борьба рабочего класса за руководство освободительным движением отнюдь не исключает его активного участия в едином антиимпериалистическом фронте, руководимом национальной буржуазией. Закономерность руководящей роли национальной буржуазии на определенных первоначальных этапах национально-освободительного движения прямо вытекает из неоднократно подчеркивавшегося В. И. Лениным факта наличия в колониальных и зависимых странах общенациональных, общедемократических задач. Лишь выступая самым последовательным и решительным сторонником этих общедемократических задач в совместной со всеми национальными силами борьбе, пролетариат может завоевать под свои знамена большинство народа и повести его к решению не только национальных, но и социальных задач.

Некоторые приводимые без надлежащего разъяснения и анализа положения могут создать у читателя неправильное впечатление, что единый антиимпериалистический фронт мыслим лишь под руководством рабочего класса, а национальная буржуазия «должна» в него входить.

Несколько более четко проблема единого национального фронта поставлена в связи с освещением попыток превращения Национального конгресса в орган единого фронта, предпринятых коммунистами и левыми конгрессистами (стр. 330—332). Однако, как нам кажется, следовало бы разъяснить, какие особенности Национального конгресса, который известен читателю из всего предшествующего изложения как партия индийской буржуазии, создавали объективные возможности для превращения его в орган единого фронта. В следующем издании «Новейшей истории Индии» хотелось бы видеть эти проблемы освещенными более

глубоко и всесторонне. Это относится не только к разделам по колониальной истории, но и к последней части — «Индия после достижения независимости. 1947—1955».

Следует отметить, что в этом разделе, несмотря на большую сложность обобщения современного материала (не всегда достаточное количество источников, незавершенность многих процессов и т. д.), в целом дается объективная картина первых семи-восьми лет существования независимой Индии, насыщенных интереснейшими событиями из области внутренней жизни и внешней политики Индийской республики. Излагая историю этого периода, коллектив авторов должен был показать определенную эволюцию протекающих в жизни суверенной Индии процессов, рассмотреть пройденные этапы и фазы. На наш взгляд, это сделано удачно, хотя, конечно, с разной степенью полноты. Прежде всего приходится пожалеть, что изложение событий в книге завершается 1955 годом. Советский читатель с большим вниманием следит за всеми процессами, происходящими в жизни дружественной Индии, интересуется успехами индийского народа, борющегося за укрепление своей национальной независимости, за ликвидацию последствий колониализма, за новую Индию. Его, конечно, разочарует то обстоятельство, что он не найдет в книге рассказа о событиях последних лет и, что особенно важно, их научного анализа. А между тем эта нужная, хотя и трудная работа была бы вполне под силу квалифицированному авторскому коллективу. Весьма желательно, чтобы это было учтено при переиздании книги.

Как уже отмечалось, работа создает впечатление единства и тесной связи отдельных частей между собой. В целом редактирование этого коллективного труда можно признать удачным. Однако следовало бы добиться еще большего уплотнения текста за счет ликвидации имеющихся повторений. Так, например, неоднократно встречающиеся на страницах книги общие характеристики (вроде «господство империализма и феодальных пережитков») ничего не прибавляют к анализу социально-экономического положения страны, которое показано в работе достаточно ярко на конкретном материале.

Особенно много повторений в главах, посвященных экономике. При этом вина далеко не всегда может быть возложена на авторов этих глав. Они написаны с большим знанием материала, и наличие их является несомненным достоинством рецензируемого труда. Читатель получает действительно полное представление об экономике страны в колониальный период, о состоянии сельского хозяйства, об особенностях развития промышленности, об экономической политике английского империализма, знакомится с экономической политикой и планами развития независимой Индии и т. д. Сущность неразрешимых в рамках сохранения колониальной системы экономических противоречий между английским монополистическим капиталом и Индией показана со всей ясностью, раскрыты экономические интересы различных слоев имущих классов, экономическая основа классовых противоречий внутри индийского общества. Нам представляется также весьма удачным показ процесса капиталистического развития колониальной Индии и вытекающих из него изменений в классовой структуре и расстановке классов на всем протяжении освещаемого периода. Но возникает вопрос: насколько целесообразно было написание специальной главы по экономике для *каждого* раздела книги? При принятой авторами периодизации новейшей истории Индии (правильной и оправданной, по нашему мнению, внутренним развитием страны и в первую очередь процессами национально-освободительного движения) пять разделов книги охватывают периоды по 5 лет, один («Послевоенный подъем антиимпериалистического движения и достижение Индией независимости») — 2 года и последний — 8 лет (1947—1955 гг.). Каждому пятилетию истории предпослана специальная глава по экономике, что неизбежно толкало авторов этих глав на повторения. Нам кажется, что было бы вернее давать экономические главы к основным, переломным моментам новейшей истории (например, «Экономика Индии к началу новейшей истории», «Экономика накануне и во время второй мировой войны» и, наконец, «Экономическое развитие суверенной Индии»). Наряду с этими специальными разделами экономические моменты могли быть показаны в непосредственной и неразрывной связи с политической историей (от этого авторы рецензируемого труда и не отказались, но при обилии экономических глав это лишь увеличило число повторений).

Книга открывается (после краткого введения) экономической главой, которая вводит читателя в курс всех основных вопросов индийской экономики после первой

мировой войны, выясняет последствия войны и послевоенную экономическую политику империалистов. Именно поэтому в последующих экономических главах следовало избежать повторения многих положений. Однако в главе «Экономика Индии в 1934—1939 гг.» вновь преподносится читателю целый ряд положений, надо надеяться, хорошо им усвоенных при чтении предыдущих 295 страниц и ничего специфического для данного пятилетия не представляющих. В главе «Экономика Индии в годы второй мировой войны», хорошо и сжато суммирующей экономические процессы в этот важный период, также наблюдаются повторения. Глава «Экономическое развитие суверенной Индии» рисует, на наш взгляд, достаточно четкую картину этого развития. Но именно потому, что изложение заканчивается, по существу, 1955 г., многие цифры сейчас уже не дают точного представления о действительности. Эта глава также несомненно бы выиграла, если бы в ней было больше смелости в выводах и обобщениях.

Отрадным явлением, как уже говорилось, следует признать наличие раздела «Культура и наука современной Индии». Как бы ни хотелось видеть содержащийся в этом разделе материал органически включенным в ход исторического повествования, думается, что авторский коллектив поступил правильно, выделив проблемы культуры в специальный раздел.

Значительная часть раздела отведена очерку современной литературы. Главным достоинством его следует признать сочетание выявления основных тенденций, характерных для развития литературы, с плодотворной попыткой дать читателю представление о всех важнейших литературах Индии, о ходе их развития и особенностях. Читатель почерпнет сведения не только о бенгальской литературе, литературе хинди и урду, о которых у нас писалось сравнительно много, но и о литературе маратхи, пенджабской, гуджератской, ассамской, кашмирской, литературах Южной Индии, мало известных широкому читателю. Автор сумел дать вполне конкретные характеристики направлений и отдельных наиболее заметных представителей литературы в Индии. Так же автор подошел и к характеристике драматических произведений. Читатель узнает все основное о драматических произведениях, но, надо прямо сказать, несколько общих фраз о театре не дают представления о его состоянии и путях развития. Краткий очерк индийской кинематографии, который в целом можно признать удачным, вызывает все же недоумение прямолинейным и упрощенным объяснением быстрого роста индийской кинематографии еще в период британского владычества «политикой ограничения национальной промышленности, проводимой английскими колонизаторами».

Очерк «Современное изобразительное искусство Индии» написан крупнейшим советским специалистом в области индийского искусства С. И. Тюляевым. Он дает представление о путях индийского изобразительного искусства начиная с возникновения так называемого «Бенгальского возрождения», показывает влияние бенгальской школы на дальнейшее развитие изобразительного искусства, возникновение различных направлений, характеризует современных индийских мастеров и их творчество. Удачно показаны национальные традиции индийского изобразительного искусства и связи его с процессами национального движения. Автор прослеживает использование рядом художников опыта и техники Китая и Японии, реакцию на европейские влияния. Правда, остается неясным, что подразумевает автор под влиянием «новой японской живописи», говоря об одном из основоположников «Возрождения» — Нондолал Бошу.

Глава о науке написана М. И. Рубинштейном (естественные и технические науки) и Ю. Н. Рерихом (гуманитарные науки). В центре внимания авторов огромная работа по созданию научно-исследовательских институтов и лабораторий, которая проводится в новой Индии, и ее тесная связь с задачами борьбы за экономическое развитие страны. То обстоятельство, что оба автора изучали вопросы детально на месте, придает краткому очерку несомненную ценность. Рассматриваются и научные центры, существующие при индийских университетах. Нам представляется, что следовало бы больше подчеркнуть превосходство новых, созданных независимой Индией институтов и лабораторий по сравнению с унаследованными от колониального периода университетскими. Интересное изложение Ю. Н. Рерихом состояния гуманитарных наук в Индии, к сожалению, очень кратко и неполно. Многие институты и университеты даже не упомянуты (например, Институт востоковедения при университете в Барода, где, в частности, ведется большая работа по составлению критиче-

ского текста «Рамаяны» Вальмики). Хотелось бы, чтобы этот очерк имел объем, отведенный естественным и техническим наукам.

Во всех разделах рецензируемой книги авторы стремятся дать характеристики исторических деятелей. Хотя часто очень краткие, они значительно оживляют изложение событий, раскрывают не только классовый характер и классовую обусловленность деятельности политиков, борцов за освобождение Индии, представителей культуры, но и их индивидуальные, подчас очень сложные и противоречивые черты. Нам представляется в целом удачной и правильной характеристика Ганди. Запоминаются многие из Мирутских узников. Большое внимание уделено крупнейшему государственному деятелю и борцу за национальную независимость Джавахарлалу Неру. Освещение его пути в колониальный период помогает понять ту большую популярность и поддержку, которой он пользуется в суверенной Индии.

Высоко оценивая этот новый вклад в изучение новейшей истории Индии, можно выразить недоумение по поводу столь малого тиража (4 200 экз.) нужного и полезного труда. Очевидна необходимость уже сейчас готовить его переиздание, что даст возможность авторскому коллективу исправить имеющиеся недостатки и еще больше повысить ценность работы.

А. А. Губер

Заметки о книгах

С. Н. ИКОННИКОВ. *Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг.* Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1960. 215 стр. Тираж 3 000. Цена 8 руб. 50 коп.

Изучение опыта строительства советского государственного аппарата, методов его совершенствования, форм участия трудящихся в управлении страной на различных этапах развития Советского социалистического государства имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Требуют тщательного исследования первые годы существования Советской власти, когда наш государственный аппарат строился под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина. Поэтому большой интерес представляет вышедшая недавно в свет монография С. Н. Иконникова «Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг.».

Известно, что Рабоче-крестьянская инспекция должна была, по мысли В. И. Ленина, явиться рычагом в перестройке всего государственного аппарата на основе новых, демократических принципов. Изучение истории ЦКК — РКИ дает возможность проследить деятельность коммунистической партии, В. И. Ленина по укреплению и совершенствованию государственного аппарата. Этим вопросам и посвящена рецензируемая монография.

Источниковедческая база книги весьма широка. Автором исследованы и введены в научный оборот многие ранее не известные материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области. С. Н. Иконников внимательно изучил труды В. И. Ленина, решения Центрального Комитета партии, советское законодательство, литературу, посвященную рассматриваемому вопросу. В монографии широко использованы материалы Наркомата РКИ СССР, а также центральная и местная печать. Все это позволило автору написать, по существу, первое в нашей литературе большое исследование, посвященное истории Рабкрина.

В нашей литературе[1] роль ЦКК — РКИ обычно трактовалась слишком узко: как органа, созданного для борьбы против конкретных злоупотреблений в государственном аппарате, против жуликов, расхитителей и т. д. А. Е. Лунев, например, утверж-

[1] См. брошюру А. Е. Лунева «Государственный контроль в СССР» (М. 1951), статью П. Дроздова «Ленин и Сталин о советском Государственном контроле» («Вестник Государственного контроля», 1947, №№ 9—11) и др.

дал, что РКИ и прокуратура выполняли аналогичные функции. Автор рецензируемой монографии справедливо, по нашему мнению, критикует указанные взгляды. Он показывает, что, по идее В. И. Ленина, объединенный партийно-советский орган ЦКК—РКИ должен был явиться таким народным комиссариатом, на примере которого могли бы учиться другие наркоматы и ведомства, рычагом, при помощи которого партия перестраивала бы в социалистическом духе весь государственный аппарат, совершенствовала его, боролась с недостатками в его работе. Таким образом, перед ЦКК — РКИ ставились задачи не только и не столько выявления конкретных нарушений законности теми или иными работниками, сколько обнаружения типичных недостатков в работе аппарата, изучения всей его деятельности, перестройки его с тем, чтобы ликвидировать самые причины злоупотреблений и нарушений, создать наиболее целесообразную, правильную систему государственного управления.

На богатом фактическом материале автору удалось убедительно показать формы участия трудящихся в деятельности Рабкрина, борьбу партии за укрепление государственного аппарата. Обстоятельно освещается конкретная работа РКИ по сокращению и удешевлению государственного аппарата. Большое достоинство книги в том, что в ней не только излагаются законодательные акты Рабоче-крестьянской инспекции, прослеживается ее структура, но и раскрывается конкретная деятельность РКИ и, что особенно важно,— результаты этой деятельности.

В книге подчеркивается, что коммунистическая партия с первых дней существования нашего государства упорно и настойчиво боролась за ленинские принципы организации советского государственного аппарата, которые включают: руководство государственными органами со стороны партии, благодаря чему обеспечивается подчинение этих органов политическим целям рабочего класса, задачам построения социализма и коммунизма; участие широких трудящихся масс в управлении государством; строительство аппарата в соответствии с принципом пролетарского интернационализма; демократический централизм, законность, гибкость, оперативность и экономичность этого аппарата. Именно Рабкрин служил претворению в жизнь этих принципов.

Однако в книге С. Н. Иконникова есть и ряд недостатков.

Слишком мало места отведено в ней освещению того, как осуществлялись принципы демократического централизма и законности в деятельности государственного аппарата. Так, большие успехи в области демократизации аппарата были достигнуты после окончания гражданской войны. В 1921—1925 гг. происходила перестройка всего государственного аппарата. Во время перехода к нэпу стал вводиться хозрасчет, появилась новая система заработной платы, происходила ликвидация «главкизма», «сверхцентрализации», расширялись права и полномочия местных органов государственной власти. Но, ликвидируя излишнюю централизацию, партия одновременно боролась против проявлений местничества, стремления отдельных работников интересы государства приносить в жертву узкоместным или узковедомственным интересам. Большую роль в этой борьбе играли органы Рабкрина. К сожалению, автор не останавливается подробно на этом вопросе, а приводит лишь отдельные примеры борьбы против ведомственности и совсем не освещает борьбу с местничеством.

С переходом страны к мирному строительству еще более возросло значение соблюдения принципа законности в деятельности государственного аппарата. Организация в годы нэпа нормальных рыночных отношений между городом и деревней создавала экономические стимулы для развития производительных сил. Крестьянин получил возможность после уплаты продовольственного налога свободно располагать излишками хлеба, остававшимися у него. Но ему нужны были правовые гарантии, уверенность в том, что этими излишками он будет свободно распоряжаться.

Коммунистическая партия и советское правительство провели ряд радикальных мер по дальнейшему укреплению революционной законности (реформа ВЧК, судебная реформа, создание специального органа по надзору за законностью — прокуратуры, кодификация права и др.). Велась борьба прежде всего против злоупотреблений со стороны капиталистических элементов. Вместе с тем искоренялись пережитки военного коммунизма, необоснованные штрафы и реквизиции. В этой борьбе огромную роль сыграл Рабкрин.

Рабоче-крестьянская инспекция при широком участии трудящихся предприняла в 1923—1925 гг. проверку деятельности местных органов, в силу своего положения особенно близко соприкасавшихся с населени-

ем. На основании материалов, собранных ЦКК — РКИ, советскими и общественными организациями был подготовлен доклад, представленный XIV партийной конференции. Конференция приняла по докладу резолюцию «О революционной законности». Материалы ЦКК — РКИ обсуждались и на III Всесоюзном съезде Советов (май 1925 г.), где также были приняты соответствующие решения. Отметим, что в 1921—1923 гг. работала Особая комиссия ЦК РКП(б) по революционной законности и пересмотру карательной политики. Возглавлял комиссию председатель ЦКК и нарком РКИ В. В. Куйбышев. К сожалению, в монографии С. Н. Иконникова эти важные стороны деятельности Рабкрина не получили обстоятельного освещения. Надо сказать, что история борьбы за проведение в жизнь принципа демократического централизма в организации и деятельности советского государственного аппарата и строгое соблюдение законности еще недостаточно изучена.

В монографии прослежены различные формы привлечения трудящихся к работе Рабкрина. Но автору следовало бы определить свое отношение к этим формам, показать, какие из них были свойственны только рассматриваемому периоду, а какие не потеряли своего значения и сейчас.

Несмотря на некоторые недостатки, присущие монографии С. Н. Иконникова, ее с пользой для себя прочтут все, кто интересуется историей советского государственного аппарата.

В. М. Курицын

Н. А. ЕГИАЗАРОВА. *Аграрный кризис конца XIX века в России.* Изд-во АН СССР. Институт мировой экономики и международных отношений. М. 1959. 192 стр. Тираж 2 200. Цена 7 руб.

Изучению аграрного кризиса 80—90-х годов XIX в. в России до последнего времени уделялось очень мало внимания. Работа Н. А. Егиазаровой является первой и пока единственной монографией, специально посвященной указанному вопросу.

Используя разнообразные историко-экономические материалы, автор характеризует состояние сельского хозяйства страны накануне аграрного кризиса, особенности развития земледельческого капитализма в условиях сохранения большого числа пережитков крепостничества, показывает состояние российской хлебной торговли и рост вывоза хлеба за границу за счет снижения потребления его трудящимся населением (так называемый голодный экспорт). В работе вскрыты причины возникновения аграрного кризиса как кризиса перепроизводства, начавшегося вследствие анархии капиталистического мирового хозяйства, в систему которого Россия уже была втянута. Падение мировых хлебных цен не могло не коснуться России. Но аграрный кризис имел здесь и свои внутренние корни, являясь результатом особенностей развития капитализма в сельском хозяйстве. Н. А. Егиазарова справедливо критикует распространенный в нашей литературе тезис о том, что кризис в России был лишь отражением мирового аграрного кризиса, а также попытки некоторых экономистов свести его к агрикультурному («ржаному») кризису. В книге рассматриваются процесс развития аграрного кризиса и его влияние на экономическую жизнь страны, характеризуются пути и способы преодоления кризиса в России, не отличавшиеся, по мнению Н. А. Егиазаровой, от путей и способов выхода из того же кризиса стран Западной Европы.

Рецензируемая монография дает в целом правильное представление об аграрном кризисе 80—90-х годов XIX в. в России. Но в работе имеется ряд недостатков, обусловленных главным образом тем, что некоторые важные проблемы экономической истории пореформенной России слабо изучены историками и экономистами и остаются до сих пор дискуссионными. В отдельных случаях Н. А. Егиазарова преувеличивает степень развития капитализма в сельском хозяйстве России. Так, во введении к книге утверждается, что крестьянская буржуазия занимала к концу XIX в. господствующее положение в русской деревне (стр. 11—12). Однако при этом Н. А. Егиазарова забывает следующее указание В. И. Ленина: «Говоря выше, что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали эти задерживающие разложение факторы: кабалу, ростовщичество, отработки и прочее. В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»[1]. Поскольку Н. А. Егиазарова имела в виду не всю деревенскую буржуазию, а только фермерско-предприниматель-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 153.

скую, ее характеристика положения в деревне представляется не совсем точной: если бы дело обстояло так, как считает автор, царизму не понадобилась бы столыпинская реформа. Да и в результате проведения последней не удалось, как известно, создать достаточно крепкого слоя «сильных» фермеров. Даже в результате столыпинской реформы преобладание кулачества в производстве хлеба не было достигнуто. Кулацкие хозяйства первенствовали лишь в области производства товарного хлеба.

Н. А. Егиазарова привела убедительные данные о крайне низком потреблении хлеба в России в расчете на душу населения. При более внимательном анализе фактов она должна была увидеть и показать узость внутреннего рынка. А это явление было связано не столько с высоким уровнем развития капитализма, сколько с недостаточностью этого развития. Если бы данное обстоятельство было учтено автором, иначе решался бы им и вопрос о предпосылках аграрного кризиса. Вряд ли правомерна попытка Н. А. Егиазаровой объяснить «переполнение» хлебного рынка страны высокой степенью развития капиталистических форм земледелия. Делая это, автор упускает из виду, во-первых, то, что рынок был «переполнен» хлебом благодаря мелким производителям, во-вторых, не принимается в расчет, какая доля продукции капиталистических хозяйств шла весной на продажу и какая на ссуды крестьянской бедноте, продававшей свой хлеб осенью. В стремлении объяснить аграрный кризис высоким уровнем развития капитализма в земледелии Н. А. Егиазарова допускает ряд преувеличений. Так, она пишет, что сдача помещичьей земли в аренду носила в основном предпринимательский характер и поэтому все более господствующей формой земельной ренты становилась капиталистическая рента (стр. 87, 161). Никаких материалов, подкрепляющих эти положения, автор не приводит. В то же время есть данные, которые подтверждают ленинское положение о том, «что в нашей деревне аренда носит чаще крепостнический, чем буржуазный характер, и арендная плата является гораздо более «денежной» (т. е. преобразованной феодальной), чем капиталистической рентой (т. е. избытком над прибылью предпринимателя)» [2].

В книге начало аграрного кризиса правомерно связывается с промышленным кризисом, признаки которого обнаружились уже в 1881 году. Переплетение аграрного кризиса с промышленным затрудняло изживание как первого, так и второго. Автор не пытается объяснить, почему кризис в России наступил позднее, чем в Западной Европе. На наш взгляд, одной из причин этого явления было довольно широкое распространение в то время натурального хозяйства мелких крестьян. Другим важным моментом была задавленность крестьян крепостнической эксплуатацией и податным гнетом, с чем была связана низкая стоимость производства хлеба в помещичьих и кулацких хозяйствах и дешевизна крестьянского хлеба на местных рынках. В книге убедительно показано, что снижение земельной ренты в России значительно отставало от снижения хлебных цен, в чем немаловажную роль играли пережитки крепостничества и нужда крестьян в земле.

Н. А. Егиазарова, к сожалению, не проанализировала влияния кризиса на помещичьи хозяйства разных типов: капиталистические, отработочные, испольные и пр. Нельзя согласиться и с утверждением автора, что «организованные на капиталистических началах крупные хозяйства быстро приспосабливались к новым условиям рынка» (стр. 112). Даже в названных автором «образцовых» хозяйствах Шатилова, Стебута дела из года в год шли все хуже и хуже. А известно, что эти и подобные им «передовые» хозяйства (Ермолова, Энгельгардта и др.) усиленно субсидировались казной, и тем не менее Ермолову, например, пришлось распродать часть своих земель. Не показателен для характеристики помещичьего хозяйства и рост залогов в Дворянском банке. В 1901—1905 гг. дворяне задолжали банку 331,2 млн. руб., то есть больше, чем за девять (1887—1895) кризисных лет (282,7 млн. руб.).

Автор книги делает вывод о том, что выход России из аграрного кризиса совершался типичным капиталистическим путем. Однако это, в сущности, правильное заключение страдает односторонностью, так как не учитывается специфика России. Признание на словах этой специфики, связанной с наличием крепостнических пережитков, по сути дела, ничего не меняет. Автор в итоге утверждает, что кризис в России «по своему существу ничем не отличался от аграрных кризисов в других капиталистических странах. Он имел те же признаки, определяющие наступление кризиса, те же пути

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 124.

преодоления его, те же результаты...» (стр. 162). Согласиться с этим можно лишь отчасти. Своеобразие России, обусловленное недостаточным развитием капитализма в земледелии, состояло в том, что здесь удешевление производства хлеба достигалось двумя способами: как путем технического прогресса (введение машин, сортовых семян, более рациональных способов обработки почвы и т. п.), так и путем возврата от капиталистического к отработочному хозяйству, к испольщине, кабальному найму и пр. Поэтому и последствия кризиса были в России не совсем «те же», что в других странах. Сама Н. А. Егиазарова указывает на рост капиталистических отношений в одних районах России и на усиление крепостнической эксплуатации в других, чего в Западной Европе не было.

Явно переоценивает Н. А. Егиазарова и результаты технической перестройки земледелия. В то время как в странах Западной Европы сельское хозяйство в целом поднялось на более высокий уровень, в России наблюдался незначительный подъем в немногих районах и отраслях производства. К низкому уровню цен смогли приспособиться далеко не все хозяйства. Оживление производства наступило не при установившихся низких ценах, а лишь с новым подъемом мировых и внутренних цен. И если изжит был кризис крупного хозяйства, то кризис мелкого крестьянского хозяйства, задавленного крепостнической эксплуатацией, не только не был ликвидирован, а продолжал развиваться и привел к величайшим социальным потрясениям.

Следует отметить также некоторые существенные фактические неточности и ошибки, имеющиеся в рецензируемой книге. На стр. 164 Н. А. Егиазарова утверждает, что в годы кризиса арендные и продажные цены на землю начали снижаться. Первые действительно снижались, что же касается вторых, то они неуклонно возрастали. Требует уточнения также утверждение о том, что владельцами земли «становились банки» (стр. 162). На самом деле банки принимали участие в земельной спекуляции, скупая землю для перепродажи, но сами они, как правило, не стремились стать собственниками земли, предпочитая иметь дело с залоговыми операциями.

Книга, к сожалению, небрежно отредактирована, в чем повинны автор, ответственный редактор Н. К. Каратаев и редактор издательства М. А. Устинов. Работа изобилует повторениями, часто дословными, встречаются стилистические небрежности, ошибки и опечатки (стр. 65, 144), одни таблицы даются с заголовками, у других заголовки отсутствуют и т. п.

Однако как первая попытка дать развернутую характеристику аграрного кризиса 80—90-х годов монография Н. А. Егиазаровой представляет собой положительное явление в нашей историко-экономической литературе.

А. М. Анфимов

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.». АН СССР, АН Эстонской ССР. Таллин. 1959. 324 стр. Тираж 2 000. Цена 21 руб. 50 коп.

В рецензируемом издании публикуются доклады, сообщения, записи выступлений участников проходившего в декабре 1958 г. в Таллине межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Сборник открывается содержательным введением В. К. Яцунского, дающего оценку научных итогов симпозиума. Доклады и сообщения, обсужденные на нем, касались трех основных проблем: истории производительных сил, производственных отношений и классовой борьбы и правительственной аграрной политики. Во многих докладах и сообщениях рассмотрены новые или слабо изученные вопросы аграрной истории, для их решения привлечен свежий, в значительной мере не публиковавшийся ранее фактический материал.

В докладе К. В. Сивкова «Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв.» сделана заслуживающая внимания попытка выяснить на основании анализа «Генеральных ведомостей» за 1801—1803 гг., сколько высевалось в России хлебов и каков был их валовой сбор. Отсутствие критического разбора использованного источника и сопоставления с соответствующими данными за другие годы несколько снижает ценность наблюдений автора. Н. В. Устюгов в докладе «Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.» исследовал новые данные о хозяйственном освоении этого края. Для изучения истории земледелия значительный интерес представляет доклад Г. П. Строда «Переход от паровой системы земледелия к плодосмену в Латвии в

первой половине XIX века». Изучение перехода от паровой системы к плодосмену по материалам других районов, несомненно, будет содействовать дальнейшему исследованию процесса развития капитализма в сельском хозяйстве. К сожалению, Г. П. Строд не показал, как происходил переход от паровой системы к плодосмену в отдельных имениях.

Ю. Ю. Кахк в докладе «Некоторые общие проблемы истории классовой борьбы частновладельческих крестьян в период разложения и кризиса феодальной формации» не только стремился обобщить некоторые особенности истории крестьянского движения, но и поставил ряд принципиальных, не исследованных до сих пор вопросов. По его мнению, необходимо изучать влияние национальных различий, а также новых, капиталистических общественных отношений на развитие классовой борьбы крестьянства. Серьезной задачей историков является также исследование форм классовой борьбы и идеологии крестьян. В докладе Ю. Ю. Кахка был поставлен также важный вопрос — о причинах, приведших к тому, что в XIX в. в России уже не было крестьянских войн.

Истории сельского населения России в феодальную эпоху посвящен доклад А. Л. Шапиро «Эволюция бобыльства в России в XVIII веке». В нем уточнено определение бобыльства и показан процесс слияния бобылей с основной массой крестьян. Новые факты об изменении феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв. обобщены в докладе Е. П. Шлоссберга, использовавшего данные инвентарей. В докладе П. В. Советова на основе анализа актовых материалов рассматривается специфика условного землевладения в Молдавии в XVI—XVIII веках. И. А. Воронков посвятил свое сообщение изучению положения крестьян шляхетских имений Калишского повета (Польша) во второй половине XVII — первой половине XVIII века. К сожалению, в этом выступлении очень мало обобщений. Думается, что автору следовало бы в целях сравнения привести данные о положении крестьян в других районах Польши. В. В. Чепко собрала интересные факты, свидетельствующие о положении крестьян Белоруссии и их борьбе в первой половине XIX века. Однако иллюстративный, описательный метод использования источников привел к тому, что основной тезис ее доклада — об усилении крестьянских волнений к середине XIX в.— оказался слабо аргументированным. Н. Н. Лещенко в докладе «Изменения в аграрных отношениях на Украине в результате проведения реформы 1861 г.» рассказал об усилении крестьянских волнений на Украине в 60-х годах XIX века.

Л. А. Лооне сделала попытку исследовать развитие элементов капитализма в сельском хозяйстве Северной Эстонии в 20—50-х годах XIX века. По нашему мнению, целесообразно было бы изучить этот же процесс, используя материалы и других районов. Доклад И. И. Костюшко посвящен истории проведения крестьянской реформы 1864 г. в Королевстве Польском. Вопрос о введении обязательных инвентарей в Белоруссии и Литве, несколько ограничивавших власть помещиков над крестьянами, обстоятельно освещен в докладе Н. Н. Улащика. В докладе Д. Л. Похилевича исследованы реформы, проведенные в королевских экономиях Белоруссии и Литвы в 60-х годах XVIII века. Реформы вызвали расширение фольварочного хозяйства.

Выступавшие в прениях товарищи подвергли острой и обоснованной критике отдельные доклады и сообщения и поставили некоторые общие вопросы, имеющие важное значение как для изучения аграрной истории Восточной Европы, так и для правильной организации этих исследований. А. С. Нифонтов затронул вопрос о возможности критического использования официальных сведений об урожайности в первой половине XIX века. Серьезного внимания заслуживает его высказывание о недостатках в изучении истории классовой борьбы крестьян. Исследуя события узкого хронологического периода, происходившие в отдельных районах страны, историки нередко преувеличивают размеры и силу крестьянского движения, упускают из виду перспективу развития массового движения. Иллюстративность при использовании источников, отсутствие сравнений с другими районами и периодами часто приводят к преувеличениям. А. С. Нифонтов предложил более строго различать показатели объективного развития крестьянского движения (количество выступлений, массовость, распространение движения, наиболее активные его формы и пр.). Н. В. Устюгов отметил, что название доклада В. В. Мавродина «Крепостнический характер дворянского предпринимательства» не соответствует его содержанию, так как автор не

показал, как приспосабливалось помещичье хозяйство к новым экономическим условиям. Н. В. Устюгов уточнил определение бобыльства, данное А. Л. Шапиро, а также состав бобылей и высказал сомнение относительно существования отдельных бобыльских общин и отдельной круговой поруки между ними.

Академик С. Д. Сказкин сказал, что глубокое изучение барщинного хозяйства поможет выяснить, какую долю составлял здесь прибавочный продукт по сравнению с необходимым; почему дворяне так держались за барщинную форму хозяйства. С. Д. Сказкин поставил также вопрос об исследовании влияния «революции цен» на экономику Восточной Европы и высказал ряд ценных замечаний о периодизации истории классовой борьбы крестьян в феодальную эпоху и о специфике этой борьбы в зависимости от новых социально-экономических условий. И. Д. Ковальченко указал на необходимость более полно раскрывать экономические основы классовой борьбы крестьян. В обострении классовой борьбы в первой половине XIX в. играли важную роль выступления не только барщинных крестьян, но и оброчных. И. Д. Ковальченко возражал против объяснения отсутствия крестьянских войн в XIX в. углублением расслоения крестьян (якобы исключавшим возможность массовых выступлений). По его мнению, в прекращении крестьянских войн и изменении форм крестьянской борьбы важную роль сыграли усиление правительственной власти на местах после подавления крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Специфика крестьянского движения в России по сравнению с Западной Европой состояла также и в том, что в России оно носило «царистский» характер, а на Западе — чаще религиозный. Х. Х. Круус заметил, что при изучении аграрной истории следует шире применять сравнительный метод. А. Л. Шапиро подчеркнул, что экономическое положение крестьян и специфика имущественного и социального расслоения их в тот или иной исторический период требуют самого тщательного исследования.

Опыт проведения симпозиумов по аграрной истории (второй такой симпозиум состоялся в декабре 1959 г. в Москве) может быть распространен на изучение других крупных проблем исторической науки (например, история промышленности, история рабочего класса, аграрная история народов Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Сибири, имевших ряд особенностей в своем историческом развитии, и др.). Существенное значение симпозиума состояло также и в том, что на нем обсуждался вопрос об улучшении методов научного исследования. Были подвергнуты справедливой критике некоторые работы по аграрной истории за их описательность, иллюстративный метод использования источников, узость хронологических и географических рамок исследования, отсутствие широких обобщений. Существенным недостатком ряда работ является и то, что их авторы иногда слабо знают статистику, а также аграрную историю западноевропейских стран, в результате чего редко применяют историко-сравнительный метод исследования. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости повышения уровня научной подготовки кадров в высшей школе.

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» показывает известную тематическую и хронологическую узость докладов и сообщений, прочитанных на симпозиуме. В них отсутствуют материалы по более раннему периоду истории крестьянства. На симпозиуме не были поставлены проблемы аграрной истории конца XIX — начала XX в., а также важнейший вопрос о преобразованиях в сельском хозяйстве Советского Союза и европейских стран народной демократии. Следует привлечь к участию в последующих симпозиумах историков этих стран. Такое предложение уже высказывалось в одном из польских общеисторических журналов[1].

Советские историки должны в ближайшие годы создать сводную марксистскую историю крестьянства СССР. Для этого потребуется объединение усилий большого числа исследователей. В координации их работы важное место, несомненно, займут регулярно проводимые симпозиумы по аграрной истории.

С. М. Трощкий

Т. М. ИСЛАМОВ. *Политическая борьба в Венгрии в начале XX века.* Изд-во АН СССР. М. 1959. 411 стр. Тираж 1 700. Цена 15 руб. 25 коп.

До последнего времени в советской исторической литературе почти не было крупных самостоятельных исследований по ис-

[1] «Kwartalnik Historyczny», 1959. R. LXVI. № 4. str. 1369—1376.

тории Венгрии. Рецензируемая книга в известной мере восполняет пробел, имеющийся в исторической литературе в освещении периода вступления Венгрии в эпоху империализма.

Автор детально характеризует социально-экономическое положение, сложившееся в Венгрии в конце XIX — начале XX века. Приводя много цифровых и фактических данных, он показывает развитие капитализма в этой стране, где черты империализма сочетались с сильнейшими пережитками феодализма, прежде всего в аграрных отношениях. Т. М. Исламов рисует крайне тяжелое положение промышленных рабочих и сельскохозяйственного пролетариата, составлявшего более половины сельского населения. Особенно бедствовали трудящиеся угнетенных национальных меньшинств. Аграрный вопрос был основным в борьбе угнетенных народов.

Излагая сложные перипетии парламентской борьбы, автор раскрывает классовый смысл «компромисса» 1867 г. и классовые интересы тех сил, которые через несколько десятилетий выступили с разных позиций против возникшей в результате этого «компромисса» дуалистической системы.

В Венгрии в начале XX в. сложилась «коалиция оппозиционных помещичье-буржуазных партий, стремившихся под прикрытием национальных лозунгов укрепить свое классовое господство» (стр. 106). Добиваясь на словах национального суверенитета страны, эта коалиция, по существу, отстаивала эмансипацию молодого венгерского капитализма от засилья австрийских монополий. На первых порах она надеялась даже использовать в своих интересах поднимавшееся тогда широкое народное движение против гнета Габсбургской монархии. Однако страх перед растущим массовым движением рабочих и крестьян, все более принимавшим характер революционной стачечной борьбы, вскоре оказался главным фактором, определившим трусливую, половинчатую тактику оппозиции в ходе политического кризиса. Автор раскрывает особенности классовой борьбы в Венгрии, ее неразрывную связь с борьбой против Габсбургской монархии — оплота политического, экономического, национального угнетения трудящихся.

В главах, посвященных развитию революционного движения, приведены факты выступлений промышленных рабочих — металлистов, шахтеров, железнодорожников, волнений крестьян и сельскохозяйственного пролетариата. Интерес представляет характеристика крестьянского движения в Задунайской области, которое имело черты антикапиталистической борьбы и которое буржуазная печать того времени с тревогой называла «аграрно-социалистическим движением» (стр. 186).

Кульминационного пункта революционный подъем в Венгрии достиг под влиянием разразившейся в России революции 1905—1907 годов.

Вокруг вопроса о массовой политической стачке развернулась борьба двух линий в руководстве венгерским рабочим движением — революционной и реформистской. Оппортунистическая линия в венгерской социал-демократии наметилась уже в конце XIX в., однако со всей отчетливостью она проявилась в годы политического кризиса и общенародного революционного подъема.

Революционный подъем 1905—1906 гг. способствовал вместе с тем выявлению левого направления в социал-демократии.

В книге убедительно показано, что реформистское руководство социал-демократии несет прямую ответственность за предательство национальных интересов и подавление революционного и национально-освободительного движения масс.

Весь путь развития рабочего движения в Венгрии красноречиво свидетельствует о том, что только в решительной борьбе с оппортунизмом, только под руководством подлинно революционной, марксистской партии рабочий класс может стать во главе трудящихся масс и совершить социалистическую революцию.

Следует указать на некоторые недостатки книги. В ней слабо освещен национальный вопрос. Уделив много внимания столкновению в политической борьбе в Венгрии различных сил и интересов, автор не раскрыл в полной мере значение движения угнетенных национальностей в углублении политического кризиса и в развитии революционного движения в стране

В качестве основной предпосылки кризиса дуализма в книге показана не столько борьба угнетенных наций за буржуазно-демократические свободы, сколько венгерское движение за национальный суверенитет. Главное же противоречие в политике венгерской буржуазно-помещичьей оппозиции заключалось в том, что она стремилась путем освобождения от австрийской гегемо-

нии сохранить и укрепить свое господство над угнетенными нациями. Автор рассматривает эти две диаметрально противоположные тенденции, проявлявшиеся в период кризиса дуализма, не в их неразрывной связи, а как два самостоятельных момента.

Наряду с этим Т. М. Исламов упускает из виду и значение национального движения для революционной борьбы рабочих и крестьян. Так, говоря о словацком рабочем движении, автор упоминает о проникновении в него националистических тенденций под влиянием оппортунистической теории правых лидеров австрийской и чешской социал-демократии (стр. 88). В другом месте, касаясь вопроса о национальных движениях румынского и сербского населения, он отмечает, что буржуазии, захватившей руководство этим движением, не удавалось отвлечь внимание народных масс от социальных проблем и классовой борьбы (стр. 84). Однако в книге не говорится о том, каким образом это влияние, с одной стороны, и лицемерная тактика правых лидеров социал-демократии, с другой, смогли расколоть борьбу рабочих разных национальностей и посеять среди отсталых слоев венгерского и невенгерского населения настроения национальной обособленности.

Серьезным недостатком рецензируемой работы является отсутствие в ней анализа международной обстановки, ставшей одним из определяющих факторов в развитии политического кризиса дуализма.

Обзор современной литературы народно-демократической Венгрии, посвященной анализируемой автором проблеме, носит в монографии, к сожалению, описательный характер. Между тем в венгерской марксистско-ленинской историографии проходят живейшие дискуссии по ряду принципиальных вопросов, в частности, относящихся к теме рецензируемой книги. Следовало бы более широко отразить это в приведенном обзоре.

В целом книга Т. М. Исламова является серьезным научным вкладом в изучение истории революционной и национально-освободительной борьбы венгерского народа.

Е. М. Кан

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Берхин И. Б. Ленинский план построения социализма. М. Изд-во АН СССР. 1960. 127 стр. 25 000 экз. 2 руб.

Бершадский Р. Две повести о тайнах истории. М. «Советский писатель». 1960. 191 стр. 60 000 экз. 3 руб. 90 коп. О раскопках древнего Хорезма.

Бобренок С. У стен Брестской крепости. Записки участника обороны. Минск. Госиздат БССР. 1960. 151 стр. 60 000 экз. 2 руб. 25 коп.

Бондаренко И. Н. Большевики Киева в первой русской революции 1905—1907 гг. Киев. Изд-во Киевского ун-та. 1960. 283 стр. 7 000 экз. 10 руб. 60 коп.

«Большевистская печать». Сборник материалов. Вып. 4. 1917 год. Сост. А. К. Белков, Б. П. Веревкин. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 335 стр. 8 000 экз. 10 руб. 65 коп.

Василевский Е. Г. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М. Соцэкгиз. 1960. 227 стр. 4 000 экз. 5 руб. 90 коп.

Васильев С. М., Чемерис В. П. На путях к Октябрю. Краткий очерк рабочего движения в Башкирии в 1914—1917 гг. Уфа. Башкнигоиздат. 1960. 127 стр. 3 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Величко В. В большом снежном мире. Томск. Кн. изд-во. 1960. 278 стр. 10 000 экз. 5 руб. 50 коп. Очерки об истории освоения, о социалистических преобразованиях и людях Нарыма.

«Владивосток. 1860—1960». Владивосток. Примор. кн. изд-во. 1960. 272 стр. 15 000 экз. 6 руб. 20 коп. В сборнике помещены материалы об историческом прошлом и о социалистическом преобразовании города.

«Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.». Стат. обзор. М. Внешторгиздат. 1960. 1135 стр. 3 000 экз. 32 руб. 90 коп.

Газдиев А. М. Асланбек Шерипов — славный герой революции. Исторический очерк. Грозный. Чечено-Ингуш. кн. изд-во. 1960. 58 стр. 2 000 экз. 70 коп.

Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. 1861—1892 гг. М. Госфиниздат. 1960. 415 стр. 1 500 экз. 17 руб. 65 коп.

Гладышев В. Завод и люди. Очерки по истории Горьковского металлургического завода. Горький. Кн. изд-во. 1960. 151 стр. 3 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Далгат А. В огне революции. Воспо-

минания. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 280 стр. 3 000 экз. 4 руб. 35 коп. О борьбе трудящихся Дагестана за Советскую власть в годы гражданской войны.

Деборин Г. А. Советская внешняя политика и ее фальсификаторы. М. «Знание». 1960. 40 стр. 50 000 экз. 60 коп.

«Донецкий арсенал». Сост. П. Л. Омельяненко. Сталино. Кн. изд-во. 1960. 146 стр. 5 000 экз. 1 руб. 90 коп. Сборник воспоминаний, статей и очерков о Горловском машиностроительном заводе имени С. М. Кирова.

Донова К., Писарская Л. Московский Кремль. Краткая справка. 4-е, доп. изд. М. «Московский рабочий». 1960. 80 стр. 100 000 экз. 1 руб.

«Дорогой отцов. Очерки о рабочих династиях». М. «Молодая гвардия». 1960. 158 стр. 23 000 экз. 2 руб. 30 коп.

Дыков И. Г. Разгром контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова в 1917 году. М. «Знание». 1960. 40 стр. 48 300 экз. 60 коп.

Емельянов П. Е. Ленинская аграрная программа и ее международное значение. М. 1960. 48 стр. 10 000 экз. 70 коп.

«Из истории революционной борьбы». М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 300 стр. 2 400 экз. 10 руб. 60 коп.

«Им не уйти от ответственности!». Факты, разоблачающие вероломную политику правящих кругов США. Предисловие М. А. Харламова. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 223 стр. 4 руб.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». В 6-и т. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М. Воениздат. 1960. 534 стр. 125 000 экз. 30 руб.

Калинин М. И. Избранные произведения. В 4-х т. Т. 2. 1926—1932 гг. М. Госполитиздат. 1960. 641 стр. 30 000 экз. 10 руб.

Климов П. И. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М. Соцэкгиз. 1960. 255 стр. 5 000 экз. 6 руб. 50 коп.

Козлов В. К. Торжество ленинской национальной политики КПСС. М. Госполитиздат. 1960. 96 стр. 35 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Коновалов В. Г. Герои одесского подполья. Предисловие М. Тореза. М. Госполитиздат. 1960. 263 стр. 70 000 экз. 3 руб. 40 коп. Автор рассказывает о деятельности интернационального коммунистического подполья в 1918—1919 гг. в захваченной интервентами Одессе.

Курочкин Ю. Золотая долина. Послесловие А. А. Малахова. Свердловск. Кн. изд-во. 1960. 64 стр. 1 руб. 70 коп. Рассказы о прошлом и настоящем уральских золотых приисков в долине реки Миасс.

«Латышские стрелки». Перевод с латышского. Предисловие Н. М. Хлебникова. М. Воениздат. 1960. 324 стр. 6 руб. 50 коп. Сборник рассказов и воспоминаний бывших латышских стрелков, сражавшихся за Советскую власть на фронтах гражданской войны и в партизанских отрядах, об их встречах с В. И. Лениным.

Лебедев А. Солдаты малой войны. Записки освенцимского узника. Изд. 2-е, доп. М. Госполитиздат. 1960. 120 стр. 100 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Луначарский А. В. Ленин и народное образование. Сборник статей и выступлений. М. Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. 1960. 167 стр. 1 000 экз. 4 руб. 35 коп.

Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М. Изд-во ИМО. 1960. 144 стр. 4 руб. О борьбе СССР за Временное торговое соглашение с Англией, заключенное в 1934 году.

«Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов». 1959. Нальчик. Кабард.-Балкар. кн. изд-во. 1960. 336 стр. 1 500 экз. 4 руб. 80 коп.

«Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник IV. М. Изд-во АН СССР. 1960. 523 стр. 1 800 экз. 21 руб. 80 коп.

«Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1950—1959». I полутом. Под ред. В. П. Нихамина. М. Изд-во ИМО. 1960. 224 стр. 5 250 экз. 7 руб. 5 коп.

Непомнин В. Я. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. 1917—1937. Ташкент. Госиздат УзССР. 1960. 382 стр. 5 000 экз. 6 руб. 90 коп.

Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 362 стр. 2 000 экз. 12 руб. 50 коп.

Носов Ф. В. Борьба коммунистической партии за мощный подъем народного хозяйства, за завершение строительства социализма в СССР. 1953—1958 гг. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 196 стр. 106 000 экз. 2 руб. 10 коп.

«Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.». Сборник документов и материалов. Сост. И. Ф. Смирнов, В. И. Фефелов. Орел. Кн. изд-во. 1960. 496 стр. 3 000 экз. 8 руб. 75 коп.

«Подлинные человеческие документы». Сборник приветствий и писем В. И. Ленину от трудящихся Донбасса, их решения и клятвы выполнить заветы вождя. Сталино. Кн. изд-во. 1960. 146 стр. 5 000 экз. 2 руб. 90 коп.

Прокофьев В. Андрей Желябов. М. «Молодая гвардия». 1960. 384 стр. 55 000 экз. 7 руб. 75 коп.

Пухов А. С. Петроград не сдавать! Коммунисты во главе обороны Петрограда в 1919 г. М. Соцэкгиз. 1960. 450 стр. 6 000 экз. 10 руб.

«Развитие экономики и культуры Чувашской АССР». Чебоксары. Чувашгосиздат. 1960. 328 стр. 2 000 экз. 6 руб. 85 коп.

«Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства». Март 1920 — декабрь 1921 г. Сборник документов. Сост. М. А. Абдуллаев и др. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 503 стр. 1 500 экз. 15 руб. 45 коп.

Руднев Н. Командир легендарного крейсера. Тула. Кн. изд-во. 1960. 247 стр.

50 000 экз. 4 руб. 70 коп. Историко-биографический очерк о жизни и деятельности В. Ф. Руднева — командира крейсера «Варяг» и лодки «Кореец».

Самсонов А. М. Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге. Исторический очерк. М. Изд-во АН СССР. 1960. 606 стр. 15 000 экз. 20 руб.

Селезнев М. А. Государство, революция, диктатура пролетариата. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 136 стр. 22 800 экз. 2 руб.

Селиванов Ф. Гвардейцы. М. Госполитиздат. 1960. 192 стр. 90 000 экз. 2 руб. 30 коп. Бывший фронтовик делится воспоминаниями о боевом пути 6-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне, рассказывает о жизни своих однополчан в наши дни.

Сирота Ф. И. Ленинград — город-герой. Л. Лениздат. 1960. 183 стр. 3 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Смирнова А. Пламенные революционерки. (Борцы за власть Советов на Алтае). Барнаул. Алт. кн. изд-во. 1960. 68 стр. 3 000 экз. 80 коп. Очерки о деятельности революционерок Е. К. Голубевой, Н. В. и И. В. Третьяковых, Э. А. Алексеевой, Е. К. Сурновой и К. А. Калачевой-Голиковой.

«Смоленская губерния в документах В. И. Ленина». Сост. М. В. Воробьев и др. Смоленск. Кн. изд-во. 1960. 180 стр. 3 000 экз. 3 руб. 30 коп.

«Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». Т. 5. Под ред. и при участии А. А. Семенова. Ташкент. Изд-во АН УзССР. 1960. 543 стр. 1 500 экз. 21 руб.

«Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.». Документы и материалы. М. Госполитиздат. 1960. 291 стр. 50 000 экз. 4 руб. 50 коп.

«Социалистическое сельское хозяйство на современном этапе и вопросы аграрной теории». Сборник статей. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 478 стр. 10 000 экз. 20 руб. 10 коп.

Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М. Соцэкгиз. 1960. 548 стр. 5 000 экз. 19 руб. 60 коп.

«Татарская АССР за 40 лет». Статистич. сборник. Казань. Таткнигоиздат. 1960. 172 стр. 5 000 экз. 5 руб. 45 коп.

Толстяков К. А. Борьба Казанской организации большевиков за упрочение Советской власти. 1917—1918 гг. Казань. Таткнигоиздат. 1960. 142 стр. 2 000 экз. 2 руб. 70 коп.

Трунов Д. Джигиты Дагестана. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 186 стр. 5 000 экз. 2 руб. 70 коп. Очерки о воинах-дагестанцах — героях Великой Отечественной войны.

Тузмухамедов Р. А. Советско-иранские отношения. 1917—1921. М. Изд-во ИМО. 1960. 95 стр. 3 750 экз. 1 руб. 90 коп.

Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. М. Изд-во АН СССР. 1960. 263 стр. 1 500 экз. 9 руб. 35 коп.

Хафизов Ш. Образование Татарской АССР. Казань. Таткнигоиздат. 1960. 104 стр. 3 000 экз. 1 руб. 25 коп.

Щебеньков В. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М. Изд-во АН СССР. 1960. 239 стр. 1 700 экз. 9 руб. 60 коп.

Всеобщая история

Барг М. А. Кромвель и его время. 2-е изд. М. Учпедгиз. 1960. 243 стр. 10 000 экз. 5 руб. 75 коп.

«Вопросы экономики стран Востока». Сборник статей. М. Изд-во ИМО. 1960. 297 стр. 2 000 экз. 11 руб. 10 коп.

Герман М. Ю. и др. На семи холмах. Очерки культуры древнего Рима. Пособие для учителя истории. Л. Учпедгиз. 1960. 215 стр. 20 000 экз. 4 руб. 45 коп.

«Дважды рожденный». Книга дружбы. Перевод с немецкого. Ред. З. Шейнис. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 255 стр. 4 руб. Сборник воспоминаний граждан ГДР о встречах с советскими людьми, о живых традициях советско-немецкой дружбы.

«IX съезд Итальянской коммунистической партии». Рим. 1960. Перевод с итальянского. М. Госполитиздат. 1960. 307 стр. 5 руб. 70 коп.

Дикшит С. К. Введение в археологию. Перевод с английского. Предисловие Г. М. Бонгард-Левина и Н. Я. Мерперта. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 506 стр. 20 руб.

Дюбуа У. Э. Б. Джон Браун. Перевод с английского. М. Соцэкгиз. 1960. 495 стр. 15 000 экз. 10 руб. 20 коп. Очерк жизни и деятельности страстного борца за освобождение негров, данный на широком фоне анализа исторических проблем США 30—50-х годов.

Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн. 1912—1913. Киев. Изд-во Киев. ун-та. 1960. 250 стр. 2 000 экз. 11 руб. 50 коп.

«История Болгарской коммунистической партии». М. Госполитиздат. 1960. 392 стр. 7 руб.

Кан А. Заметки о национальном скандале. Перевод с английского. Предисловие Д. С. Карева. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 341 стр. 6 руб. 55 коп. Прогрессивный американский писатель-публицист освещает эпоху маккартизма в истории США, которая характеризуется позорной для страны атмосферой платных осведомителей и лжесвидетелей.

Кессельбреннер Г. Западный Ириан. М. Изд-во ИМО. 1960. 262 стр. 1 750 экз. 11 руб. 65 коп. Историко-географический и экономический очерк Новой Гвинеи.

Колосков И. А., Цырульников Н. Г. Народ Франции в борьбе против фашизма. Из истории освободительного движения во Франции в 1939—1944 гг. М. Соцэкгиз. 1960. 406 стр. 5 000 экз. 14 руб. 30 коп.

Лебедев Н. И. За мир на Балканах! М. Изд-во ИМО. 1960. 92 стр. 5 000 экз. 1 руб. 60 коп. О борьбе социалистических стран за прочный мир на Балканах и в районе Адриатики.

Луния Б. Н. История индийской куль-

туры. С древних веков до наших дней. Сокр. перевод с английского. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 567 стр. 24 руб. 40 коп.

Огнетов И. А. Восстание Тэй-шонов во Вьетнаме. 1771—1802. М. Изд-во вост. лит. 1960. 107 стр. 1 100 экз. 4 руб.

Покатаева Т. С. Положение рабочего класса Индии. М. Изд-во АН СССР. 1960. 187 стр. 2 500 экз. 6 руб.

Поляков В. Г. Англия и мюнхенский сговор. Март — сентябрь 1938 г. М. Изд-во АН СССР. 1960. 334 стр. 3 500 экз. 12 руб. 45 коп.

«Поражение германского империализма во второй мировой войне». Статьи и документы. Под общ. ред. Н. Г. Павленко. М. Воениздат. 1960. 291 стр. 7 руб.

Рожков Б. А. Чартистское движение. Краткий очерк. 1836—1854. М. Соцэкгиз. 1960. 216 стр. 4 000 экз. 6 руб. 30 коп.

Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1960. 705 стр. 3 500 экз. 41 руб. 35 коп.

«Современный Афганистан». М. Изд-во вост. лит. 1960. 504 стр. 2 700 экз. 18 руб. 50 коп.

Черняк Е. Б. Буржуазная историография рабочего движения. Критический очерк. М. Соцэкгиз. 1960. 199 стр. 20 000 экз. 2 руб. 40 коп.

«Экономические законы социализма и их использование». Сборник статей. М. Соцэкгиз. 1960. 426 стр. 15 000 экз. 10 руб. 40 коп. Сборник статей о деятельности коммунистических партий в Испании и Индии в период до 1960 года и об истории революционного движения в Австро-Венгрии, Германии и Китае.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вестник древней истории» № 2. «К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина» (передовая); И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. (образцы документов); И. Ш. Шифман. Объединение финикийских колоний в Западном Средиземноморье и возникновение Карфагенской державы; В. Н. Андреев. Цена земли в Аттике IV в. до н. э.; С. Л. Утченко. Идея народного суверенитета у римлян; В. А. Лившиц. Два согдийских документа с горы Муг; М. Л. Гельцер. Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите; Ш. Я. Амиранашвили. К вопросу об определении портретного изображения на гемме Британского музея (119 712) с пехлевийской надписью; А. И. Зайцев. Гесиодовский фрагмент о Тесее и Галике?; С. Я. Лурье. К вопросу о происхождении культа христианских целителей; И. Д. Марченко. К вопросу о культах азиатского Боспора; М. Л. Гаспаров. Политический смысл литературных сатир Горация; Г. К. Забулис. Saturnia tellus Вергилия (к вопросу о формировании идеологии эпохи Августа); Г. В. Церетели. Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета; Э. И. Соломоник. Алтарь Немесиды из Херсонеса; А. М. Щербак. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска; И. С. Свенцицкая. Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе.

«Советская этнография» № 3. «Двадцать лет союзных советских социалистических республик Прибалтики» (передовая); Х. А. и А. Х. Моора. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики; А. А. Крастыня. О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР; Л. Ефремова. Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе; Ю. В. Маретин. Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау; Н. Н. Чебоксаров. О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику; А. Б. Давидсон. Дискриминация африканцев в Южно-Африканском Союзе; А. И. Вишняускайте. Этнографические исследования в Литве в 1940—1960 годах; М. К. Степерманис. Развитие этнографической науки в Советской Латвии; А. О. Вийрес. Эстонская советская историография (1940—1960); Э. Я. Кокаре. Развитие фольклористики в Советской Латвии; А. Лутс. Новое в быту эстонских рыбаков и задачи его изучения; Р. Денисова. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Керчи; Н. Типайнис. Латвийский этнографический музей.

«Вестник истории мировой культуры» № 3. Л. Д. Яблочков. Новое и старое в Африке (о распадении племен и росте городского населения в Африке южнее Сахары); Г. Л. Епископосов. Домарксистская социология о роли техники в жизни общества; М. К. Мамардашвили. Исторический метод в «Истории философии» Гегеля; В. И. Рутенбург. Ванини в веках; Ф. Роз. Положение австралийских аборигенов; В. В. Воронов. Томас Пейн — враг войны и колониализма; Л. Н. Гумилев. Легенды и действительность в древней истории Тибета; В. И. Сергеев. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение.

«Военно-исторический журнал» № 7. В. А. Алехин. В. И. Ленин о революционной бдительности; И. Крупченко. Танковые армии в Берлинской операции; А. Жадов. На Ченстоховском направлении; П. Воробьев. Из опыта перевозок Балтийским флотом войск 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм; Б. Федоров, А. Козлов. Из истории борьбы с ракетными средствами нападения; В. Пашуто, М. Ючас. 550-летие Грюнвальдской битвы; «Документы немецко-фашистского командования о действиях советских партизан» (публикация); С. Дорошенко. О фальсификации истории партизанского движения в буржуазной печати; П. Прищепчик. Военно-исторический журнал Польской Народной Республики.

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 2. Али Гусейнзаде. О рукописях «Истории Карабага» Мир Мехти Казани (аз. яз.).

«Доклады АН Азербайджанской ССР» № 4. Кемал Алиев. К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании.

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки. № 4. О. Г. Инджикян. В. И. Ленин и национально-освободительное движение народов Востока (арм. яз.); З. И. Ибрагимов. Победа советской власти в Азербайджане (арм. яз.).

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки. № 5—6. Г. Н. Овнан. Н. А. Добролюбов и армянская литературно-общественная мысль XIX века; П. О. Акопян. Хачатур Абовян и общественные деятели Эстонии 30-х годов XIX века.

«Сообщения АН Грузинской ССР». Русское издание, т. XXIV, № 3. Д. А. Хахутайшвили. К вопросу о сущности грузинских городов рабовладельческой эпохи; А. Е. Климиашвили. Новый список «Картлис Цховреба» 1697 года.

«Известия АН Киргизской ССР». Серия общественных наук, т. II, вып. 2 (дунгановедение). М. Сушанло. Состояние и задачи советского дунгановедения; Г. Г. Стратанович. К вопросу о характере административного устройства и социальных отношений в дунганском Союзе городов (1863—1872 гг.); Х. Юсуров. Преобразование сельского хозяйства у советских дунган; И. Юсупов. Материалы по истории советских дунган.

«Известия АН Латвийской ССР» № 5. А. Дризулис. К вопросу о фальсификации истории буржуазной Латвии в зарубежной историографии; Я. Пределе. Города Ливонии накануне Ливонской войны (латв. яз.).

«Известия АН Туркменской ССР». Серия общественных наук. № 2. М. М. Абаева. По ленинскому пути; Н. А. Атамамедов. Осуществление ленинского плана индустриализации в Туркменской ССР; Н. А. Атамамедов. Участие профсоюзов в восстановлении и развитии промышленности Туркменистана и формировании национальных кадров рабочего класса в 1921—1925 гг.; М. Мошев. Восстановление хлопководства в Туркменистане и его значение для укрепления союза рабочего класса и трудового дайханства в 1921—1925 гг.; Х. Агаев. Из истории русско-туркменских отношений в первой половине XIX в.; Дж. Давлетов. К вопросу о присоединении Ахала к России; Д. С. Киселев. Развитие советской государственности ранее отсталых народов СССР (на опыте Туркменской ССР); К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджено-Мургабского междуречья (к изучению археологических памятников в зоне 2-й очереди Каракумского канала); П. Г. Булгаков. Из арабских источников о Мерве.

«Известия АН Эстонской ССР». Серия общественных наук. № 2 (эст. яз.). И. Саат. Борьба трудящихся Эстонии за создание суверенного национального государства; Э. Кулль. Развитие социалистических производственных отношений и производительных сил в промышленности Эстонской ССР; В. Маамяги. Культурная революция в Эстонии.

«Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР». Вып. 2. Во-

просы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. А. Г. Маньков. Крестьянский вопрос в Палате об Уложении 1700 г.; А. И. Андреев. Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы; В. Г. Гейман. «Сочение следа» в Белозерском уезде XVII в.; В. М. Панеях. Из истории кабального холопства в XVI в.; В. А. Петров. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI в.; Г. А. Победимова. К вопросу о стабильности сельского населения вотчины в XVI в.; Н. Е. Носов. Боярская книга 1556 г.; Ю. Г. Алексеев. Волость в Переяславском уезде XV в.; Г. Е. Кочин. Развитие земледелия на Руси с конца XIII по конец XV в.; И. И. Смирнов. К проблеме «смердьего холопа»; Б. А. Романов. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского).

«Краткие сообщения Института востоковедения». XXXVIII. В. В. Струве. Число полноправных граждан Лагаша до реформ царя Урукагины; Ян Рейхман. Тадеуш Лада Заблоцкий и Аббас Кули-хан Бакиханов (Кудси); Б. Н. Заходер. Ибн-Фадлан и Ал-Масуди; Л. В. Строева. «День воскресения из мертвых» и его социальная сущность (из истории исмаилитского государства в Иране XII в.); А. С. Тверитинова. К вопросу о домениальном землевладении феодалов-ленчиков в Османской империи в XV—XVI веках; К. З. Ашрафян, М. Р. Арунова. Из истории суфиев в Индии конца XIII — середины XIV в.; О. А. Эфендиев. Из истории социальной и политической борьбы в Азербайджане на рубеже XV—XVI вв.; О. Ф. Акимушкин. Два редких памятника мусульманской агиографической литературы; Г. М. Петров. Мухаммад-Казим. Аламара-йи Надири (Надир-наме). Фрагмент 2-го тома в переводе с персидского; Ю. Э. Брегель. Племя сакар в Хивинском ханстве; О. И. Смирнова. К истории Самаркандского договора 712 г.; В. С. Путуридзе. Персидские исторические документы в древлехранилищах Грузии; Л. М. Кулагина. Обзор советской литературы по истории Ирана за 1956—1958 гг.

«Краткие сообщения Института этнографии». XXXIII. Л. Н. Чижикова. Этнографическое изучение населения бассейна р. Кубани; М. Я. Салманович. Эволюция молдавского жилища; М. М. Ихилов. Материалы по этнографии рутулов и цахур; Д. Вардумян. Некоторые материалы по этнографии армян; Е. М. Пещерева. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX в.; Б. Х. Кармышева. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области, Узбекской ССР; Г. П. Снесарев. Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма; Б. О. Долгих. Принесение в жертву оленей у нганасан и энцев; Д. Сергеев. Ныкшак; И. А. Золотаревская. Некоторые материалы об ассимиляции индейцев Оклахомы; М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков; М. Г. Левин. Диагностическое значение формы скуловой вырезки.

«Вопросы истории естествознания и техники». Вып. 9. Институт истории естествознания и техники. Н. А. Фигуровский. Некоторые итоги и задачи развития истории науки и техники в СССР в свете решений XXI съезда КПСС.

«Труды Института истории АН Азербайджанской ССР». Т. XIV. Ю. Б. Юсифов. Характер и организация ремесла в Ассирии, Урарту и Мидии; К. Г. Алиев. К вопросу о языках на территории Азербайджана; Г. Б. Абдуллаев. Из истории Азербайджана во второй половине XVIII в.; Н. Г. Осипова. О шефской работе в азербайджанской деревне (1926—1929 гг.); З. Б. Шихлинский. Борьба за укрепление союза рабочего класса с колхозным крестьянством в Азербайджане (1935—1937 гг.) (аз. яз.).

«Ученые записки Института истории АН Украинской ССР». Т. 13. Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы на Украине (XVI — начало XX ст.) (укр. яз.). И. М. Шекера. Формы и эволюция феодальной земельной ренты на Правобережной Украине во второй половине XVI в.; А. А. Бевзо. «Львовская летопись» и «Острожский летописец» как источники для изучения истории Украины во второй половине XVI — первой половине XVII ст.; Н. С. Сидоренко. Из истории борьбы мещан и казаков Киева против польско-шляхетского гнета (первая половина XVII ст.); И. С. Слабеев. Роль торгово-транспортного (чумацкого) промысла в развитии экономики Украины первой половины XIX ст.; Ю. А. Курносов. Со-

циально-экономические сдвиги в крепостном селе Правобережной Украины (40—50-е годы XIX ст.); Е. Ф. Белинский. Из истории формирования железнодорожного пролетариата на Украине во второй половине XIX ст.; А. И. Лугова. Развитие капитализма в помещичьем хозяйстве юга Украины в последней четверти XIX ст.; П. Ф. Щербина. Крестьянская реформа 1861 г. в Подольской губернии; М. В. Коваль. К истории движения за установление памятника Т. Г. Шевченко в Киеве (1904—1914 гг.); П. П. Теличук. Аграрные отношения на Правобережной Украине в период реакции (1907—1910 гг.); Ю. П. Лавров. Из истории революционного рабочего движения на Украине в начале XX ст.

«Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР». Вып. 9. В. Н. Даниленко. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры; Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия; Е. В. Максимов. Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове; Ю. Г. Колосов. Неопубликованные кремневые орудия из грота Чокурча в Крыму; Н. М. Шмаглий. О планировке позднетрипольских поселений восточной Волыни; В. А. Товкачевский. Новая находка керамики среднеднепровской культуры; А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму; Н. Т. Евстропов. Стоянка периода поздней бронзы в районе с. Гостомель; В. С. Драчук. Скифское городище Джалман в Крыму; В. В. Лапин. Мраморная женская головка из Ольвии; П. О. Карышковский. Монеты острова Березань; В. М. Брабич. Об охранительном назначении грифонов на монетах Пантикапея IV в. до н. э.; И. М. Самойловский. Суботовский могильник; Ю. С. Виноградский и Д. И. Лавьюк. Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах; А. Т. Брайчевская. Кузница на Пастырском городище; Р. И. Выезжев. Колокола древнего Городеска; В. А. Богусевич. К вопросу о крепостных стенах XII в. Киево-Печерского монастыря; М. П. Кучера. «Плесненск» «Слова о полку Игореве» и древнерусский город Плесненск; А. В. Бодянский. Мустьерская стоянка у скалы Орел.

«Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Вып. VIII. С. К. Тока. Знаменательная дата в культурной революции; М. Х. Маннай-Оол. К вопросу о реакционной сущности ламаизма; М. М. Ломакин. Борьба ТНРП за укрепление народно-демократического строя ТНР (1921—1929 гг.); Л. Р. Кызласов. Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—XI вв.); Л. В. Гребнев. Население Тувы в начале XIII в.; Л. П. Потапов. Тува в составе монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии (XVII — первая половина XVIII в.); Л. П. Потапов. Новые материалы по этнографии тувинцев; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы; В. П. Алексеев. Черепа из мусульманских погребений в Туве; Н. Л. Членова. Древняя бронза Западных Саян; С. Ш. Мындрима. Создание тувинской национальной письменности (публикация); В. А. Дубровский. Участие Тувы в Великой Отечественной войне Советского Союза (публикация).

«Ученые записки Пермского гос. университета». Т. XII, вып. 3. Из истории Урала. С. М. Томсинский. Урал в отражении первой печатной газеты России «Ведомости»; К. С. Маханек. Из истории развития крупного землевладения на Урале в 20—70-х годах XIX века; П. И. Хитров. Социально-экономическое положение рабочих и рабочее движение на Урале накануне первой буржуазно-демократической революции в России (1900—1904 гг.); Т. Л. Левина. Борьба большевистской партии за союз рабочего класса и крестьянства в годы столыпинской реакции; А. Н. Фадеев. Развитие коммунистических субботников в Пермской губернии в период второй мирной передышки (1920 г.).

«Ученые записки Тартуского гос. университета». Вып. 85. И. Н. Волков. Борьба партийной организации Эстонской ССР за коренное улучшение работы с руководящими кадрами сельского хозяйства республики (1953—1958).

«Ученые записки Уральского гос. университета». Выпуск исторический. № 35 (Свердловск). Ю. А. Попов. Профсоюзы Китайской Народной Республики в восстановительный период 1949—1952 гг.

«Ученые записки Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена». Т. 220. Ю. А. Красин. Ленинская теория социалистической революции.

«Ученые записки Ташкентского госпед-

института им. Низами». Вып. XIX. А. Ульмасов. Организация и управление промышленностью в Советском Туркестане (1917—1920 годы).

«Ученые записки Шахтинского госпединститута». Т. III, вып. 2. Н. А. Кравчук. Совхозы Северного Кавказа в 1923—1925 годах; П. Ф. Шевченко. Об основных формах феодальной собственности и организации феодального хозяйства Болгарии в XIII—XIV вв.

«Ученые записки Кишиневской высшей партийной школы». А. С. Калабашкин. Гениальное произведение о стратегии и тактике мирового коммунистического движения (К 40-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»); С. В. Царанов. За научную разработку вопросов истории социалистической революции в Молдавии.

«Сборник статей кафедр общественных наук Ленинградской высшей партийной школы». Вып. 1. И. С. Смолин. Революционная борьба петербургских рабочих в декабре 1905 года; Ф. В. Носов. Об одном из передовых отрядов Великого Октября (о Балтийском флоте); В. К. Фураев. Борьба Коммунистической партии США против ревизионизма; И. М. Кривогуз. Учредительный съезд Коммунистической партии Германии; Д. П. Прицкер. Заключительный этап национально-революционной войны в Испании.

«Труды Музея истории Азербайджана». Т. III. Материалы по истории Азербайджана. М. А. Казиев. Музей истории Азербайджана АН Азербайджанской ССР — важный очаг научно-исследовательской и культурно-просветительной работы республики (аз. яз.); М. М. Гусейнов. Орудия труда каменного века; В. П. Фоменко. Стеклянные браслеты из раскопок Мингечаура; А. В. Рагимов. Кадабекский монетный клад (аз. яз.); А. М. Раджабли. К вопросу об организации монетного дела в Сефевидском государстве; А. А. Абасов. Ленинский призыв в партию в Азербайджане (аз. яз.); П. А. Азизбекова. В. И. Ленин о значении первого съезда народов Востока (аз. яз.).

«Труды Ленинградского политехнического института». Общественные науки. № 213. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. В. В. Данилевский. В. И. Ленин в Ленинградском политехническом институте; А. Г. Шевелев. Борьба В. И. Ленина против ревизионизма; В. А. Брычкина. В. И. Ленин и организация профсоюза сельскохозяйственных рабочих.

Хроника научной жизни

ОБСУЖДЕНИЕ ПЛАНА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР

2 октября 1959 г. Президиум Академии наук СССР принял решение об организации в составе Отделения исторических наук СССР Института Африки. В институте создано три сектора: истории, современных проблем и информации. В недалеком будущем будет организован также сектор африканской филологии и лингвистики.

4 мая 1960 г. состоялось первое заседание Ученого совета Института Африки, на котором был утвержден план его научно-исследовательской работы на 1960—1965 годы.

Доклад о плане сделал директор института доктор исторических наук И. И. Потехин. Африканские народы, сказал он, переживают крутой перелом в своей истории, вступая на путь самостоятельного развития, строительства новой жизни. Нет такого континента на земле, народы которого пережили бы столько страданий и унижений. Пять веков колониального порабощения и работорговли отбросили африканские народы далеко назад в их историческом развитии. В наши дни, когда все большее и большее число народов Африки добивается своей независимости, начинается новый этап в ее развитии.

И. И. Потехин подробно охарактеризовал каждый раздел плана научно-исследовательской работы института. Большое внимание

в плане уделяется изучению истории и культуры африканских народов. Народы Африки прошли долгий и сложный путь исторического развития. Африка не всегда была отсталой, как утверждают колонизаторы, она являлась колыбелью древних цивилизаций. Египет, Нубия, Мероэ, Аксум, Гана, Мали, Имерина, Ангола, Сонгаи, Мономотапа, Борну, Канем, Конго, Бенин, государства хауса и йоруба — таков далеко не полный перечень древних и средневековых государств Африки. Общеизвестно, какого высокого уровня достигла культура древнего Египта. Данные археологических раскопок в Северной Нигерии, в долине р. Нок свидетельствуют о высокой культуре, существовавшей в этих районах еще в первом тысячелетии до нашей эры. Всемирной известностью всегда пользовалась бенинская бронза. Африканские мастера создавали высокохудожественные произведения, равных которым не было в то время в Европе.

Народы Африки гордятся своим историческим прошлым. История и культура Африки — это часть общемировой, общечеловеческой истории и культуры. Но западноевропейская буржуазная историография, поставившая себя на службу колониализму, извратила историю Африки, рассматривая ее лишь как историю деятельности европейцев в африканских странах. «История Африки,— пишет нигерийский ученый С. Биобаку,— началась якобы лишь с момента появления там европейских исследователей, миссионеров и купцов. Постепенно утвердился миф о том, что Африка не имеет никакой собственной истории». С. Биобаку призывает африканских исследователей развеять этот миф, начать изучать подлинную историю Африки.

Задача советских африканистов — вместе с африканскими учеными разоблачить распространяемую реакционной буржуазной историографией версию об извечной отсталости африканских народов, разоблачить колонизаторскую политику империалистов — виновников бесправного положения миллионов африканцев, до сих пор томящихся под игом колониализма. В плане научно-исследовательской работы института много тем, посвященных различным периодам африканской истории. Вот некоторые из них: история государств бассейна Конго, арабские связи с Восточной Африкой в X—XV вв., история республики Судан; намечено создание очерков по новой и новейшей истории Африки.

Большая группа тем связана с историей борьбы народов Африки против колониализма в XIX в. и в наши дни. История империалистического раздела Африки довольно подробно описана буржуазными учеными. Немало работ посвятили этим вопросам и советские африканисты. Однако история самих народов Африки в период колониального раздела, история их героического сопротивления империалистической экспансии до сих пор не написана. Сотрудники Института Африки работают, в частности, над такими темами, как борьба зулусского народа против европейской колонизации, борьба африканских народов против колониальной экспансии Франции в тропической Африке в XIX в. и т. п.

Серьезное внимание в плане института уделяется проблемам, связанным с современным положением стран африканского континента, в частности экономическому развитию новых африканских государств, ликвидации пережитков колониализма и т. д. Большое значение имеют такие темы, как положение крестьянства и аграрный вопрос в Африке, положение рабочего класса и рабочее движение в странах африканского континента, города и городское население тропической Африки. Основное внимание при этом уделяется социально-экономическим процессам внутри африканского общества.

Исключительно важное значение приобретает в наши дни национальный вопрос в Африке. В результате империалистического раздела Африки многие африканские народы оказались разорванными колониальными границами. Отдельные части единого народа живут в различных политических и экономических условиях. В состав большинства стран Африки входят народы, совершенно отличные друг от друга и по языку и по культуре. Это различие помогает колонизаторам сеять рознь между народами Африки, проводить свою излюбленную политику «разделяй и властвуй». Независимые африканские государства вступают в жизнь как государства с очень сложным этническим составом. От правильной национальной политики зависит успешное строительство новой жизни в этих странах.

Но реакционные буржуазные ученые нередко и преувеличивают племенную раздробленность Африки, стремясь доказать, что при отсутствии этнического единства народа нецелесообразно предоставление ему независимости. Задача советских африканистов — нарисовать правильную картину этнического развития народов Африки. Имен-

но с этой целью предусмотрены в плане такие темы, как национальный вопрос в Африке, этнография современного Магриба, Эфиопии, Нигерии и др.

Изучение прошлого и настоящего африканских народов явится серьезным вкладом в разработку основных проблем всеобщей истории и расширит возможности теоретических обобщений для специалистов по всеобщей истории.

Большой теоретический интерес представляет также исследование процесса распада колониальной системы империализма в Африке. Завоевание политической независимости африканскими государствами происходит нередко путем использования конституционных средств. Это стало возможным только в условиях существования мировой социалистической системы. Рассмотрение этого пути перехода к независимости поможет нашим социологам в разработке закономерностей развития человеческого общества в период сосуществования двух социальных систем.

И. И. Потехин отметил, что план предусматривает тесное сотрудничество Института Африки с другими институтами АН СССР — этнографии, археологии, народов Азии, истории искусств, мировой экономики и международных отношений. По линии изучения проблем земледелия тропических районов Африки и т. п. институт будет кооперироваться с учреждениями Отделений биологических и геолого-географических наук.

Институт намерен также установить деловые связи с учеными-африканистами зарубежных стран и в первую очередь с учеными и научными учреждениями Африки.

Непременным условием выполнения плана, подчеркнул И. И. Потехин, является организация полевой работы. Многие темы невозможно разрабатывать без полевого материала. В связи с этим намечены командировки отдельных научных сотрудников в различные страны Африки, предполагается организация комплексной африканской экспедиции.

Все выступавшие в прениях одобрили представленный на обсуждение план научно-исследовательской работы на 1960—1965 годы.

Заведующий сектором истории Института Африки кандидат исторических наук С. Р. Смирнов остановился на важности разработки проблем африканской истории. Он указал на необходимость изучения археологии Африки, а также создания группы арабистов, которая занималась бы главным образом историей Северной Африки.

Член-корреспондент АН СССР А. А. Губер особо подчеркнул необходимость координации работ и кооперирования творческих сил Института Африки и других научных учреждений, так как многие из африканских проблем являются важнейшими проблемами всей колониальной системы, всех стран, становящихся на путь завоевания экономической независимости.

Ученый секретарь института кандидат исторических наук Л. Д. Яблочков указал на необходимость изучения культуры африканских народов, отметив, что в плане института недостаточно представлены темы, посвященные этому вопросу. Л. Д. Яблочков предложил создать специальный сектор, занимающийся филологией и искусством народов Африки.

Кандидат экономических наук Н. М. Гаврилов говорил о необходимости в будущем уделять больше внимания разработке экономических проблем. Доктор экономических наук А. Ю. Шпирт предложил включить в план работу по составлению конъюнктурных обзоров. Он считает целесообразным увеличить в плане количество тем, связанных с вопросами идеологии, и заняться проблемой ислама.

Кандидат исторических наук Ю. В. Луконин отметил, что в плане института необходимо предусмотреть работы, посвященные изучению Африки в период 1900—1945 годов.

Выступившие товарищи отмечали также перегруженность некоторых разделов плана, трудоемкость отдельных работ, необходимость уточнения сроков их выполнения и т. д.

2 июня 1960 г. план научно-исследовательской работы Института Африки был одобрен и утвержден на заседании Бюро Отделения исторических наук АН СССР.

Р. Н. Исмагилова

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ОБСУЖДАЕТ ВОПРОС О ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ В БРИГАДАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Одно из своих заседаний Ученый совет кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС посвятил обобщению опыта партийных организаций по воспитанию молодежи в бригадах коммунистического труда. На этом заседании, кроме работников и аспирантов различных кафедр Академии общественных наук, присутствовали партийные работники из Ленинграда и Вышнего Волочка, Герой Социалистического Труда В. И. Гаганова и другие.

Участники заседания заслушали доклад аспирантки П. Г. Макеевой «О деятельности партийных организаций по воспитанию молодежи в бригадах коммунистического труда».

Докладу предшествовала серьезная, кропотливая работа. П. Г. Макеева неоднократно выезжала на предприятия Ленинграда, Красноярска, Вышнего Волочка и других городов страны, установила тесную связь с местными партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, вела переписку с членами бригад коммунистического труда из Красноярска, Киева, Норильска и др.

Докладчица, показав, как партийные организации руководят движением бригад коммунистического труда, уделила особое внимание освещению нового в деятельности этих организаций по воспитанию участников славного движения.

Часть доклада была посвящена роли партийных и комсомольских организаций в коммунистическом преобразовании быта советской молодежи.

Секретарь Ленинградского горкома КПСС Г. Ф. Кондрашов рассказал о деятельности партийных организаций Ленинграда по привлечению интеллигенции к воспитанию молодежи в бригадах коммунистического труда.

Секретарь парткома Кировского завода С. Н. Калинин свое выступление посвятил опыту работы партийной организации предприятия по воспитанию молодежи на славных революционных традициях и героике настоящего, на примерах самоотверженного труда советских людей во имя коммунизма. С этой целью на заводе используются различные формы пропаганды. Здесь и встречи с ветеранами завода, и посещения исторических мест, и беседы агитаторов и т. п.

Секретарь парткома Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината П. П. Скобелев рассказал о роли положительного примера в формировании коммунистического облика советского человека. На комбинате была проведена конференция на тему «Жить и работать по-коммунистически», прошел слет бригад и ударников коммунистического труда и соревнующихся за это звание; состоялись рабочие собрания с повесткой дня «О коммунистическом отношении к труду», «О коммунистической морали».

На заседании кафедры выступила Герой Социалистического Труда В. И. Гаганова. Движение бригад коммунистического труда, сказала она, играет громадную роль в воспитании людей, особенно молодежи, так как его участники своим личным трудом и повседневной жизнью являют образец человека коммунистического общества. В. И. Гаганова особо остановилась на значении труда в процессе самовоспитания человека.

А. С. Петров проанализировал пути и значение борьбы коллективов и ударников коммунистического труда за дальнейшее повышение производительности труда. Аспирант А. М. Королев обобщил опыт работы бригад и ферм коммунистического труда по воспитанию молодых тружеников сельского хозяйства.

Изучение истории КПСС является важнейшим средством идейного воспитания молодежи. Этому вопросу посвятил свое выступление профессор кафедры истории КПСС А. А. Тимофеевский. Он призвал ученых шире популяризировать славные революционные традиции нашей партии.

Заседание Ученого совета показало, что, обобщая опыт партийных организаций по руководству движением миллионов за звание коллективов и ударников коммунистического труда, по воспитанию трудящихся, прежде всего молодежи, в бригадах коммунистического труда, аспиранты и работники кафедры проводят большое, полезное дело.

Кафедра истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС находит интересные формы связи науки с жизнью. Она установила контакты со многими партийными, производственными и научными организациями, с работниками различных предприятий, колхозов и совхозов. Повседнев-

ное общение с теми, кто своим самоотверженным трудом на производстве творит историю, вдумчивое изучение жизни, стремление создавать научные труды, способные помочь народу решать практические вопросы строительства коммунизма,— таково содержание работы кафедры. Этим она вносит свой вклад в общее дело борьбы за коммунизм и способствует дальнейшему сближению общественных наук с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

Т. И. Ахунзянов

К 550-летию ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ

В 1960—1965 гг. польский народ будет праздновать тысячелетие Польского государства. В рамках этого юбилея польская общественность отмечает ряд выдающихся событий своей истории. Одним из них является Грюнвальдская битва, 550-летие которой исполнилось 15 июля сего года.

Грюнвальдская битва до наших дней остается символом совместной борьбы славянских народов и народа Литвы против общего врага-агрессора.

Этому историческому событию было посвящено состоявшееся 7 июля расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения АН СССР. На заседании присутствовали ответственные сотрудники посольства Польской Народной Республики в Москве, представители исторической общественности, прессы, Славянского комитета СССР.

Было заслушано два доклада: кандидата исторических наук В. Д. Королюка «Историческое значение Грюнвальдской битвы» и кандидата филологических наук И. К. Горского «Тема борьбы польского народа против германской агрессии в польской художественной литературе».

С краткой речью к собравшимся обратился тепло встреченный присутствующими Чрезвычайный и Полномочный посол Польской Народной Республики в СССР Болеслав Ящук. Празднуя тысячелетие Польского государства, сказал Б. Ящук, мы отмечаем не просто десять столетий жизни страны, а тысячелетие борьбы польского народа за социальную и национальную свободу. 550-летие Грюнвальда — первое мероприятие по программе юбилея. Тот, кто исторически объективно оценивает Грюнвальд, тот приходит к определенным злободневным выводам, касающимся не только генеральной оценки битвы как сражения объединенных славянских сил против крестоносцев. Эти выводы очевидны и ясны для каждого и тем более для представителей народов, которые веками боролись против германского нашествия.

«Сегодняшнее заседание Ученого совета,— подчеркнул Б. Ящук,— внесет большой вклад как в оценку исторического события, имевшего место 550 лет назад, так и в укрепление развивающихся на благо наших народов сердечных, дружественных отношений между Советским Союзом и Польской Народной Республикой».

Отмечая 550-й юбилей Грюнвальдской битвы, Институт славяноведения АН СССР открывает ряд научных заседаний, на которых будут рассмотрены важнейшие этапы исторического развития Польского государства с древнейших времен до наших дней.

А. М. Орехов

Хроникальные заметки

◆ 15 июля состоялась научная сессия Академии наук Эстонской ССР, посвященная 20-й годовщине Советской Эстонии. На ней был заслушан ряд докладов. Директор Института истории АН Эстонской ССР В. А. Маамяги в докладе «Победа социалистической революции в Эстонии в 1940 году» дал анализ событий этого поворотного года в истории эстонского народа, показал многолетнюю борьбу эстонского рабочего класса за восстановление Советской власти в Эстонии. Л. Тульп сделала широкий обзор экономических связей Эстонской ССР с братскими союзными республиками, охарактеризовав их как проявление дружеской взаимопомощи свободных социалистических наций. Доклад заведующего сектором права Института экономики АН Эстонской ССР Б. Левина был посвящен теме «Основные черты развития советской государственности в Эстонии».

◆ 3—5 июля в Вильнюсе проходила научная сессия Академии наук Литовской ССР, посвященная 20-летию Советской Литвы. На заседаниях отделений академии ученые прочли свыше тридцати докладов, в которых показали успехи, достигнутые в республике за годы Советской власти в области общественных, физико-химических, технических и естественных наук. На общем собрании Академии наук были прочитаны доклады вице-президента АН Литовской ССР Ю. И. Жюгжды о борьбе трудящихся Литвы за восстановление Советской власти в республике в 1939—1940 годах и президента АН Литовской ССР Ю. Ю. Матулиса о развитии науки в Литве за годы Советской власти. Директор Института экономики АН Литовской ССР К. А. Мешкаускас рассказал о достижениях народного хозяйства республики.

◆ Один из старейших городов нашей страны, Малоярославец, отметил 550-летие со дня своего основания. Впервые он упоминается в духовной грамоте князя Владимира Храброго — одного из героев Куликовской битвы. Когда-то Малоярославец находился на границе Русского государства и служил сторожевой крепостью. Об этом напоминает высокое городище, расположенное у самого берега реки Лужи. Со старинным русским городом связаны важнейшие события Отечественной войны 1812 года. Отсюда началось знаменитое контрнаступление русских войск, приведшее к окончательному разгрому армии Наполеона.

◆ Исполнилось 325 лет со дня основания города Олекминска. В 1635 г. русские казаки выстроили против устья реки Олекмы острог. Вскоре он был перенесен на то место, где теперь стоит город. Казацкий острог служил сборным пунктом для отрядов, отправлявшихся на Амур, а затем стал административным центром Олекминского округа. В середине XIX в. Олекминск становится одним из центров золотопромышленного района. Золото впервые было обнаружено 9 апреля 1843 г. в верхней части реки Олекмы, а в сентябре 1846 г.— в верховьях реки Хомолхо.

◆ В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде обнаружено рукописное географо-экономическое описание городов Орловской провинции 1725 года. В конце царствования Петра I из Петербурга на места была разослана анкета. Отвечая на поставленные в анкете вопросы, орловский воевода составил описание городов своей провинции. Это описание датируется 15 января 1725 года. Кроме Орла, здесь имеются краткие справки о Болхове, Черни, Белеве, Новосиле и Мценске. Составленное по единому плану, экономико-географическое описание городов Орловской провинции значительно расширяет наши представления об Орловском крае первой четверти XVIII века.

◆ В Центральном государственном историческом архиве СССР (Москва) обнаружены документы об участии трех русских — Евстафия Константиновича, Николая Мелентьева, Петра Стрельцова — в восстании кубинского народа против испанских колонизаторов в конце XIX века. Героическая борьба кубинского народа, возглавленная мулатом Масео и негром Монкада, нашла горячий отклик в передовых слоях русского общества, особенно среди свободолюбивой молодежи. Е. Константинович, Н. Мелентьев и П. Стрельцов выехали из Петербурга 17 апреля 1896 г.; летом того же года они добрались до Кубы и присоединились к восставшим. Около полугода сражались они в рядах повстанцев, а затем попали в плен. Испанские власти, приговорив всех троих к смертной казни, приговор в исполнение не привели, а передали их русскому консулу в Гаване, обязав последнего удалить «трех бунтарей» с территории Кубы. Консул Трюфен отправил Константиновича, Мелентьева и Стрельцова в Нью-Йорк, где они попали под надзор агентов царской охранки. «В прошлую субботу,— гласило очередное донесение тайного агента охранки,— Стрельцов читал лекцию в зале Валгала о революционном движении в Кубе...»

После возвращения в Россию Н. Г. Мелентьев, Е. И. Константинович и П. П. Стрельцов, несмотря на усиленный полицейский надзор, установили связь с некоторыми социал-демократическими организациями, а позднее приняли участие в революционных событиях 1905—1906 годов. Н. Г. Мелентьев несколько раз арестовывался и подвергался суду (1898, 1900 и другие годы) по делу тайных типографий (новгородской, тамбовской), а также за доставку типографского шрифта для подпольной типографии «Искры».

Е. И. Константинович, ставший позднее известным петербургским архитектором, арестовывался за хранение оружия и нелегальной литературы.

П. П. Стрельцов находился под постоянным контролем полиции «за принадлежность к партии социал-демократов».

◆ Музей В. В. Куйбышева при Томском университете пополнился новыми материалами. Их передали в дар музею родственники и товарищи Валериана Владимировича. Сестра В. В. Куйбышева — Галина Владимировна — прислала несколько редких фотографий и альбом со стихами, среди которых есть и произведения Валериана Владимировича, записанные его рукой, в том числе стихотворение «Море жизни», известное в большевистском подполье Сибири как революционная песня. Другое стихотворение В. В. Куйбышева, «На прощание друзьям», написано им перед отъездом в туруханскую ссылку и помечено январем 1917 года. Жена Валериана Владимировича — Ольга Андреевна Лежава-Куйбышева — подарила музею несколько книг из библиотеки В. В. Куйбышева и 7 его фотографий. Среди фотографий есть групповые снимки, сделанные на XV съезде и на XV конференции ВКП(б). Большую коллекцию материалов музей получил от члена КПСС с 1911 года А. А. Ивановой, хорошо знавшей Валериана Владимировича со времени нарымской ссылки. Среди них серия фотографий о жизни и революционной деятельности В. В. Куйбышева в Нарыме и ряд документов о нарымской ссылке, стенограмма воспоминаний бывших политических ссыльных Нарыма, их письма и редкие книги.

◆ Бывший комендант Смольного и первый комендант Московского Кремля П. Д. Мальков, служивший в свое время матросом на крейсере «Диана», передал в дар музею Краснознаменного Балтийского флота некоторые материалы о революционной деятельности моряков-балтийцев. Большой интерес представляют протоколы I Всероссийского съезда военного флота, состоявшегося в ноябре 1917 года. В них имеется запись исторической речи В. И. Ленина, а также выступлений моряков-революционеров П. Е. Дыбенко, И. И. Вахрамеева, А. С. Штарева и других. П. Д. Мальков подарил флотскому музею сборник протоколов Центробалта, «Обращение к угнетенным всех стран», принятое II съездом представителей Балтийского флота, печатный экземпляр устава Центробалта и другие документы.

◆ Коллектив музея М. В. Ломоносова АН СССР закончил составление первой в истории науки «Летописи жизни и творческой деятельности М. В. Ломоносова». В процессе работы над ней было изучено около 150 тыс. документов, записей и писем, хранящихся в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда. Были использованы, в частности, фонды Академической канцелярии, Академического собрания, Географического департамента, а также газеты и журналы середины XVIII в., переписка ученого с русскими и зарубежными деятелями культуры. «Летопись...» объемом свыше 40 печ. листов будет издана Академией наук СССР к 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.

◆ Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник в содружестве с Институтом археологии АН СССР организовал в текущем году раскопки в Нижегородском кремле и древнем Городце. Объектом исследований в Горьком явился один из старейших архитектурных памятников города — Архангельский собор. Раскопки дали хотя и небольшой, но очень ценный материал по ранней истории города. Внутри и снаружи собора уцелели небольшие участки не потревоженного строительством древнего культурного слоя. Тщательное изучение его принесло типичные для домонгольского времени и XIV столетия находки. Таковы многочисленные обломки гончарной посуды, фрагменты цветных стеклянных браслетов и перстней XII—XIII вв. и пр. Обнаружены также обломки болгарских больших корчаг-амфор. Единичные находки позволяют предполагать наличие в составе русского населения города мордовских элементов. Интересны обломки привозной поливной посуды XIV в., подтверждающие расширение торговых связей Нижнего Новгорода со странами Востока.

◆ Экспедиция Академии наук Азербайджанской ССР, производившая археологические раскопки в Кобыстане — районе уникальных наскальных рисунков доисторического человека, обнаружила более 150 новых высеченных на камне рисунков. Теперь в Кобыстане насчитывается уже 2 500 наскальных изображений — подлинных страниц «каменной книги», сохранившейся до наших дней. Найденные этим летом каменные ножи, скребки, ударники, специально обработанные для растирания красок, и другие предметы подтверждают мнение о том, что ранние рисунки Кобыстана сделаны в эпоху неолита. Им примерно 8—9 тыс. лет. Среди новых находок огромный интерес представляют воспроизведенные на скале сцены охоты и танцев. Археологи сфотографировали наскальные рисунки, а также произвели съемку местности. Изучение собранных материалов даст ценнейшие сведения о далеком прошлом.

◆ Археологические раскопки на дне моря в пригороде Сухуми подтвердили гипотезу о существовании в этом месте крепости Диоскурии, на развалинах которой впоследствии возник город Севастополис. Археологические раскопки позволили внести некоторые коррективы в литературу, содержащую сведения об этих городах. В частности, установлено, что Диоскурия возникла не в VI в. до нашей эры, а около 3 тыс. лет тому назад, то есть значительно раньше эллинской колонизации. Город был основан местным населением, а не гражданами Милета. Севернее Диоскурии обнаружены следы солеварного промысла. Ученые установили место, где жили солевары, раскопав их родовой могильник. Оказалось, что поселок солеваров существовал уже в IX—IV вв. до нашей эры. Это опровергает мнение о том, что в Диоскурию соль доставлялась якобы греческими купцами из Крыма. Обнаруженная при раскопках крепостная стена Севастополиса точно датируется краснолаковой керамикой II—III вв. нашей эры. Севастополис постигла участь Диоскурии: большая часть его оказалась на дне моря.

Обзоры и рецензии

ПЕРЕПИСКА В. АДЛЕРА с А. БЕБЕЛЕМ и К. КАУТСКИМ

Несколько лет назад в Вене была опубликована «Переписка Виктора Адлера с Августом Бебелем и Карлом Каутским»[1]. Для чего понадобилось руководству Социалистической партии Австрии, издавшему книгу, снова обратиться к Адлеру?

Виктор Адлер (1852—1918 гг.) играл значительную роль в австрийском рабочем движении. Он был создателем в 1886 г. первой рабочей газеты — «Gleichheit», оказавшей влияние на преодоление раскола рабочего класса, организатором Австрийской социал-демократической партии, объединившей в 1889 г. оппортунистическое крыло австрийского рабочего движения с левым, полуанархистским течением. В. Адлер руководил первыми боями австрийских рабочих за свои демократические права. В этот период, находясь под влиянием Ф. Энгельса, он был проводником марксизма в австрийском рабочем движении. Составленная им гайнфельдская программа — первая программа австрийской социал-демократической партии — была в основном марксистской. Но в начале XX в. Адлер отошел от марксизма и стал одним из лидеров оппортунистического движения, так называемого австромарксизма, а в годы первой мировой войны — социал-шовинистом, защитником австро-германского империализма и милитаризма.

Лидеры нынешней Социалистической партии Австрии, являющейся преемницей Австрийской социал-демократической партии, окончательно порвали с марксизмом. Стремясь оправдать свою оппортунистическую политику, свой полный отказ от марксизма, они демагогически твердят о «верности духу Гайнфельда». В действительности проходивший в ноябре 1959 г. съезд социалистической партии показал полную измену австрийской социал-демократии гайнфельдской программе. В поисках оправдания своей политики они, в частности, обратились к переписке Виктора Адлера. В письмах В. Адлер более откровенно, чем в публичных выступлениях и статьях, высказывал свои оппортунистические взгляды. Поэтому переписка, по замыслам ее издателей, должна была показать читателям, что Адлер придерживался во многих вопросах таких же взглядов, какие разделяют и современные правые социалисты.

Характерна фигура составителя публикации Фридриха Адлера (сын В. Адлера, умер в начале 1960 г.). Он был одним из лидеров австрийской социал-демократии, в годы первой мировой войны даже выступал против оппортунизма и социал-шовинизма отца и всего руководства Австрийской социал-демократической партии. В 1916 г. Адлер-младший убил австрийского премьер-министра Штюргка. В. И. Ленин в письме к Францу Коричонеру охарактеризовал этот террористический акт как «акт отчаяния каутскианца»[2], как поступок мелкого буржуа, не верящего в массы. В дальнейшем Ф. Адлер полностью перешел в лагерь правых социал-демократов. Будучи одним из руководителей II Интернационала, он неизменно выступал как ярый враг Советского Союза. Во время второй мировой войны Ф. Адлер эмигрировал в США и там продолжал свои нападки на СССР, на международное коммунистическое движение.

Воззрения Фридриха Адлера наложили свой отпечаток и на упомянутое издание. Особенно ярко это проявилось в примечаниях, в подборе и сокращении писем, хотя Ф. Адлер указывает в предисловии, что письма якобы приведены им полностью.

---

[1] Victor Adler. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky, sowie Briefe von und an Ignaz Auer, Eduard Bernstein, Adolf Braun, Heinrich Dietz, Friedrich Ebert, Wilhelm Liebknecht, Hermann Müller und Paul Singer. Gesammelt und erläutert von Friedrich Adler. Herausgegeben vom Parteivorstand der Sozialistischen Partei Österreichs. Wien. 1954. (В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте.)

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 192.

«Опущены лишь немногие места,— пишет он,— в общей сложности едва ли с полдюжины строк, которые, не имея политического интереса, касаются второстепенных лиц. Никого из них нет в живых, но их потомки могли бы воспринять эти места в качестве сильного личного оскорбления» (стр. XIX). «Не желая оскорбить» память «второстепенных лиц», Ф. Адлер в то же время постарался опубликовать многочисленные грубые замечания В. Адлера по адресу выдающегося революционера Карла Либкнехта, вдова и сын, а также братья и племянники которого живы до сих пор. Уже это внушает серьезные сомнения относительно добросовестности Ф. Адлера в отборе материалов.

Содержание публикации разнообразно. Прежде всего в ней нашла отражение история австрийской социал-демократии. Из писем можно почерпнуть много сведений об образовании партии, ее борьбе за избирательную реформу, о трудностях, с которыми сталкивались австрийские социалисты в своей издательской деятельности, и т. д. Много внимания уделено национальному вопросу в Австро-Венгрии и взаимоотношениям австрийских социал-демократов с другими социал-демократическими партиями.

Значительное место в письмах занимает борьба течений в германской социал-демократии. Один раздел, охватывающий 1898—1901 гг., специально посвящен Бернштейну и отношению к нему авторов переписки. Письма отражают реакцию представителей различных течений австрийской и германской социал-демократии на выступления Р. Люксембург, К. Либкнехта и их сторонников. В книге имеются сведения о деятельности Международного социалистического бюро, о конгрессах II Интернационала. Как в письмах, так и в подстрочных примечаниях можно найти данные о ряде деятелей германского и австрийского социал-демократического движения. Факты, приведенные в «Переписке», разумеется, требуют строго критического подхода.

Наибольший интерес представляет для нас «Переписка» как источник, чрезвычайно ярко показывающий оппортунистическое и ревизионистское перерождение лидеров II Интернационала. С этой точки зрения мы и рассмотрим взгляды руководителей австрийской и германской социал-демократии на основные вопросы рабочего движения.

В. И. Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» писал: «Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм»[3].

Поход против марксизма возглавил Эдуард Бернштейн, опубликовавший в конце 1897 г. серию статей «Проблемы социализма».

Первым против Бернштейна выступил Г. В. Плеханов. В 1898 г. в журнале «Die Neue Zeit» был напечатан ряд его статей, в которых разоблачалась буржуазная сущность ревизионизма.

Немецкие же социал-демократы отмалчивались почти год, вплоть до Штутгартского партийного съезда в октябре 1898 года. На съезде Каутский и Бебель критиковали ревизионизм Бернштейна, однако недостаточно последовательно и решительно. После съезда, в конце октября — начале ноября 1898 г., Бебель, Каутский, Бернштейн и Адлер обменялись письмами, по которым можно проследить, как развивалась полемика с Бернштейном.

В. И. Ленин так ставил вопрос о полемике с ревизионистами: «Полемика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, насколько они глубоки, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет»[4]. С этой точки зрения и надо расценивать рассматриваемые письма.

Бебель в письмах к Адлеру и Бернштейну подробно разбирал истоки ревизионистских взглядов Бернштейна, отмечал его прежние ошибки и показывал принципиальный отход его от теории и практики революционной социал-демократии. «Кардинальным пунктом для меня,— писал он Бернштейну,— является мое давнее убеждение, что

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 19.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 211.

ты вообще больше не стоишь на социал-демократической почве» (стр. 264). В связи с этим Бебель ставил вопрос о разрыве с Бернштейном (стр. 268).

Полемика Бебеля с Бернштейном выясняла глубину разногласий и показывала, что эти разногласия мешают совместной работе в одной партии. «Бебель,— писал В. И. Ленин,— выразил настроение рабочих масс и их твердое убеждение в необходимости борьбы за неурезанные лозунги, когда восстал со всей энергией против этого поветрия» (бернштейнианства.— *Ю. Х.*) [5].

Письма Каутского мало чем отличались от его выступления на Штутгартском съезде и от более поздних работ. В них проявилась половинчатость в критике Бернштейна [6], что было, в сущности, уступкой оппортунизму.

Адлер же занимал откровенно примиренческую позицию. Он не был согласен с некоторыми положениями Бернштейна (например, с положением о затухании классовой борьбы), но полагал, что такие взгляды совместимы с пребыванием в партии. В письме Бернштейну он заявлял: «Но одно я говорю открыто тебе и другим: по моему мнению, даже там, где ты дальше всего отходишь от нас, ты нигде и никогда не ставишь себя вне социал-демократии» (стр. 298—299).

Так Адлер в отличие от Бебеля старался примирить разногласия, что только поощряло ревизионистов. Оппортунизм у Адлера сочетался с возникшим у него уже в то время враждебным отношением к представителям левого течения в тогдашней германской и международной социал-демократии. Это видно из «Переписки». Невозможно без возмущения читать его письма к Каутскому, где он оправдывал Бернштейна и поливал грязью Плеханова, Розу Люксембург и др. (стр. 292). Близость взглядов Адлера к ревизионизму и его враждебность к левым особенно отчетливо выражена в письме к Бебелю (стр. 266), в котором он писал: «То, что Эде (Бернштейн.— *Ю. Х.*) пишет в своем письме, это, конечно, чересчур. Но не думаешь ли ты, что полемика завела его дальше, чем он хотел? И затем: нет ли у каждого из нас возражений и сомнений? И если бы у нас было время и спокойствие, чтобы эти сомнения перебродили, если бы мы не вертелись как белки в колесе, кто знает, как сильны бы они стали... В области стоящих перед нами практических вопросов тактики Эде не отличается от нас... Никто не заставляет нас выставить за дверь одного из лучших наших товарищей, и потому мы не должны делать этого. Чего бы мы этим достигли? Судите сами! Насколько я понимаю, опасность заключается в том, что создастся перевес у наименее полезной части партии, у хладнокровных демагогов, к которым я причисляю Ледебура [7] и его окружение, а также и Меринга». Таким образом, Адлер, по существу, солидаризировался с Бернштейном. Он больше всего боялся, что победа над бернштейнианством пойдет на пользу левому крылу партии.

Такого откровенного выражения симпатий Адлера к ревизионизму мы не находим ни в его речах на Штутгартском, Ганноверском и Дрезденском партийных съездах Германской социал-демократической партии, ни в его статьях в «Arbeiter Zeitung». Но и в этих его выступлениях уже намечалось определенное стремление оправдать ревизионизм. Например, в статье «Теория и тактика Бернштейна» Адлер, солидаризируясь с Бернштейном, утверждал, что Маркс и Энгельс в последней четверти XIX в. якобы отошли от своих революционных взглядов периода 1848—1850 годов [8].

Ревизионизм был подвергнут глубокой, уничтожающей критике в трудах В. И. Ленина. В конце августа — начале сентября 1899 г. В. И. Ленин, находясь в ссылке, написал «Протест российских социал-демократов», направленный против «Credo» — манифеста группы экономистов — русских бернштейнианцев. В этой работе, одобренной на совещании 17 ссыльных марксистов, решительно осуждались попытки извратить теорию марксизма, превратить революционную рабочую партию в реформаторскую.

В книге «Что делать?» В. И. Ленин вскрыл идейное содержание и корни ревизионизма как буржуазной идеологии, показал, что, отходя от марксистской теории, западные бернштейнианцы и русские экономисты усиливали влияние буржуазии на рабочий класс.

---

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 268.
[6] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 448—450.
[7] Ледебур в те годы стоял на левых позициях.
[8] «Victor Adlers Aufsätze, Reden und Briefe». Heft VI, S. 293.

Ленинский вывод о том, что создание подлинно пролетарской партии невозможно без разрыва с оппортунизмом, бил не только по Бернштейну и русским бернштейнианцам, но и по скрытым ревизионистам, примиренцам типа В. Адлера, желавшим сохранить в партии противников марксизма.

★

Выступление Бернштейна и усиление оппортунистических тенденций во II Интернационале, особенно в германской и австрийской социал-демократии, ознаменовали поворот Адлера к ревизионизму. Это сразу же сказалось и на его практической деятельности.

По решению Брюннского партийного съезда руководство Австрийской социал-демократической партии занялось в 1901 г. пересмотром гайнфельдской программы. Проект новой программы Адлер послал Каутскому еще до опубликования его в «Arbeiter Zeitung». Ознакомившись с проектом, Каутский несколько раз писал Адлеру, что, по его мнению, марксистская гайнфельдская программа не нуждается в пересмотре, что она лучше, чем новый вариант (стр. 357, 373). В резкой статье «Пересмотр программы австрийской социал-демократии»[9] он писал, что в новом проекте смазывается вопрос об обнищании рабочего класса и тем самым затушевывается рост классовых противоречий при капитализме[10]. В. И. Ленин в 1902 г. приводил эти слова из статьи Каутского, критикуя второй проект программы российской социал-демократии, подготовленный Плехановым[11]. Владимир Ильич цитировал также то место этой статьи, где развивалось положение о внесении социалистического сознания в классовую борьбу пролетариата, причем называл цитируемые слова глубоко справедливыми и важными[12].

Интересно отметить, что именно данное место в статье Каутского вызвало особые возражения Адлера. В письме к Каутскому он замечал: «Но кое в чем ты, по-моему, совершенно неправ, например, во всем своем рассуждении, вытекающем из того положения, что социализм должен быть внесен в массы извне» (стр. 373).

Таким образом, и идея пересмотра гайнфельдской программы, и направление, в котором проходила эта ревизия, показывают последовательное отступление Адлера от марксизма и, в частности, по таким принципиальным вопросам, как неизбежное обострение классовых противоречий в капиталистическом обществе и внесение социалистического сознания извне в рабочее движение.

Оппортунизм Адлера обнаружился также при обсуждении вопроса о всеобщей стачке в связи с борьбой за избирательную реформу в Бельгии. Р. Люксембург написала по этому поводу две статьи[13], в которых показала, что руководители бельгийских социалистов, в первую очередь Вандервельде, оказались на поводу у либералов.

Эти статьи, встретившие горячую поддержку Бебеля (стр. 397—399), вызвали у Адлера взрыв негодования. Он стал на сторону Вандервельде, отвергая все предъявленные последнему обвинения в ревизионизме. Но особенно ожесточенно нападал он на ту статью Р. Люксембург, в которой давалась революционная постановка вопроса о классовой борьбе, о необходимости в определенной исторической обстановке насильственных мер со стороны пролетариата в отношении буржуазии и ее государственного аппарата (стр. 403).

Письма по поводу статей Р. Люксембург были адресованы Каутскому, но последний показал их Бебелю и другим членам правления Германской социал-демократической партии и свои ответы Адлеру писал не только от собственного, но и от их имени.

---

[9] «Neue Zeit», 1901—1902, XX. Jahrgang, I. Band, S. 68—82.

[10] Каутский, начав с принципиально правильной критики новой программы Австрийской социал-демократической партии, затем сам участвовал в ее редактировании и, по существу, мало в чем исправил так резко раскритикованный им первоначальный проект.

[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 31—32.

[12] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 354—355.

[13] «Das belgische Experiment». «Neue Zeit», 1901—1902, XX. Jahrgang, II. Band, S. 105—110; «Und zum dritten Male das belgische Experiment», Ibid., S. 203—210, 274—280.

Он сообщал Адлеру: «Бебель считает, что в германской социал-демократии ты найдешь поддержку только у крайних оппортунистов» (стр. 397—398).

Эта полемика представляет особый интерес. Ни в одной из своих многочисленных статей и речей о всеобщей стачке Адлер не говорил так откровенно [14]. В своих выступлениях он старался преуменьшить значение всеобщей политической стачки, но нигде открыто не осуждал ее.

По основным вопросам, стоявшим в те годы перед международной социал-демократией,— об обнищании рабочего класса, о внесении извне социалистического сознания в классовую борьбу пролетариата, об отношении к либералам, о политической стачке и возможности перерастания ее в вооруженное восстание — Адлер занимал позиции, противоположные позициям подлинных марксистов, возглавлявшихся В. И. Лениным.

Адлер все больше сближался с открытыми ревизионистами. В январе 1903 г. он выразил одобрение ревизионистским взглядам Давида по аграрному вопросу (стр. 408—409). Адлер выступил в защиту и таких оппортунистов, как Фольмар, Легин. Он считал, что они исходят якобы из точки зрения рабочих. «В самом рабочем классе,— писал он Бебелю,— существует и все больше и больше развивается наряду с революционным инстинктом тенденция спокойно пользоваться уже завоеванным, начать, наконец, жить, как другие. С этим мы должны считаться» (стр. 421—422). Тенденция, которую Адлер приписывал рабочему классу, в действительности существовала лишь у рабочей аристократии, являющейся питательной средой для оппортунизма.

Защита Адлером оппортунистических взглядов была тесно связана с его отказом от марксистской теории. По мере парламентских «успехов» австрийской социал-демократии он все больше и больше противопоставлял «политику» «теории», считал, что для людей, занимающихся «политикой», следовать определенным теоретическим принципам не обязательно. Нападая на людей, занимающихся теорией, он в то же время с одобрением писал, что «политики» «ни черта не заботятся о логике (то есть теории.— *Ю. Х.*), лишь бы их политика была реальной и действенной» (стр. 445). Эта позиция целиком совпадала со взглядами Бернштейна, утверждавшего, что марксистская теория будто бы не соответствует реальной действительности.

В противоположность оппортунистам и ревизионистам подлинные марксисты всегда утверждали, что марксистская партия должна основывать свою деятельность на революционной теории. «Крепкой социалистической партии не может быть,— писал В. И. Ленин еще в 1899 г.,— если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности...» [15].

Ревизионизм Адлера был замечен еще его современниками. На Венском партийном съезде в ноябре 1903 г. его ближайший соратник Пернерсторфер назвал Адлера «нашим оберревизионистом» (стр. 432). В августе 1904 г. на Амстердамском конгрессе II Интернационала Бебель заметил: «Я всегда имел подозрения, что мой друг Виктор Адлер является скрытым ревизионистом» (там же).

★

Первая русская революция 1905—1907 гг. почти не нашла отражения в «Переписке», так как в книге вообще опубликовано мало писем этого периода. Но отношение Адлера к русскому социал-демократическому движению видно из его писем за декабрь 1904 — январь 1905 г., в которых говорится о намечавшемся посредничестве руководителей Международного социалистического бюро в переговорах между большевиками и меньшевиками. Идея эта зародилась в конце 1904 г. и была связана с решениями Амстердамского конгресса II Интернационала.

Адлер считал переговоры крайне важными и хотел принять в них участие. Но его мало беспокоило достижение подлинного единства внутри РСДРП, основанного на общих марксистских идеологических, организационных и тактических принципах. Он никогда и нигде не ставил вопроса о том, что меньшевики должны подчиниться большинству и прекратить раскольническую политику. Значительно важнее было, с его

---

[14] «Victor Adlers Aufsätze, Reden und Briefe». Heft VII, S. 80—137.
[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 191.

точки зрения, добиться объединения меньшевиков с Бундом, ППС и даже эсерами, включая их террористическую группу (стр. 450—451). Иначе говоря, Адлер выступал за создание в России единого фронта оппортунистов против революционного течения в русской социал-демократии, против большевиков, возглавленных В. И. Лениным. Он прямо писал, что влияние Ленина, большевиков следует «смягчить» и «нейтрализовать» (стр. 453). Это его замечание должно особенно привлечь наше внимание, так как до сих пор не были известны подобные высказывания Адлера. Ведь именно во враждебном отношении к единственно последовательной в то время марксистской партии — партии большевиков — отчетливее всего проявлялся оппортунистический подход Адлера и других деятелей II Интернационала к марксизму, к теории и практике социалистической революции, к диктатуре пролетариата.

Враждебность Адлера по отношению к большевикам свидетельствовала о его перерождении в оппортуниста, в противника той принципиальной революционной линии, которую проводили В. И. Ленин и ленинцы в рабочем движении. Из этого вытекало и отношение Адлера к первой русской революции. В своих речах и статьях он приветствовал начало революционных событий в России, но, как и многие другие лидеры II Интернационала, считал, что русская революция не имеет никакого отношения к остальной Европе, в том числе и к Австрии. На самом же деле такие события, как Всероссийская Октябрьская политическая стачка, декабрьское вооруженное восстание в Москве, сыграли огромную роль в подъеме австрийского рабочего движения, которое заставило правительство и рейхсрат ввести всеобщее избирательное право. «...Достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте,— писал В. И. Ленин,— чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии...» [16].

Но Адлер, к этому времени окончательно перешедший на позиции реформизма, в своих высказываниях не признавал решающего значения русской революции для завоевания австрийским пролетариатом победы в борьбе за демократические свободы. Страх, что русские революционные методы могут быть восприняты австрийским рабочим классом, заставлял его всячески преуменьшать и скрывать влияние первой русской революции на Австрию. Он писал Бебелю: «Мы не можем желать, чтобы в Мангейме (то есть на Мангеймском партейтаге Германской социал-демократической партии в 1906 г.— *Ю. Х.*) было бы сказано, что «австрийская социал-демократия смогла победить лишь благодаря помощи кайзера [17], русской революции, венгерским беспорядкам и т. д., сама она была для этого слишком слаба,— хотя это и является правдой» (стр. 471). Из этих слов видно, что Адлер понимал слабость австрийской социал-демократии и, наоборот, силу влияния на рабочий класс Австрии, революционных событий в России, но всячески противился открытому признанию этих фактов. Для Адлера, реформиста и оппортуниста, характерно также то, что он, не задумываясь, ставил на одну доску русскую революцию и «помощь» кайзера.

К 1905—1907 гг. Адлер окончательно превратился в реформиста, врага революционных методов борьбы пролетариата и противника В. И. Ленина, большевиков, стоявших в авангарде международного революционного рабочего движения.

Особенно наглядно оппортунизм и реформизм Адлера проявились в его практической деятельности после создания в 1907 г. сильной социал-демократической фракции в рейхсрате. Адлер стал считать основой политики австрийской социал-демократии парламентскую деятельность. Вера в парламентаризм, в «народный парламент» в условиях Габсбургской монархии вызывала осуждение со стороны Бебеля, писавшего Адлеру по поводу выборов 1907 г.: «На последних выборах вы имели неслыханный успех. Но, по моему мнению, вы сделали большую ошибку. Вы так уверовали во вновь избранный парламент, в «народный парламент», и тем самым возбудили у своих товарищей такие надежды на его успех, что я часто качал головой и говорил себе: это ни к чему хорошему не приведет» (стр. 532).

---

[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 254—255.

[17] Имеется в виду, что император Франц-Иосиф тоже был за введение всеобщего избирательного права, так как он надеялся путем реформы предотвратить распад своей лоскутной монархии.

Наиболее отчетливо оппортунистическое перерождение руководства австрийской социал-демократии и, в частности, Адлера, проявилось при обсуждении вопроса об отношении к австрийскому императору. Адлер сообщал Каутскому, что социал-демократическая фракция решила воздержаться от демонстративных выступлений против императора, приветствовать его стоя, присутствовать на торжественном заседании во время произнесения тронной речи и т. д. Вот как он «обосновывал» это решение: «Главное в том, что каждая такая демонстрация была бы тяжелой и, возможно, роковой политической ошибкой... При некотором благоразумии мы можем теперь достичь в Австрии определенного влияния и провести многие разумные меры, если не отвлечемся от реальной политики ради чисто внешних действий, имеющих второстепенное значение» (стр. 477).

Такое противопоставление «реальной политики» исконным революционным принципам всегда вызывало гневное осуждение большевиков. «И тот не марксист,— писал В. И. Ленин,— кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремления подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее «революционные иллюзии» и взяться за «реальное» крохоборство» [18]. Это гневное ленинское обвинение можно с полным основанием отнести лично к Адлеру, тем более, что в габсбургской Австрии борьба с монархией была одной из непосредственных задач социал-демократии. К тому же Адлер имел перед глазами пример антимонархических выступлений германских социал-демократов. Еще в 1894 г. Вильгельм Либкнехт подвергался преследованиям именно за отказ приветствовать императора. В 1903 г. Бебель совершенно ясно высказал следующую мысль: социал-демократы не имеют права строить какие-либо иллюзии относительно того, что, заискивая перед императором, можно добиться его содействия [19]. В то время Адлер считал правильной точку зрения Бебеля [20]. Но когда этот же вопрос возник перед австрийской социал-демократической фракцией, он отверг германский опыт, пренебрег уроками русской революции и решил приобрести себе «союзника» в лице австрийского императора. Понимая, что такое решение означало полный отход от революционных традиций, Адлер объявил эти традиции «устаревшими».

Поведение Адлера и других лидеров австрийской социал-демократии вызвало резкий отпор со стороны Бебеля. Он писал Адлеру, что заискивание перед императором свидетельствует не о силе, а о слабости Австрийской социал-демократической партии и приведет ее к еще большему отрыву от масс (стр. 482).

Адлера порицал и Каутский. «Успех ударил вам в голову, и вы возмечтали, что создадите новую, демократическую Австрию. Вы играете в опасную игру... То, что вы сделали,— это ни больше, ни меньше, как демонстрация против международной социал-демократии и наших республиканских принципов» (стр. 479). Но после длинной отповеди Каутский в конце письма все же обещал Адлеру не выступать в печати по данному вопросу, если враждебные партии не используют эти факты для своей критики. Свойственные Каутскому половинчатость, нерешительность проявились и в данном случае.

Оппортунистическая сущность взглядов Адлера наглядно видна из его деятельности в качестве одного из лидеров II Интернационала. После 1905 г. В. И. Ленин неоднократно критиковал оппортунистическую позицию Адлера (которая с каждым годом становилась все очевиднее) в Международном социалистическом бюро.

На Штутгартском социалистическом конгрессе в 1907 г. и на происходившей одновременно в Штутгарте международной социалистической конференции женщин возник спор по поводу того, что австрийские социал-демократы в борьбе за избирательную реформу выдвинули требование не всеобщего избирательного права, а лишь избирательного права для мужчин. Виктор Адлер оправдывал это практическими соображениями. В. И. Ленин в статье «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» подверг критике такую постановку вопроса [21].

---

[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 86—87.

[19] A. Bebel. Ein Nachwort zur Vicepräsidentenfrage und Verwandtem. «Neue Zeit» 1902—1903, 21. Jahrgang, II. Band, S. 708—729.

[20] «Victor Adlers Aufsätze, Reden und Briefe». Heft VI. S. 248—254.

[21] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 62.

В октябре 1908 г. на заседании Международного социалистического бюро оппортунистические взгляды привели Адлера к столкновению с В. И. Лениным при обсуждении вопроса о характеристике лейбористской партии в связи с приемом ее в Интернационал. В. И. Ленин был за прием лейбористов, но утверждал, что «на деле «Рабочая партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики» [22]. Адлер возражал против такой оценки партии, называющей себя «рабочей», так как он сам был за союз с либералами, но против провозглашения такого союза во всеуслышание. Поэтому Адлер заявил: «...Предложение Ленина... не может заставить нас забыть тот факт, что «Рабочая партия» встала вне буржуазных партий» [23].

Оппортунистов во II Интернационале он продолжал защищать и в дальнейшем. На одиннадцатой сессии Международного социалистического бюро в 1909 г., когда обсуждался вопрос о расколе в голландской социал-демократии, Адлер внес резолюцию, направленную против голландских марксистов. В. И. Ленин так охарактеризовал предложение Адлера: «...Симпатии этой резолюции на стороне оппортунистов...» [24].

Таким образом, Адлер и в международном социалистическом движении находился на правом фланге. Взяв под защиту Бернштейна, он с тех пор всегда становился на сторону ревизионистов и оппортунистов, старался оградить их от принципиальной критики и в то же время нападал на представителей левых течений.

Оппортунизм в руководстве австрийской и германской социал-демократии отчетливо проявился при подготовке издания переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. Этому вопросу в письмах уделено много внимания.

Впервые переписка основоположников научного коммунизма была опубликована в 1913 г. под редакцией Бебеля и Бернштейна. Непосредственное отношение к данному изданию имели Меринг, являвшийся доверенным лицом дочери Маркса Лауры Лафарг, и Дитц, глава партийного издательства, печатавшего переписку. Бернштейн, проделавший основную редакционную работу, фальсифицировал многие документы, выбросил отдельные места в письмах и целые письма, где К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали мелкобуржуазных социалистов, оппортунистов, реформистов. В. И. Ленин резко осудил «редактирование» Бернштейна. «Бернштейну нельзя было браться,— после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом» [25],— писал В. И. Ленин.

Из писем Бебеля, Адлера, Каутского и Дитца за 1911—1913 гг. в дополнение к уже известным фактам можно почерпнуть немало новых сведений о подготовке переписки к выходу в свет, об участии отдельных лиц в этой работе. Не касаясь деятельности перечисленных выше редакторов, остановимся лишь на той роли, которую играл в подготовке издания Адлер, так как, с одной стороны, эта его деятельность мало известна, а с другой — она представляет собой определенный этап в его политической эволюции вправо.

Адлер уже в 1911 г. узнал о том, что ведется работа над подготовкой к печати писем К. Маркса и Ф. Энгельса, и попросил Бебеля позволить ему ознакомиться с перепиской до ее опубликования. Еще не прочитав ни одного письма, он заявил, что публиковать их целиком нельзя (стр. 524). Два года спустя он придерживался того же мнения, категорически высказываясь против публикации писем даже в том виде, в каком их подготовил к печати Бернштейн. Вместе с Каутским Адлер пытался помешать изданию. 21 мая 1913 г., когда вопрос о публикации был почти решен, Каутский написал Адлеру большое письмо, в котором говорил о трудности подготовки издания, о неудовлетворительности проделанной редакцией работы. Он указывал на то, что внимательный читатель заметит пропуски в письмах и это позволит буржуазным историкам обвинить социал-демократов в фальсификации. Однако Каутский не делал вывода о том, что переписку К. Маркса и Ф. Энгельса надо напечатать без сокращений; он считал, что ее вовсе не следует издавать.

Из письма Каутского можно понять, что он уже безуспешно пытался внушить эту мысль Бебелю, продолжавшему настаивать на быстрейшем издании книги. Он пред-

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 212.
[23] См. там же, стр. 213.
[24] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 125.
[25] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 501.

лагал Адлеру специально поехать в Берлин, чтобы поговорить с Бебелем и убедить его отказаться от публикации документов (стр. 564—567). Неизвестно, обращался ли Адлер к Бебелю, но в сборнике приведено его письмо к Дитцу, где он повторяет аргументацию Каутского о вредности издания, которое якобы приведет к скандалу, опорочит память К. Маркса и Ф. Энгельса и скомпрометирует многих вождей социал-демократии, в том числе и самих редакторов. Он высказывал также опасение, что публикация будет выгодна левому крылу германской социал-демократии, и предлагал не печатать переписку, а ограничиться опубликованием «обработанного текста», который давал бы лишь представление о содержании писем (стр. 567—569).

Борьба вокруг вопроса об издании переписки К. Маркса и Ф. Энгельса в известной мере отражала ту борьбу, которая происходила в международной социал-демократии между оппортунистами и революционерами. Позиция того или иного деятеля по данному вопросу свидетельствовала о его отношении к основным проблемам революционного и социалистического движения. Бебель и Дитц, не желавшие брать под свою защиту оппортунистов и реформистов всех мастей, которые были подвергнуты основательной критике в письмах К. Маркса и Ф. Энгельса, считали необходимым публикацию переписки, Адлер и Каутский надеялись утаить такой важный источник революционной теории, как письма основоположников марксизма. Однако переписка была опубликована. Ее богатейшее теоретическое содержание стало достоянием социалистов. В. И. Ленин приступил к изучению переписки немедленно после ее выхода в свет [26] и начал писать статью о ней. Статья, оставшаяся, к сожалению, незаконченной, содержит глубокий анализ писем, в ней дается принципиальная критика «редакционной» работы, проделанной Бернштейном [27].

★

Значительный раздел в рассматриваемом издании составляют письма военного времени. Как известно, конгрессы II Интернационала принимали резолюции против войны, но оппортунистические лидеры международной социал-демократии сами не верили в их действенность. В этом отношении показательно письмо Адлера Каутскому, написанное 17 августа 1911 г., то есть еще до Базельского конгресса. «Исходя из всех моих принципов,— писал Адлер,— мне вообще не совсем симпатична деятельность Международного социалистического бюро в качестве дипломатической инстанции. Все время остается ощущение, что говоришь о вещах, которых не знаешь, и пытаешься влиять на такие дела, на которые не имеешь влияния. Если мы как Бюро не можем сделать больше, чем любой массовый митинг, то есть заявить протест, то лучше предоставить это самим массам» (стр. 537—538).

Такой скептицизм по отношению к антивоенной деятельности II Интернационала являлся одной из форм проявления оппортунизма. Ленин еще в 1908 г. разоблачал такие взгляды, называя позицию Фольмара, отрицавшего необходимость антимилитаристской агитации и пропаганды, «оппортунистической трусостью» [28].

С первых же дней мировой империалистической войны Адлер встал на позиции социал-шовинизма. «Под социал-шовинизмом,— писал В. И. Ленин,— мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д.»[29]. Взгляды Адлера вполне соответствовали этому определению социал-шовинизма. Он писал Каутскому: «Военное положение... со дня на день становится все серьезнее, и при таких обстоятельствах было бы предательством и несчастьем прежде всего для партии взять на себя смелость хоть чем-нибудь, хотя бы морально ослабить империю» (стр. 603).

Австрийские условия позволили Адлеру, как и другим руководителям социал-демократии в Австрии, не обнаруживать столь откровенно свой социал-патриотизм, как это сделали социал-шовинисты в Германии. Австрийским социалистам не пришлось

[26] См. В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М. 1959.
[27] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 501—507.
[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 173.
[29] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 216.

голосовать за военные кредиты, так как рейхсрат был распущен с самого начала войны. В противоположность Германии Австро-Венгрия терпела непрерывные поражения, и потому австрийские правящие круги стали выступать за мирные переговоры. В связи с этим социал-демократические лидеры могли, не нарушая своего союза с буржуазией, объявить себя пацифистами, противниками войны.

Но по существу Виктор Адлер и его сторонники ничем не отличались от откровенных социал-шовинистов в Германии типа Эберта и Шейдемана. Они считали правильной политику безусловной поддержки всех военных мероприятий германского империализма, что особенно ясно видно из «Переписки». Вот что писал Адлер Каутскому об отношении германских социал-демократов к нарушению Германией бельгийского нейтралитета: «Я убежден, что фракция должна будет снова сказать да (то есть голосовать за военные кредиты.— *Ю. Х.*), но, во всяком случае, она может и должна выступить и заявить самый резкий протест против нарушения нейтралитета Бельгии и торжественно предостеречь против аннексий. Она тем более сможет это сделать, поскольку она скажет да!» (стр. 602—603).

Совершенно очевидно, что это был призыв к голосованию за кредиты, а не к протесту против захватов и аннексий. Когда Каутский зачитал эти слова Адлера на заседании социал-демократической фракции германского рейхстага, то они были правильно поняты: фракция воздержалась от протеста и вотировала военные кредиты.

Оппортунистическая позиция Адлера нашла свое выражение также в его нападках на левое течение в германской социал-демократии, которое оставалось верным делу пролетарского интернационализма и отказалось пойти на службу германскому империализму. Адлер не останавливался даже перед тем, чтобы назвать К. Либкнехта предателем не только по отношению к империи, но и по отношению к партии. Он писал Каутскому, что для нейтрализации влияния левых надо поддержать правое, то есть откровенно шовинистическое, крыло в партии (стр. 604).

Позиция центриста Каутского фактически ничем не отличалась от позиции открытого социал-шовиниста Адлера. Каутский лишь пытался прикрывать свою измену рабочему классу демагогическими фразами.

Особенно наглядно социал-шовинистические взгляды Каутского проявились в его рассуждениях об Эльзасе. Некогда ратуя за самоопределение народов, в письме к Адлеру он высказывался за насильственное удержание Эльзаса в составе кайзеровской Германии. «Эльзасский вопрос,— писал он,— естественно, составляет трудность, но она должна быть устранена. Принципиально можно всецело встать на почву лондонской резолюции, что аннексия без согласия заинтересованного населения недопустима...[30]. Мы можем спокойно заявить французам, что мы не исходим из факта завоевания, когда утверждаем, что Эльзас должен остаться у империи. Если бы население Эльзаса сегодня думало так же, как в 1870 г., то мы сегодня, так же как и тогда, протестовали бы против его сохранения в составе империи» (стр. 614).

Следует напомнить, как характеризовал В. И. Ленин положение в Эльзасе накануне мировой войны: «Свыше 40 лет французское население Эльзаса насильственно «германизировали» и «вгоняли» всяческим прижимом в королевско-прусскую, фельдфебельскую, чиновническую дисциплину, называемую «германской культурой». А эльзасцы отвечали своей протестующей песенкой: «Вы взяли наш Эльзас, нашу Лотарингию, вы можете германизировать наши поля, но вы никогда не овладеете нашим сердцем,— никогда»[31].

Каутский, выступая как ярый шовинист, отвергал демократическое предложение об определении дальнейшей судьбы Эльзаса путем всенародного плебисцита. «Мы не нуждаемся ни в каком бонапартистском плебисците,— заявил он.— В течение 40 лет мы имеем в Эльзасе избирательное право. При первых выборах оказалось, что избраны были только протестующие. Теперь таковых больше нет... Поэтому мы не можем сегодня согласиться на отторжение Эльзаса» (стр. 614).

Так Каутский, «принципиально» признавая право наций на самоопределение, настаивал на насильственном удержании аннексированной в 1870 г. французской тер-

---

[30] Речь идет о резолюции Лондонского конгресса II Интернационала в 1896 г., в которой было провозглашено право наций на самоопределение.

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 464.

ритории. Прикрываясь демагогическими ссылками на народ, Каутский выступал в защиту интересов германских империалистов, интересов крупной буржуазии, жаждавшей сохранения этого важного промышленного района.

Но Каутскому приходилось скрывать свои взгляды. Шовинистическое большинство социал-демократической фракции и правления партии из-за своего раболепного прислужничества перед правительством и военщиной все более теряло авторитет среди трудящихся; массы постепенно переходили на сторону революционных марксистов.

Каутский решил, что отвлечь рабочий класс от революционного марксизма можно, лишь отмежевавшись на словах от открытого социал-шовинизма. Особенно усилилось его стремление к осуществлению этого маневра, когда левые социал-демократы оформились в группу «Спартак» и стали подпольно издавать свой журнал. Именно ненависть к революционному марксизму, боязнь, что массы пойдут за ним, именно это, а не какие-либо другие соображения, побудило Каутского и его сторонников создать в марте 1916 г. группу так называемого «Трудового содружества» («Arbeitsgemeinschaft») внутри социал-демократической партии, а год спустя — Независимую социал-демократическую партию Германии. Об этом он откровенно заявил Адлеру. «Если бы «Трудовое содружество»,— писал Каутский 7 августа 1916 г.,— не было создано, то Берлин был бы завоеван спартаковцами и потерян для партии. С другой стороны, если бы левое крыло фракции (имеются в виду центристы.— *Ю. К.*) еще год назад, как я того хотел, выступило самостоятельно, то группа «Спартака» вообще не приобрела бы никакого значения» (стр. 631).

Полгода спустя Каутский снова вернулся к этому вопросу и писал еще яснее: «Если бы мы не выступили от имени «Трудового содружества» и не показали, что мы тоже существуем, то неудержимо растущая оппозиция просто перешла бы целиком к спартаковцам и разрыв произошел бы на год раньше. Это наша заслуга, что до сих пор удавалось отсрочить разрыв и оттеснять спартаковцев все больше и больше на задний план» (стр. 635). Это признание Каутского разоблачает всю лживость, все лицемерие его «левых» фраз, при помощи которых он старался увлечь за центристами массы.

В Австрии положение было несколько иное. Австрийская социал-демократическая партия не имела такого сильного революционного левого крыла, как германская. Поэтому Адлеру не нужно было делать вид, что он отмежевывается от социал-шовинизма. Наоборот, считая необходимым сохранить единство в партии, он писал Каутскому: «Я тебе говорю одно: конечно, мы должны принимать во внимание Интернационал, но ведь и мы,— я имею в виду и немцев и нас,— принадлежим к Интернационалу, и никакой пользы Интернационалу не будет от разрушения партии» (стр. 604). В этом же письме он откровенно разъяснял, что понимает единство партии именно как единство с правыми для борьбы с левым течением (стр. 603).

Социал-шовинистическая позиция Адлера проявлялась во всей его деятельности. Попытка восстановить интернациональные связи на международной женской социалистической конференции в Берне в 1915 г. встретила с его стороны противодействие. Именно под влиянием Адлера собрание социал-демократок в Вене отклонило предложение К. Цеткин о посылке делегации в Берн (стр. 618—619). Известно, что В. И. Ленин критиковал Бернскую конференцию за то, что она не выступила с призывом бесповоротно порвать с оппортунизмом и социал-шовинизмом[32]. Адлер же подошел к конференции с противоположных позиций, он критиковал не примиренцев, а левую группу и утверждал, что якобы именно деятельность К. Цеткин в Берне создала трудности для австрийской и германской социал-демократии (стр. 617—618).

В своих письмах Адлер не раз заявлял о необходимости сохранения единства центристов и правых в германской социал-демократической партии, он был против создания отдельной центристской организации. Но когда в апреле 1917 г. Каутский создал Независимую социал-демократическую партию Германии, Адлер понял, что это лишь маневр, а не подлинное размежевание с правыми. Созданная германскими центристами Независимая социал-демократическая партия просуществовала недолго. Большинство ее членов уже в 1920 г. вошло в Коммунистическую партию Германии. А правое крыло под руководством Каутского, Бернштейна, Ледебура, оставшихся в

[32] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 176—180.

меньшинстве, через несколько лет слилось с социал-демократической партией Шейдемана — Носке.

Мы уже говорили о цели, которую преследовало руководство Социалистической партии Австрии, издавая переписку Виктора Адлера. Но, опубликовав переписку, исполком социалистической партии вопреки собственному желанию помог еще более полно разоблачить оппортунистическую сущность взглядов основателя австрийской социал-демократической партии, его эволюцию к социал-шовинизму и к защите империалистической реакции.

Эволюция, происшедшая с лидерами международной социал-демократии, в том числе и с Адлером, привела в годы первой мировой войны к краху II Интернационала. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и создание коммунистических партий в западных странах окончательно обнажили реакционный характер правосоциалистических вождей. Социалистический интернационал, созданный после войны из обломков II Интернационала, открыто встал на службу империалистической реакции, выступил против Советского Союза и международного коммунистического движения.

Незавидную славу на этом поприще стяжали австрийские социал-демократы. «Австромарксизм» отличался именно тем, что демагогия, «левизна» на словах сочеталась в нем с крайним оппортунизмом и реформизмом. Это качество сделало австрийскую социал-демократическую партию одной из ведущих во II Интернационале в период между первой и второй мировыми войнами. Ловкая демагогия дала также возможность правым социалистическим лидерам повести за собой значительную часть австрийского рабочего класса. Ради этого они изображали себя последователями К. Маркса и даже внесли в линцскую программу социал-демократической партии (1926 г.) слова о диктатуре пролетариата.

Но после второй мировой войны, после создания лагеря социализма даже демагогия правых социалистов стала опасной для их империалистических хозяев. По мере того, как рядовые члены социалистических партий в условиях обострения всех противоречий империализма и грандиозных побед социалистических государств поворачивают влево, лидеры этих партий превращаются в откровенных пособников буржуазии. Это отчетливо видно из новой антимарксистской программы австрийской социал-демократии. Проект программы был выработан руководством партии в конце 1957 года. Одним из авторов его был сын Карла Каутского — Бенедикт Каутский [33].

Новый проект отличался от всех предыдущих программных документов австрийской социал-демократии в первую очередь тем, что в нем открыто провозглашался отказ от марксизма. В проекте прямо говорилось: «Современное общество развивалось совсем иначе, чем это предсказывали Маркс и Энгельс» [34]. В соответствии с этим ревизионистским положением авторы проекта отрицали существование двух антагонистических классов в современном обществе — пролетариата и буржуазии и, следовательно, отрицали классовую борьбу. В проекте программы сказано, что вместо классовой борьбы между рабочим классом и капиталистами возник «целый комплекс разнообразных интересов» [35]. Такое утверждение имело очевидной целью идейно ослабить пролетариат в условиях усиливающихся социальных противоречий.

Ту же цель преследовали авторы программы в своих рассуждениях о государстве. Они не обошли молчанием вопрос о диктатуре пролетариата, как это делали реформисты до того, а открыто объявили его «неправомерным» с точки зрения рабочего класса. В проекте программы сказано: «...рабочий класс требует уничтожения всех классов, а не власти своего класса над другими классами» [36]. Отрицая диктатуру пролетариата, лидеры австрийских реформистов в то же время всячески превозносили

---

[33] Подробную критику проекта можно найти в статье В. М. Чхиквадзе и С. Л. Зивс «О проекте программы Социалистической партии Австрии». «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 101—125.

[34] «Arbeiter Zeitung», 23 ноября 1957 года.

[35] Там же.

[36] Там же.

буржуазное государство, или, как они говорили, «западную демократию», развитие которой якобы приведет к социализму. Это нужно было им для обмана масс.

В своей ненависти к СССР они повторяли самые дикие, клеветнические выдумки империалистической пропаганды и выдвигали лживый, реакционный тезис о неизбежности войны против социалистического лагеря. В этом с особой силой проявилась подлинная сущность проекта программы австрийских правых социалистов, выражающего взгляды самых агрессивных слоев мировой буржуазии.

Таким образом, проект показывает, что, продолжая дальше эволюцию, проделанную в свое время лидерами австрийской социал-демократии, в том числе и Адлером, современные руководители правых социалистов идут в хвосте буржуазии.

Однако авторам проекта не удалось добиться принятия программы в первоначальном виде. Под давлением рядовых членов партии и многих функционеров им пришлось вычеркнуть откровенно ревизионистский тезис о том, что «марксизм устарел». Этот факт показывает, что рабочий класс Австрии нельзя превратить в послушное орудие империалистов. Из проекта были исключены и наиболее резкие выпады против Советского Союза, что свидетельствует о росте симпатий австрийского пролетариата к странам социализма.

Глубоко справедливы слова принятого в феврале 1958 г. программного документа Австрийской компартии «Путь Австрии к социализму»: «...в рядах СПА находятся рабочие массы и многие функционеры-рабочие, которые постоянно вступают в острые противоречия с капитализмом и его политикой,— рабочие, которые хотят социализма. Исторический опыт Австрии и других стран свидетельствует о том, что эти рабочие и функционеры-рабочие пойдут в конце концов по революционному, марксистскому пути, так как развитие классовой борьбы толкает их в этом направлении» [37].

---

[37] «XVII съезд и конференция 1958 года Коммунистической партии Австрии». М. 1958, стр. 168.

Ю. И. Хаинсон

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ОЦЕНКЕ ШАРЛЯ БУВЬЕ *

Социалистическое преобразование сельского хозяйства — одна из наиболее трудных задач, которые приходится решать пролетариату после завоевания власти. Советский опыт перевода единоличного крестьянского хозяйства на рельсы социализма является крупнейшим вкладом в теорию и практику научного коммунизма. Естественно поэтому, что проблемы коллективизации оживленно обсуждаются в советской и зарубежной литературе. В последние годы интерес к ним заметно усилился. Это связано с тем, что вслед за советским крестьянством на путь социализма встали многомиллионные массы крестьянства народно-демократических стран Европы и Азии. О коллективизации пишут не только ее сторонники, но и противники. В буржуазных странах за последние годы издано немало книг, посвященных этой теме [1]. Наиболее крупной среди них является рассматриваемая монография французского историка и экономиста Шарля Бувье.

---

* Charles BOUVIER. *La collectivisation de l'agriculture URSS — Chine — Demokraties populaires.* Paris. 1958. 246 p.

[1] «Collectivisation of agriculture in Eastern Europe». Ed. J. Sanders. University of Kentucky Press. 1958; D. Mitrany. Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. Chapel Hill. The University of North Carolina Press. 1951; N. Jasny. The sozialized agriculture of the USSR. Plans and performance. Stanford. 1949; H. Wronski. Rémunération et niveau de vie dans les kolkhoz. Le Troudoden. Paris. 1957; D. Nacou. Du kolkhoze au sovkhoze Paris. 1958; O. Schiller. Die Landwirtschaft der Sowjetunion 1917—1953. Tübingen. 1954; Silipo Luigi. La politica agraria sovietica dalla revolutione di Ottobre ai nostri giorni. Roma. 1956; Asoka Mehta. Socialism and Peasantry. Bombay. 1953, и др.

По своим воззрениям Бувье — социал-реформист. Он не новичок в литературе. Его перу принадлежит, в частности, вышедшая несколько лет назад работа «Коммунистический Китай: внутренняя и внешняя политика», заслужившая похвалу правой американской печати. Иное отношение встретила монография Бувье о коллективизации сельского хозяйства. Рецензент американского журнала «The American Slavic and East-European Review» отметил, что некоторые ее выводы «находятся в резком противоречии с рядом классических работ в этой области» [2].

Что же послужило основанием для такой оценки?

В монографии Бувье около 20 печатных листов. Ее 17 главам предпослано пространное введение («Основные черты коллективного хозяйства в СССР и странах народной демократии»), в завершение книги даются тематическое заключение («Будущее коллективизации сельского хозяйства») и статистическое приложение (сравнительные таблицы развития сельского хозяйства в странах народной демократии).

Автор пытается поставить проблему коллективизации в сравнительно-историческом плане. Больше всего внимания он уделяет советской деревне. Часть глав посвящена коллективизации в Китае и европейских странах народной демократии. Специальная глава отведена Югославии. В книге затронут ряд важных проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства: предпосылки коллективизации, пути и методы ее проведения, форма собственности, характер и формы коллективных хозяйств, их правовое положение, система управления, организация и оплата труда и др. В одной из глав автор пытается подвести итоги коллективизации. Хронологически книга охватывает большой отрезок времени: от Великой Октябрьской социалистической революции до 1957 года. Налицо, таким образом, стремление автора создать обобщающее исследование.

Бувье ссылается на труды основоположников марксизма-ленинизма и их последователей, на постановления ЦК КПСС и Советского правительства, а также на решения коммунистических и рабочих партий, правительств стран народной демократии, наконец, на официальную статистику социалистических стран. Автор, однако, не анализирует всю сумму теоретического и фактического материала по данному вопросу, а выбирает лишь то, что можно подогнать под его концепцию.

В ряде случаев Бувье использует статьи и выступления троцкистов и правых оппортунистов, работы некоторых буржуазных авторов (Чаянова, Ясного и др.). Но в его книге нет ни одной ссылки на труды советских и зарубежных исследователей-марксистов, изучавших данную проблему, за исключением отдельных упоминаний «Краткого курса истории ВКП(б)» и учебника политической экономии 1954 года издания. Фактически Ш. Бувье игнорирует советскую литературу, хотя она довольно обширна. В этом отношении его монография не отличается от большинства книг о Советском Союзе, написанных буржуазными авторами.

Книгу Бувье выделяет другое.

Хотя автор ее отнюдь не является коммунистом и, как будет показано ниже, отрицательно относится к социалистическим преобразованиям, осуществленным в сельском хозяйстве СССР, он тем не менее не может не признать, что «в принципе коллективное ведение хозяйства является чрезвычайно ценным решением таких проблем, как увеличение производства и его механизация на определенной стадии развития, распространение современных технических знаний и наилучшее использование земель» (стр. 239). В книге сделано лишь несколько таких признаний. Автор сопровождает их массой оговорок. Но факт остается фактом. Наиболее дальновидные наши оппоненты, к каким, несомненно, относится Ш. Бувье, вынуждены открыто, хотя и очень непоследовательно, признавать достоинства социалистической системы хозяйства.

Шаблонность критики социализма в сочетании с вынужденными признаниями его успехов — характерная черта книги Бувье. Вот почему она получила весьма противоречивую оценку в зарубежной печати. Поднимая на щит критику Бувье в адрес СССР и других социалистических стран, буржуазные рецензенты спешат отмежеваться от автора в тех случаях, когда он робко отмечает достоинства общественной системы социализма. Особенно «решителен» в этом отношении американский рецензент Питер Тян, который предъявил Бувье самое страшное, с точки зрения буржуазной нау-

[2] «The American Slavic and East-European Review». New York. 1958, Decembre. Vol. 17, № 4, p. 551.

ки, обвинение, объявив его позицию марксистской [3].

В действительности Бувье, разумеется, весьма далек от марксизма-ленинизма. Признавая некоторые достоинства социалистической системы сельского хозяйства, Бувье вместе с тем категорически отвергает советский опыт коллективизации. Основная идея его книги сводится к попытке доказать, что путь коллективизации, который был найден в СССР и по которому идут страны народной демократии, противоречит якобы взглядам Маркса, Энгельса и Ленина. С этого, собственно, Бувье и начинает свое повествование.

Как же автор «обосновывает» этот тезис? Он утверждает, что «в учении Маркса и Энгельса не мог стоять вопрос о сколько-нибудь разработанной программе социалистического преобразования сельского хозяйства», так как К. Маркс был против выдумывания рецептов на будущее (стр. 21). Но К. Маркс, говоря об этом, имел в виду не разработку принципиальной программы, а прожектерские попытки предсказать конкретные формы будущего общественного устройства, попытки, не имевшие никакого отношения к революционной практике. В изложении же Бувье словам Маркса придан другой, превратный смысл. Столь вольное толкование послужило Бувье «основанием» для ограничения «марксистской доктрины» применительно к сельскому хозяйству лишь выводами о необходимости уничтожения частной собственности на средства производства, недопустимости принуждения по отношению к крестьянству и неизбежности длительного перехода деревни к социализму. Автор внешне присоединяется к этой программе. Однако его «солидарность» с Марксом в действительности является одним из приемов борьбы с тем творческим марксизмом, который обеспечил практическое осуществление теории научного социализма.

Бувье не дал в своей книге развернутого и объективного изложения аграрной программы основоположников марксизма. Утверждая, что Энгельс лишь «случайно коснулся этого вопроса» (стр. 21), он приводит несколько произвольно выхваченных цитат из разных изданий работы Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Известно, что вся эта работа посвящена обоснованию марксистской аграрной программы. Но автор не анализирует ее целиком. Он обходит ряд важнейших высказываний Ф. Энгельса о кооперации как «промежуточном звене» при переходе к коммунистическому хозяйству, о необходимости дифференцированного подхода к различным социальным группам деревни и др. [4]. Мы кратко коснулись лишь существа этого вопроса, так как литература по данному сюжету достаточно обширна [5], что, между прочим, тоже не отмечено автором.

Столь же тенденциозно освещает Бувье кооперативный план В. И. Ленина. Из рассуждений автора по этому поводу следует, что проведенная в нашей стране коллективизация якобы противоречит ленинскому кооперативному плану, высказываниям В. И. Ленина о строительстве колхозов и совхозов. В изложении Бувье получается, будто идея кооперативного плана родилась лишь в начале 20-х годов и была обусловлена обстановкой, сложившейся в стране после окончания гражданской войны, а не задачами социалистического преобразования сельского хозяйства, предусмотренного программой коммунистической партии, разработанной и принятой в предшествующий период. Бувье утверждает, что кооперативный план был выдвинут В. И. Лениным якобы лишь в качестве противовеса нэпу. «Ленин,— пишет автор,— написал свои две статьи о кооперировании [6], в которых вполне определенно заявил, что нэп требует создания ему противовеса. Этот противовес Ленин увидел в развитии кооперации в деревне» (стр. 28).

Дело не только в том, что здесь прямо искажается истина: В. И. Ленин ничего похожего на эти слова не говорил. Бувье стремится доказать, что кооперативный план якобы не только не имел ничего общего с предшествующей практикой и теорией

---

[3] Там же, стр. 551—552.

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 524; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 415—419 и др.

[5] См. О. М. Танхилевич. Маркс и Энгельс о крестьянстве. М.-Л. 1928; К. А. Попов. К. Маркс и Ф. Энгельс о крестьянстве в пролетарской революции. Л. 1928, «Карл Маркс и аграрный вопрос». Сборник статей к 50-летию со дня смерти К. Маркса (1883—1933). М. 1933; Н. Г. Каротамм. К истории учения о социалистическом сельском хозяйстве. М. 1959; и др.

[6] Ш. Бувье имеет в виду две части работы В. И. Ленина «О кооперации». См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 427—435.

РКП(б), но и прямо противоречил им, давая принципиально иную, чем раньше, установку в области социалистического переустройства сельского хозяйства. В основе такого взгляда автора лежит неправильная, односторонняя трактовка нэпа, во-первых, и тенденциозное освещение кооперативного плана, во-вторых.

Бувье открыто полемизирует с теми, кто «очень много кричал», будто нэп — это капитуляция Советской власти перед буржуазией. Однако он тут же сам становится на раскритикованные им позиции, утверждая, что нэп представлял собой «отсрочку» преобразования сельского хозяйства (стр. 27, 28). В действительности, как известно, нэп являлся конкретной программой Советской власти по перестройке экономики страны, и в том числе сельского хозяйства, на социалистических началах. В. И. Ленин следующим образом определял его сущность: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики»[7]. Вот этот-то урок и обошел Бувье. В результате он лишает нэп того содержания, которое вкладывал в него В. И. Ленин (путь к социализму) и наполняет его тем содержанием, какое приписывали ему, например, сменовеховцы («эволюция к капитализму»).

Из тенденциозной, неправильной трактовки нэпа автор выводит и неверную оценку ленинского кооперативного плана. Бувье полагает, что кооперативный план, призванный укрепить позиции социализма, был чем-то инородным в новой экономической политике, ее антиподом, «противовесом». При этом он без малейших, как мы видели, оснований приписывает подобную оценку В. И. Ленину.

Противопоставляя кооперативный план нэпу, автор противопоставляет его и политике массовой коллективизации. Бувье пишет, что с работой В. И. Ленина «О кооперации» «Сталин впоследствии связал политику коллективизации, которая проводилась им с 1930 года. Однако нельзя согласиться с подобной интерпретацией,— заявляет Бувье,— коллективные хозяйства, хотя они существовали и раньше, не были предусмотрены Лениным в этих двух статьях» (стр. 29).

Таким образом, коллективизация, согласно точке зрения автора, только потому не соответствует ленинскому кооперативному плану, что в статье «О кооперации» ничего не говорится о колхозах. Следовательно, концепция Бувье по данному вопросу представляет собой лишь перепев доводов правых оппортунистов против социалистической реконструкции сельского хозяйства.

В статье В. И. Ленина убедительно показано, что кооперация является наиболее доступной для крестьянства, как и вообще для средних слоев, формой перехода к социализму в условиях диктатуры пролетариата. Особое внимание В. И. Ленина к простейшей кооперации (торговой, потребительской, кредитной) объясняется тем, что ее значение как формы социалистического строительства тогда понималось меньше всего. Троцкисты же и другие оппортунистические элементы вообще отвергали возможность использования ее в качестве важного средства перевода крестьянства на путь социализма[8]. Акцентиро-

---

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 243.

[8] См. «Владимир Ильич Ленин». Биография. М. 1960, стр. 557; В. В. Куйбышев. Ленин и кооперация. М. 1925; М. Власов. Кооперативный план Ленина и социалистическое переустройство деревни. М.-Л. 1930; «Ленин и аграрный вопрос». Сборник статей. М. 1934; М. А. Ильин. О ленинском кооперативном плане и его осуществлении в СССР. М. 1953; В. И. Немаков. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за осуществление ленинского кооперативного плана в восстановительный период. М. 1958; В. М. Селунская. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана (1918—1923 гг.); «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства». Сборник статей. М. 1960.

Что касается высшей формы кооперации — колхозов, которые, по утверждению Бувье, «не были предусмотрены Лениным», то их перспективное значение к 1923 г. настолько уже было очевидно, что нашло отражение и в советском законодательстве и в программе партии (см. «История колхозного права». Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. Т. I. М. 1959, стр. 17—66; «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е, стр. 424). Подробный анализ состояния колхозов в первые годы Советской власти и взглядов В. И. Ленина по вопросу о колхозах читатель найдет в работе Н. К. Крупской «Что говорил

вание В. И. Лениным внимания в этой статье на торговой кооперации сыграло огромную роль, потому что оно дало партии ясную перспективу кооперативного строительства (кооперативный план): под руководством и при содействии социалистического государства от простейшей кооперации — к производственной.

Идею перерастания простейшей кооперации в производственную В. И. Ленин сформулировал в самом начале перехода нашей страны к новой экономической политике — в программной работе «О продовольственном налоге», которая, кстати сказать, заложила один из краеугольных камней ленинского кооперативного плана[9]. Массовая коллективизация сельского хозяйства и представляла собой тот переход от одного этапа кооперирования к другому, который столь прозорливо предусмотрел В. И. Ленин.

Практика социалистического строительства в деревне к концу 20-х годов выявила важную тенденцию — постепенный переход от торговой кооперации к производственной. Так, в Сибири 55,7% колхозов, имевшихся там накануне массовой коллективизации, были созданы крестьянами в результате преобразования простейших кооперативов. Подобные же данные есть по Северному Кавказу и другим районам. Они опубликованы в советской печати и доступны каждому исследователю[10].

В книге Бувье этот аспект предыстории колхозного строительства опущен. А ведь он имеет принципиальное значение. Та или иная характеристика отправного этапа массовой коллективизации дает исходную позицию для вполне определенного истолкования ее причин, развития этого процесса, его итогов и перспектив.

В основе концепции Бувье лежат два старых положения реформизма: о «неподготовленности» и «принудительности» коллективизации. Оставив вне поля зрения процесс перерастания простейшей кооперации в производственную, Бувье утверждает, будто для массовой коллективизации советская деревня в 30-х годах еще не созрела, как якобы не созрели сейчас для нее и страны народной демократии. Это утверждение повторяется в книге неоднократно. Одна из глав так и называется: «Коллективизация преждевременна для своей эпохи». Автор, таким образом, настойчиво стремится убедить читателя, что социалистическая реконструкция сельского хозяйства в СССР и странах народной демократии является якобы не проявлением, а нарушением объективных закономерностей. С этих рассуждений начинается рецензируемая книга, ими она, по существу, и заканчивается.

Утверждение о преждевременности коллективизации является центральным местом не только книги Бувье, но и главным звеном всей социал-реформистской (и неоревизионистской) концепции социалистической реконструкции сельского хозяйства. Однако ни Бувье, ни другие авторы не могут привести в обоснование своего вывода ни одного сколько-нибудь убедительного аргумента. Обычно они ссылаются на «недостаточный уровень» производительных сил деревни, на особенности психологии мелкособственнического крестьянства и т. д. Эти доводы кажутся им решающими для определения готовности страны к социалистическим преобразованиям.

Но какой «уровень» производительных сил, сознания, культуры следует считать «достаточным»? Этот вопрос поставил еще В. И. Ленин, анализируя взгляды Суханова (Н. Гиммера), известного русского социал-реформиста — аграрника[11], с которым современные реформисты имеют много общего. Однако и по сей день ревизионисты не могут дать вразумительного ответа на этот вопрос.

Советские и зарубежные ученые-марксисты на основании ленинской теории пролетарской революции обстоятельно изучили

Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве». М.-Л. 1930, а также в монографиях: А. Ф. Чмыга. Очерки по истории колхозного движения на Украине 1919—1921 гг. М. 1959; И. А. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия (1917—1925 гг.). М. 1949; Н. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М. 1951, и др. По этому вопросу имеется также большое количество научных статей и публикаций документов (например, публикация В. Р. Копылова в «Материалах по истории СССР». Вып. I. М. 1955).

[9] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 327—328.

[10] Из последних публикаций по этому вопросу назовем чрезвычайно интересный документ Колхозцентра СССР и РСФСР, опубликованный Н. А. Ивницким в книге «Материалы по истории СССР». Вып. VII. М. 1959, стр. 236—239, а также документы по истории совхозного и колхозного строительства, опубликованные В. П. Даниловым, Н. А. Ивницким и М. И. Рыбинским в журнале «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 9—54.

[11] См. В И Ленин. Соч. Т. 33, стр. 438.

вопрос о вызревании объективных предпосылок социализма. Эта проблема освещается как в обобщающих работах[12], так и в специальных трудах, посвященных социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве СССР[13]. Имеются также исследования по конкретным вопросам, в которых на большом материале анализируются состояние производительных сил сельского хозяйства[14] и другие предпосылки коллективизации[15]. В этих работах на широком документальном материале показана объективная необходимость массовой коллективизации, рассмотрен вопрос о создании ее предпосылок, всесторонне изучены закономерности и условия, обеспечившие успешное проведение коллективизации. Нужно совсем быть лишенным чувства реальности, чтобы не видеть смехотворности утверждений о «неподготовленности» к социализму тех стран, где социализм строится на деле или уже построен.

С данной «теорией» Бувье тесно связан и другой его тезис, также характерный для всей антимарксистской историографии,— о якобы принудительном характере коллективизации сельского хозяйства в СССР и других социалистических странах. Бувье пишет, что «значительная часть коллективных хозяйств была создана путем принуждения», а часть из них и сейчас «продолжает существовать под воздействием этого принуждения» (стр. 19). Эту точку зрения автор пытается обосновать в ряде глав (стр. 21—30, 32, 65—67, 132).

«Теория принуждения» не выдерживает критики при сопоставлении с фактами. Колхозное строительство приобрело массовый характер не оттого, что крестьяне подчинились давлению сверху, а потому, что широкие массы крестьян за двенадцать лет, истекших после революции, убедились в преимуществах крупного коллективного хозяйства перед единоличным.

Конечно, отсюда не следует, что эти преимущества стали ясны всем крестьянам сразу. Партия предвидела, что нужно провести в деревне огромную разъяснительную

---

[12] «Основы марксизма-ленинизма». Учебное пособие. М. 1959; «Основы марксистско-ленинской философии». М. 1958; «Политическая экономия». Учебник. М. 1959; «История Коммунистической партии Советского Союза». М. 1959; «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)». Учебное пособие. М. 1957; «Развитие советской экономики». М. 1958; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М. 1956; А. И. Ноткин. Материально-производственная база социализма. М. 1954; А. К. Белых. Соотношение экономики и политики в социалистическом обществе. Л. 1959, и др. Из работ, написанных зарубежными авторами, отметим монографию И. Гоушка и К. Кара «Характер народно-демократической революции». М. 1958.

[13] Помимо указанных выше работ о кооперировании крестьянства, можно назвать следующие труды: М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954; С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М. 1959; В. В. Бондаренко. Развитие общественного хозяйства колхозов Украины в годы довоенных пятилеток. Киев. 1957; А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. 1957; В. Н. Стародубровская, М. А. Усиевич. Социализм и крестьянство. Осуществление ленинского кооперативного плана в странах народной демократии. М. 1960; и др.

[14] Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. Формирование кадров массовых квалификаций. М. 1960; В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М. 1957; В. Ф. Касторский. Основные вопросы экономики машиноиспользования в сельском хозяйстве. М. 1939; Е. Кочетовская. Национализация земли в СССР. М. 1952; «Земельное право». Учебник. М. 1958; и др.

[15] Б. А. Абрамов. Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана. М. 1956; А. Гончаров. Советское государство и право в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. М. 1955; В. Голиков. Деятельность КПСС по развитию и укреплению сельскохозяйственной кооперации (1921—1929 гг.). Алма-Ата. 1956; И. Г. Булатов. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М. 1960; В. Н. Лаврентьев. Строительство совхозов в первые годы Советской власти (1917—1920). М. 1957; М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М. 1958; и др. Значительная часть советской литературы о создании социально-экономических и политических предпосылок коллективизации рассмотрена в историографических статьях В. И. Погудина, помещенных в «Сборнике статей по истории рабочего класса и советской историографии» («Ученые записки» кафедры истории СССР АОН при ЦК КПСС. Вып. 40. М. 1958) и в журнале «Вопросы истории», 1958, № 9; см. также статьи В. П. Данилова, Хуана Висенса, В. М. Селунской, М. В. Гамаюнова в журналах: «Вопросы истории», 1954, № 1; 1956, № 11; «Вестник высшей школы», 1958, № 9. Рассматриваемая проблема освещена также в публикациях документов. См., например, «Коллективизация сельского хозяйства на Кубани». Сборник документов и материалов. Т. I (1918—1928 гг.). Краснодар. 1959; и др.

работу. В. И. Ленин подчеркивал, что «средний крестьянин не может сразу стать на сторону социализма, потому что он твердо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо» [16].

Колхозы и совхозы, созданные уже в первые годы Советской власти энтузиастами строительства социализма в деревне, были вначале редкими островками среди моря единоличных хозяйств. Крестьяне внимательно присматривались к ним и не могли, конечно, не видеть преимуществ этих хозяйств перед индивидуальными. Они убеждались, что даже простое сложение крестьянских орудий и коллективный труд позволяют достичь таких результатов, какие невозможны в мелком хозяйстве.

Вот несколько фактов из жизни первых советских колхозов (1925 г.). Они взяты из опубликованных источников, доступных каждому исследователю [17]. Созданные преимущественно бедняками, эти колхозы, естественно, еще не были обеспечены передовой техникой. Более того, они испытывали нужду даже в простейших орудиях производства. Потребность в почвообрабатывающих орудиях и уборочных машинах была удовлетворена в первых колхозах только наполовину, а потребность в сеялках — лишь на 25%. По сравнению с общей массой единоличных хозяйств эти колхозы были гораздо меньше обеспечены рабочим скотом (в расчете на единицу пашни) и продуктивным скотом (в расчете на душу населения). Их материально-техническая база создавалась преимущественно путем сложения простейшего крестьянского инвентаря. Но уже в этих условиях коллективные хозяйства доказали свои преимущества перед индивидуальными. Машины, орудия, лошади в колхозах использовались более эффективно, чем у единоличников. В среднем каждая рабочая лошадь в колхозах обслуживала на 77% больше посевов, чем в индивидуальных хозяйствах. Намного производительнее был и труд колхозников. В среднем на душу населения колхозы обрабатывали в 1,5 раза больше посевной площади, чем индивидуальные крестьянские хозяйства. Урожайность зерновых культур в большинстве колхозов была выше, чем у единоличников, в среднем на 20—25%. В 1925 г. 52% колхозов собрали урожай, значительно превосходивший урожай, который получили окрестные единоличные хозяйства. 43% колхозов собрали примерно такой же урожай, как и единоличники. Лишь в 5% колхозов в силу ряда субъективных причин урожай был несколько ниже, чем у окрестных крестьян. Более высокая производительность труда и ряд льгот в области финансирования, агрообслуживания и т. п., которые предоставляло колхозам Советское государство, обеспечивали им более высокие доходы, чем получали бедняки и середняки-единоличники.

К концу 20-х годов все более широкие массы крестьян стали проникаться сознанием необходимости создания колхозов. Это время ознаменовалось широким размахом кооперирования деревни и ростом высшей формы этой кооперации — колхозов. К этому времени преимущества коллективного производства выявились со всей очевидностью. Колхозы являлись пионерами передовой агротехники. Многопольный севооборот, рациональное землеустройство, использование достижений агрономической науки, привлечение специалистов и т. п.— все это позволяло им, несмотря на ряд имевшихся тогда недостатков, значительно поднять производительность сельского хозяйства. Например, в среднем в 1927 г. урожайность ржи с гектара в колхозах на два центнера с лишним превышала урожайность в единоличных хозяйствах [18]. Подобные же данные можно привести и об урожайности других культур, об удойности коров и т. д.[19].

Но не одни только хозяйственные преимущества привлекали крестьян в колхозы. Экономическая помощь бедноте, распространение передовой культуры, организация нового быта — ясли, читальни, клубы, радио — все это давали крестьянам колхозы [20]. Все возрастающую помощь колхозам оказывало государство [21]. Трудно переоце-

---

[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 222.

[17] См. И. А. Конюков. Указ. соч., стр. 140—150; «Сельское хозяйство Союза ССР в 1924—25 году по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу». М. 1925, стр. II—XLII; «Колхозы СССР». М. 1926, стр. 26, 27; «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 39—54.

[18] «Материалы по истории СССР» Вып. VII, стр. 254.

[19] Там же, стр. 253—255.

[20] Там же, стр. 255—256.

[21] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 666; «Социалистическое строи-

нить значение этих факторов для перестройки психологии крестьянства.

Преимущества колхозов ярко проявились весной 1930 г., в период временного спада темпов коллективизации — факта, на котором до сих пор пытаются спекулировать наши идейные противники. Несмотря на огромные трудности, перед которыми оказались тогда молодые колхозы, они сумели перевыполнить первоначальные планы посевной кампании. В среднем по стране выработка каждого трудоспособного колхозника весной 1930 г. на 40—50% превышала выработку единоличника [22]. Этого не могли не видеть окружающие крестьяне, в том числе и те, кто вышел из артелей. Чтобы судить о реакции последних, приведем два заявления середняка Е. К. Краснолуцкого, поданные им в правление колхоза имени И. В. Сталина (Калачеевский район, ЦЧО). 7 мая 1930 г., решив выйти из колхоза, он писал: «Прошу исключить меня из членов артели с моим семейством, так как не желаю быть членом артели». А через некоторое время он принес другое заявление: «Прошу принять меня с моей семьей в 6 душ в члены артели, так как я с дурного ума вышел и теперь даю слово не выходить до конца жизни» [23].

Реакционные буржуазные социологи замалчивают подобные свидетельства. Пытаясь поставить под сомнение самую идею социалистического преобразования сельского хозяйства, они спекулируют на отдельных фактах извращения на местах аграрной политики партии. Они умалчивают, что эти извращения были вскрыты и ликвидированы самой партией.

Утверждая, что коллективизация осуществлялась будто бы принудительным путем, и в то же время отмечая ее очевидные преимущества, ее выгодность для крестьян (которую автор не в силах отрицать), Бувье неизбежно запутался в противоречиях. Подводя в специальной главе итоги коллективизации, он не только делает прямо противоположный изложенному им взгляду вывод, но и вступает в полемику с самим собой и со своими коллегами, пытающимися доказать, что колхозный строй держится на принуждении. «25-летний опыт коллективизации в больших масштабах не дает оснований для таких грубых преувеличений»,— замечает Бувье. Далее следует рассуждение: «Всякое социальное преобразование по необходимости несет в себе элементы принуждения (экономического, во всяком случае). Если возводить принуждение, как хотят некоторые, в центральную проблему коллективизации, которой подчинены все остальные вопросы, то, следовательно, надо признать, что это принуждение всеобъемлюще и продолжается непрерывно и что даже с течением длительного времени... продолжается простое подчинение силе. Но это неверно» (стр. 130—131).

Нельзя не видеть в этом рассуждении, несмотря на шаблонную буржуазную терминологию, попытку автора отказаться от распространенных в антисоветской литературе антинаучных объяснений сущности колхозного строя. Однако Бувье весьма непоследователен. Своими оговорками он извращает положение вещей и в конечном счете льет воду на мельницу фальсификации, против которой сам автор, казалось бы, восстает. Например, сравнивая результаты коллективизации в СССР за осень 1929 г., январь, март, апрель и сентябрь 1930 г., а также за 1931 г., автор, забыв собственные утверждения, безапелляционно заявляет: «Достаточно было бы одной ломаной линии развития колхозов с конца 1929 г. до начала 1931 г., чтобы обнаружить решающую роль принуждения» (стр. 32).

Порочность подобного подхода к фактам вполне очевидна. Из приведенных автором данных следует лишь, что колхозное строительство не развивалось непрерывно по восходящей линии. Да это и понятно, ибо социализм строился в труднейших условиях, притом СССР был первой в мире страной, ставшей на этот путь. Коллективизация — это не механический процесс, а глубочайшая ломка частнособственнической психологии крестьянства. Не только в годы, указанные Бувье, но и раньше наблюдались отливы и приливы в колхозы. В каждом отдельном случае это объяснялось различными причинами. В основе этих явлений лежали колебания крестьянства между коллективным хозяйством, которое отвечало его жизненным интересам, но было для него ново, и частнособственническим хозяйством с его жестокими, но освященными вековой традицией законами.

тельство СССР». Статистический ежегодник. М. 1935, стр. 464; «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М. 1936, стр. 384; «Материалы по истории СССР». Вып. VII, стр. 246—248; журнал «Сельскохозяйственный кредит», 1930, № 20, стр. 53.

[22] См. «XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М. 1931, стр. 1010.

[23] См. «Ленинский путь». Воронеж, 1930, № 8, стр. 115.

В конце 20-х годов на путь коллективизации стали широкие массы крестьянства. Но успехи колхозного движения породили у известной части кадров, проводивших коллективизацию, излишнюю самоуверенность, которая привела их к забвению массово-разъяснительной работы в деревне, к злоупотреблению административными мерами при создании колхозов и т. п. Некоторые работники, нарушая ленинскую установку Центрального Комитета партии о добровольном принципе коллективизации, считали допустимым в колхозном строительстве принуждение. Понятно, что колхозы, созданные таким путем, не могли быть жизнеспособными. Их не случайно называли «бумажными», «дутыми».

Бувье молчит о достижениях коллективизации и сквозь увеличительное стекло показывает читателю недостатки. С таких позиций изображается первый этап коллективизации (с осени 1929 до весны 1930 г.). Неверно освещается и следующий, чрезвычайно ответственный и трудный период колхозного движения.

Когда стали известны факты извращений аграрной политики на местах, Центральный Комитет ВКП(б) и советское правительство приняли самые срочные и решительные меры к пресечению извращений. Это привело к укреплению основ колхозного движения, хотя при поверхностном, особенно же тенденциозном подходе к показателям коллективизации за март — октябрь 1930 г. можно было обнаружить лишь отлив из колхозов. Именно подобной точки зрения (отлива из колхозов) и придерживается Бувье. В действительности же выход из колхозов крестьян, которые не решили еще для себя всех сомнений, роспуск «бумажных» артелей, восстановление ленинских принципов лишь освободили колхозное движение от элементов, ослаблявших его. В колхозах сохранилось прочное ядро передовых крестьян, действительно убежденных в преимуществах коллективного хозяйства и обеспечивавших в дальнейшем неуклонный рост коллективизации. Несмотря на огромные трудности, колхозы успешно провели весенний сев в 1930 г., а когда настало время распределения среди колхозников доходов, то единоличники еще раз убедились в преимуществах коллективных хозяйств. К тому же Советское государство оказывало колхозам большую помощь техникой, кредитами, кадрами и т. д.[24]. С осени 1930 г. вновь начался прилив в колхозы. К июню 1931 г. было кооперировано уже около 53% крестьянских хозяйств, а летом 1932 г. — свыше 60%. В годы второй пятилетки коллективизация была завершена: в 1937 г. она охватила 93% крестьянских хозяйств[25]. Так в действительности выглядит «ломаная линия» развития колхозного движения.

Итак, коллективизация сельского хозяйства потому и стала действительно массовой, что она отвечала жизненным интересам трудящихся крестьян. Кого же в таком случае защищают фальсификаторы истории, о ком проливают они слезы? Сельская буржуазия, кулачество — вот кого в действительности оплакивают эти историки. Нет, пожалуй, ни одного вопроса в зарубежной историографии, который в такой мере был бы фальсифицирован, как ликвидация класса кулачества в СССР. При этом вообще отрицается социальная дифференциация, существовавшая тогда в деревне.

Отдал дань этим антинаучным представлениям и Шарль Бувье. Ратуя за стихию в социальном развитии деревни, он решительно выступает против того, чтобы политика ликвидации кулачества как класса «искусственно присоединялась к коллективизации». Ликвидацию кулачества как класса и коллективизацию, то есть две стороны одного и того же процесса, автор рассматривает как проблемы, которые должны решаться независимо одна от другой. Об этом он говорит и в главах, посвященных истории коллективизации в СССР, и в главах о коллективизации в странах народной демократии. К этому он возвращается и при подведении общих итогов коллективизации (стр. 49, 105, 109).

Путаница здесь очевидна. Коллективизация в условиях диктатуры пролетариата означает замену мелкотоварных капиталистических отношений в сельском хозяйстве новыми, социалистическими. А социализм, как известно, предполагает ликвидацию частной собственности на средства производства и уничтожение эксплуатации человека человеком. Поэтому сплошная коллективизация, отвечающая кровным интересам подавляющего большинства крестьянства, неотделима от ликвидации кулачества как класса, ликвидации сельской буржуазии.

---

[24] См. «Коллективизация сельского хозяйства». Важнейшие постановления, стр. 290, 292, 294, 295; «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М. 1936, стр. XXXIV, 243—246.

[25] «СССР в цифрах». Статистический сборник. М. 1958, стр. 28.

В этом же смысле можно говорить и о ликвидации социального слоя бедноты, батрачества. Все это — разные стороны единого процесса и в СССР, и в любой другой стране, где осуществляется или будет осуществляться социалистическое переустройство мелкотоварного хозяйства. Другое дело, что формы его проведения различны в различных странах. Но это опять-таки свидетельствует не о «крахе» марксизма-ленинизма, а о его силе. Коммунисты умеют воплощать в жизнь свои принципы, сообразуясь с конкретными условиями, проявляя гибкость в выборе методов социалистического строительства.

При прочих равных условиях коммунисты всегда предпочитают мирный путь преобразования общества. К. Маркс и Ф. Энгельс высказывали мысль, что даже экспроприация крупной капиталистической собственности может при соответствующих условиях произойти в виде выкупа. «...Для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» [26],— писали они. Что касается ликвидации кулачества как класса, то здесь наиболее желательный для коммунистов путь был следующим образом определен Ф. Энгельсом: «От насильственной экспроприации мы, вероятно, и тут откажемся». Ф. Энгельс указывал, что это станет возможным, если «экономическое развитие научит уму-разуму и эти крепкие головы» [27]. Однако в СССР кулачество не научилось уму-разуму и объявило открытую войну Советской власти. Напоминая на VIII съезде партии приведенную выше мысль Энгельса, В. И. Ленин отмечал: «В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками» [28]. Последующие события также не изменили позиций кулачества, хотя в принципе В. И. Ленин не исключал такой возможности [29]. В. И. Ленин, как известно, выступал против экспроприации кулачества, пока для этого не было еще «материальных, в частности технических, а затем и социальных условий» [30]. Такие условия созрели, как уже указывалось, к началу 30-х годов. Пробил последний час капиталистической собственности в деревне. Только от кулаков зависело, в какой форме пройдет ликвидация этой собственности: путем насильственной экспроприации или добровольной передачи в колхозы. Кулачество стало на путь борьбы, используя любые средства, вплоть до вооруженного террора. Перед трудящимся крестьянством и Советским государством остался только один путь: насильственная экспроприация кулачества («раскулачивание»).

Бувье и на этот раз предпочитает не замечать фактов. «Манихейские представления о том, что злые богатые крестьяне против коллективизации, а добрые бедные крестьяне за нее — это не более как политический миф»,— замечает он (стр. 133). О том, насколько противоречит истине такое заключение, свидетельствуют многочисленные факты. Вот один из архивных документов Колхозцентра, опубликованный Н. А. Ивницким: «По селам Чапаевского района кулаки пустили слух о том, что все вступившие в колхоз будут вырезаны (готовится «варфоломеевская ночь»)... Классовая борьба крайне обострилась. Со всей ответственностью мы констатируем, что в некоторых местах... классовая борьба настолько обострилась, что в буквальном смысле этого слова напоминает фронт» [31].

Кулаки не только грозили «варфоломеевской ночью», они перешли к террору. Поджоги, убийства из-за угла, уничтожение техники, провокации и вредительство — таковы были средства борьбы кулачества против Советской власти, против колхозов. По статистическим данным, только в РСФСР число террористических актов в 1928 г. выросло втрое по сравнению с 1927 годом. В последующие годы сопротивление кулачества еще более усилилось. Это наложило отпечаток на формы, методы, практику социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР. Напряженность классовой борьбы в советской деревне в конце 20-х — начале 30-х годов объясняется прежде всего непримиримостью кулачества к социализму, а не выдуманной «кровожадностью» коммунистов, как пытаются утверждать наши «критики». В советской литературе этот вопрос освещен достаточно полно [32]. Однако фальсификаторы истории не

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 459.

[27] Там же.

[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 139.

[29] См. там же, стр. 18, 182; т. 31, стр. 135.

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 135.

[31] «Материалы по истории СССР». Вып. VII, стр. 242, 245.

[32] Из последних работ, специально посвященных проблеме ликвидации кулачества как класса в СССР, укажем статьи П. В. Семернина («Вопросы истории КПСС», 1958, № 4) и В. К. Медведева («История СССР», 1958, № 6).

желают замечать фактов, которые противоречат их концепции.

Утверждения зарубежных реакционных социологов о «насилии» над крестьянством и неправомерности ликвидации кулачества как класса тесно связаны с рассуждениями о том, что социалистическое переустройство деревни привело будто бы к «разрушению» производительных сил сельского хозяйства. Такой взгляд неоднократно высказывает и Бувье. Он говорит об этом в предисловии к книге, во II и III главах, а затем специально останавливается на этом вопросе в главах IX и X. Дав общую формулу о «разрушении» производительных сил, автор в дальнейшем поясняет, что он имеет в виду «в первую очередь убой скота», а кроме того, «разрушение части сельскохозяйственного инвентаря» (стр. 34, 42, 51). Однако Бувье не утруждает себя при этом глубоким проникновением в сущность явлений.

Как известно, коренное изменение характера производства, сопряженное с перестройкой всего жизненного уклада людей и сопровождающееся классовой борьбой, никогда не обходится без определенных издержек. История любой революции (в том числе буржуазных революций в Англии и Франции) дает достаточно материала для подтверждения этого тезиса. Очевидно также, что каждое вновь возникшее предприятие переживает известный период, когда его продукция еще не покрывает сумм, затраченных на его создание. Любой капиталист знаком с этим явлением. Однако наши оппоненты, анализируя создание социалистического способа производства, игнорируют эти очевидные истины, допускают подтасовку материалов и фактов. Показатели сельскохозяйственного производства 1913 и 1928 гг., то есть периодов наивысшего развития мелкотоварного хозяйства в нашей стране, они сравнивают с показателями первой половины 30-х годов — времени революционной ломки старого и становления нового, социалистического строя в деревне. Конечно, и тогда в СССР было немало экономически крепких колхозов (преимущественно из числа артелей, созданных еще в 20-е годы). Но общий уровень колхозного производства определялся не ими, а массой только что возникших артелей, переживавших большие организационные и хозяйственные трудности, неизбежные в каждом новом деле. В этой обстановке и произошло некоторое сокращение сельскохозяйственного производства. В определенной мере сократилась и общая масса производительных сил сельского хозяйства, в частности уменьшилось поголовье скота, о чем так любят писать наши «критики». Но наряду с этим происходили серьезные прогрессивные изменения в структуре производительных сил, а также (и это главное) происходила коренная перестройка форм производственных отношений. На этой основе в середине 30-х годов начался бурный рост производительных сил деревни, оставивший далеко позади уровень и 1913 и 1928 годов.

Факты свидетельствуют, что в процессе коллективизации высокими темпами шла механизация социалистического сельского хозяйства СССР. Ряд зарубежных авторов, в частности Бувье, признают успехи механизации. Вместе с тем они подчеркивают, что это не дало никакого реального прироста производительных сил. Бувье, например, пишет: «В течение многих лет вложения в сельское хозяйство вместо того, чтобы приплюсовываться к уже имевшемуся в начале (то есть до массовой коллективизации.— *Ред.)* производительному капиталу, будут лишь восстанавливать (иногда в различной технической форме — трактор вместо лошади) тот капитал, который был разрушен во время коллективизации» (стр. 42). В следующей главе автор заявляет, будто развитие механической тяги «лишь компенсировало» сокращение поголовья скота (стр. 51). В обоснование этого вывода он приводит известные цифры о количестве тракторов, комбайнов и грузовых машин в сельском хозяйстве СССР на 1940 г. и сопоставляет их с сокращением поголовья лошадей. Но ведь эти цифры не только не доказывают вывода автора, но прямо опровергают его. Суть вопроса надо искать здесь не в численности машин и лошадей, а в сопоставлении энергетических мощностей сельского хозяйства до и после коллективизации. Но этих-то данных и не приводит Бувье, хотя в его распоряжении имелись соответствующие статистические источники.

В 1928 г., накануне массовой коллективизации, энергетические мощности сельского хозяйства СССР составляли 21,3 млн. лошадиных сил, а в 1937 г.— к моменту завершения социалистической реконструкции сельского хозяйства — уже около 35 миллионов. В 1940 г., то есть накануне Великой Отечественной войны, подвергшей решающему испытанию колхозный строй, энергетические мощности составляли уже 47,5 млн. л. с. В настоящее время они превышают 125 млн. л. с. При этом коренным образом изменилась структура энерге-

тических мощностей сельского хозяйства. Если в 1928 г. на долю живого тягла приходилось 94,8% всех энергетических мощностей, то в 1937 г.— примерно 23%, а в 1940 г.— 22,3%. В настоящее время свыше 95% энергетических мощностей социалистической деревни приходится на долю механических двигателей [33]. Таковы факты, которые опровергают тезис Бувье. Вытеснение живой тяги механическими двигателями — бесспорно, прогрессивный процесс, позволяющий повысить производительность труда [34].

Этим, однако, не исчерпывается развитие производительных сил сельского хозяйства. Изменилась не только техника. В условиях социализма изменились и люди советской деревни. До революции 80% деревенского населения было неграмотно. В сельском хозяйстве работало в 1913—1914 гг. менее 15 тыс. чел. с высшим и средним специальным образованием. Уже в годы первой пятилетки СССР достиг решающих успехов в ликвидации неграмотности. В дальнейшем была не только полностью ликвидирована неграмотность в деревне, но и в колоссальных размерах выросла численность высококвалифицированных специалистов, вышедших из народа. В 1928 г. в сельском хозяйстве страны работало 17,8 тыс. чел. с высшим и средним специальным образованием, в 1932 г. — уже 83,7 тыс. чел., а в настоящее время — свыше 370 тысяч. Более 21 млн. чел., проживающих в сельских местностях СССР, имеют образование выше начального (от неполного среднего до высшего) [35]. Таковы некоторые изменения, привнесенные в деревню социализмом.

В отличие от многих других зарубежных авторов Бувье в общей форме признает, что «роль коллективного хозяйства как средства культурного преобразования не должна игнорироваться» (стр. 18). Но что же тогда остается от тезиса о «разрушении» производительных сил? Ясно, что в целом социалистическая перестройка сельского хозяйства не только не привела к «уничтожению» производительных сил, а, напротив, обеспечила простор для их быстрого развития.

Рассмотрим теперь «главный козырь» наших оппонентов — сокращение поголовья скота в СССР. Как известно, такое сокращение было довольно значительным в период с 1928 по 1934 год. Объяснялось это рядом причин, сумму которых наши «критики» не рассматривают. Уходит от объективного анализа этого вопроса и Шарль Бувье.

Когда началась массовая коллективизация, капиталистические элементы деревни, предчувствуя свой конец, начали уничтожать, «разбазаривать» свои хозяйства, в том числе и скот (так называемое «самораскулачивание»). Следует отметить, что в области животноводства наиболее ярко проявилась стихийно-капиталистическая тенденция развития мелкотоварного хозяйства. Данные социально-экономической статистики убедительно подтверждают этот вывод. Животноводство, как подчеркивалось в материалах Госплана СССР, являлось такой отраслью сельского хозяйства, «которая в наибольшей степени была насыщена крупнокулацкими элементами» [36].

Борьба кулачества против политики коллективизации не ограничивалась «самораскулачиванием». Кулаки провоцировали убой скота и в части хозяйств трудящихся крестьян, зависевших от них экономически и привыкших равняться на «крепкого хозяина». Сказалась при этом, конечно, и двойственность природы крестьянина-единоличника. С одной стороны, он труженик, заинтересованный в ликвидации эксплуатации человека человеком; с другой — он мелкий собственник, ревниво относящийся к своему частному хозяйству. Эта раздвоенность, характерная для средних слоев вообще (крестьян, ремесленников и т. п.), дала себя знать и во время коллективизации. Кулак в своей антиколхозной агитации использовал мелкособственнические инстинкты, традиции, предрассудки крестьян. Понятно, что мелкособственническая

---

[33] «СССР в цифрах». Статистический сборник. М. 1958, стр. 176—177, 194, 203.

[34] Этот процесс происходит во всех технически развитых странах. В США, в частности, также сокращалась численность рабочего скота по мере роста использования тракторов в сельском хозяйстве (см. «Вопросы производительности труда в сельском хозяйстве США». Материалы Бюро сельскохозяйственной экономики Министерства сельского хозяйства США. М. 1957. стр. 188—193).

[35] См. «Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М.-Л. 1940, стр. 7; А. Е. Бейлин. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М. 1935, стр. 61; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М. 1934, стр. 218; «СССР в цифрах. Народное хозяйство СССР в 1958 г.». Статистический сборник. М. 1959, стр. 528; «Правда», 4 февраля 1960 года.

[36] См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 145.

близорукость вредила прежде всего интересам самих трудящихся крестьян, ибо колхозы, в которые они вступали, как известно, создавались первоначально в основном на базе сложения средств производства, которые вносил каждый из членов артели.

Говоря об антиколхозной кулацкой агитации, следует отметить, что кулачество довольно умело и оперативно воспользовалось «левацкими» извращениями политики партии, допущенными в отдельных местах и выразившимися, в частности, в тенденции к обобществлению не только рабочего, но и всего продуктивного, в том числе мелкого рогатого скота и даже домашней птицы. Коммунистическая партия и Советское государство решительно выправили эти извращения, наказав виновных и возвратив колхозникам неправильно обобществленный скот и птицу. Однако определенный ущерб эти извращения все же принесли.

Таковы главные причины сокращения численности скота в первые годы коллективизации. Анализ их показывает, что в основе сокращения поголовья скота в первой половине 30-х годов лежали антиколхозные, антинародные действия кулачества.

Основой построений буржуазных реакционных исследователей является фальсификация источников. Нужно отдать должное Бувье: он привлек большой официальный и статистический материал. Однако в угоду предвзятым представлениям автор, как показано выше, односторонне использует этот материал, опираясь прежде всего на литературу, созданную врагами социализма. За программу коммунистической партии в деревне он пытается выдать троцкистские писания Преображенского о «первоначальном социалистическом накоплении» (стр. 39, 43).

Шарль Бувье скорбит по поводу ликвидации кулачества как класса. Однако он ни словом не обмолвился об огромной работе Советской власти по трудоустройству и перевоспитанию бывших кулаков. Автором даже не упомянуты соответствующие постановления коммунистической партии и советского правительства [37].

Это, конечно, не случайно. Не будучи в силах отрицать преимуществ социалистического строя, Бувье вместе с тем тщится доказать неприемлемость «советского образца». Однако это утверждение, как и большинство ему подобных, остается голословным, противоречащим исторической действительности. Сколько бы ни повторяли наши противники, что советский опыт коллективизации имеет скорее отрицательное, чем положительное значение, бесспорно одно: Советский Союз проложил человечеству путь к социализму, по которому следует ныне уже около миллиарда населения земного шара. Путь этот внимательно изучают и другие народы.

Процесс коллективизации — это не только прошлое советской деревни и настоящее крестьян в странах народной демократии. Это еще и будущее миллионных масс сельского населения ныне капиталистических стран. Большинство реакционных зарубежных авторов безуспешно пытается игнорировать такую закономерность. Но Бувье занимает другую позицию. Заключение своей книги он назвал «Будущее коллективизации сельского хозяйства». Здесь так же, как и в других местах его монографии, сделан ряд признаний, отмечающих преимущества коллективизации. Но и эта глава, как и книга в целом, полна оговорок, сводящих на нет подобные признания. «Строить предположения о будущем коллективизации, опираясь на современное ее состояние,— пишет он,— значит придавать неоправданное значение тому, что является всего лишь этапом: коллективизация сельского хозяйства является еще не законченным процессом, который может еще быть существенно изменен» (стр. 239). И хотя автор признает, что коллективизация «как составная часть строящегося нового общества... несомненно, более приемлема для крестьянства, чем наемный труд», это не меняет характера его книги. Позволяя себе время от времени либеральное одобрение «идеи социализма», Ш. Бувье свои главные усилия посвятил тенденциозной критике того единственно реального социализма, который существует в современном мире. Салтыков-Щедрин говорил о таких либералах: не ясно, чего они желают — то ли конституций, то ли севрюжины с хреном. Даже буржуазные рецензенты отмечают, что Бувье проявил особую осторожность в выводах относительно дальнейших перспектив развития сельского хозяйства [38].

---

[37] См. «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства. 1927—1935». М. 1957. «История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958». Тома I—II. М. 1959, и др.

[38] «Revue d'histoire économique et sociale». Paris. 1959, № 2, p. 261; «Revue française de sciènce politique». Paris. 1960. mars, volume X, № 1, p. 192—194.

Но сколь бы ни были осторожны эти выводы, факт остается фактом: наши противники уже бессильны голословно отрицать огромное значение социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве социалистических стран. Не менее чем сама книга Бувье об этом свидетельствует рецензия на нее одного из лидеров и видных теоретиков французской социалистической партии (СФИО), Жюля Мока. Она опубликована недавно в центральном органе партии — журнале «La Revue socialiste» [39].

Воздавая хвалу работе Ш. Бувье, Ж. Мок солидаризируется с основными ее положениями. Примечательно, что он усиленно рекомендует книгу Бувье не только тем, «кто интересуется «советоведением»... но и всем тем, кто спрашивает себя, каким образом избавиться от рутины», царящей в сельском хозяйстве Франции. В этой связи Жюль Мок подчеркивает, что «восточный опыт... должен привлечь внимание всех социалистов Франции, и в частности социалистов-аграриев».

Хотя в рецензии Ж. Мока, как, впрочем, и в других его работах, принижается советский опыт, Ж. Мок оказывается явно в неловком положении, когда переходит к конкретным фактам. Так, рассуждая о состоянии животноводства в различных странах, он, например, отмечает, что «корова колхозников — русских коммунистов дает в два раза больше молока, чем корова французских крестьян».

Подобные признания говорят сами за себя.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что концепция Шарля Бувье внутренне противоречива. В своей книге он не дает зарубежному читателю правильного представления о сущности коллективизации сельского хозяйства. Тем не менее его книга представляет известный интерес. Она свидетельствует о том, что среди определенных кругов зарубежных исследователей все сильнее зреет стремление разобраться в причинах успехов социализма, которые уже невозможно ни отрицать, ни замолчать.

Ю. С. Борисов, В. С. Васюков

[39] «La Revue socialiste», 1960, № 132, avrile, p. 442—445.

W. S. CHURCHILL. *A History of the English-speaking Peoples.* 4 vols. Cassel and Company. London. 1956—1958. Vol. I : XXII, 416 p.; vol. II : XII 344 p.; vol. III : XII, 332 p.; vol. IV : XII, 322 p.

У. С. ЧЕРЧИЛЛЬ. *История народов, говорящих по-английски.*

У. Черчилль не раз выступал в роли историка событий новейшего времени. Им написаны мемуары о первой и второй мировых войнах, несколько путевых очерков и ряд других книг различных жанров. В 1956—1958 гг. появилось четырехтомное сочинение Черчилля «История народов, говорящих по-английски», работа над которым была начата еще в 30-х годах и возобновлена лишь в последние годы, после завершения мемуаров о второй мировой войне. Сочинение Черчилля, встреченное восторженными откликами в буржуазной прессе западных стран, было издано в США, Западной Германии и Франции.

Выступая в роли историка, Черчилль попрежнему предстает перед нами как идеолог современного империализма. Указанное сочинение, автор которого бесконечно далек от подлинно научного подхода к изучению истории, не дает основы для серьезной научной полемики. Поэтому мы ограничимся критическим разбором наиболее вопиющих пороков этой книги, чтобы вскрыть существо тех исторических фальсификаций, которые преподносятся массовому европейскому читателю.

Все сочинение [1] пронизано стремлением

[1] Первый том («Рождение Британии») начинается с глубокой древности и заканчивается сценой гибели Ричарда III и приходом Тюдоров к власти. Второй том («Новый мир») посвящен периоду с 1485 по 1688 год. В третьем томе («Эпоха революций») затрагивается история Англии, ее колоний и нового государства — США с конца XVII в. по 1815 г., широко освещаются различные события мировой истории и особенно англо-французская борьба за гегемонию в мире. В последнем томе («Великие демократии») изложение дово-

автора возвеличить историческую миссию англосаксонской расы. Иными словами, Черчилль пытается, подобно ряду буржуазных социологов и историков, представить весь исторический путь Англии и США, традиции, государственные и правовые институты и нормы, которые сложились в этих странах, в качестве образца для других государств и народов. Уже в предисловии к первому тому своего труда У. Черчилль подчеркивает «общую ответственность» Англии и США перед «человеческим родом» и утверждает, что народы, говорящие на английском языке, якобы способны «указать путь» всему остальному миру (т. I, стр. VII—VIII).

Свои взгляды на историю Черчилль обосновывает с помощью приемов, типичных для буржуазной историографии. Можно выделить следующие основные установки автора: отрыв политической истории от истории общественно-экономического развития и связанное с этим пренебрежение к подлинно движущим силам истории, к ее революционным, переломным этапам, а также к проблемам периодизации; принижение роли народных масс в истории и выпячивание деяний отдельных личностей; отождествление интересов трудящихся с интересами эксплуататорских классов; преувеличение значения всякого рода «случайностей».

У. Черчилль разделяет многие избитые концепции реакционной историографии. Методы, к которым он прибегает, тоже не блещут оригинальностью. Ложная многозначительность, стремление подменить научную аргументацию безапелляционной сентенцией присущи Черчиллю не в меньшей мере, чем любому заурядному буржуазному историку. Однако он превосходит реакционных историков-ремесленников своим искусством манипулировать наиболее ходовыми буржуазными теориями и идеями из области истории, социологии, права.

Идеалистическая трактовка исторического процесса сочетается у Черчилля с последовательным отказом от достижений буржуазной историографии периода ее расцвета. Одним из главных приемов автора является отрыв политической истории от истории общественно-экономического развития. Рассматриваемое сочинение — преимущественно политическая история, главное внимание в нем уделено войнам и завоеваниям. Все четыре тома пронизаны идеями милитаризма и культом милитаристов. Черчилля не интересуют экономические факторы, развитие производительных сил. Более того, он проявляет крайнюю беспомощность в тех случаях, когда пытается дать оценку некоторых экономических процессов. Это приводит к грубейшим искажениям. Так, в книге вопреки простой арифметике говорится, что в течение XVI в. уровень жизни в Англии поднялся (хотя цены увеличились в шесть раз, а заработки — в два раза) (т. II, стр. 132). Черчилль даже не пытается охарактеризовать социально-экономические итоги гражданской войны в США, которая, как известно, расчистила путь капиталистическому развитию страны.

Наиболее характерно для концепции Черчилля тенденциозное изложение им революционных эпох истории. Рассматривая ход и результаты английской революции XVII в., он идеализирует «старую добрую Англию» предреволюционной поры. Если верить тому, что написано в книге, то оказывается, что народу жилось тогда весело и привольно: не существовало «проблемы рабочего класса», «закон о бедных осуществлялся с исключительной гуманностью»; урожаи обеспечивали-де всех обильным пропитанием; богатства стекались «в карманы народа», а личное правление короля якобы не было тиранией и обеспечивало спокойствие и терпимость (т. II, стр. 155, 157). Почему же в таком случае произошла революция? Чтобы ответить на этот вопрос, автор вытаскивает отвергнутые прогрессивной историографией доводы о религиозной основе конфликта середины XVII в. в Англии. Ссылаясь на слова Кромвеля, он пишет, что «религиозная ссора» была «источником энергии», питавшим враждовавшие стороны (т. II, стр. 186). В книге подчеркиваются «идеалистические побуждения», которые, как считает Черчилль, определяли позицию роялистов и парламентариев. «С обеих сторон,— пишет он,— люди вступали в борьбу не без колебаний», но руководствовались «своей верой в высоконравственные идеалы».

Один из редакторов «The English Historical Review», покойный Р. Пейрс, в свое время метко заметил, что трудно уразуметь,

---

дится до 1901 года. Здесь автору не удалось сохранить более или менее стройную композицию: одна из частей тома, посвященная событиям в США, слабо связана с остальными, а раздел «Переселение народов» воспринимается как ненужная вставка. Главы по истории Канады, Австралии и Новой Зеландии напоминают краткие энциклопедические справки.

на каком основании рассказ Черчилля может быть назван историей народов, говорящих на английском языке[2]. Другой рецензент, Дж. Сквайр, отмечал, что, идентифицируя народы с правительствами и армиями, У. Черчилль полностью порывает с прогрессивными традициями английского буржуазного историка Дж. Р. Грина[3]. Подлинный творец истории — народ — представлен лишь в качестве статиста, который появляется на сцене только на заднем плане. Черчилль старается представить каждое народное выступление как стихийный бунт толпы. Он пишет, например, что во время революции XVII в. улицы Лондона были во власти «разъяренной», «разбушевавшейся» толпы (т. II, стр. 176, 183—184).

Черчилль отрицает, что выступления масс расшатывали устои старых порядков и нередко вынуждали эксплуататоров идти на существенные уступки. Характерна в этом отношении его оценка чартистского движения. Автор старается создать впечатление, что правительство заботилось о народе, издав «первый действенный фабричный закон» и закон о работных домах, «считавшийся весьма прогрессивным в административных и интеллектуальных кругах» (т. IV, стр. 41)[4]. Рассказывая о чартизме, он умалчивает о мощных стачках 1842 г. и даже о всенародной поддержке петиций. Сама суть движения изображается так, что создается впечатление, будто бы единственная надежда чартистов заключалась в поддержке со стороны «средних классов», а поскольку таковой не было, то все выступления окончились безрезультатно (т. IV, стр. 44). Всякий, кто знаком с историей рабочего движения в Англии, знает, что именно самоотверженная борьба пролетариата, а не благотворительность правящих классов заставила последних пойти навстречу некоторым требованиям масс.

В духе Дж. М. Тревельяна на протяжении почти всего своего труда Черчилль проповедует идею о том, что англичане всех классов и общественных слоев с незапамятных времен преклонялись перед «законом» и всячески воздерживались от взаимного насилия. В ряде случаев факты ожесточенной классовой борьбы попросту игнорируются автором, ибо не укладываются в его концепцию. Известно, например, что после подавления восстания Кэда правительство учинило жестокую расправу над участниками этого восстания (так называемая «жатва голов»). Однако у Черчилля мы не найдем об этом ни слова[5]. Черчилль преуменьшает размеры массовых репрессий в крестьянской войне 1381 г., используя лишь материалы чрезвычайных комиссий. В исторической литературе доказано, что чрезвычайные комиссии только прикрывали безграничный произвол «вернувшихся к власти правящих классов», а такие поборники «собственности», как епископ Г. Спенсер, творили расправу даже в стенах храмов[6].

Произвольный подход Черчилля к оценке исторических явлений и роли в них народных масс проявился, например, в выводе автора о характерных особенностях английской революции. Эту революцию, пишет он, отличало от остальных то, что «даже в мятеже» английский народ проявил «инстинктивную почтительность к закону и традиции» (т. II, стр. 212).

Тенденциозность Черчилля проявляется всякий раз, как речь заходит об освободительном движении. Так, он пытается уверить читателя в том, что Уэнтворт утвердил в Ирландии «порядок и процветание» (т. II, стр. 156). С сожалением говорится в книге о том, что в 1641 г. здесь наступили «темные» для состоятельных граждан времена, воцарилась «подлинная Жакерия» (т. II, стр. 179). По Черчиллю, сурового осуждения заслуживает и «полный разрыв с прошлым», который произошел во Франции в 1789 году. В работе приводятся слова английского посла в Париже, отметившего, что Франция стала «свободной страной». Но автор не согласен с такой оценкой, он противопоставляет ей небезызвестные злобные филиппики Э. Берка (т. III, стр. 225).

Черчиллю явно не по душе, что француз-

[2] «The English Historical Review». Vol. LXXIV. July 1958, p. 498.

[3] «The Illustrated London News». Vol. 231, October 19, 1957, p. 639.

[4] Ссылаясь на «недавние изыскания», Черчилль пишет, что в это время жизнь в Лондоне была здоровее, чем в «деревенской Пруссии». По своей тенденции подобные заявления перекликаются с неуклюжими попытками У. Челонера и У. Хендерсона поставить под сомнение классический труд Энгельса о положении английского пролетариата (см. об этом «Marxism Today», 1958, № 5).

[5] Точно так же в связи с восстанием моряков 90-х годов XVIII в. Черчилль умалчивает о зверской расправе над его руководителями (см. т. III, стр. 236).

[6] См. Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М. 1937. Изд. 4-е, стр. 67—69, 387. Сходные данные можно почерпнуть из книги Ч. Омэна (Ch. Oman. The Great Revolt of 1381. Oxford. 1906, pp. 134—135).

ский народ активно выступал на политической сцене в конце XVIII в.; он всячески старается показать, что во Франции в эпоху революции властвовали якобы иррациональные силы и анархия. Таких деятелей, как Робеспьер и Марат, автор чернит в духе высказываний роялистов-эмигрантов или Т. Карлейля (т. III, стр. 227, 229).

Повествование Черчилля пропитано бешеной ненавистью к силам революции. Нельзя без возмущения отнестись к грубым выпадам, которые он позволяет себе по адресу Парижской коммуны. В полном противоречии с истиной он изрекает, что коммунары «потеряли» будто бы интерес к изгнанию прусских интервентов и превратились в «кровожадных революционеров» (т. IV, стр. 221) [7]. Сговор с внешним врагом в ущерб национальным интересам Франции, злодейские убийства, вызвавшие возмущение во всем мире, разрушение материальных ценностей — все эти преступления версальцев приписываются героям-коммунарам, хотя их гуманность признавалась даже многими буржуазными историками.

Подход автора к вопросу о роли личности в истории отличается крайним идеализмом. Принижая роль масс, он преувеличивает значение отдельных представителей правивших в Англии династий, министров, военачальников. Черчилль изображает, например, Генриха VIII и Елизавету I «народными» монархами. Первому из них он готов простить все свирепые жестокости, а сочетание у «доброй королевы Бесс» «выдающихся» качеств расценивается им как «подлинное счастье» для Англии (т. II, стр. 82). При этом автор полагает, что королева Елизавета была искренней в своем «длительном флирте» с подданными; «она отдала своей стране любовь, которую она никогда целиком не отдавала ни одному мужчине, а ее народ отвечал лояльностью, почти доходившей до обоготворения» (т. II, стр. 83). Черчилль оценивает правление королевы по тем лицемерным, красивым фразам, которые имеются в ее письмах. На самом деле ханжеские разговоры Елизаветы об ответственности государей и «любви народа» только прикрывали ее политику жестокого подавления и эксплуатации трудящегося населения [8]. Сгон крестьян с земли, кровавые законы «против бродяг», казни и пытки католиков и пуритан — все это не могло, конечно, пробудить «ответных чувств» любви и восхищения в народных массах. Можно было бы привести много сходных и столь же безосновательных оценок, относящихся к другим английским монархам, из числа которых особые симпатии у Черчилля вызывают король Эдуард I, королевы Анна и Виктория. «Великими» представляются автору Людовик XIV, Фридрих II Прусский (т. III, стр. 33, 114) и т. д. В IV томе превозносится целый ряд английских политических деятелей — Пиль, Пальмерстон и др. Даже такой недалекий политикан, как Джон Рассел, изображен автором «поклонником свободы» (т. IV, стр. 35, 40). Черчилль не показывает, каким же образом перечисленные им «великие люди» определяли ход исторических событий. Его излюбленный герой Питт-Старший чуть ли не единолично выиграл семилетнюю войну: «Вся борьба зависела от энергии этого одного человека» (т. III, стр. 123). Персонификация истории преобладает и в разделах о США. Приверженность Черчилля к культу милитаристов особенно проявляется в его симпатиях к колонизаторам. Какими только благородными свойствами не наделяет он кровавого палача китайского и суданского народов генерала Ч. Д. Гордона, этого, по его мнению, «героя из героев» (т. IV, стр. 266—269) [9].

Описание военных кампаний занимает центральное место во всех томах. Так, в главе об Англии после переворота 1688 г., открывающей III том, автор лишь упоминает про «билль о правах» и не считает нужным сказать о других мерах нового правительства. «Сэр Уинстон, как и сам Вильгельм III, пробежал по этим делам как можно быстрее, чтобы заняться вой-

---

[7] Конечно, Черчилль не обошелся без ссылок на судьбу парижского архиепископа и «многих священников». Между тем известно, что Коммуна не раз предупреждала версальцев, что она вынуждена будет покарать заложников (среди них был и архиепископ), если реакционеры не прекратят свои «жестокости, какими не запятнал себя даже неприятель, вторгшийся во Францию» (см. «Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года». Т. I. М. 1959, стр. 98, 103—104, 107).

[8] См. В. В. Штокмар. Очерки по истории Англии XVI века. Л. 1957, стр. 63—64.

[9] Когда Судан обрел независимость, статуя Гордона в Хартуме была сброшена с пьедестала, что лишний раз свидетельствует о той «памяти», которую оставил о себе Гордон среди суданцев.

нами»,— писал Р. Пейрс [10]. Действительно, войны конца XVII и начала XVIII в. (и прежде всего операции Мальборо) даются во всех деталях. Гений Мальборо, заявляет Черчилль, обеспечил победы и славу Англии (т. III, стр. 32, 82) [11]. Война, по мнению Черчилля, полностью соответствовала национальным интересам страны и поддерживалась всем английским народом (т. III, стр. 27—28).

Хуже пошли дела, сетует Черчилль, при Ганноверской династии, в период, когда первым министром стал Р. Уольполь. Общественная жизнь деградировала из-за «материализма», и самое печальное, по мнению автора, заключалось в том, что войны прекратились, наступили «бесцветные дни»; «...все, что было сильного и предприимчивого в английском характере, терзалось при этом жалком, сонном правительстве» (т. III, стр. 97, 100). Черчилль коротко повествует об этом «скучном» времени и вновь принимается с упоением воспевать походы и битвы середины XVIII века. Начались, восклицает он, «годы почти опьяняющей славы для Питта и его страны» (т. III, стр. 125). Весьма подробно изложен ход войн Англии с Французской республикой и империей (исключение составляет описание неудачных для англичан операций в Нидерландах). В той части книги, где автор касается истории США с 1815 по 1865 г., шесть глав из восьми почти целиком посвящены утомительным обзорам операций и передвижений южных и северных армий в период гражданской войны.

Вопрос о войнах неразрывно связан с трактовкой Черчиллем внешней политики и роли Англии и США в международных отношениях. В свою очередь, эти проблемы ставятся автором в зависимость от пресловутой теории господства на море, которую он проповедует. Во всех случаях, где речь идет о флоте и борьбе на море, голос Черчилля-историка начинает звучать как голос первого лорда адмиралтейства, восхваляющего традиции Нельсона и ратующего за гонку морских вооружений. Прослеживая (и одобряя) все агрессивные акты Англии, автор постоянно подчеркивает, что создание и совершенствование могучего военно-морского флота являлось залогом успехов в осуществлении английской внешней политики.

Повествуя о войнах с Францией, Черчилль преувеличивает роль вооруженных сил Англии и принижает действия союзников. Так, например, говоря о войне за испанское наследство, он допускает немало выпадов против Голландии, а такого выдающегося полководца, как принц Евгений, пренебрежительно называет «сухопутным животным», не понимавшим значения морского флота (т. III, стр. 57). Автор фактически оправдывает Англию, когда она поторопилась заключить мир, бросив своих союзников на произвол судьбы.

В войнах 1793—1815 гг. Англия играла первую скрипку. Однако все объективные историки признавали огромную роль России и других континентальных стран в победе над наполеоновской Францией. Черчилль приписывает конечный успех одной Англии (т. IV, стр. 5). Что касается ее союзников, то они, по мнению автора, лишь «изредка были надежны» (т. III, стр. 238). Превозносятся операции Нельсона на Средиземном море, автор ничего не говорит о том отпоре, который встретил Бонапарт в Египте и Сирии, о действиях русского флота и морской пехоты и даже о блестящей кампании Суворова в Северной Италии.

После Ватерлоо Англия, заявляет Черчилль, стала бескорыстным покровителем Франции, на которую обрушивались континентальные державы (включая и Россию) (т. IV, стр. 5). Достаточно вспомнить о давно уже опубликованных отрывках из переписки лорда Ливерпуля с Кэслри, чтобы убедиться, что подобная версия не соответствует фактам [12].

Каннинг предстает перед читателем сторонником независимости балканских государств. У этого политического деятеля, говорит Черчилль, был план «сдерживания» России посредством создания блока независимых государств на развалинах Турции (т. IV, стр. 55—56). На самом же деле Каннинг, Пальмерстон и другие руководители британской дипломатии никогда не

---

[10] «The English Historical Review». Vol. LXXIV, July 1958, p. 498.

[11] Голландский ученый П. Гейль отмечает, что «идолизируя» Мальборо, Черчилль, между прочим, закрывает глаза на те факты и сведения, которые содержатся в опубликованной переписке английского полководца («History Today», December 1957, p. 861).

[12] 10 июля 1815 г. Ливерпуль, например, писал: «...мы должны искать безопасности на границах в материальном ослаблении могущества Франции» (см. С. Соловьев. Император Александр Первый. Политика.— Дипломатия. СПБ. 1877, стр. 362).

выступали за подлинную независимость балканских государств.

Довольно односторонне изложен в IV томе ближневосточный вопрос 50-х годов XIX века. Только косвенно автор признает подстрекательство Стрэтфорда в развязывании русско-турецкой войны (т. IV, стр. 57) [13], а воинственность Англии он объявляет исключительно следствием «нападения» русских на Синоп (т. IV, стр. 57, 58). Таким образом, усилия Черчилля направлены на то, чтобы скрыть от читателя ту неблаговидную роль, которую играла Англия в Европе и на Ближнем Востоке.

Если верить автору, то Англия являлась столпом мира в Европе, оказывала сдерживающее влияние на другие державы; она не вмешивалась во внутренние дела других государств и соблюдала нормы «морали» в международных отношениях (см. т. IV, стр. 22, 214 и др.). Черчиллю, видимо, очень важно доказать, что англо-саксонские державы всегда придерживались самых «высоких» принципов. Ведь и сейчас Англия и США грубо нарушают суверенитет ряда стран и так же, как в XIX в., прикрывают свою агрессию лицемерными фразами о невмешательстве. Он оправдывает грубейшее нарушение норм международного права Англией в 1807 г., когда английская эскадра бомбардировала Копенгаген и сожгла часть города, причем в огне погибло много сотен мирных жителей (т. III, стр. 225) [14]. Автор полагает, что вторжение английских войск в Португалию в 1826 г. (т. IV, стр. 24—25), английские происки в США во время войны 1861—1865 гг. нельзя рассматривать как вмешательство во внутренние дела государств (т. IV, стр. 144, 171, 183). Бесчисленные нарушения суверенных прав Китая со стороны Англии совсем не упоминаются. Почти ничего не говорится о вмешательстве Англии в дела Мексики, Венесуэлы и других латиноамериканских стран. Черчилль не устает повторять, что в течение XIX в. «королевский флот» служил «щитом», прикрывавшим западное полушарие (т. III, стр. 297, т. IV, предисловие, стр. VII, 24). В итоге читателю преподносится ложный вывод: британский флот — гарантия свободы в Америке.

Внешняя политика Англии в новое время все сильнее подчинялась интересам колониальной буржуазии. В рецензируемом сочинении английская колониальная политика предстает в самом неправдоподобном виде. Автор тщится доказать, что британская империя складывалась чуть ли не стихийно, что правящие классы Англии не стремились к территориальным приобретениям. Ост-индская компания хотела-де только торговать, желала «дивидендов, а не войн», но «беспорядок», царивший в Индостане, вовлекал ее все глубже и глубже во внутренние дела страны (т. III, стр. 180—182). По поводу захватов Англии в Афганистане, Пенджабе и т. п. Черчилль повторяет старые россказни британских колониалистов о «русской угрозе» (т. IV, стр. 65). Лишь улыбку может вызвать заявление о том, что Дизраэли аннексировал бурское государство, чтобы «спасти его от гибели...» (т. IV, стр. 264).

Автор довольно бегло касается отдельных сторон колониальной экспансии Англии в Ирландии, Египте и т. п.

Несколько подробнее обрисована британская политика в Индии. В этой связи следует отметить, что современные английские буржуазные историки уделяют проблеме англо-индийских отношений много внимания. Они вновь и вновь пытаются обелить действия британских колонизаторов в Индии и способствовать тем самым сохранению английского влияния в этой стране [15]. Индия, уверяет Черчилль, вполне созревшая для «европейской интервенции», являлась ареной анархии и кровопролития, а Великобритания создала здесь мир и порядок (т. III, стр. 175—176, 182). Британское управление было, мол, «единственной альтернативой» для народов Индии (т. III, стр. 189—190). Такую точку зрения, конечно, не разделяют ни ученые, ни широкие круги общественности Индии и Пакистана.

Особенно грубые искажения Черчилль допустил при изложении восстания в Индии

---

[13] Новые архивные данные о том, что Англия желала войны, привел недавно В. Тройэ (W. Treue. Der Krimkrieg und die Entstehung der modernen Flotte. Göttingen. 1954, S. 10—11).

[14] Зато он готов, например, представить «коварством» действия русского флота, разгромившего турок в бою при Синопе (т. IV, стр. 57—58).

[15] См., например, R. Hilton. The Indian Mutiny. A Centenary History. London. 1957. Хилтон посвятил свою книгу «дружбе» Англии, Индии и Пакистана; он прибегает к грубой фальсификации, характеризуя великое национальное восстание 1857 г. как бунт реакционеров.

в 1857 — 1859 годах. Разбирая ход восстания, он все время твердит о превосходстве сил «мятежников» (даже в артиллерии!), об их «зверствах», о «закономерности» британского «возмездия» (т. IV, стр. 68 — 70). С этой точки зрения сочинение Черчилля сродни тем английским книгам, в которых, как писал министр просвещения Индии А. К. Азад, охотно сообщаются подробности о «зверствах», совершенных индийцами, но замалчиваются преступления англичан против народов Индии [16]. Между тем жестокости, совершенные индийцами, явились лишь ответом на произвол британских властей, а «жертвы, понесенные индийцами, в сотни раз превышают число убитых в Канпуре» [17]. Характеризуя зверства колонизаторов, современный индийский ученый пишет, что они «не делали никакого различия между невинными и виновными» [18].

Черчилль преуменьшает масштабы, искажает характер восстания (т. IV, стр. 68 — 70). Он всерьез пытается представить Каннинга милосердным генерал-губернатором, хотя даже Р. Хилтон считает его сторонником самого свирепого террора [19].

Наконец, Черчилль сообщает читателю, что после прокламации королевы, которую индийцы якобы расценили как «Великую хартию», в Индии наступили мир и благоденствие (т. IV, стр. 70, 72). Но на деле после 1858 г. изменились только методы управления, которые стали еще более изощренными. Британские власти последовательно проводили агрессивную политику, существо которой цинично определял журнал «The Westminster Review»: «Правильная политика в Индии должна состоять в натравливании расы против расы и касты против касты» [20].

В настоящем обзоре нет возможности подробно проанализировать взгляды Черчилля по истории США. Остановимся на некоторых искажениях, которые он допускает, изображая Америку эпохи гражданской войны и Реконструкции. Из-за чего возник конфликт между Югом и Севером? Экономические причины, уверяет автор, не сыграли сколько-нибудь заметной роли (т. IV, стр. 123); значительно важнее-де были моральные, политические, конституционные причины гражданской войны (т. IV, стр. 123—124). Выпячивая конституционную сторону конфликта Южных и Северных штатов, Черчилль повторяет доводы конфедератов о суверенном праве каждого штата на отделение. Он старается создать впечатление, что южане, ведя войну, поступали совершенно правильно (т. IV, стр. 124, 132—134, 137), хотя, как известно, мятежники прямо нарушили статью 1 (отдел 10) конституции 1787 г. и специальную прокламацию Э. Джэксона от 10 декабря 1832 года.

Особенности гражданской войны, принявшей с 1862—1863 гг. характер буржуазно-демократической революции, не интересуют автора. Он придает решающее значение в истории гражданской войны некоторым случайностям, что приводит к абсурдным оценкам. Например, Черчилль указывает на смерть генерала Джэксона как на серьезную причину поражения Юга (т. IV, стр. 182, 190). В работе ничего не говорится о той великой роли, которую сыграли в победе трудящиеся и в особенности рабочие Северных штатов. Законы против рабства у Черчилля оказываются чуть ли не личной прихотью А. Линкольна, не получившей якобы отклика среди населения (т. IV, стр. 169 — 171, 182), а закон о гомстэдах вовсе не упоминается. Время от времени автор пробует даже «доказывать», что население Северных штатов не понимало целей войны, саботировало декреты о воинской повинности и т. п. Оправдывая бессмысленное сопротивление конфедератов в 1864 — 1865 гг., Черчилль столь же необоснованно утверждает, что во время известного похода Шермана к побережью Атлантики северяне предавали огню и мечу все, что им встречалось на пути (т. IV, стр. 196, 204).

Трактовка автором положения, сложившегося в Южных штатах, весьма напоминает писания американских расистов О. Читвуда, Ф. Оусли, Дж. Родса и им подобных. Достаточно сказать, что негры-рабы изображены в качестве верных вассалов своих белых господ; они будто бы и не помышляли о возможности активной борьбы за свое освобождение (т. IV, стр. 137, 170 —

---

[16] См. предисловие к книге Surendra Nath Sen. Eighteen Fifty-seven. Delhi. 1957, p. V.

[17] Р. С. Мазумдар. Бесчинства в Дели в 1857 году. Сборник статей «Народное восстание в Индии в 1857—1859 гг.». М. 1957, стр. 215. Р. Мазумдар справедливо добавляет, что «подробное описание злодеяний британцев составило бы целый том» (там же).

[18] Surendra Nath Sen. Указ. соч., стр. 415.

[19] См. R. Hilton. The Indian Mutiny, pp. 208—210.

[20] «The Westminster Review», New Series. Vol. XIII. London. January 1858, p. 208.

171, 203, 239)[21]. Касаясь последствий гражданской войны, автор практически обходит центральный тогда вопрос о наделении негров землей.

Период Реконструкции именуется в сочинении «постыдным и позорным эпизодом» в американской истории (т. IV, стр. 245). В это время радикалы, заявляет автор, проводили на Юге «расовую политику» и всячески стремились унизить «благородную» и «гордую» аристократию (т. IV, стр. 240—241, 244). Черчилль пытается представить дело так, будто бы в течение нескольких лет негры «господствовали» в некоторых штатах. Его выпады против «негритянских правительств» того периода сочетаются с косвенной защитой погромной организации Ку-клукс-клан (т. IV, стр. 244—246). С нескрываемым удовлетворением Черчилль пишет, что наконец в 1877 г. «преобладание» белых было окончательно восстановлено (т. IV, стр. 245). Таким образом, мы можем сказать, что в главах по истории США особенно наглядно проявилась расистская идеология автора рассматриваемого сочинения.

Зарубежные рецензенты уже обратили внимание на целый ряд фактических неточностей в книге. Многие из них в значительной степени проистекают из сознательного стремления автора игнорировать достижения передовой науки. При освещении проблем английской революции Черчилль пренебрегает, например, выводами как советской исторической школы, так и прогрессивных историков Англии. Ряд не соответствующих действительности утверждений в области истории США, несомненно, связан с тем, что автор и его советники игнорируют аргументированные исследования Г. Эптекера, У. Э. Б. Дюбуа, Дж. Эллена и других прогрессивных американских историков. Трактовка Черчиллем англо-индийских отношений — свидетельство игнорирования автором трудов индийских ученых нашего времени. Несомненно, эти промахи не случайны и вытекают в конечном счете из порочной методологии.

Однако речь идет не только о личных взглядах Уинстона Черчилля. Нам представляется, что широкое распространение этих писаний Черчилля в странах Запада объясняется кризисным состоянием буржуазной исторической мысли и, в частности, упадком буржуазной историографии в Англии.

Сочинение Черчилля — военно-политическая история; акцент в ней делается на войнах и завоеваниях. В свое время Дж. Р. Грин справедливо протестовал против такого подхода. «Давайте лучше обратимся к тому, что достигнуто в периоды мира»,— призывал он. Ныне многие реакционные авторы на первый план выдвигают военную историю, пытаясь опровергнуть «устарелые», по их мнению, взгляды Грина[22]. В этом не последнюю роль играет Черчилль.

Подводя общий итог обзору, следует еще раз подчеркнуть, что в рецензируемой работе Уинстон Черчилль выступил как идеолог умирающего капитализма, апологет порочной теории превосходства англо-саксонской расы. «История народов, говорящих по-английски» представляет собой типичный образец буржуазной фальсификации.

К. Б. Виноградов

[21] Автор пишет даже, что негры добросовестно трудились на плантациях без всякой охраны (т. IV, стр. 137, 203). Правда заключается, однако, в том, что для охраны плантаций южанам пришлось выделить стотысячную регулярную армию. И тем не менее известно по крайней мере о 25 восстаниях рабов (см. Р. Ф. Иванов. Борьба негров за землю и свободу на юге США (1865—1879 гг.). М. 1958, стр. 20, 29—32).

[22] См. Sh. Oman. On the Writing of History. New York. 1939. Chap. IX; C. Falls. The Place of War in History. Oxford. 1947.

Заметки о книгах

Jaroslav ŠEDIVÝ a Květa KOŘALKOVÁ. *15 budovatelských let. Zahraniční politika* ČSR v letech 1945—1960. Státni nakladatelství politické literatury. 1960. Praha. 166 s.

Ярослав ШЕДИВЫ и Квета КОРЖАЛКОВА. *15 созидательных лет. Внешняя политика ЧСР в 1945—1960 годах.*

Недавно Государственное издательство политической литературы в Праге выпустило под рубрикой «15 созидательных лет» серию книг, в которых подводятся итоги политического, экономического и культурного развития социалистической Чехословакии за пятнадцать лет ее существования. Среди вышедших в этой серии работ обращает на себя особое внимание книга «Внешняя политика ЧСР в 1945—1960 годах» Ярослава Шедивы и Кветы Коржалковой.

В книге, состоящей из шести глав, рассказывается о последовательной миролюбивой внешней политике, которую осуществляли Коммунистическая партия и народное правительство Чехословакии. На страницах книги излагаются основные принципы чехословацкой внешней политики, краеугольным камнем которой является искренняя, нерушимая дружба и сотрудничество с Советским Союзом и всеми странами социалистического лагеря, борьба за сохранение мира, за дружбу между народами и мирное сосуществование.

Книга написана на богатом фактическом материале, содержит интересные сведения о значительном вкладе чехословацкого народа в дело укрепления мира и международной безопасности, о его борьбе за свободу, суверенитет и независимость родины, против агрессивных притязаний империалистов.

В первой главе, «Борьба за создание и последовательное осуществление внешнеполитической ориентации народно-демократической Чехословакии (1945—1948)», рассказывается об огромной братской помощи, оказанной Советским Союзом чехословацкому народу в деле его освобождения от фашистского ига, о создании народного правительства, об утверждении 5 апреля 1945 г. первой (Кошицкой) программы народно-демократического правительства, сформулировавшей основные принципы внутренней и внешней политики Чехословакии.

Империалисты США и других западных держав, не желая мириться с происшедшими изменениями, с первых лет становления и развития народно-демократического строя в Чехословакии обрушили на нее лавину угроз, шантажа, диверсий. Правящие круги Соединенных Штатов, Англии, Франции и других империалистических держав объявили экономическую блокаду Чехословакии и с помощью своей агентуры пытались реставрировать в стране капиталистический строй.

США уже с 1945 г. стали на путь грубого нарушения суверенитета молодой Чехословацкой Республики. Одной из таких провокаций, вызвавших возмущение международной общественности, явилось вторжение на территорию Чехословакии в феврале 1946 г. группы американских солдат и похищение ими секретного архива бывшего фашистского гаулейтера в Чехословакии Франка (последний при поспешном бегстве оккупантов зарыл свои архивы в окрестностях Штеховиц) (35 стр.). Уже в те годы США стали открыто поддерживать реваншистские элементы в Западной Германии, которые нагло угрожают независимости Чехословакии и покушаются на ее территориальную целостность, требуют пересмотра ее границ (стр. 38). В это время США прибегают к самым различным формам экономического давления, чтобы затормозить развитие Чехословакии и заставить ее изменить внешнеполитическую ориентацию. В сентябре 1946 г. представители США прервали торговые переговоры с Чехословакией. Более того, они помешали республике получить кредит в Международном банке для закупки машин и сырья. Американские политики не скрывали, что срыв ими торговых переговоров объясняется тем, что Чехословакия поддерживала позицию, занимаемую Советским Союзом на Парижской мирной конференции. Правящие круги США не хотели мириться и с тем, что Чехословакия встала на путь народной демократии и независимого развития. Авторы книги подчеркивают, что действия агентов США были одной из форм экономического давления на Чехословакию. Империалисты пытались затормозить строительство социализма в этой стране (стр. 35).

Одновременно с экономическими санкциями империалисты прибегали к идеологической диверсии против Чехословакии, распространяя утверждения о том, что якобы социализм пригоден лишь для отсталых в экономическом отношении, главным обра-

зом, аграрных стран и что он не пригоден для Чехословакии, где еще после второй мировой войны был сравнительно высоким уровень промышленного развития (стр. 40).

Однако чехословацкий народ, взявший власть в свои руки, опираясь на поддержку Советского Союза и всех стран социалистического лагеря, не поддался запугиваниям империалистической пропаганды.

Кульминационным пунктом вмешательства международной реакции в дела Чехословакии и активизации в стране сил внутренней контрреволюции был 1948 год, когда империалисты и их агентура внутри страны сблокировались для осуществления заговора против завоеваний народно-демократической революции. Чехословацкие трудящиеся массы сплотились вокруг коммунистической партии и дали отпор контрреволюции.

В главе «Победоносное завершение борьбы за последовательную внешнеполитическую ориентацию Чехословакии и значение февраля 1948 года для ее международного положения» отмечается, что поражение реакции в Чехословакии в феврале 1948 г. имело значение не только для чехов и словаков. Победа трудящихся страны опрокинула расчеты правящих кругов империалистических держав дезорганизовать и приостановить демократическое развитие в народно-демократических странах Восточной и Юго-Восточной Европы (стр. 59). Провалились намерения реакционеров свергнуть народно-демократический строй, передвинуть границы капиталистического мира на Восток, непосредственно к рубежам СССР (стр. 60). Очистившись от внутренней контрреволюции, чешский и словацкий народы решительно отвергли империалистические «теории» о так называемой особой роли Чехословакии как посредника между Западом и Востоком (стр. 61).

В третьей главе, «Положение Чехословакии в социалистическом лагере, борьба против нападок международной реакции (1948—1949 гг.)», говорится о дальнейшем расширении экономического и политического сотрудничества Чехословакии с Советским Союзом и народно-демократическими странами. В главе рассказывается о попытках западных держав использовать февральские события 1948 г. для усиления «холодной войны». Буквально через три дня после поражения контрреволюции в Чехословакии правящие круги США начали дискриминационные действия против Чехословацкой Республики. 27 февраля 1948 г. государственный секретарь США Маршалл заявил, что Соединенные Штаты отказываются предоставить Чехословакии кредит для закупки хлопка в США. Просьбу Чехословакии о кредите отклонил тогда и Международный банк, контролируемый Соединенными Штатами. 1 марта 1948 г. конгресс США запретил торговлю со всеми социалистическими странами, в том числе и с Чехословакией (стр. 66). К дискриминационным мерам в области экономических отношений прибегли и правящие круги Великобритании, которые 26 февраля 1948 г. сорвали переговоры о заключении торгового соглашения между Англией и Чехословакией (стр. 67).

Вопиющим актом вмешательства во внутренние дела чехословацкого народа была постановка правящими кругами Англии и Франции в Совете Безопасности ООН вопроса о февральских событиях в Чехословакии.

Несмотря на все усилия империалистов, им не удалось навязать Чехословакии свою волю и поколебать ее решимость идти по социалистическому пути. Советский Союз и народно-демократические страны выступили в защиту суверенитета Чехословакии, против нападок империалистических кругов капиталистических государств и оказали ей необходимую помощь предоставлением кредитов, промышленного оборудования, сырья и продовольствия.

Четвертая глава называется «Вклад чехословацкой внешней политики в укрепление социалистической системы в период обострения международной напряженности». В этой главе рассматриваются внутреннее положение страны и внешнеполитические события в 1951—1954 годах.

В эти годы, характеризовавшиеся обострением «холодной войны», империалистические страны стремились затормозить экономическое и политическое развитие социалистических стран. Империалисты расширили шпионскую деятельность против стран лагеря социализма, в том числе против Чехословакии. Особую угрозу эта деятельность приобрела после того, как в 1951 г. конгресс США принял решение об ассигновании 100 млн. долларов на подрывную деятельность против социалистических стран (стр. 85). Чехословакия, как и другие социалистические страны, осудила это грубейшее нарушение международного права и заявила решительный протест против подобных действий.

В то же время американские империали-

сты продолжали проводить экономическую агрессию против Чехословацкого государства. В сентябре 1951 г. по настоянию США Чехословакия была исключена из международной торговой организации (ГАТТ). Тогда же США заявили о денонсации торгового соглашения между Чехословакией и США.

Активную деятельность, направленную на срыв социалистического строительства в стране, в частности на срыв плана кооперирования сельского хозяйства и экономического снабжения с целью дезорганизовать хозяйственную жизнь республики, развила католическая церковь, возглавляемая Ватиканом, которая пыталась привлечь на свою сторону верующих. Однако преступная деятельность католической реакции окончилась провалом.

В осуществлении принципов своей внешней политики Чехословакия последовательно выступала против агрессивных планов империализма в Корее, Вьетнаме, на Ближнем и Среднем Востоке, за мирное сосуществование и демократическое решение проблемы обеспечения международной безопасности.

В главе пятой, «Вклад Чехословакии в развитие мирного сосуществования и экономического соревнования после 1955 года», освещаются взаимоотношения Чехословакии с социалистическими странами, сотрудничество республики со слаборазвитыми странами, ее участие в работе международных организаций.

В заключении книги отмечается, что чехословацкая внешняя политика в решении всех важнейших вопросов опирается на единство и сплоченность всего социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом.

Ценность рецензируемой работы заключается в том, что в ней не только освещены успехи чехословацкой внешней политики, но и показано, что они обусловлены верностью коммунистической партии, правительства и народа учению марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма, идеям мира и дружбы между народами. Книга отражает рост международного авторитета Чехословацкой Республики. Если до второй мировой войны Чехословакия была объектом политических махинаций империалистических держав, печальным результатом которых явился Мюнхенский сговор, то теперь она стала суверенной, полностью независимой страной и принимает активное участие в решении международных вопросов.

Рассматриваемая книга показывает, что в борьбе с империалистами победу одержала народно-демократическая Чехословакия. Это стало возможным потому, что Чехословакия находится в лагере социалистических государств, который твердо и последовательно стоит на страже принципов сохранения суверенитета и независимости больших и малых стран.

Логическим продолжением книги являются опубликованные в последнее время документы о деятельности чехословацкого правительства в области внешней политики и международных отношений. Коммунистическая партия Чехословакии и правительство страны последовательно проводят политику мирного сосуществования и экономического соревнования государств с различным социально-политическим строем, горячо поддерживают предложения и мероприятия Советского Союза по разоружению и запрещению атомного и термоядерного оружия.

Рецензируемая книга с интересом будет встречена пропагандистами, историками, научными работниками, изучающими внешнюю политику Чехословацкой Социалистической Республики.

Ф. П. Петров

ΓΙΩΡΓΗ Ι. ΖΩΪΔΗ. ΠΑΤΡΟΠΑΡΑΔΟΤΗ ΦΙΛΙΑ. ΕΛΛΑΔΑ — ΡΩΣΣΙΑ. ΠΟΛΙΤΙΚΕΣ

ΚΑΙ ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΚΕΣ ΕΚΔΟΣΕΙΣ. 1958. 267 Σελ.

ЕРГОС И. ЗОИДИС. *Традиционная дружба. Греция — Россия.*

Греческий историк Е. Зоидис написал интересную книгу о многовековой дружбе, тесных экономических, политических и культурных связях, издавна существовавших между греческим и русским народами.

Вспоминая в предисловии к книге легенду об аргонавтах, в которой образно повествуется о первой попытке обитателей древней Греции установить контакт с народами, жившими в то время на территории, входящей сейчас в границы Советского Союза, автор справедливо замечает, что истоки дружественных отношений между народами СССР и Греции уходят в даль веков. В первой главе, названной «Древние греки и фракийцы на Черноморском побережье», Зоидис рассказывает о связях греков с обитателями Причерноморья — скифскими и фракийскими племенами. В VIII — VI вв.

до н. э. на побережье Черного моря возникли греческие колонии. Последующий период (с VII в. до падения Византии в середине XV в.) рассматривается во второй главе книги — «Византия и Россия». Дружеские отношения греков и славян в этот период проявлялись в установлении дипломатических и иных связей Киевской Руси и других русских княжеств с Византией.

Русь была верным другом и союзником Византии. В книге приводятся многочисленные примеры, свидетельствующие о помощи русских княжеств Византии во время ее борьбы против турецкого нашествия. Автор напоминает, что именно Русь оказала поддержку Византии и помогла ей собрать войско для отражения турецкого натиска. Переплетение экономических интересов Руси и Византии способствовало социальному и экономическому развитию этих стран.

Особое внимание уделяет автор выяснению вопроса о благотворном влиянии русско-греческих связей на развитие культуры на Руси.

Падение Византии, как показывает Е. Зоидис, не прервало тесные узы дружбы между двумя народами. В третьей главе книги рассматривается история совместной борьбы русских и греков против турецкого ига в период с 1453 по 1821 год. Многовековая дружба греков и народов России вселяла у первых надежду на то, что именно Россия поможет им освободиться от турецкого гнета. Русско-турецкие войны XVIII в. ослабили Оттоманскую империю и способствовали подъему освободительной борьбы балканских народов. На основе исторических документов автор показал, что греки смотрели на русский народ как на верного союзника и старшего брата, который поможет ему в освободительной борьбе.

В период греческой революции 1821 г. дружба и братство между греческим и русским народами проявились с особой силой. В России родилась первая организация греческих революционеров — «Общество братства». Освободительная борьба греков нашла глубокий отклик среди народов России. Передовые люди России и в первую очередь декабристы стали на защиту греческой революции. Автор обращает особое внимание на борьбу передовых представителей русской культуры, и в частности деятелей литературы, за свободу греческого народа. Официальная Россия, заинтересованная в укреплении своего влияния на Балканах, поддержала греческое восстание, выступив против Турции. Победа русского оружия над турками и Адрианопольский мир заложили фундамент независимого государственного существования греческого народа.

В главе «Греко-русские связи в период 1829—1917 гг.» рассказывается о помощи народов России Греции, которую пытались закабалить Англия вкупе с Турцией. В этой главе автор уделяет много места вопросам связи русской и греческой культуры в XIX в., например, влиянию русской литературы XIX столетия на формирование новогреческой литературы.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла новое содержание в многовековую дружбу народов двух стран. Отношение СССР к Греции основывается на принципах равенства и дружбы между народами. В книге приводятся материалы из органа Греческой коммунистической партии «Ризоспастиса», рассказывающие о поддержке греческим народом Октябрьской революции. Из балканских государств Греция первая признала Советскую Россию.

С огромной благодарностью, свидетельствует автор, относится греческий народ к народам СССР, которые внесли большой вклад в дело освобождения Греции из-под ига итальянского и германского фашизма. Автор подчеркивает, что героическая борьба советского народа против гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны воодушевила греческий народ на борьбу против итало-германской фашистской оккупации. Победа Советского Союза над германским и итальянским фашизмом, пишет Е. Зоидис, сыграла решающую роль в освобождении Греции, которую русский народ на протяжении 120 лет дважды спасал от иноземного ига, угрожавшего самому существованию страны.

Искреннее и бескорыстное отношение Советского государства к Греции укрепило чувства дружбы и любви, которые питает греческий народ к советскому народу. Е. Зоидис заканчивает свою книгу словами, выражающими твердую уверенность в дальнейшем расширении и упрочении многовековой дружбы между братскими народами.

С. И. Травин

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Századok». Budapest. 1960, № 1—3.

Статьи: Д. Немеш. Развитие народной Венгрии. 1945—1960 гг.; Э. Мольнар. Развитие венгерской историографии в прошлом десятилетии. Выступления по докладу Э. Мольнара: Дь. Эмбера, Дь. Секеля, М. Хорвата, А. Шагвари, О. Сабольча. Заключительное слово Д. Немеша. Э. Фюгеди. Хозяйство эстергомского архиепископства в конце XV в. (часть I); П. Хорват. О некоторых вопросах буржуазной исторической и правовой литературы по проблемам средневековой сельской общины (часть II); Т. Самуэли. О некоторых вопросах военной доктрины и организации германской фашистской армии в первый период второй мировой войны; Дь. Мереи. К критике исторической концепции Дьюлы Секфю; Иштван Сеченьи (по поводу столетия его смерти). Сообщения: В. Зиманьи. Материалы по истории гайдуков в Трансдануби; Л. Керекеш. Документы министерства иностранных дел Венгрии, относящиеся к предыстории захвата Австрии Германией. Дискуссия: И. Шош. К вопросу о публикации источников по истории сел. Исторический фронт Советского Союза и стран народной демократии: Й. Мацек. Положение и задачи чехословацкой исторической науки в период социалистического строительства; Ю. Кучинский, В. Роббе. Преподавание и исследование экономической истории в Германской Демократической Республике.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 4.

Статьи: Хорст Кюне. Пятая колонна немецко-фашистского империализма в Юго-Западной Африке (1933—1939 гг.); В. Рауссер. Об экономической политике Коммунистической партии Румынии на первом этапе народно-демократической революции; Фриц Клейн. О политике германского империализма в отношении Китая в 1900 году; Эдуард Винтер. К вопросу об истории немецко-русских научных связей в XVIII веке. Сообщения: Манфред Штраубе. Новые доказательства фашистской деятельности Теодора Оберлендера; Хорст Бартель. Социалистическая ежедневная печать как источник по истории нашей республики; Эрих Лангелюддекке. О принципе компенсации и выкупа при закреплении собственнических прав и замене барщины у крестьян в прусских землях к востоку от Эльбы в XIX веке; Герхард Щёбиц. «Von der newen wandlung eynes Christlichen Lebens» — зачастую неверно толкуемый письменный памятник периода после Великой крестьянской войны в Германии.

«Przegląd Historyczny». Warszawa. 1960, № 1.

Статьи: Т. Василевский. О военных обязанностях сельского населения и о социальном составе конных и пеших войск в период раннего средневековья в Польше; З. Свитальский. Пошлины с денег, вывозимых за границу в шляхетской Речи Посполитой в 1598—1659 гг.; Э. Цесьляк. Гданьский проект кассы для выкупа моряков из рук пиратов в середине XVIII в.; Е. Михальски. Депутатские сеймики 1788 г.; И. Хомола. Борьба за свободу печати в польской публицистике второй половины XVIII в.; Ю. Комар. Гродненские манифестации накануне восстания 1863—1864 гг.; В. Найдус. Классовые профсоюзы в Галиции. Материалы: С. Вархолик. Классовая борьба горняков Бохненских соляных копей; С. Кинневич. Исповедь Лавцевича.

«Przegląd Historyczny». 1960, № 2.

Статьи: Е. Колендо. К вопросу о развитии земледелия в Римской Галлии. Применение жатки; Ж. Дюби. Некоторые замечания по истории сельского хозяйства Франции в середине XIII в.; Б. Зентара. Проблемы депрессии сельского хозяйства в XIV—XV вв. в свете новейших исследований; С. Руссоцки. Заметки о торговой политике мазовецких князей в XIV и XV вв.; А. Мачак. Кредит в крестьянском хозяйстве на Мальборских Жулавах

в начале XVII в.; М. Лех. Восстание белорусских крестьян в Крачевском старостве (1740 г.); Е. Михальски. Депутатские сеймики 1788 г. (часть II. Ход сеймиков). Материалы: С. Шахерска. Неизвестные привилегии Варшавы в XV — начале XVI в.

«Historie a vojenstvi». Praha. 1960, № 1.

Статьи: К. Бартошек. Пражская операция Советской Армии в мае 1945 года; Я. Шолц. Начало партизанского движения в Словакии; М. Разек. Оккупация Закарпатской Украины чехословацкими войсками весной 1919 года; В. Эккерманн. Фердинанд фон Шилл.

«Historie a vojenstvi». 1960, № 2.

Статьи: Р. Ветишка. Борьба Коммунистической партии Чехословакии за интересы народа нашей страны, за свободу народов Чехословакии во второй мировой войне; Л. Свобода. В совместных боях закалилась чехословацко-советская дружба; О. Рытир. Всесторонне использовать опыт боев чехословацкой военной части в СССР при воспитании и обучении войск; Я Прохазка. Значение и роль Коммунистической партии Чехословакии при создании и развитии чехословацких военных частей в СССР; Я. Кучера. Роль партизанского движения в борьбе за победу национальной и демократической революции в ЧСР.

«Лиши яньцзю». Пекин. 1960, № 4.

Статьи: Ши Дун-мин. Высоко поднять знамя ленинизма, защищать партийность в исторической науке; Юй Дань-чу. Последовательно осуществить политику партии «пусть соперничают сто школ» в исторической науке; Сунь Вэнь-лян. Критика некоторых ошибок в статье Шан Юе «Некоторые вопросы зарождения капитализма в Китае»; Хань Лянь-ци. Сельская община в период Чунь-цю и Чжанго; Ши Дао-ган. Еще раз об авторе книги «Записки о походе китайского океанского парохода»; Чжан Юнь-хоу. Хронология китайских переводов произведений Ленина.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Об исторической роли Иштвана Сеченьи

«Történelmi Szemle». Budapest. 1960, № 2, 30—55 1.

В теоретическом и политическом органе Венгерской социалистической рабочей партии опубликованы тезисы Главного исторического комитета и Института истории Венгерской Академии наук к 100-летию со дня смерти выдающегося политического деятеля И. Сеченьи.

Во вступительной части тезисов указывается, что в течение 100 лет ни публицистика, ни историография не дали ясного, свободного от односторонности и предвзятости ответа на вопрос: что значил Сеченьи для своей нации? После поражения революции 1848—1849 гг. и в период дуализма на первый план выдвигались консервативные, антиреволюционные черты деятельности Сеченьи в 40-х годах XIX века. В период между двумя мировыми войнами культ Сеченьи сделался орудием идеологической борьбы в руках господствующих классов. Так Сеченьи стал героем контрреволюции.

В Венгерской Народной Республике в последние годы возрос интерес к Сеченьи, усилилось стремление дать правдивую, всестороннюю, марксистскую оценку его деятельности.

И. Сеченьи был выдающейся исторической личностью. Его исторической заслугой является прежде всего то, что он понял необходимость преобразования венгерского общества на капиталистических началах. Он первым в Венгрии подверг критике всю систему феодально-крепостнических отношений, тормозивших общественный и экономический прогресс страны. Более того, Сеченьи выдвинул положительную программу, которая предусматривала отмену барщины, десятины и других феодальных повинностей, ликвидацию помещичьих судов и предоставление крестьянству права на собственность. Передовые идеи Сеченьи сыграли

огромную положительную роль в подготовке буржуазной революции в Венгрии.

В начале 1830 г. Сеченьи выпустил книгу «Кредит», в которой смело поставил вопрос о необходимости разрешения продажи земельных владений, обремененных долгами, что должно было ускорить капиталистическое преобразование феодального землевладения. Автор высказывался за предоставление крепостным крестьянам права владения землей и постепенное обложение налогами дворян. Эти вопросы стали в центре внимания в период революции 1848 г. в Венгрии. Книга «Кредит» оказала огромное влияние на современников. Это была первая буржуазная программа в Венгрии. Среднее и мелкопоместное дворянство и интеллигенция с воодушевлением встретили идеи Сеченьи. Вокруг книги завязалась острая и длительная дискуссия. На критику представителей аристократического лагеря Сеченьи ответил в 1831 г. новой работой — «Мир», в которой последовательно развил идеи, выдвинутые в «Кредите», призвал к ликвидации дворянских привилегий и крепостного строя и созданию единой, свободной Венгрии. В конце 1831 г. он издал за границей свое новое сочинение «Stadium». В Венгрии власти охотились за каждым экземпляром этой книги. Правительство объявило, что провозглашенные в ней реформы угрожают государственному порядку.

Теоретическая разработка системы реформ была лишь одной стороной деятельности Сеченьи. С его именем неразрывно связано основание Академии наук в Венгрии, он участвовал в создании многих финансовых, экономических учреждений, в строительстве мелиоративных сооружений и знаменитого цепного моста через Дунай в столице и т. д.

На деятельности Сеченьи сказывалась его классовая ограниченность: он выступал не за решительное уничтожение феодализма, а за постепенное его преобразование. Проекты Сеченьи, крупного помещика, не затрагивали основу политического и экономического господства класса помещиков. В его глазах реформы имели ценность лишь в той мере, в какой они могли предотвратить революционный взрыв; буржуазные преобразования в Венгрии должны были, по мнению Сеченьи, проводиться под руководством габсбургской администрации, в рамках австрийской монархии. На этой почве происходили столкновения Сеченьи с Кошутом. Сеченьи опасался, что путь, избранный Кошутом и его сторонниками, может привести к революции и разрыву с Веной. Но в одном вопросе Сеченьи занимал более правильные позиции, чем Кошут,— это был национальный вопрос. Еще в 1842 г. он публично осудил национальную нетерпимость венгерских господствующих классов и сторонников насильственной мадьяризации невенгерских народов страны.

Начало революции 1848 г. вызвало у Сеченьи страх и недоверие, но уже вскоре он искренне приветствовал достижения революции и поддержал Кошута. Ему был вверен пост министра путей сообщения в первом правительстве Венгрии.

К концу жизни Сеченьи, как показывает его незаконченный труд «Физгармония и слепота», пришел к пониманию того, что истинным виновником катастрофы, постигшей венгерский народ, является Габсбургская монархия.

Марксистская историческая наука раскрывает все противоречия сложного мировоззрения Сеченьи, воздает должное его заслугам и критикует его деятельность в 40-х годах. Она не забывает ошибок Сеченьи, как не забывает и того, что деятельность этого человека на определенных этапах объективно способствовала ликвидации феодальных отношений.

Т. М. Исламов

Идеология и практика монополий

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität». Halle-Wittenberg, 1959, Hf. VIII, SS. 983—988.

Статья Эберхарда Штейна, научного сотрудника Института германской истории при университете в Галле, «Формирование идеологии концернов» посвящена разоблачению одной из форм социальной демагогии, применяемой крупными монополистическими объединениями с целью ослабления классовой борьбы пролетариата и установления «классового мира».

Э. Штейн характеризует «идеологию концернов» в свете марксистского учения. Наряду с открытым подавлением революционного движения пролетариата буржуазия широко использует «либеральные методы», особенность которых, как подчеркивает автор, «состоит в том, что они должны затуманить объективную реальность деления общества на антагонистические «классы». Эти методы рассчитаны на притупле-

ние классового самосознания пролетариата путем улучшения положения некоторых категорий рабочих и создания рабочей аристократии, находящейся под влиянием буржуазной идеологии.

Автор статьи показывает, что подобные методы применялись капиталистами еще в XIX веке. Уже тогда Ф. Энгельс разоблачил создание так называемых «союзов взаимопомощи», частично финансируемых предпринимателями, как способ закрепощения рабочих, прикрепления их к предприятию.

В период свободного капитализма такие методы применялись в единичных случаях. При господстве же монополий, особенно в период общего кризиса капитализма, методы «либеральной рабочей политики» используются очень широко. Объективной основой их является экономическая мощь крупных монополистических объединений. Это оружие классовой борьбы буржуазии применяется ею наряду с открыто террористическими методами подавления революционного движения пролетариата, причем в зависимости от экономических условий и тактических соображений тот или иной метод может превалировать, проявляясь с большей отчетливостью.

Особенности «идеологии концернов» Э. Штейн показывает на примере рабочей политики монополий в химической промышленности. Значительные ассигнования на «социальные мероприятия», которые проводились монополистами германской химической промышленности, были возможны благодаря получаемым ими сверхприбылям. Тактика монополистов отличалась сочетанием открытого террора с «социальными мероприятиями». До 1914 г. главной формой этих мероприятий было создание так называемых «фабричных союзов» с целью изоляции рабочих от влияния социал-демократии, а также свободных (и даже реформистских) профсоюзов. Воздействие «идеологии концернов» на рабочих осуществлялось через систему спортивных, образовательных и иных союзов, библиотек, хоров и т. п.

Эта политика приносила определенный успех химическим монополиям. Как отмечает Э. Штейн, в 1914 г. из 1 115 забастовок, имевших место в Германии, на предприятия химической промышленности приходилось лишь 9.

В период Веймарской республики монополисты продолжали проводить ту же политику. Однако они не смогли оградить рабочих химической промышленности от влияния Коммунистической партии Германии, которая организовала и возглавила ряд успешных забастовок на предприятиях химических монополий.

Методы подкупа рабочего класса поощрялись и в годы фашистского господства, когда дополнительные ассигнования на соответствующие мероприятия могли проводиться за счет принудительного труда заключенных и военнопленных. В период фашистского господства предприниматели, особенно умело проводившие монополистическую рабочую политику, награждались различными дипломами и т. п.

Еще более изощренными стали методы «либерализма» в рабочей политике монополий в послевоенные годы. Автор приводит слова фашистского публициста, который писал в 1941 г.: «Старый рабочий фабрики Лейна никогда не чувствовал себя «пролетарием». Эта фраза особенно созвучна с модными теперь темами буржуазной пропаганды о «народном капитализме», идеологи которого пытаются доказать, что якобы именно в нем буржуазное общество нашло выход из тупика.

Статья Э. Штейна, в которой обоснованно и убедительно разоблачаются некоторые уловки монополий, своевременна и актуальна.

А. А. Курносов

Стачечное движение в Румынии в 1920 году

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe linga C. C. al P.M.R.». Bucureşti. 1960, № 1, pp. 41—65.

К. Мокану в статье «Стачечное движение в Румынии в 1920 году» рассматривает выступления румынского рабочего класса в 1920 г. как часть революционного движения, вызванного первой мировой войной, и уделяет значительное внимание влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Румынии. По далеко не полным данным, только на территории «старой Румынии» (то есть в границах, существовавших до первой мировой войны) в январе 1920 г. произошло 12 стачек, в феврале — 30, в марте — 47; они проходили главным образом под экономическими лозунгами. Существовавшие в то время в Румынии коммунистические группы возглавили стачки и боролись с капитулянтскими настроениями, царившими среди оппортунистических руководителей социали-

стической партии. Так, под влиянием коммунистов значительная часть членов социалистической партии потребовала в особом манифесте (январь 1920 г.), чтобы партия отказалась от оппортунизма. На собрании в Бухаресте 25 января столичная секция партии объявила, что считает себя примкнувшей к III Интернационалу.

Новая волна забастовок началась 18 апреля, когда прекратили работу железнодорожники Бухареста, выставив в качестве главного требования повышение заработной платы. Стачка быстро распространилась на крупные железнодорожные узлы. Всего прекратили работу 20 тыс. человек. В конце апреля железнодорожники Трансильвании заявили о своей солидарности с бастовавшими. Стачка на железных дорогах стала всеобщей.

Правительство генерала Авереску, который после зверского подавления крестьянского восстания 1907 г. слыл в кругах румынских помещиков и буржуазии человеком твердой руки, прибегло к чрезвычайным мерам. Все военнообязанные железнодорожники были объявлены мобилизованными. На важнейшие узлы железных дорог были введены войска. Но даже с помощью таких мер правительству не удалось сломить упорство стачечников. В Бухаресте и других городах ширилось движение солидарности с бастовавшими. На собрании 3 июня в Бухаресте ораторы, представлявшие различные предприятия столицы, призывали ко всеобщей забастовке.

Правительство пошло на частичные уступки и согласилось признать рабочие советы, принять на работу уволенных, вывести войска с территории предприятий, отменить приказ о мобилизации рабочих, освободить арестованных.

С помощью оппортунистов из руководства социалистической партии властям удалось уговорить большинство рабочих вернуться на предприятия. Но рабочие не считали себя побежденными. В Турну-Северине, например, они вернулись на работу с красными знаменами и оркестрами во главе колонн.

Правительство, однако, не выполнило свои обещания. Этот обман усилил позиции сторонников всеобщей забастовки. На собрании 17 июня, в котором принимали участие делегаты различных профсоюзов Бухареста, ораторы единодушно высказались в пользу всеобщей забастовки.

К. Мокану приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о решимости рабочих всей Румынии прибегнуть к этому средству борьбы. Стачки в стране не прекращались. Бастовали нефтяники, рабочие электростанций, металлисты, служащие почт и телеграфа.

Принятый парламентом в августе 1920 г. антирабочий закон, по которому ни одна забастовка не могла быть объявлена без длительной процедуры «примирения», вызвал в стране бурю возмущения. По всей Румынии прокатилась волна демонстраций и забастовок. В Тимишоаре остановились все предприятия, магазины, рестораны, кафе, парикмахерские были закрыты, электростанция не работала, трамваи не ходили. Стачка охватила весь Банат. И рабочие вырвали у капиталистов уступку: их заработная плата была увеличена на 25—40%. В сентябре политическая стачка охватила Трансильванию. Рабочие выступили с протестом против попрания их прав, потребовали установления всеобщего избирательного права и прекращения подготовки к войне с Советской Россией. 21 октября стачка охватила всю Румынию.

В статье К. Мокану на богатом и свежем документальном (архивном и газетном) материале показана одна из героических страниц славного прошлого рабочего класса Румынии.

В. Н. Виноградов

Сельская община в древнем Китае
«Лиши яньцзю». Пекин. 1960, № 4, стр. 23—39.

В последние годы в китайской печати оживленно обсуждаются проблемы периодизации древней истории Китая. В ряде работ вскрываются особенности развития общины в древнем Китае и анализируются явления, сопутствовавшие ее разложению. Этому вопросу посвящена статья Хань Лянь-ци «Сельская община в период Чуньцю — Чжаньго (VIII—III вв. до н. э.)».

Спецификой общинного строя, начиная с периода Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.), пишет автор, было то, что глава государства — ван — номинально считался единственным собственником всей земли, отдельные же общины признавались лишь владельцами полей, обрабатывавшихся общинниками. Тем не менее фактически распоряжались землей общины, распределявшие поля между семьями общинников и периоди-

чески производившие их передел. Весьма интересные сведения об этом сохранились в древнекитайских источниках. В одном из них следующим образом мотивируется необходимость переделов: «Чтобы обладатели тучных и плодородных полей не пользовались исключительными преимуществами, а те, кому достались каменистые и бесплодные участки, не испытывали чрезмерных трудностей, раз в три года перераспределялись участки и менялись жилища. Таким образом поддерживалось равенство имущества и сил».

Другим способом создания характерного для общинного строя земельного равенства было распределение участков по едокам. Лучшая земля отдавалась большим семьям, малочисленным же доставалась земля худшая. Способом эксплуатации общинников в этих условиях была примитивная форма отработочной ренты: несколько семей общинников совместно обрабатывали поле, урожай с которого шел в пользу знати.

Такое положение сохранялось вплоть до середины периода Чуньцю, когда стала возникать, как показывают источники, новая форма эксплуатации — натуральная рента, которая взималась в зависимости от размера полей, обрабатывавшихся общинниками. Такой порядок свидетельствовал об отказе от перераспределения земли и о постепенном переходе полей общинников в их постоянную собственность. Самые ранние данные об этом имеются в относящейся к середине VII в. до н. э. записи древней хроники «Цзо чжуань». По-видимому, в это время начался процесс закрепления за земледельцами обрабатывавшихся ими полей.

Община, однако, не была уничтожена. Целый ряд относящихся к более позднему времени текстов древних источников говорит о том, что община продолжала существовать даже и после того, как земля перешла в постоянное владение общинников. Но с тех пор община становится организацией, через которую осуществлялась эксплуатация земледельцев государством (поземельный налог, принудительные работы, всякого рода поборы). Объектом обложения является уже не община в целом, а отдельный двор. В связи с этим государство, ранее удовлетворявшееся сведениями о количестве общин (отсюда делались выводы о приблизительном количестве населения и обрабатывавшейся земли), начинает требовать подробных данных о количестве дворов, о населении и о полях в каждой общине. К этому времени относится проведение земельных переписей и составление кадастров, на основании которых государство могло требовать сдачи определенного налога и предоставления контингентов рабочей силы и солдат. О наступлении такого этапа в развитии общины свидетельствует появление и широкое распространение термина «шушэ» (в дословном переводе — «записанная община»), который, как показывает автор, фигурирует в ряде источников.

Начиная со второй половины периода Чжаньго (с конца IV в. до н. э.) в развитии древнего Китая наблюдаются новые явления. Большого прогресса достигает техника выплавки железа, появляется и широко распространяется железный плуг, и таким образом создается возможность применения живого тягла при обработке земли. Значительное развитие получает ирригация, земледельцы осознают важность глубокой вспашки и удобрений для повышения урожайности. Резко увеличивается население древнего Китая. В источниках того времени встречаются жалобы на земельную тесноту.

Рост производительных сил, развитие ремесла и торговли приводят к усилению имущественной дифференциации. Земля становится объектом купли и продажи. В этих условиях наступает окончательное разложение сельской общины. Значительная часть бывших общинников, утрачивая свои участки, превращается в поденщиков и рабов. Если раньше в древнем Китае источником рабства было лишь порабощение военнопленных и преступников, то теперь появляется и широко распространяется долговое рабство. Количество рабов резко увеличивается, и их в больших масштабах начинают использовать в ремесле, торговле и земледелии. Имеющиеся в «Шицзи» данные говорят о том, что у крупных торговцев, владельцев ремесленных мастерских и солеварен имелись тысячи рабов. В относящемся к III в. до н. э. трактате «Хань Фэй-цзы» упоминается о том, что рабы обрабатывали поля; широкое распространение получали и различные формы кабальной аренды. Все это свидетельствует о далеко зашедшем разложении сельской общины.

В. А. Рубин

«Разговор богатых с бедными»

«Зборник радова». Кн. LXV. Београд. 1960, стр. 187—228.

Игорь Шевченко, специалист по истории поздневизантийского периода, еще в 1953 г. обратил внимание на уникальный памят-

ник византийской политической мысли XIV в.— неопубликованный труд малоизвестного писателя Алексея Макремволита «Разговор богатых с бедными». Через семь лет появилось издание этого сочинения, снабженное английским переводом и обширной вводной статьей И. Шевченко, где он характеризует политические взгляды Алексея Макремволита, основываясь как на «Разговоре богатых с бедными», так и на материале некоторых других его произведений, остающихся пока еще в рукописи. При этом И. Шевченко допускает возможность, что использованная им рукопись Иерусалимской патриаршей библиотеки является авторским оригиналом.

Макремволит, расцвет творчества которого приходится на середину XIV столетия, был мелким чиновником, сравнительно близко стоявшим к интересам тех бедняков, которых он защищал в «Разговоре». В отличие от подавляющего большинства вышедших из кругов «разночинной интеллигенции» византийских писателей Макремволит не использовал свое перо для вымаливания подачек у высоких покровителей. Он обличал общественные пороки своего времени.

По словам Макремволита, «правители пожирают народ», все богатства светских и церковных владык награблены у народа. Богачам принадлежат великолепные дома с роскошными спальнями, у них дорогая посуда, расшитая золотом и серебром одежда, они пользуются благовониями, привезенными из Египта, к их услугам опытные врачи. У бедняков же нет ничего, кроме скверного хлеба и сушеной рыбы, и ежедневным трудом они должны зарабатывать себе пропитание. Но эти бедняки, говорит Макремволит, и более нравственны и нужнее для государства, чем богачи: ведь из среды бедняков выходят земледельцы, строители, мореходы, ремесленники, в которых нуждаются все города. А кто принадлежит к числу богачей? Игроки и праздношатающиеся, люди, чья жадность порождает общественные беспорядки, вызывает смуты и увеличивает нищету сограждан.

У людей, заявлял Макремволит в одной из еще не опубликованных речей, общая судьба в том смысле, что все они рождаются и умирают, все пользуются воздухом, огнем и водой, следовательно, должны быть общими и земля и продукты земли, несправедливо присвоенные ненасытными тиранами.

Таковы идеи Макремволита, высказанные им в «Разговоре богатых с бедными» и в других сочинениях, пока еще остающихся в рукописях (мы знакомы с ними по извлечениям, цитируемым в предисловии И. Шевченко). Литературное наследие Макремволита, представляющее немалый интерес для историков, следует издать как можно скорее.

В предисловии И. Шевченко дает очерк жизни и характеристику воззрений Макремволита. Нам кажется, что он неправомерно стремится ослабить впечатление от идейного пафоса Макремволита, подчеркивая, что «богатые» и «бедные» «Разговора» — это не настоящие богачи и бедняки и что Макремволит не защищает низшие прослойки византийского общества. Однако гипотеза И. Шевченко, из которой следует, что Макремволит был сторонником Иоанна Кантакузина и Паламы, двух весьма реакционных политических деятелей середины XIV в., построена на чрезвычайно шатких основаниях. При оценке «Разговора» не следует забывать (это отмечает и сам издатель), что он был написан в разгар восстания зилотов в Солуни.

Конечно, некоторые идеи Макремволита утопичны. Так, он предлагал примирить интересы богатых и бедных при помощи смешанных браков. Однако нельзя ожидать от византийского писателя XIV в. уровня политической сознательности, существовавшего, допустим, во времена английской буржуазной революции. И все же лейтмотив «Разговора» — «верните нам то, что нам принадлежит»,— требование, выдвигаемое в условиях, когда один из крупнейших городов империи находился в руках восставшего народа, было очень прогрессивным.

Несмотря на некоторые необоснованные суждения издателя, публикация, выполненная И. Шевченко, представляется нам одной из наиболее существенных в области византиноведения за последнее время.

А. П. Каждан

Интересная гипотеза о возникновении Римского государства

«Revue des études latines». Paris. 1960. T. 37, pp. 118—131.

Проблема возникновения государства в древнем Риме — одна из самых важных, но чрезвычайно сложных и запутанных в ис-

ториографии. Источники очень скудны и тенденциозны, а римская традиция не внушает доверия.

Появившаяся во французском журнале по истории античности, издаваемом Обществом по изучению древнеримской истории и культуры, статья крупного специалиста в области раннеримской истории Раймонда Блока[1] представляется нам ценной и методически важной. Автор основывает свои выводы не на тенденциозных сведениях анналистов, а на данных, добытых археологией. Это дает возможность Р. Блоку критически отнестись к анналистам и римской традиции и прийти к интересным и важным выводам. Он считает, что анналисты не правы, когда рисуют триумфальное шествие римлян уже в конце VI — начале V в. до н. э. История города излагается ими изолированно, в отрыве от истории других областей и городов полуострова, и, по мнению Р. Блока, приукрашивается. Риму приписывается чисто латинский характер уже в конце VI в. до н. э. Автор говорит о том, что политические и другие институты в тот период были общим явлением для городов Лация, Этрурии и оскоумбрийских областей, но не являлись характерными для Рима.

В историографии до последнего времени безраздельно господствовало мнение, что в 509 г. до н. э. этруски были изгнаны из Рима, а вслед за изгнанием Тарквиния Гордого в городе наступил упадок экономической и культурной жизни.

Р. Блок приводит новый интересный археологический материал для доказательства своей основной мысли об экономическом и культурном процветании Рима и других городов Лация между 509 и 475 гг. до н. э. Автор убедительно показывает, что никакого перерыва, никакого движения вспять в экономике и культуре Рима и смежных областей в это время не наблюдалось. Об этом свидетельствуют интенсивное строительство в городах и религиозная жизнь, связанная с развитием новых культов. Добытые в результате раскопок последних лет как в Риме, так и в других городах Лация предметы греческой керамики подтверждают оживленные торговые связи с греками. По мнению Р. Блока, жизнь Рима в этот период строилась на этрусской основе, что говорит не о падении этрусской культуры после 509 г. до н. э., а о дальнейшем ее развитии и расцвете. Археологический материал убедительно подтверждает мысль автора.

Но если этруски покинули Рим в 509 г. до н. э., то как можно объяснить тот факт, что весь характер римской экономики и культуры продолжал оставаться этрусским? Р. Блок выдвигает интересную гипотезу о том, что этруски покинули Рим не в 509, а в 475 г. до н. э. Он полагает, что в 509 г. был изгнан этрусский царь Тарквиний Гордый и в Риме была основана республика, но правители соседних с Римом этрусских городов силой проникли в Рим и обосновались там. Об этом свидетельствует попавший в римскую историческую литературу эпизод с этрусским царем Порсенной, который удачно воевал с Римом. Автор полагает, что Рим и другие города Лация начали отпадать от этрусков тогда, когда талассократии этрусков был нанесен сокрушительный удар в двух морских сражениях в 480 и 474 гг. до н. э., когда начала распадаться федерация этрусских городов.

Пребывание этрусков в Риме после 509 г. до н. э. наложило печать, по мнению Р. Блока, на всю раннереспубликанскую историю Рима. Историков всегда смущал, отмечает автор, тот факт, что среди консулов и диктаторов на заре Римской республики уже были плебеи, как, например, Юний Брут и Спурий Кассий. Р. Блок полагает, что плебеи группировались вокруг новых религиозных храмов и святилищ. Именно в эти годы рождался, по мнению автора, религиозный центр плебейской общины. Этруски, еще не покинувшие Рим, продолжали поддерживать плебеев и простонародье против земельных собственников. Это позволило плебеям выдвигать своих видных представителей на руководящие посты в Риме.

Пересмотр Р. Блоком сведений римской традиции, критическое отношение к установившимся в историографии взглядам, основанным на сообщениях анналистов, свежий археологический материал — все это позволило автору выдвинуть, может быть, спорные, но, безусловно, интересные и чрезвычайно плодотворные для науки положения.

Н. И. Голубцова

---

[1] См. R. Bloch. Les origines de Rome. Paris. 1949; его же. L'épigraphie latine. Paris. 1952; его же. L'art et la civilisation étrusques. Paris. 1955, и др.

Влияние Востока на техническое развитие средневековой Европы

«The American Historical Review». New York. 1960. Vol. 65, № 3, pp. 515—526.

Размеры статьи профессора Калифорнийского университета Л. Уайта невелики, и она отнюдь не исчерпывает вопроса. Однако это не умаляет ее ценности, ибо главное ее значение состоит в самом подходе к проблеме, в необычной для западной историографии трактовке вопроса о роли стран Азии в развитии мировой техники.

Статья Л. Уайта, хотя она и выдержана в сугубо академических тонах, отличается по своей концепции от преобладающего в буржуазной историографии утверждения относительно извечного различия между «религиозно-мистическими» цивилизациями Востока и «рационально-технической» культурой Запада. Автор стремится показать, что не только Китай, достижения которого не подлежат сомнению, но и другие страны Азии, в частности Индия, Малайя, а также тибетские районы Китая, были связаны с развитием мировой технической культуры и оказали заметное влияние на развитие научной мысли в Европе. Правда, как отмечает Л. Уайт, современный уровень науки пока не позволяет дать всестороннюю картину подобных влияний: здесь еще предстоит большая работа над первоисточниками. Однако даже имеющиеся материалы с полной убедительностью подтверждают факт индийских, тибетских, малайских, индонезийских влияний в истории средневековой европейской техники.

Знаменательно, что с упомянутыми странами связаны не только второстепенные, но и многие основные стороны технического прогресса средневековой Европы. Л. Уайт считает, например, что металлургическая техника франков меровингских времен имеет индийское происхождение. Он утверждает, что случаи прямого заимствования и перенесения технических достижений были сравнительно редким явлением. Как правило, пути взаимодействия и взаимовлияний отличались значительно большей сложностью. Так, иногда высказывается предположение, что европейские ветряные мельницы ведут свое происхождение от своеобразных ветряных двигателей, которые начиная с VII—VIII вв. применялись в тибетских монастырях для вращения больших молитвенных колес. Тщательный анализ устройства ветряных мельниц показывает, что это предположение лишено оснований.

Однако тибетские ветряные двигатели сыграли, хотя и более сложным путем, заметную роль в развитии европейской технической мысли. В XV—XVI вв. они стали известны в Италии. Сведения о них попали сюда вместе с рабами из Центральной Азии. Правда, непосредственное практическое применение в Европе воздушных двигателей такого рода было ограничено. Их использовали главным образом в качестве своеобразных вентиляторов-вертушек, помещавшихся в струе теплого воздуха над камином. Конструкция тибетских воздушных двигателей заинтересовала многих выдающихся инженеров эпохи Возрождения, в рукописях которых остались многочисленные чертежи и рисунки их частей. Как считает Л. Уайт, изучение подобных двигателей, в частности вращающихся в воздушной струе лопастей, привело к разработке винта и пропеллера, которые впоследствии явились необходимым условием развития парового судоходства и авиации.

Другой пример важного значения технических нововведений, проникших в Европу с Востока, дают так называемые воздушные трубки, своеобразные духовые ружья, с помощью которых в Индии и Малайе охотились на птиц. Подобные приспособления возникали в различное время у разных народов. В средневековую Европу, как это с полной очевидностью показывает этимология, воздушные трубки попали из Южной Индии и Малайи через арабов. Большого распространения они не получили, однако дали толчок к разработке вопросов, связанных с вакуумом, давлением газов, компрессией и тому подобными явлениями, имевшими большое значение при создании паровых машин.

Л. Уайт показывает, что развитию европейской техники способствовали не только конкретные технические усовершенствования, но и многие общие научно-технические идеи, возникшие в странах Южной Азии. Выдающуюся роль сыграла, в частности, идея «вечного двигателя». Эта идея попала в Европу из Индии в начале XIII в., почти одновременно с проникновением замечательного достижения индийской культуры— позиционной системы записи цифр (так называемых «арабских», названных так потому, что европейцы познакомились с ними через арабов). Хотя идея «вечного двигателя» и покоилась на ложной основе, работа над ним в XIII—XIV вв. все же способствовала развитию европейской техни-

ки в целом. Любопытно, что перенесенная из Индии идея гравитационного и магнитного «вечного двигателя» — шара дала в XVI в. одно из первых объяснений вращения Земли. Тем самым эта идея, несмотря на свою ошибочность, сыграла положительную роль в борьбе, развернувшейся вокруг открытия Коперника.

В заключение следует заметить, что далеко не все конкретные тезисы Л. Уайта разработаны и обоснованы во всех деталях. Однако основной его вывод — положение о взаимозависимости и взаимовлияниях культур Востока и Запада, о единстве процесса развития техники и науки — представляется бесспорным.

Л. А. Гордон

Об одном «объективном историке»

«Russian Review». New York. Vol. 19, № 1, pp. 56—76.

Американский журнал «Russian Review», ведущий наиболее открытую клеветническую пропаганду против Советского Союза, в начале этого года опубликовал серию статей, посвященных памяти одного из основателей антисоветской исторической школы США, М. М. Карповича.

Не будем разбирать обычных для некролога восхвалений умершего, оставив их на совести авторов. Но одна особенно настойчиво повторяемая похвала стоит того, чтобы на ней остановиться. Главный предмет гордости Карповича и его учеников — это так называемая «объективность» исторических исследований.

Кто же такой М. М. Карпович и что представляет собой его «объективность»? В период революции 1905 г.— эсер, после февраля 1917 г.— кадет, во время империалистической войны — сотрудник военного министерства, после Октября — белоэмигрант— таковы основные вехи биографии этого типичного русского либерального буржуа, становившегося тем правее, чем революционнее становились народы России.

Уехав из России в мае 1917 г. с тогдашним русским послом в США Бахметьевым, Карпович пытался сделать дипломатическую карьеру. Этому помешала Октябрьская революция. Вместе с Бахметьевым он был членом самозванной «русской миссии» в период Парижской мирной конференции, пытаясь «отстаивать интересы» бывшей Российской империи и упорно не признавая реально существовавшего Советского правительства. Карпович с Бахметьевым вплоть до 1922 г. продолжал служить в «русском посольстве», которое не имело никакой связи с Советской Россией и было ей глубоко враждебно. После закрытия этого «посольства» он несколько лет сотрудничал с белоэмигрантскими организациями, читал лекции, занимался переводами. Лишь в 1927 г. перед ним открылась возможность сделать карьеру, на этот раз «ученую». Карпович устроился преподавателем русской истории в Гарвардском университете.

Условия для бизнеса на этом поприще становились все более благоприятными. Ведь до первой мировой войны русский язык, русская литература и история были в США малоизвестны. Впервые сколько-нибудь организованное изучение России было введено в 1885 г. в штате Огайо на курсах миссионеров. К 1914 г. русская история преподавалась только в Калифорнийском и Гарвардском университетах. Революция в России вызвала небывалый ранее интерес к жизни и истории русского народа. С этого времени уже не отдельные американцы, а широкие массы хотели больше знать о народе России, о его борьбе с царизмом, помещиками и буржуазией. Буржуазия, контролировавшая печать и науку, постаралась использовать этот возросший интерес в своих целях — для антисоветской пропаганды, широко привлекая в качестве «ученых специалистов по России» белоэмигрантов типа Карповича, сделавшихся поставщиками самой откровенной антисоветской литературы.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, его успехи в области экономики, науки и культуры еще более усилили интерес в США к русской истории; одновременно американские правящие круги стали энергичнее использовать историю в идеологической борьбе против социалистического лагеря. Американские университеты получили обильные субсидии на подготовку и публикацию работ о России. Разумеется, широкая поддержка оказывалась лишь тем авторам, которые не жалеют черных красок, касаясь русских тем. Американское правительство, фонды Форда и Рокфеллера не поощряют работ, которые не пронизаны ненавистью к СССР.

При Гарвардском университете, где Карпович преподавал русскую историю, был создан «центр по изучению России», щедро финансировавшийся корпорацией Карнеджи. В течение десяти лет, до своей отставки в 1957 г., Карпович принимал активное участие в работе этого центра. Там он и

вырос в «великого ученого», как называет его Вильям Чемберлин, бывший коллега Карповича по журналу «Russian Review». Главная из работ Карповича, «The Imperial Russia, 1801—1917» (New York. 1932),— небольшая по объему книжка, выросшая из курса лекций по русской истории. Этот «труд» Карповича (насчитывающий всего 90 страниц) имеет лишь то значение, что даваемые им оценки основных событий прошлого России до сих пор кочуют из работ одного американского «специалиста» по России в работы другого. За тридцать лет преподавания в Гарварде Карпович подготовил большое количество студентов, значительная часть которых преподает сейчас русскую историю в американских университетах, «развивая» и распространяя историческую концепцию Карповича. Именно тот факт, что Карпович оказал влияние на формирование большого отряда реакционных американских историков, а не сами его труды, заставляет сегодня говорить о нем.

В чем же заключаются исторические взгляды Карповича, наложившие отпечаток на многие американские произведения по русской истории? В русской истории Карпович усердно и с явным удовольствием выискивал моменты, когда Россия шла «на выучку к Западу». Он хвалил Петра I и видел достоинство Пушкина и декабристов лишь в том, что они «усвоили западную культуру». Эмигрант, лишенный реальных жизненных перспектив, Карпович идеализировал век царизма и крепостничества, считал все дворянство эпохи Александра I и Николая I олицетворением «золотого века русской цивилизации». Правительство Александра II также нашло в Карповиче своего защитника: ведь оно «добровольно» отменило крепостное право.

Чем революционнее, чем ближе к народу стоит тот или другой исторический деятель, тем меньше сочувствия он вызывает у Карповича. О Н. Г. Чернышевском, Н. А. Добролюбове, Д. И. Писареве Карпович говорил с недоброжелательством, хотя снисходительно признавал их «добрые намерения». Народники пользовались его симпатиями лишь в тех случаях, когда выступали противниками марксизма, и вызывали осуждение, если становились на путь решительной борьбы с самодержавием; победа же Октябрьской революции была для Карповича «катастрофой». Любимая его тема — «конституционный эксперимент 1906—1917 гг.», попытки русской буржуазии сгладить наиболее уродливые проявления царизма. Преувеличивая историческое значение этих попыток, Карпович хотел бы видеть в них возможность избежать пролетарской революции.

Основной тезис Карповича (его повторяют и многие другие американские буржуазные историки) — это утверждение, что Октябрьская революция была якобы случайна, вызвана «ошибками» отдельных людей. По мнению Карповича, «в истории России не было никакой логики, которая с неизбежностью куда бы то ни было вела. История России была только результатом сложной игры обстоятельств».

Вполне гармонирует с таким идеалистическим подходом к истории, который равное значение в историческом процессе приписывает и главным и второстепенным факторам, чрезмерно большой интерес Карповича и его школы к «истории идей». Недаром Карпович получил из фонда Рокфеллера субсидию на работу по «истории русской мысли». По свидетельству коллег Карповича, он занимался этими проблемами последние два года своей жизни.

Вся историческая концепция Карповича продиктована его политическим положением эмигранта, непримиримо чуждого победившему в стране, из которой он бежал, новому общественному строю. Но эта очевидная зависимость мировоззрения Карповича от политических обстоятельств не мешала ни ему, ни его ученикам заявлять о своей «объективности» при изучении истории. В доказательство этой «объективности» американские буржуазные реакционные историки ссылаются на факт существования различной трактовки ими отдельных исторических вопросов. Действительно, среди учеников Карповича наблюдаются «разногласия» в освещении некоторых проблем русской истории. Часть его последователей, слишком прямолинейно понимая свою задачу использовать историю для того, чтобы «бороться с коммунистической угрозой и успешнее вести «холодную войну» (об этой задаче откровенно пишет в одной из рассматриваемых статей Мартин Малиа), видит в прошлом России только «тиранию и варварство», одинаково мрачными красками изображая все периоды истории России. Другие увлекаются поисками особого «русского духа», который якобы отличает Россию от Запада. Резко противопоставляя Запад и Восток, эти историки пытаются доказать невозможность революю-

ционных преобразований в западноевропейских странах и Америке.

Но их концепции одинаковы в главном: все они равно враждебны Великой Октябрьской социалистической революции, советскому общественному и государственному строю, все они служат целям «холодной войны».

Таково значение буржуазной «объективности», идеологического оружия, за «умелое использование» которого превозносят Карповича его коллеги.

М. Г. Панкратова

Дискуссия английских историков по вопросу о роли буржуазного государства

«Historical Journal». London. 1960. № 1, pp. 19—39.

Статья Г. Пэрриса «Революция в системе государственного управления XIX века. Переоценка переоценки» является ответом на помещенную два года назад в том же журнале статью Мак Донага «Революция в системе государственного управления. Переоценка» (1958, № 1). Вместе с тем она содержит в себе критику работы известного английского социолога и правоведа А. В. Дайси «Лекции об отношении между законом и общественным мнением», положенной в основу статьи Мак Донага.

Пэррис стремится подвергнуть пересмотру традиционную точку зрения английской историографии, представленную Дайси, которая, по мнению Пэрриса, некритически воспринята Мак Донагом. Автор проводит пересмотр по трем основным направлениям: определение сущности и роли, которую играло в жизни Англии XIX в. учение Бентама и его сторонников-утилитаристов; анализ законодательства середины XIX в.; периодизация «революции» в системе государственного управления. Таким образом, Пэррис ставит вопрос о формировании и становлении британского либерализма, о его идеологии и практической деятельности, о сущности борьбы между либерализмом и радикализмом того времени. Вместе с тем он выдвигает проблемы, выходящие за указанные рамки: о роли и наиболее эффективных методах деятельности буржуазного государства и о соотношении между государством и личностью.

Возникновение такой постановки вопроса именно в связи с исследованием истории Англии XIX в. вполне понятно, ибо это был период бурного развития и завершения промышленной революции, формирования основных классов буржуазного общества и, конечно, завершения формирования английского буржуазного государства с его двухпартийной системой. Наполненный острой классовой борьбой, этот период выдвинул на политическую арену не только мелкобуржуазную партию радикалов, но и первую партию рабочего класса — чартистов. Однако истинные причины сложной политической обстановки в Англии середины XIX в., так же как и новые социальные силы, вступившие в борьбу, остаются вне поля зрения автора. Поэтому пересмотр традиционных взглядов, декларированный Пэррисом, оказывается далеко не полным и не последовательным.

Нельзя оспаривать правоту Пэрриса, когда он солидаризируется с общепринятой трактовкой учения Бентама и школы утилитаристов как теоретической базы либерализма. Он также прав, утверждая, что нельзя все без исключения действия либералов относить на счет Бентама и его соратников. Однако следует отметить, что Пэррис пытается уйти от ответа на чрезвычайно существенный вопрос: в чем причина противоречий между практической деятельностью либералов, систематически осуществлявших политику «государственного вмешательства», и основой учения утилитаристов — принципом «свободы действий» («laissez-faire»). Пэррис утверждает, что противоречие это кажущееся, а на самом деле «государственное вмешательство» и «свобода действий» составляют лишь две стороны единого требования бентамизма и либерализма — «общественной полезности» действий государства.

Стремясь доказать правильность этого положения, Пэррис рассматривает законодательство 1830—1870 годов. Не анализируя причин и значения социального законодательства, характера сил, развернувших борьбу вокруг этих законов, он ограничивается лишь кратким замечанием, что введение всех этих законов нельзя приписывать влиянию одних лишь сторонников Бентама, что за эти законы боролись и радикалы и даже некоторые из консерваторов. Лишь мельком Пэррис указывает на влияние рабочего движения, говоря, что фабричные законы вводились также «под давлением тех, кто нуждался в этих мерах».

Неверное положение, из которого исходил автор, приступая к анализу законодательства в Англии середины XIX в. («полезность действий государства»), лишило его

возможности правильно проанализировать характер и сущность этого законодательства. Пэррис отказывается замечать то, что «государственное вмешательство» в сферу социальных отношений внутри страны в этот период тесно сочеталось с «вмешательством» и в области внешних сношений (достаточно напомнить хотя бы первую опиумную войну с Китаем в 1839—1842 гг.); что «государственное вмешательство» неуклонно шло по пути защиты интересов английской буржуазии и лишь немногие из законов того времени (например, о 10-часовом рабочем дне или здравоохранении) отвечали интересам рабочего класса и были завоеваны им в ожесточенной борьбе. Следовательно, тезис автора о том, что «государственное вмешательство» было средством достижения «пользы» для всех социальных слоев, не выдерживает критики.

По существу, вопрос о противоречии между принципами «вмешательства» и «свободы действий» так и не нашел своего разрешения в дискуссии. Между тем причины противоречия между теорией и практикой либералов становятся совершенно ясными, как только мы начинаем рассматривать их, исходя из классового понимания характера всякого государства и его деятельности.

Оценивая английское государство середины XIX в. как буржуазное государство эпохи завершения формирования капитализма, мы не можем забывать о том, что это был вместе с тем период завершения формирования пролетариата как класса.

Впервые организованно вступив на арену политической борьбы, рабочее движение Англии силами чартистов заставило буржуазию пойти на некоторые ограничения в области эксплуатации труда. В этом плане «государственное вмешательство» было вынужденной уступкой буржуазии. Но в политической борьбе середины XIX в. активное участие принимала и мелкая буржуазия, стоявшая перед угрозой пролетаризации. Небывалая острота политической борьбы в 1815—1847 гг. поставила правящие классы, в частности партию либералов, перед необходимостью принять целый ряд социальных законов. Буржуазия (и ее партия либералов), фактически рассматривавшая принципы «свободы действий» применительно к частному капиталу, создала в это время разветвленный бюрократически-полицейский аппарат, необходимый для сохранения буржуазного государственного порядка и подавления сопротивления трудящихся.

Таким образом, мы вплотную подходим к вопросу, поднимаемому Пэррисом: прав ли Дайси, утверждающий, что между 1830 и 1870 гг. был полностью или почти полностью уничтожен контроль со стороны центральной власти? Пэррис считает это мифом и на основе анализа законодательства 1830—1870 гг. доказывает, что в этот период центральная власть в Англии чрезвычайно усиливается. К аналогичному выводу, кстати, приходит и Мак Донаг, в чем, по мнению Пэрриса, состоит основное положительное значение его работы. Характерное явление для буржуазной историографии: правильно оценивая отдельные факты, ни Мак Донаг, ни Пэррис не в состоянии сделать последовательные выводы, ибо отказываются от всестороннего анализа социальных явлений.

Не удивительно, что, не раскрывая глубинных причин важнейших явлений общественной жизни Англии XIX в., ни Мак Донаг, ни Пэррис не смогли предложить серьезно обоснованной периодизации «революции» в системе государственного управления.

Поднятые Г. Пэррисом вопросы представляют несомненный интерес, а его статья является некоторым шагом вперед в буржуазной историографии. Нельзя не согласиться с правильностью критики в адрес Мак Донага и Дайси. Разрабатывая свою схему, Г. Пэррис в качестве главных причин изменений (по его терминологии «революции») в системе государственного управления Англии XIX в. справедливо выдвигает социальные и экономические причины. Автор, однако, не только не развивает этот тезис, но временами вступает с ним в противоречие.

Е. Э. Печуро

Как создавался единый центр английских профсоюзов

«The British Journal of Sociology». March. 1960. Vol. XI, № 1, pp. 24—43.

Статья известного английского историка профсоюзного движения В. Л. Аллена «Реорганизация Конгресса тред-юнионов, 1918—1927» представляет определенный интерес для советского читателя, так как она освещает сравнительно мало изученный вопрос и написана в значительной степени на архивных материалах.

С момента своего образования в 1868 г. и до окончания первой мировой войны Кон-

гресс тред-юнионов фактически не имел своего исполнительного органа, способного осуществлять руководство профсоюзным движением страны. Функции созданного в 1871 г. Парламентского комитета конгресса были строго ограничены. Они сводились к «проталкиванию» в парламенте различного рода законопроектов, а его штат вплоть до 1917 г. состоял из одного секретаря.

Непосредственным толчком для реорганизации Конгресса тред-юнионов, пишет В. Л. Аллен, явилась забастовка железнодорожников в 1919 году. Ее опыт показал необходимость образования центрального координирующего органа, способного осуществлять общее руководство профсоюзным движением. Созванный в декабре 1919 г. специальный конгресс тред-юнионов принял решение о преобразовании Парламентского комитета в Генеральный совет и о создании при нем эффективного аппарата по координации всей деятельности тред-юнионов. Конгресс поставил перед созданным после окончания стачки железнодорожников Профсоюзным координационным комитетом задачу — подготовить детальный проект реорганизации Конгресса тред-юнионов.

Выявившиеся серьезные разногласия между различными профсоюзами, главным образом по вопросу о представительстве их в Генеральном совете и его полномочиях, несколько затянули проведение реорганизации. Несмотря на то, что проект, подготовленный Профсоюзным комитетом, был принят конгрессом тред-юнионов еще в сентябре 1920 г., Генеральный совет был избран лишь на следующем конгрессе в феврале 1921 года.

Правильно отметив, что новые пункты устава при замене Парламентского комитета Генеральным советом Конгресса тред-юнионов несколько расширяли поле деятельности Генерального совета, но не давали ему реальных прав по руководству профсоюзным движением в целом, В. Л. Аллен в то же время не скрывает причин такого положения вещей. А причины заключались в том, что лидеры профсоюзов, входивших в Конгресс тред-юнионов, не желали ограничивать самостоятельность своих союзов и поэтому не пошли на передачу части своих прав Генеральному совету.

Последующие события, главным образом широкое забастовочное движение английских рабочих, выявили вскоре органическую слабость нового исполнительного органа Конгресса тред-юнионов, его неспособность ввиду отсутствия необходимых полномочий направлять и возглавлять выступления трудящихся. В результате опыта борьбы с капиталом рабочий класс Англии яснее осознал необходимость более сильного центрального профсоюзного руководства, и на Гулльском конгрессе тред-юнионов в 1924 г. была принята резолюция о расширении прав Генерального совета. Большая заслуга в этом принадлежит Коммунистической партии Англии и Британскому бюро Профинтерна, проводившим энергичную и последовательную кампанию за превращение Генерального совета в подлинный штаб профсоюзного движения. К сожалению, этот момент не нашел отражения в статье В. Л. Аллена.

Детально рассмотрев затем историю создания административного аппарата Генерального совета в 1922—1926 гг., В. Л. Аллен в заключение указывает, что в результате проведенной реорганизации была заложена основа для превращения Конгресса тред-юнионов и его исполнительного органа — Генерального совета в эффективный центр по координации профсоюзного движения Великобритании. В то же время нельзя согласиться с его утверждением, что эта реорганизация была обусловлена главным образом появлением «нескольких решительных, честолюбивых и искусных тред-юнионистских лидеров», таких, как Гослинг, Бевин, Брамли и Ситрин. Правда, В. Л. Аллен отмечает, что осуществить реорганизацию Конгресса тред-юнионов они могли только потому, что для этого созрели экономические и социальные условия. Но этот объективный фактор ставится им на второе место.

В действительности же его реорганизация вызывалась объективной необходимостью создания эффективного национального центра профсоюзного движения. Экономическое развитие Англии в эпоху империализма имело своим последствием стирание граней между различными слоями рабочего класса, что способствовало их объединению в рамках как старых цеховых, так и новых производственных союзов. Ухудшение жизненного уровня трудящихся толкало их на борьбу за свои экономические и социальные права. Деятельность различных организаций социалистического направления в значительной мере способствовала росту классового сознания рабочих. Все более широкие слои пролетариата проникались боевыми настроениями.

Росло стачечное движение, принявшее грандиозный размах накануне первой мировой войны и после ее окончания. Среди профсоюзов резко усилилась тяга к объединению, отражением чего явилось слияние многих тред-юнионов в национальные союзы. Они осознали настоятельную необходимость создания единого центра, способного руководить профсоюзным движением в национальном масштабе.

И. Н. Ундасынов

Ученый поборник «холодной войны»

«Politische Studien». München. 1960, № 117, S. 31—43; № 118, S. 74—88.

Один из наиболее реакционных западногерманских журналов опубликовал большую статью Пауля Ноака, посвященную истории советско-германских отношений в период Веймарской республики. Автор не скрывает, что его работа преследует вполне определенные политические цели: доказать, что Рапалльский договор не имел того значения, которое ему обычно придается, а «дух Рапалло» не более как фикция, основанная на «наивных представлениях» общественности, «почти незнакомой с фактами».

Соответственно своему замыслу автор озаглавил первую часть статьи: «Рапалло: желаемое и действительное». Рассматривая предысторию заключения договора, Ноак полностью игнорирует объективные условия, закономерно приведшие к сближению Германии с Советской Россией. Он ни слова не говорит о значении таких факторов, как разгром белогвардейцев и интервентов, укрепление советского строя и связанный с этим крах надежд империалистов на недолговечность Советской власти в России. Автор не показывает, что побежденная Германия находилась в крайне тяжелом положении, испытывая сильнейший дипломатический, военный, экономический нажим со стороны Антанты. Лишь мимоходом сказано о большой заинтересованности германской буржуазии в восстановлении и развитии торговли с Советской Россией. Ноак, по существу, не придает никакого значения и такому важному фактору, как выступления германских трудящихся в пользу советско-германской дружбы, не вскрывает и другие причины, заставившие правящие круги Германии пойти на установление отношений с Советской страной.

Зато чуть ли не главную причину Ноак видит в боязни германского правительства, что Советская Россия потребует с Германии (согласно § 116 Версальского договора) своей доли репараций (!). Автор пытается создать впечатление, что такая угроза была реальной. Подобное измышление полностью противоречит как фактам, так и самой природе советской внешней политики, противоречит оценке Версальского договора как грабительского, которая неоднократно встречается в выступлениях В. И. Ленина и в официальных документах Советского правительства. По мнению Ноака, Рапалльского договора не было бы, если бы союзники «лучше относились» к Германии, если бы они не отстранили ее от участия в переговорах, которые велись с представителями Советской России на Генуэзской конференции 1922 г., если бы тщеславие Ратенау не было уязвлено многократным отказом Ллойд-Джорджа от встречи с ним и т. д. Безусловно, империалистические противоречия сыграли определенную роль в ходе событий, завершившихся подписанием Рапалльского договора, но действительные причины сближения двух крупнейших государств лежали значительно глубже. Ноак не может не знать их, но цель его как раз и заключается в том, чтобы попытаться «доказать» случайность Рапалло, оспорить стремление различных кругов немецкого народа к миру и дружбе с народами великой Советской страны.

Ноак утверждает, что в течение последующих десяти с лишним лет будто бы не прекращались трения между двумя странами. Это также не соответствует исторической действительности. Германское правительство пошло на подписание с западными державами в 1925 г. Локарнского соглашения. Однако благодаря усилиям Советского правительства отношения между Германией и СССР развивались в целом удовлетворительно, к взаимной выгоде сторон. Именно в этот период был заключен Берлинский договор о нейтралитете 1926 г.

«Дух Рапалло» не выдумка, а историческая реальность. В его возрождении кровно заинтересованы многие миллионы людей. В Западной Германии раздаются голоса в пользу нормализации отношений с СССР и возврата к принципам, лежащим в основе Рапалльского и Берлинского договоров. Именно это и побуждает фальсификаторов типа Ноака выступать с подобными ненаучными статьями.

Л. Георгиев

Новое в спорах вокруг истории Кальмарской унии

«*Scandia*». Lund. 1960 B. XXVI. H. 1, S. 1—40.

Шведский исторический журнал «Scandia» опубликовал статью датского исследователя Н. Скюм-Нильсена «Научная фальсификация в споре о Кальмарской унии». Как известно, по Кальмарской унии 1397 г. были надолго объединены под одной короной Швеция, Норвегия и Дания. Уния имела важные последствия для всех ее участников. История происхождения и характер самого акта унии, оригинал которого хранится в копенгагенском архиве, породили свыше ста лет назад научный спор среди скандинавских медиевистов. Своей статьей Скюм-Нильсен вновь привлекает внимание к этой дискуссии, причем его задача — «освободить дискуссию от старых выводов — важных, но несостоятельных».

Одной из особенностей Кальмарской унии является то, что не все ее составители, поименованные в тексте, скрепили этот акт своими печатями. До сих пор все специалисты считали бесспорным, по крайней мере, вопрос о принадлежности печатей, скреплявших акт унии. Шведский ученый С. О. Рюдберг еще в конце прошлого века доказал (и с этим согласились другие исследователи), что семь из печатей — шведские, три — датские, норвежских же нет ни одной. Отсутствие норвежских печатей свидетельствовало, по общему мнению историков, о том, что норвежские представители в последний момент отказались одобрить от имени своей страны условия Кальмарской унии.

Скюм-Нильсен подверг внимательной проверке выводы и методы С. О. Рюдберга, основанные в значительной степени на зарисовках известного датского художника Берга. Как показывает Скюм-Нильсен, Берг был неточен и в различных рисунках по-разному воспроизводил детали одних и тех же печатей. Выяснение степени достоверности его зарисовок усложняется тем, что со времени их выполнения (1882 г.) остатки печатей на оригинале еще более искрошились и осыпались. Однако еще в 1878 г. по заказу того же С. О. Рюдберга печати и их отпечатки на акте унии были сфотографированы, а также срисованы. Эти зарисовки неизвестного художника сильно отличаются от рисунков Берга, причем сравнение их с фотографиями 1878 г. и с оригиналом по состоянию на 1960 г. убедило Скюм-Нильсена в том, что неизвестный художник работал гораздо добросовестнее Берга. Больше того, Берг, как утверждает Скюм-Нильсен, в своих зарисовках 1882 г. воспроизводил знакомые ему реконструкции заказчика Рюдберга, обоснованием которых должны были служить его же зарисовки. Ответственность за имевшуюся, таким образом, фальсификацию современный исследователь возлагает на С. О. Рюдберга, который был ученым, тогда как Берг являлся лишь техническим исполнителем.

Отметая в связи с этим выводы С. О. Рюдберга в отношении государственной принадлежности печатей, Скюм-Нильсен указывает вместе с тем на целый ряд трудностей, возникающих в процессе их идентификации, мимо которых прошел его предшественник. Скюм-Нильсен пришел к выводу, что одна из неясных печатей могла быть и норвежской с той же степенью вероятности, что и датской.

А. С. Кан

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Ачкасов В. И. и Вайнер В. А. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М. 1957. 399 стр. Рец.: Buhak H. Flota bałtyck w czasie Wielkiej wojny narodowej ZSRR. «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960, № 1, s. 331—340.

Бертельс А. Е. Насир и Хосров и исмаилизм. М. 1959. 289 стр. Рец.: Skkadanek B.—«Przegląd orient.». Warszawa. 1959, № 4, s. 421—423.

Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. М.-Л. 1953. 460 стр. Рец.: Majewski K. «Archeologia», Warszawa—Wrocław. 1959, t. 9, s. 155—159.

Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М. 1958. 413 стр. Рец.: Krauss W. «Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1960, Hf. 2, S. 150—154.

«Всемирная история» Т. 1. М. 1955. XXII, 748 стр. Рец.: Итакура Кацумаса. «Рэкисигаку кэнкю». (На япон. яз.). Токио. 1960, февр., № 238, с. 49—53.

Герасимук В. Р. Начало социалистической революции в деревне. 1917—1918 гг. М., 1958. 160 стр. Рец.: N. N.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1959, № 6, p. 223—224.

«З історії революційного руху у Львові. 1917—1939». Документи и матеріали. Львів. 1957. 795 стр. Рец.: Hass L.— «Z pola walki». Warszawa. 1960, № 1, s. 186—188.

Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958. 470 стр. Рец.: Groniowski K.— «Przegląnd hist.». Warszawa. 1959. T. 50, zesz. 3, s. 628—632.

«История гражданской войны в СССР». Т. 3. М. 1957. 404 стр. Рец.: R. D.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1959, № 6, p. 220—223.

«История Польши». Т. 3. М. 1958. 667 стр. Рец.: Daniszewski T i Kowalski J.—«Z pola walki». Warszawa. 1959, № 4, s. 208—215.

Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (По материалам внутренних таможен.). М. 1958. 353 стр. Рец.: C. S — «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1959, № 5, p. 278—279.

Луначарский А. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1959. 451 стр. Рец.: Daszkiewicz W.— «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1960, № 3, s. 121—127.

Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л. 1957. 401 стр. Рец.: Oswiecimski S.— «Archeologia». Warszawa — Wrocław. T. 9. 1959, s. 159—163.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.-Л. 1958. 328 стр. Рец.: Станчев Ст.— «Археология». София. 1959, № 1—2, с. 145—146.

Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М. 1959. 567 стр. Рец.: С. И.— «Rassegna sovietica». Roma. 1960, magg.— giugno, № 3, p. 86.

Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М.-Л. 1948. 724 стр. Рец.: Madrou R. Les soulèvements populaires et la société française du XVII-e siècle. «Annales». Paris. 1959, oct.-déc., № 4, p. 756—765.

«Против фальсификаторов истории второй мировой войны». М. 1959. 334 стр. Рец.: Иванов И.— «Воен.-ист. сб.». София. 1960, № 1, с. 111—119.

Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М. 1954. 276 стр. Рец.: Quelquejay C.— «Cahiers du monde russe et soviétique». Paris. 1959, № 1, p. 189.

«Теория и практика архивного дела в СССР». М. 1958. 341 стр. Рец.: Qavrilovič D.— «Arhivist». Beograd. 1959, № 3—4, s. 81—85.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л. 1948. 322 стр. Рец.: Kaynak J.— «Belleten. Türk tarih kurumu». Ankara. 1960, ocak, cilt 24, № 93, s. 177—200.

«Труды Волго-Донской археологической экспедиции». Т. 1. М.-Л. 1958. 427 стр. Рец.: Станчев Ст.— «Археология». София. 1959, № 1—2, с. 143—145.

Фридлянд Ц. Жан Поль Марат и гражданская война XVIII в. М. 1959. XVI. 559 стр. Рец.: C. U. — «Rassegna sovietica». Roma. 1960, magg.— giugno, № 3, p. 87.

Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения. (Между первой и второй мировыми войнами.) М. 1959. 452 стр. Рец.: Nagórski W.— «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1960, № 4, s. 115—119.

«Цицерон. 2000 лет со времени смерти». М. 1959. 176 стр. Рец.: Scarcia R. — «Rivista di cultura classica e medioevale». Roma. 1960, anno 2, № 1, p. 101—107.

Шейнман М. М. Ватикан и католицизм в конце XIX—начале XX в. М. 1958. 466 стр. Рец.: Winter E.— «Zeitschr. für Geschichtswiss.». Berlin. 1960, Hf. 2, S. 466—468.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М. 1958. 233 стр. Рец.: C. S.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1959, № 5, p. 277—278.

---

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Фундаментальную библиотеку общественных наук Академии наук СССР с апреля по июль 1960 года.

Хроника научной жизни

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ — руководящее учреждение по изданию трудов классиков марксизма-ленинизма, произведений выдающихся деятелей немецкого и международного рабочего движения, а также центр источниковедческой и научной работы по истории немецкого рабочего класса. Деятельность института играет важную роль не только в вопросе идеологического и политического воспитания граждан ГДР, укрепления социалистической сознательности в борьбе за победу социализма в нашей республике, но имеет и общенациональное значение. С созданием Института марксизма-ленинизма немецкий рабочий класс впервые в своей истории получил научное учреждение, призванное популяризировать труды классиков марксизма-ленинизма, изучать революционные традиции немецкого рабочего класса, ставить их на вооружение немецкого народа в его борьбе за решение основной национальной задачи. Публикации Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ широко распространяются прежде всего в ГДР. Они оказывают также прямое и косвенное влияние и в Западной Германии, помогая укреплению классового сознания западногерманских рабочих. Это особенно важно в условиях, когда клерикально-милитаристские власти Западной Германии запретили коммунистическую партию и пытаются насильственным путем воспрепятствовать распространению революционной теории рабочего класса. Стремясь подготовить население Западной Германии к атомной войне, они ведут систематическую пропаганду человеконенавистнических идей реваншизма и милитаризма. Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ идеологически вооружает немецкий рабочий класс в его борьбе против западногерманского милитаризма и империализма, за заключение мирного договора с Германией и восстановление единства страны путем создания конфедерации.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ был создан по решению Политбюро ЦК СЕПГ от 29 марта 1949 года. Начало работы института было положено небольшой группой опытных марксистских историков и редакторов, которая стала издавать на родине К. Маркса и Ф. Энгельса марксистско-ленинскую литературу. Вся деятельность института самым тесным образом связана с работой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Только благодаря товарищеской помощи и поддержке Коммунистической партии Советского Союза стало возможным в такой короткий срок издание произведений классиков марксизма-ленинизма на немецком языке. ИМЛ при ЦК КПСС предоставил в наше распоряжение все необходимое для немецкого издания трудов по научному социализму, бескорыстно делился с нами своим богатейшим опытом. Между институтами с 1958 г. ведется постоянный обмен специалистами, что способствует повышению научной квалификации наших работников.

Обмен опытом с братскими институтами марксизма-ленинизма оказывает большую помощь работе Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Деятельность института проходит также в тесном сотрудничестве с Институтом общественных наук при ЦК СЕПГ и Высшей партийной школой имени Карла Маркса (Берлин).

За 10 лет своего существования Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ вырос в большой коллектив квалифицированных научных и технических работников.

В институте в настоящее время имеются следующие отделы: К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, истории партии и немецкого рабочего движения, библиотека.

Важную роль в деятельности института играет Научный совет, созданный по решению партийного руководства. Совет состоит из опытных историков партии и представителей важнейших научно-исторических учреждений ГДР. Он обсуждает планы работы института, оказывает помощь в выяснении важнейших теоретических вопросов и проблем. Вся работа института определяется основными решениями партии и прежде всего решениями V съезда СЕПГ и последующих пленумов ЦК, а также специальными указаниями партийного руко-

водства. Особо следует сказать о той большой помощи, которую оказывает историкам своими научными работами, советами и критическими замечаниями первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт.

Перед институтом поставлены следующие основные задачи: 1) издание в кратчайший срок произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на немецком языке; 2) изучение истории партии и немецкого рабочего движения; 3) сбор документов и материалов по истории немецкого рабочего движения и соответствующая публикация их; 4) активное участие в партийной пропаганде.

Первоочередной задачей отдела К. Маркса и Ф. Энгельса является издание Собрания сочинений основоположников научного социализма в 36 томах. В основу этой публикации положено 2-е издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке, выпускаемое ИМЛ при ЦК КПСС. В настоящее время читатель получил первые семь томов сочинений и «Теорию прибавочной стоимости» (I и II части). В 1960 г. выйдут из печати 8-й и 9-й тома. С окончанием издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса немецкие трудящиеся получат неисчерпаемый источник научного познания, руководство для практической деятельности.

Наряду с Собранием сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса уже вышли из печати или будут изданы в ближайшее время сборники работ классиков марксизма-ленинизма по различным вопросам научного социализма. До настоящего времени изданы сборник Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин «Об истории Германии» (тт. I и II), сборник работ В. И. Ленина под заглавием «О Германии и немецком рабочем движении». Выпущенный в 1958 г. 1-й том «Избранных военных сочинений» Ф. Энгельса и находящиеся в стадии подготовки 2-й и 3-й тома будут иметь большое значение для изучения военной истории. Они будут также способствовать воспитанию солдат и офицеров народной армии ГДР. Кроме того, из печати вышли следующие работы: Маркс — Энгельс «О религии»; Энгельс «Письма к А. Бебелю»; Маркс «О Китае» и др. Готовятся к изданию «Переписка К. Маркса с Л. Кугельманом», «Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе», а также «Ранние произведения К. Маркса и Ф. Энгельса».

Издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, предусмотренное планом на более поздние сроки, будет отличаться от упомянутого выше тем, что все работы, статьи и письма будут в этом издании помещаться в подлиннике. В него будут включены также все сохранившиеся наброски, заметки и другие записи Маркса и Энгельса. В настоящее время уже начаты подготовительные работы к этому изданию. В ближайшие годы Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ должен стать научным центром и по изучению жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.

Главной задачей отдела В. И. Ленина является издание Сочинений В. И. Ленина на немецком языке в переводе с 4-го русского издания. Это имеет огромное значение для идеологического и политического воспитания не только членов СЕПГ, но и широких народных масс, строителей новой Германии.

Систематическая работа над этим изданием Сочинений В. И. Ленина была начата в 1954 году. Наряду с новыми переводами, составляющими свыше одной трети всех томов, проводится тщательное исследование источников, редактирование их и проверка.

Если вначале предполагался выход томов в хронологическом порядке (работа велась над первыми 12 томами), то в 1956 г. на основе постановления Политбюро ЦК СЕПГ было решено в первую очередь выпускать тома, касающиеся наиболее актуальных для ГДР проблем, связанных с вопросами строительства социализма. До конца 1959 г. вышли в свет 3—12-й тома из первой серии, а также 23, 24, 28 и 31-й тома. Кроме того, выпущены «Тетради по империализму» (отдельным изданием), которые войдут в 39-й том Собрания сочинений В. И. Ленина. В 1960 г. издан 27-й том; в ближайшее время выйдут из печати 21, 22 и 25-й тома, а также отдельная книга «Марксизм о государстве».

Отдел В. И. Ленина работал также над изданием сборников Ленин — Сталин «К вопросу о социалистической промышленности», «К вопросу о сельском хозяйстве», «О профсоюзах», Ленин «О партийном строительстве», «Против ревизионизма», «О профдвижении», «О культуре и искусстве», «О национальном и национально-колониальном вопросе», Маркс—Энгельс—Ленин «О пролетарском интернационализме» и др. Кроме этого, отдел подготовил к изданию на немецком языке «Историю Коммунистиче-

ской партии Советского Союза» и «Основы марксизма-ленинизма».

Работа отдела истории партии и немецкого рабочего движения ведется по следующим основным направлениям: 1) исследование и освещение исторического опыта и революционных традиций немецкого рабочего класса и его марксистской партии в борьбе против германского милитаризма, империализма и фашизма, в особенности с момента возникновения КПГ (то есть в годы Веймарской республики), а также накануне и во время второй мировой войны; 2) исследование вопросов антифашистско-демократического и социалистического строительства в ГДР, руководящей, мобилизующей и организующей роли СЕПГ в борьбе против возродившегося в Западной Германии милитаризма и империализма, за единую, демократическую, миролюбивую Германию; 3) изучение братских связей немецкого рабочего класса и его партии с рабочим классом и коммунистическими и рабочими партиями других стран.

Все эти задачи могут быть решены только в борьбе против проимпериалистических, реформистских и ревизионистских воззрений, против фальсификации истории немецкого рабочего движения, столь характерной для западногерманской историографии.

Отдел истории партии и немецкого рабочего движения состоит из 4 секторов, занимающихся периодами 1836—1917 гг., 1917—1933 гг., 1933—1945 гг., с 1945 г. до настоящего времени, а также сектора истории международного рабочего движения, сектора, занимающегося изучением и изданием работ руководящих деятелей германского рабочего движения, и архива.

В настоящее время работа отдела направлена на выполнение решений 28-го пленума ЦК СЕПГ, поставившего задачу подготовить учебник по истории немецкого рабочего движения. Вначале будет подготовлен «Краткий очерк», в дальнейшем — многотомный курс.

В осуществление этого плана отдел подготовит к публикации и издаст выступления и статьи руководящих деятелей немецкого рабочего движения и многотомный сборник «Документы и материалы по истории немецкого рабочего движения». Эти издания послужат важнейшими источниками для составления учебника по истории немецкого рабочего движения.

Большое значение имеет издание 16-томного Полного собрания выступлений и статей Вильгельма Пика взамен вышедших несколько лет тому назад избранных сочинений в 4-х томах. До настоящего времени вышли 2 первых тома, посвященные борьбе немецких левых, а затем Коммунистической партии Германии (до 1925 г.). К 85-летию со дня рождения Вильгельма Пика будет выпущен 3-й том.

В 1958 г. институт приступил к работе над изданием «Статьи и речи» Карла Либкнехта в 6 томах. Два первых тома, охватывающие период до 1910 г., уже вышли из печати, 3-й том будет опубликован в этом году. Издание трудов В. Пика и К. Либкнехта должно быть завершено до 1965 года.

Недавно вышел в свет сборник «Против германского милитаризма» Розы Люксембург. Ранее институтом были изданы 2 тома «Избранных статей и речей», а также много отдельных публикаций ее работ. В дополнение к первому тому «Статей и речей» Клары Цеткин в ближайшее время выйдут 2-й и 3-й тома.

В области исследования истории борьбы КПГ против политики грабежа, насилия и подготовки к войне германского империализма в период между двумя мировыми войнами, против фашизма большое значение имеют труды Э. Тельмана, два тома которых уже вышли из печати.

Основными материалами по исследованию борьбы с фашизмом и по истории немецкого рабочего движения начиная с 1945 г. являются вышедшие уже в свет «Статьи и речи» В. Ульбрихта в 4 томах и О. Гротеволя в 5 томах. Издание выступлений В. Ульбрихта и О. Гротеволя будет продолжено.

Институт опубликовал также несколько сборников статей и речей Г. Матерна, Ф. Эберта и других выдающихся деятелей немецкого рабочего движения. Планы института предусматривают выпуск подобных сборников и в дальнейшем.

В 1957 г. была начата систематическая работа по сбору и публикации важнейших документов и решений германской социал-демократии, относящихся к периоду до первой мировой войны, Коммунистической партии и Социалистической единой партии Германии. Издание выйдет объемом около 20 томов. Материалы сборников делятся на три серии: первая серия (в 5 томах) охватывает период с 1836 по 1914 г., вторая (14 томов)—1914—1945 гг. и третья (первые три тома)—1945—1949 годы. Работа

над этим изданием должна быть завершена до 1965 года. В настоящее время из второй серии вышли первые три тома, рассматривающие период 1914—1919 гг., и 1-й том из третьей серии —1945—1946 гг. (со времени освобождения страны от гитлеровского фашизма до основания СЕПГ). Том, содержащий документы с 1919 по конец 1920 г., то есть период поражения Каповского путча и объединения левого крыла Независимой социал-демократической партии с КПГ, находится в печати и выйдет в свет в 1960 году. В 1961 г. будет издан 5-й том первой серии, в который войдут документы 1905—1914 гг., а также тома, охватывающие период с 1933 по 1939 год. Остальные тома всех трех серий находятся в стадии подготовки. Издание «Документов и материалов по истории немецкого рабочего движения» окажет существенную помощь в деле научного исследования и анализа истории партии и немецкого рабочего движения.

Для вооружения пропагандистов необходимыми источниковедческими материалами несколько лет тому назад был издан ряд книг: иллюстрированный том «Документы и материалы по истории КПГ», альбомы «Карл Маркс», «Эрнст Тельман» и «Вильгельм Пик». Институт также принял участие в издании тома «Документы и материалы по истории движения рабочей молодежи» и сборника «К борьбе за дело Эрнста Тельмана будьте готовы!». Осуществляется переиздание писем «Спартака», ведется подготовка к выпуску в свет писем из тюрьмы и записок руководителя гамбургских рабочих Фите Шульце, сборников «Воспрянет род людской!» (письма убитых антифашистов), «Борьба за свободу испанского народа и международная солидарность» и «СС в действии». Все эти издания имеют актуальнейшее значение в борьбе против западногерманского милитаризма и неофашизма.

Важный материал для разработки учебника по истории немецкого рабочего движения представляют биографии его выдающихся вождей и исследования отдельных этапов борьбы революционной партии рабочего класса. За прошлые годы институт уже выпустил значительное количество подобных публикаций, например, биографии Женни Маркс и Клары Цеткин (автор — Луиза Дорнеман), биографические очерки «Эрнст Тельман — его жизнь и борьба» (автор — Рудольф Линдау). Недавно вышла биография Э. Шнеллера. Ведется работа над биографиями Э. Тельмана, Г. Шумана, В. Флорина, В. Штёкерса и А. Кунца. Эти биографии не только послужат важными материалами для готовящегося учебника по истории немецкого рабочего движения, но и помогут нашим трудящимся, в особенности молодежи, познакомиться с героической борьбой немецкого рабочего класса.

В серии «Материалы по истории и теории рабочего движения», насчитывающей уже 21 брошюру, опубликованы материалы об отдельных антифашистских группах Сопротивления — «Зефков — Якоб — Бестлейн», «Бестлейн — Якоб — Абсхаген» и «Нейбауэр — Позер». В дальнейшем выйдут из печати исследования по истории образования Эйзенахской партии, работы о борьбе революционной немецкой социал-демократии против прусского милитаризма и закона о социалистах, о пребывании В. И. Ленина в Германии, а также о борьбе немецких левых и КПГ против империализма, милитаризма и войны. Кроме того, в этой серии будет опубликован ряд основных, актуальных сегодня сочинений вождей немецкого и международного рабочего движения: Августа Бебеля, Клары Цеткин, Юлиана Мархлевского, Карла Либкнехта и Эрнста Тельмана.

Исследования по истории немецкого рабочего движения должны показать, что немецкий рабочий класс являлся и является единственным подлинным выразителем общенациональных интересов немецкого народа. Исходя из этой задачи, в перспективном плане отдела истории партии и немецкого рабочего движения предусмотрены следующие исследовательские темы: роль немецких левых как единственных поборников жизненно важных, национальных интересов немецкого народа в борьбе против германского империализма и милитаризма накануне и во время первой мировой войны; борьба КПГ против германского империализма и милитаризма в период послевоенного революционного кризиса; борьба КПГ за единство действий рабочего класса, против фашизма и империалистической войны в период мирового экономического кризиса и накануне установления фашистской диктатуры; роковая антинациональная политика «третьего пути» правых лидеров социал-демократии в Веймарской республике и в настоящее время в Западной Германии.

Большое актуальное значение в борьбе против западногерманского реваншизма придается традициям немецкого антифашистского движения Сопротивления. Поэтому институт будет и впредь уделять большое внимание исследованию этой борьбы. В ближайшие годы будут разработаны такие проблемы, как причины захвата власти фашистами, история нелегальной «Rote Fahne», участие немецких антифашистов во французском движении Сопротивления, борьба КПГ против фашистской политики оккупации Польши. Важным этапом в исследовании нелегальной борьбы партии и немецкого рабочего класса в период фашистской диктатуры явилась конференция Комиссии историков ГДР и СССР на тему «Германский империализм и вторая мировая война», состоявшаяся в декабре 1959 г. в Берлине. Конференция выдвинула задачу — разработать историю нелегальной борьбы КПГ и всех антифашистских сил Германии. В ближайшее время эта проблема будет одной из основных тем, исследованием которой займется отдел истории партии и немецкого рабочего движения. При разработке этой темы необходимо подчеркнуть, что в движении Сопротивления под руководством немецких коммунистов объединились широкие круги трудящихся и патриотически настроенная буржуазия. Опыт антифашистского Сопротивления имеет большое значение в борьбе немецких трудящихся против Аденауэра и его политики атомной войны.

План исследовательских работ предусматривает также изучение вопросов современной истории Германии. Исследование и популяризация опыта антифашистско-демократического и социалистического строительства в ГДР приобретают первостепенное политическое значение в условиях раскола Германии. Задачей историков-марксистов, и в особенности историков партии, является исследование всех этапов величайшей в истории страны революции, осуществленной на востоке Германии. Они должны показать, как сильный своим единством рабочий класс под руководством марксистско-ленинской партии в союзе с крестьянством и другими слоями трудящихся ликвидировал милитаризм и империализм в одной части Германии и создал основу для длительного мира.

История ГДР обогащает рабочий класс западноевропейских стран ценным опытом социалистических преобразований в высокоразвитой индустриальной стране.

Под этим углом зрения ведется работа над следующими проблемами: борьба за профсоюзное единство во всей Германии; борьба СЕПГ против раскола Германии, за ее национальное возрождение; борьба партии за создание основ социализма; борьба СЕПГ и КПГ за установление единства действий немецкого рабочего класса.

В соответствии с рекомендациями III Международной конференции институтов марксизма-ленинизма и институтов и комиссий по истории партии при ЦК коммунистических и рабочих партий в 1959 г. в институте был создан сектор по истории международного рабочего движения. Первой публикацией, подготовленной этим сектором, явился сборник документов I и II конгрессов Коммунистического Интернационала, вышедший к 40-й годовщине образования Коминтерна. Позднее был издан сборник статей и документов «Венгерская Советская Республика 1919 г. и отклики на нее в Германии». В этом году выйдет сборник документов о сотрудничестве СЕПГ с коммунистическими и рабочими партиями в период после XX съезда КПСС. Сектор примет участие в подготовке совместной публикации институтов марксизма-ленинизма братских стран, в которую войдут работы на тему «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на страны Центральной и Юго-Восточной Европы». Сектор предусмотрел публикацию документов «Коммунистический Интернационал в решениях и резолюциях». В ближайшие годы главное внимание сектора будет уделено исследованию истории трех Интернационалов. Уже в этом году начнутся подготовительные работы по созданию монографии к 100-летию I Интернационала. Все эти исследования проводятся согласованно с ИМЛ при ЦК КПСС и будут использованы для подготовки популярного учебника по истории международного коммунистического и рабочего движения.

Большое значение для изучения традиций революционного рабочего движения имеют систематический сбор и использование воспоминаний участников рабочего движения. Объединенные в сборники выступления являются не только важным источником по истории партии, но и ценным вкладом в дело воспитания молодого поколения. Вышедшие до настоящего времени сборники «Незабываемый Ленин», «Под красным знаменем», «Вперед!» (воспоминания о Ноябрьской революции в Германии), «Мы — сила» (воспоминания о

1945—1949 гг.) были с большим интересом встречены общественностью. В этом году должен выйти из печати сборник воспоминаний участников борьбы против Капповского путча. В 1961 г., к 75-летию со дня рождения Э. Тельмана, будет издан том воспоминаний о нем и материалы немецких товарищей — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР.

В связи с растущими потребностями в области воспитания социалистического сознания у населения ГДР все большее значение приобретает исследование истории рабочего движения на местах. В этом направлении развивают свою деятельность районные и областные комиссии по исследованию истории революционного движения на местах, созданные при районных и областных организациях СЕПГ. Институт оказывает этим комиссиям научную и методическую помощь, направляет их деятельность на разрешение актуальных задач партийной пропаганды.

В исследовательской работе сотрудники института опираются в первую очередь на фонды архива и библиотеки института. Большинство документов по истории немецкого рабочего движения было уничтожено в период фашистской диктатуры, и только благодаря неутомимой работе многих товарищей по сбору материалов, поддержке партии, а также помощи со стороны ИМЛ при ЦК КПСС в течение прошлых десяти лет были собраны весьма ценные материалы.

Сейчас в архиве имеются многочисленные фонды материалов, относящихся главным образом к 1918—1945 годам. В настоящее время ведется их архивная обработка с тем, чтобы сделать их доступными для исследования. Институт уделяет большое внимание систематическому пополнению и научной обработке фондов.

Библиотека является самым крупным в Германии книгохранилищем научно-политической литературы. Ее фонд насчитывает около четверти миллиона книг, газет и журналов. В библиотеке хранятся первые издания, а также в наиболее полном объеме все последующие издания трудов выдающихся деятелей немецкого рабочего движения, многочисленная периодика, книги с пометками и посвящениями К. Маркса и Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Либкнехта и Р. Люксембург, К. Цеткин, В. Пика и других. Читальный зал библиотеки открыт для немецких и зарубежных читателей.

С января 1959 г. институт начал издавать журнал «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», который во многом способствует популяризации революционных боевых традиций, предоставляя свои страницы для публикации итогов научно-исследовательских работ. Журнал служит трибуной для ведения научных дискуссий, способствуя этим развитию сотрудничества всех историков партии.

Наряду со своей основной работой сотрудники института принимают самое разностороннее участие в непосредственной пропагандистской деятельности партии: читают лекции и доклады по вопросам марксизма-ленинизма и истории партии, выступают со статьями в периодических изданиях.

Сотрудники Института марксизма-ленинизма прилагают все усилия, чтобы быть на высоте поставленных партией задач по завершению социалистического строительства в Германской Демократической Республике.

Директор Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ
Людвиг Эйнике

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ВАРШАВЕ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

21—23 июня с. г. в Варшаве проходила научная сессия, посвященная тысячелетию Польского государства. Сессия была организована Польской Академией наук и Комитетом по празднованию тысячелетия Польского государства. На сессии были широко представлены лучшие научные силы страны в области медиевистики, археологии, этнографии, языкознания и искусствоведения; на заседаниях присутствовали также

представители ученых Чехословакии, ГДР, Венгрии. По приглашению ПАН в сессии участвовала и делегация Академии наук СССР в составе академика М. Н. Тихомирова и В. Т. Пашуто.

На сессии были заслушаны доклады видных ученых, рассказавших об успехах польской науки и результатах исследования проблемы возникновения государства в Польше. Яркую характеристику развития материальной и духовной культуры древней Польши содержали доклады проф. В. Хензеля («Об исторических основах польской культуры»), проф. А. Гейштора («О принятии христианства Польшей») и проф. Я. Захватовича («О древней польской монументальной архитектуре»). Экономические и общественно-политические предпосылки образования Польского государства были раскрыты в докладе проф. Г. Ловмяньского, а международное положение древней Польши всесторонне рассмотрено проф. Т. Мантейффелем. Правовые основы раннефеодальной монархии в связи с проблемой ее государственного суверенитета стали предметом анализа в докладах профессоров Ю. Бардаха и Г. Лабуды. Этническое развитие польского народа нашло отражение в докладе проф. Т. Лер-Сплавиньского.

После докладов состоялись оживленные прения, в которых, кроме польских ученых (К. Малечиньского, А. Ветуляни и др.), приняли участие и представители иностранных делегаций. Подводя итоги сессии, проф. Т. Мантейффель справедливо указал на ее большое научное и общественное значение.

Сессия закончилась торжественным открытием выставки, посвященной тысячелетию Польского государства. Эта выставка, ярко отражающая успехи польской археологии и историографии, была подготовлена под руководством известного археолога З. Раевского. На торжество открытия прибыл Председатель Государственного Совета Польской Народной Республики А. Завадский, возглавляющий Комитет по празднованию тысячелетия Польского государства.

Комплексное освещение сессией одной из важных проблем науки—образования Польского государства — привлекло большое внимание научной общественности и печати.

Сессия прошла под знаком все более широкого творческого применения марксистского сравнительно-исторического метода. Это закономерно, ибо всесторонняя разработка истории образования государства, в частности возникновения имущественного и социального неравенства как его основной предпосылки, может быть осуществлена лишь с помощью этого метода, на комплексе материалов ряда стран. Именно теперь, когда выработаны принципы периодизации исторического процесса и созданы многотомные обобщающие труды по истории славянских стран, дальнейшая совместная работа ученых должна строиться на все более широком применении этого метода. Лишь с его помощью можно будет осветить важные для всех славяноведов проблемы, в частности пути и особенности генезиса феодальной собственности из собственности общинной, проследить археологически, этнографически, сравнительно-исторически, на каком уровне общественного производства могла возникнуть собственность в тех размерах, которые делали возможным присвоение частью земледельцев-общинников орудий труда, земли и самой рабочей силы своих соседей. Не менее существенно определить, на каком этапе истории общины и развития аллода возникло то или иное славянское государство. Наконец, в содружестве с историками права необходимо изучить этапы становления раннефеодального государства, возникшего, как можно думать, из союза земель, которому предшествовала их конфедерация.

Чтобы получать сопоставимые выводы из изучения сходных явлений, необходимо развитие творческих контактов и согласование методики и терминологии анализа. Решению такой задачи в немалой степени содействовало бы издание корпуса славянского права. Это не будет изучение par analogium, как кажется некоторым буржуазным ученым, воспитанным на старом, формальном внеисторическом сравнительном методе. Это будет исследование, основанное на марксистском, творческом сравнительно-историческом методе. Славяноведы-марксисты должны объединить свои усилия для успешного решения первоочередных задач науки.

В. Т. Пашуто

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К УЧЕБНИКАМ ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе» перед педагогами-историками поставлены задачи улучшить преподавание исторических дисциплин, обратить еще больше внимания на воспитание у подрастающего поколения коммунистического отношения к труду, чувств советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Важнейшее значение для определения содержания, форм и методов воспитательной и идейно-политической работы в процессе преподавания истории в школе имеет постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». На основе этого постановления в школах введено преподавание нового курса — «Основы политических знаний», который должен в значительной степени базироваться на знаниях учащихся, полученных в курсе истории.

В свете этих решений большое значение приобретают программы и особенно учебники.

В процессе составления и обсуждения программ сложилось плодотворное сотрудничество историков-педагогов и историков-ученых. Оно должно расширяться в работе над новыми учебниками.

В письме в редакцию журнала «Вопросы истории» нам, работникам школы, хотелось бы высказать ряд пожеланий составителям новых учебников.

Учебник — основное связующее звено между учителем, излагающим новую тему на уроке, и учащимися, самостоятельно закрепляющими знания. Даже яркий, эмоциональный рассказ учителя, построенный методически правильно, не закрепляется надолго в памяти учащихся, если соответствующий материал недостаточно логично и недостаточно интересно освещен в учебнике. Перегруженность учебника сведениями, его несоответствие программным требованиям и познавательным возможностям учащихся, его методическая непродуманность создают большие трудности для учителя.

В рамках письма трудно охватить все проблемы, связанные с качеством учебников для средней школы. Остановимся в основном на анализе учебника Е. А. Косминского «История средних веков». Мы избрали этот учебник, так как опыта работы по новой программе курса истории средних веков для VI классов еще нет, и анализ старых учебников даст возможность избежать повторения ошибок в новых пособиях.

Учебник Е. А. Косминского — один из наиболее стабильных. Отдельные его разделы, как показывает опыт работы в школе, можно взять за основу при составлении нового учебника. Однако он, на наш взгляд, не лишен ряда существенных недостатков.

История феодализма изложена в учебнике так, что у учащихся не создается ясного представления об экономических и социальных изменениях, которые произошли в период между падением рабства и крушением феодального строя, между отменой крепостного права и победой буржуазных революций. С трудом воспринимают школьники статичное, неполное определение в учебнике феодального строя (стр. 26), не согласованное с положением книги о том, что в странах Западной Европы основная масса населения состояла из свободных крестьян (стр. 20, 99). Вопрос об образовании военной знати (стр. 6) освещается без объяснения истории возникновения постоянных военных дружин, тогда как усвоение генезиса военной знати очень важно для понимания этапов образования государства. Устранение этого пробела предусматривается и новой программой по истории.

В процессе изучения курса истории учащиеся средней школы сталкиваются с такими понятиями, как налог, подати, повинности, платежи, поборы, талья, дань,

контрибуция. Многие из этих понятий воспринимаются ими как синонимы, что чревато большими осложнениями, особенно в связи с разделением курса истории на элементарный и систематический.

В учебниках, которыми ныне пользуются школьники, нечетко объяснены принципы налоговой системы в феодальных государствах и роль помещика-феодала. Для учащихся остается неясным, кто платил налоги, кто непосредственно взимал налоги с крестьян и выплачивал их государству, почему феодалы фигурировали как налогоплательщики, выступали против поборов со стороны центральной власти и т. п. Эти вопросы излагаются противоречиво не только в названном учебнике Е. А. Косминского (стр. 86, 94, 153), но и в учебнике А. В. Ефимова «Новая история» (ч. 1, стр. 44, 48 и др.). Такой же недостаток характерен и для курса истории СССР.

В новых учебниках следует привести в систему все эти понятия, четко разъяснить их, сократить число терминов. Мы считаем, что эти термины должны быть совершенно ясно объяснены прежде всего в курсе истории средних веков, так как непонимание их отражается на изучении истории капиталистического общества.

Вопросам о классах и классовой борьбе в курсах истории уделяется много внимания. Но далеко не всегда изложение может удовлетворить учителя в его повседневной работе. Приведем несколько примеров. В учебнике «История средних веков» (стр. 19) рассказывается о падении рабства в Византии в VII—VIII веках. Однако при рассмотрении восстания в Византии под руководством Фомы Славянина (IX в.) вновь всплывает вопрос о рабах и колонах, которые являлись участниками восстания (стр. 38). В результате ученики не получают четкого представления о том, что с падением рабства исчезает класс рабов. Нужно ли в данном случае акцентировать в учебнике внимание на рабах, которые при феодализме потеряли значение основного производительного класса общества?

Следует сказать и об укоренившемся в учебниках штампе при определении положения трудящихся масс. Независимо от эпохи часто указывается: «жили плохо», «жизнь ухудшалась», «жизнь крайне тяжелая» — и т. п. Так учащиеся приучаются мыслить готовыми формулами при рассмотрении вопросов, связанных с положением трудящихся масс в эксплуататорских обществах. Необходимость конкретизации этих явлений очевидна.

Недостатком учебников по истории эпохи феодализма является слабое освещение различных форм классовой борьбы. Единственная форма, которой уделяется большое внимание,— крестьянское восстание. Но ведь существовали и другие формы: бегство от феодалов, отказ от уплаты налогов и выполнения феодальных повинностей, поджоги имущества феодалов,— являвшиеся прелюдией к массовым крестьянским выступлениям. Часто при описании крестьянских восстаний на первый план выдвигаются побочные явления, как-то: месть, убийство представителей феодального класса, разрушение замков. При описании подавления восстаний также существует штамп: «страшная расправа», «жестокая расправа».

В новых учебниках вопросы классовой борьбы должны быть рассмотрены не только в общих чертах. Следует показать специфику классовой борьбы в каждой стране. Это позволит учащимся в дальнейшем понять особенности социалистической революции в той или иной стране наряду с пониманием общих закономерностей социалистической революции и перехода от капитализма к социализму.

Вопросам государства, его органам и функциям в курсе истории средней школы уделяется довольно много внимания. Поэтому особенно досадно наличие некоторых неточных и нечетких формулировок, затрудняющих усвоение этих вопросов учащимися. Опыт преподавания показывает, что ученикам VI классов трудно усвоить процесс образования государства у франков. В учебнике «История средних веков» сперва говорится о наличии государства (королевства) у франков, а затем без всякого логического перехода рассказывается о его образовании. Такое нарушение последовательности изложения приводит школьников к ошибочным выводам о том, будто государство у франков в начальный период делилось на племенные союзы. В результате процесс образования государства воспринимается учащимися неправильно.

Осложняет работу отсутствие в учебниках определений светской и духовной власти, различных форм государственной власти, характера органов власти (законодательная и исполнительная), понятия о феодальной лестнице и т. п. Важный вопрос

о падении многонациональных государств излагается в «Истории средних веков» так, что у учащихся создается впечатление, будто причиной распада этих государств явилось разноязычие народов, отсутствие связей между ними (стр. 25 и 45). При разъяснении этого вопроса следует обратить главное внимание на экономические факторы и различия в уровне развития народов. Учебник не дает четкого определения функций представительных органов. Например, формулировки на стр. 86 и 91 рисуют Генеральные штаты как орган, созданный с чисто фискальными целями. Между тем на стр. 95 в учебнике говорится о том, что Генеральные штаты решали, какие законы «надо издать, чтобы держать народ в повиновении». Такое противоречивое определение функций этого органа создает путаницу у учащихся.

С большими трудностями воспринимают ученики материал о характере войн средневековья. В учебниках необходимо дать четкое определение характера Столетней войны, войны Алой и Белой розы, войн московских князей и др.

Нельзя пройти мимо столь сложной для усвоения учащимися проблемы, как формирование общественных идей. Этому вопросу посвящена, например, тема «Идеи передовой буржуазии и народных масс» в учебнике А. В. Ефимова «Новая история» (ч. I). Целевая установка урока по этой теме будет достигнута лишь в том случае, если учебник будет излагать основные идеи передовой буржуазии и народных масс путем сопоставления взглядов передовой буржуазии и народа, свидетельствующих об их отношении к существующим общественным и государственным формам: феодальным порядкам, государственной власти, культуре, средствам изменения существующего строя и т. п. К сожалению, в учебнике вопросы идеологии сводятся к краткой трактовке взглядов Вольтера, Монтескье, Руссо и Мелье с различных точек зрения, а их идеи оторваны от освещения борьбы буржуазии и народных масс. Эта проблема не находит отражения и в дальнейших темах, посвященных развитию французской буржуазной революции XVIII века. Учителю самому, без помощи учебника, приходится формировать у учащихся понятия о роли идей в общественном развитии. Более целенаправленное освещение вопросов идеологии в курсе истории лучше подготовит учащихся к изучению нового курса «Основы политических знаний».

Мало внимания в исторических курсах, в частности в курсах всеобщей истории, уделено вопросам культуры и специфики быта, знание которых помогает учащимся лучше понять характер той или иной эпохи или страны. Сведения по вопросам культуры часто являются в учебниках простой констатацией фактического материала и оторваны от всего предшествующего процесса развития. Схематизм в изложении этих вопросов приводит учеников к ошибочным выводам. Так, в «Истории средних веков» (стр. 127) говорится, что «писатели-гуманисты брали сюжеты не из церковных легенд, а из окружающей жизни», но тут же при рассмотрении творчества Данте учащиеся убеждаются в обратном. Определение гуманизма, данное в учебнике, не находит достаточно конкретного отражения в характеристике творчества его представителей. Школьники не могут найти в учебнике ответа на вопрос, почему великих деятелей эпохи Возрождения называли гуманистами и почему их творчество имеет огромную ценность и в наше время. Совершенно недопустимо, на наш взгляд, отсутствие изложения вопросов культуры в курсе новой (второй период) и новейшей истории. Вопросы культуры следует рассматривать во всех курсах истории средней школы. Учащиеся должны воспитываться на передовых достижениях науки и лучших произведениях культуры.

Остановимся еще на одном вопросе, имеющем принципиальное значение при создании любого школьного учебника. Необходимо, чтобы в новых учебниках не повторился недостаток старых, когда ученик при переходе от элементарного курса к систематическому сталкивается с огромным количеством новых понятий, имен, дат и географических названий. Особенно в этом отношении колоссальна нагрузка учащихся при освоении хронологии. В настоящее время наблюдается большая неравномерность в распределении количества дат в хронологических таблицах учебников по годам обучения. В V классах в таблице 19 дат, в VI — 28, в VII — 29, а в VIII — количество дат доходит до 140. Возникает вопрос о правомерности такой нагрузки. Это число уменьшается до 127 в IX и 111 в X классах, где изучается наиболее важный период — история советского общества и новейшая история. Целесообразно ли такое распределение количества дат между курсами VIII и X классов? Нынешний учебник «История

средних веков» в результате ряда сокращений превратился в схему, что не только отрицательно сказалось на его содержании, но и привело к тем недостаткам, о которых частично мы сказали. В противоположность этой книге учебник Л. П. Бущика «История СССР» (ч. I) перегружен второстепенными фактами, в нем слишком много выходящих за рамки необходимых сведений школьного курса географических названий, имен, терминов, дат. При самом приблизительном подсчете, почти на каждом уроке учащимся приходится знакомиться по учебникам не менее чем с полутора—двумя десятками новых понятий, имен и т. д. Появилась острая необходимость пересмотреть их объем при создании новых учебников.

В нашей печати делалось справедливое замечание, что школьный учебник не должен быть меньшим братом вузовского или конспектом для человека, знакомого с историей. Прежде всего в школе нужен учебник, отвечающий требованиям современной науки и методики преподавания истории. Партийность и научность содержания означают точное изложение закономерностей исторического процесса, их оценку с позиций марксизма-ленинизма. Методически правильное изложение обеспечивает максимальное идейно-воспитательное воздействие материала на учащихся. Это воздействие скажется тем сильнее, чем полнее будут учтены достижения педагогики и психологии, использован широкий практический опыт учителей.

Мы полагаем, что с методической точки зрения учебник должен отвечать следующим требованиям. Для учителя он призван определять содержание и объем материала каждого урока, структуру урока, методы и приемы достижения целевой установки, что поможет избежать однотипных и шаблонных уроков, позволит доступно формулировать на уроке исторические понятия. Для учащихся учебник должен служить руководством к познанию исторического материала, обобщению закономерностей общественного развития с позиций марксизма-ленинизма, развитию диалектического мышления, воспитанию коммунистического мировоззрения.

Правильно построенный школьный курс должен предусматривать последовательное изложение процесса исторического развития, рассмотрение основных проблем в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Приведем два примера. В учебнике С. И. Ковалева «История древнего мира» тема «Скифы в Причерноморье» не связана с предшествующим материалом. У учащихся при изучении этой темы должно формироваться четкое представление о разложении первобытнообщинного строя, что целесообразно основывать на ранее полученных знаниях о главных признаках этого строя и тех из них, отмирание и изменение которых свидетельствуют о его разложении. В данном уроке такое логическое построение отсутствует. Методически правильно, на наш взгляд, изложена тема «Рабовладельческое хозяйство в V в. до н. э.» в учебнике Ф. П. Коровкина «История древнего мира». Изложенная с достаточной убедительностью, без повторения ранее известных положений, эта тема позволяет расширить знания учащихся о классовой структуре и структуре хозяйства рабовладельческого общества. Тема подводит учащихся к пониманию причин сложных исторических событий: движения народных масс за землю под руководством братьев Гракхов, восстания рабов и установления военной диктатуры рабовладельцев. Конкретность и простота изложения помогают надолго сохранить этот материал в памяти учащихся. Вопросы экономического развития, как нам кажется, целесообразнее рассматривать в плане появления новых черт и отмирания старых. Это позволит формировать у учащихся конкретные представления о процессе развития производительных сил при той или иной общественно-экономической формации. Такая единая система изложения вопросов экономики поможет выработать навыки самостоятельной работы у школьников и необходима для понимания ими аналогичных проблем. Было бы хорошо, избегая дробления, в широких хронологических рамках выделить основные экономические периоды той или иной общественно-экономической формации, показав на ярких исторических фактах общие черты и характерные особенности данной страны и данной эпохи. С этой точки зрения следует произвести отбор фактического материала и дать четкие научные определения экономических понятий в форме, доступной возрасту учащихся. Это особенно важно для элементарного курса.

Вопросы развития классов и классовой борьбы лучше излагать также в едином плане на протяжении всего школьного курса. Учебник должен четко определять классовый состав общества в ту или иную эпоху, давать краткую характеристику каждого

класса и его роли в данном обществе. При этом по мере надобности следует показывать в доступной форме генезис каждого класса.

При изложении вопросов государства и политического развития должны быть найдены яркие формулировки, которые раскрывали бы основные функции государственных учреждений и роль последних в общественной жизни. Надо ярче показать методы, при помощи которых правящие классы удерживали свое господство. Четкость изложения данных вопросов в элементарном курсе усилит их воспитательное значение, свяжет с современностью, облегчит усвоение основного закона советского социалистического государства, создаст базу для изучения «Основ политических знаний» в систематическом курсе.

Мы считаем, что на протяжении всего школьного курса истории должны рассматриваться вопросы религии и атеизма. В целях атеистического воспитания учащихся требуется обратить их внимание на приспособляемость религиозного учения и церкви к интересам господствующих эксплуататорских классов, а также на эволюцию учения в связи с развитием науки в различные исторические периоды. Важно показать, что вопросы религии — это не только борьба невежества с культурой, но и одна из форм классовой борьбы.

Для формирования у учащихся представления о реакционной роли церкви и ее большом влиянии на общественную жизнь в период средневековья следует детально рассмотреть вопрос об источниках ее могущества. В учебнике следует подчеркнуть, что такими источниками являются: 1) огромные материальные богатства (церковная десятина, пожалования, крестоносный сбор, участие в торговых и ростовщических операциях, продажа индульгенций, приношения за совершение различных церковных обрядов, доходы от феодальной эксплуатации и т. д.); 2) централизованная организация церкви в противоположность раздробленности светских феодальных государств; 3) непрерывное совершенствование средств укрепления своей власти (поддержание невежества, контроль над образованием, пышность обрядов как средство эмоционального воздействия, отлучение от церкви, деятельность инквизиции и ордена иезуитов и т. д.).

Такое рассмотрение особенно важно для понимания учащимися реакционной роли церкви на последующих исторических этапах развития человеческого общества, когда она выступала с поддержкой сил реакции, используя свое большое влияние на верующих.

Развитие культуры необходимо широко освещать во всех исторических курсах средней школы. Ленинское положение о двух культурах должно стать ведущим в учебниках истории. По нашему мнению, в учебниках нужно раскрыть основные черты понятия культуры в разные исторические эпохи, конкретно показать, что́ внес тот или иной народ в сокровищницу мировой культуры. Для этого целесообразно освещать состояние просвещения, письменность и литературу, уровень науки и техники, достижения живописи, архитектуры, скульптуры и других видов искусства, быт трудящихся и быт господствующих классов. Логическим завершением освещения вопросов культуры должно явиться выявление ее классового характера.

Предстоит улучшить и структуру учебников. Опыт работы в школе подсказывает нам, как важно соблюдать единство требований ко всем учебникам. Каждому учебнику должен предшествовать вводный раздел, где путем кратких обобщений ранее пройденного материала ученики должны подводиться к пониманию основных задач данного курса. В этом разделе целесообразно отразить вопросы периодизации. Помимо деления на главы, учебник делится на параграфы. Название темы определяется целевой установкой урока, которая раскрывается в подзаголовках. Каждый параграф учебника целесообразно строить на основе единых методологических и методических принципов, в законченной логической форме. Любое событие или явление необходимо показывать в развитии (зарождение, кульминационный момент, отмирание или качественное изменение). Параграфы-уроки, раскрывающие аналогичные события, должны иметь одинаковую структуру. Их объем должен позволить учителю раскрыть материал в течение того времени, которое отводится на его объяснение. Следует так расположить материал, чтобы это облегчало проведение опроса по данному уроку. Для развития навыков самостоятельной работы и воспитания целеустремленности у школьников при подготовке

домашних заданий хорошо было бы в конце каждого параграфа ставить контрольные вопросы, раскрывающие целевую направленность урока, и заключать главу краткими обобщающими выводами. Нельзя недооценивать и вопроса об эмоциональности изложения материала.

В целях улучшения учебников истории необходимо, как нам кажется, передать общее редактирование всех учебников единой комиссии, в состав которой следует включить также и учителей-практиков.

Замечания и предложения, изложенные в данном письме, не ставят своей целью дать сколько-нибудь исчерпывающие рекомендации для создания будущих учебников. Они касаются только отдельных вопросов, на которые нам хотелось бы обратить внимание авторов новых пособий. В своем письме мы не затронули таких вопросов, как роль исторических документов, карт, иллюстраций и других элементов аппарата учебника, что требует особого рассмотрения.

В. П. Гуськов, И. З. Озерский

ОБ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОГО И ВЕЧЕРНЕГО ОБУЧЕНИЯ

В настоящее время заочное и вечернее обучение становится главной формой подготовки квалифицированных кадров историков. В крупнейших университетах страны, таких, как Московский и Ленинградский, число студентов заочного и вечернего отделений уже превысило число студентов стационара и, видимо, в ближайшем будущем еще больше возрастет.

Нет нужды доказывать, что заочное и вечернее обучение имеет свою специфику. В частности, если существует единая программа заочного, вечернего и очного обучения по курсу истории, то количество лекций и семинаров по тому или иному разделу исторической науки различно для всех трех отделений. Возьмем для примера такой курс, как новая и новейшая история. Типовой план Министерства высшего и среднего специального образования отводит на этот курс на дневном отделении 348 часов (в том числе для лекций — 248 и для практических занятий — 100 часов), на вечернем — 216 часов (из них на лекции — 148 и на практические занятия — 68 часов), на заочном отделении — 100 часов (в том числе для лекций — 72 и для практических занятий — 28 часов).

Эти цифры говорят о том, что студент, занимающийся на стационарном отделении, имеет учебных часов по новой и новейшей истории в три с половиной раза больше, чем заочник, и в полтора раза больше, чем студент вечернего отделения. Примерно таково же соотношение и по другим разделам истории.

Преподаватели, читающие лекции на дневных отделениях, имеют возможность постоянно держать своих слушателей в курсе последних достижений науки, рассказывать о спорных и нерешенных проблемах. На практических занятиях студенты изучают важнейшие источники, углубляя знания, полученные на лекциях и при чтении специальной литературы.

Иное положение на вечернем и особенно заочном отделениях. Располагая всего 72 лекционными часами по новой и новейшей истории, преподаватель заочного отделения должен либо пойти по пути глубокого освещения некоторых важнейших проблем курса, либо построить курс в виде так называемых обзорных лекций. Не будем спорить, какой из этих методов лучше. Важно подчеркнуть, что лекции для студентов очного и заочного отделений существенно отличаются и по содержанию и по методике изложения материала. Объем же требований по курсу для всех студентов одинаков. Естественно, что студенты заочного и вечернего отделений в процессе обучения встречаются со значительными трудностями, гораздо большими, чем студенты стационарного отделения. В преодолении этих трудностей должна помочь специальная учебная лите-

ратура. Однако, кроме «методических указаний», которые содержат некоторые полезные советы, слушатели заочного и вечернего отделений не располагают никакими специальными пособиями.

На различных совещаниях да и в печати не раз говорилось о нуждах заочного и вечернего обучения, о путях его улучшения. На мой взгляд, серьезную роль в улучшении качества преподавания на вечернем и заочном отделениях и помощи студентам может сыграть выпуск специальных учебников по различным курсам истории. Такие учебники должны существенно отличаться от имеющихся у нас учебников для стационарного обучения.

Прежде всего в учебник для студентов заочных и вечерних отделений следует включить характеристику рекомендуемой для изучения литературы. У нас сейчас ведется работа над учебниками по историографии (в частности, на историческом факультете МГУ готовится учебник по историографии нового времени), но эти учебники отвечают задачам очных курсов. Они не могут в полной мере заменить кратких историографических введений к важнейшим разделам того или иного курса. Видимо, в учебниках для студентов заочного и вечернего отделений эти введения должны быть построены применительно к задачам преподавания на данных отделениях.

Наряду с кратким историографическим обзором общей литературы в них следует дать характеристику важнейшей советской и переводной иностранной литературы, рекомендуемой программой. Наряду со специальными учебниками по отдельным курсам заочники нуждаются и в специальных пособиях для практических занятий. Такие пособия, в которых наряду с текстом важнейших источников содержались бы примерные планы практических занятий, краткие, целенаправленные характеристики документов и методические указания о том, как нужно работать с источниками, оказали бы огромную помощь не только студенту-заочнику, но и преподавателю. Они позволили бы в то весьма сжатое время, которое отводится для семинаров на заочных и вечерних отделениях, достичь результатов не худших, чем в семинарских занятиях на стационарном отделении.

Интересующие нас учебники и пособия должны отличаться еще одним важным качеством — приемлемым объемом. Если опять в качестве примера обратиться к курсу новой и новейшей истории, то можно убедиться в том, что общий объем учебников по этому предмету составляет 175 печатных листов. И это не считая учебника по новейшей истории периода 1939—1960 гг., который еще не вышел из печати. Работать по таким объемистым учебникам трудно, а ведь студенты заочного и вечернего отделений располагают небольшим бюджетом времени. Следовательно, учебники для них должны быть более краткими.

Однако некоторые товарищи придерживаются мнения, что для всех студентов должен быть единый учебник. На этом основании они отклоняют предложения о создании специальных учебников для слушателей вечернего и заочного отделений. Данная точка зрения ими мотивируется тем, что единство требований к студентам предполагает и единый учебник. Думаю, что с такой точкой зрения согласиться нельзя.

У нас уже есть практика создания специальных учебников по истории для вузов. Министерство просвещения РСФСР, учитывая особенности преподавания этого курса в педагогических институтах, пошло по пути создания специальных учебников по истории для пединститутов. Заочное и вечернее историческое обучение в университетах также имеет свою специфику. Вот почему, нам кажется, необходимо поставить на обсуждение вопрос о специальных учебниках для этих отделений.

К настоящему времени наша высшая школа уже имеет значительный опыт вечернего и заочного обучения, а также опыт создания полноценных учебников по истории. Все это говорит о том, что задача создания специальных учебников для студентов заочного и вечернего отделений вполне разрешима. Можно начать в виде опыта с создания учебников по таким относительно небольшим историческим курсам, как, например, история древнего мира, история южных и западных славян, с тем, чтобы экспериментально проверить, какой тип учебника нужен.

Хотелось бы услышать по этому вопросу мнение других преподавателей.

С. М. Стецкевич

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

G. A. BELOV. **Utilization of the State Archive Fund of the U.S.S.R. in the Interests of Historical Science**

The article examines the basic trends in the publishing activity of the Soviet archives in recent years and the plans mapped out in this sphere for the coming five years.

The author points out that upwards of 400 million valuable documentary materials on the history of the peoples of the U.S.S.R., half of them belonging to the Soviet period, are kept in the Soviet Union's archive depositories at the present time. All these documentary materials are placed at the disposal of research workers. In 1959 the number of researchers making extensive use of the archives reached approximately 32,000, as against 6,000 in 1955.

One of the most effective forms of drawing on the materials of the State Archive Fund of the U.S.S.R., the author writes, is the publication of documentary sources. In accordance with a long-range (1956-60) plan for the publication of documents and scientific-reference literature, 298 collections and over 70 scientific-reference works were published by the archives by May 1, 1960. The collections of documents embrace a wide range of subjects, including materials on the history of the working-class and peasant movement, the first Russian revolution of 1905-07, the activity of outstanding Russian generals and admirals, the history of the international proletarian solidarity, Soviet foreign policy, the country's industrialization, the Great Patriotic War of the Soviet Union, etc. Of the total number of published collections, 181 are devoted to the history of Soviet society.

The article notes that the publishing activity of the U.S.S.R. state archives will be extended still further in the coming five-year period. The Chief Archive Department of the U.S.S.R. Council of Ministers has already drawn up a long-range plan of scientific-publication work in 1961-65, with particular attention being given to the preparation and publication of documentary materials on the history of Soviet society. In the next five-year period it is planned to prepare and put out, jointly with the CPSU Central Committee's Institute of Marxism-Leninism, Institute of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and other Soviet scientific-research institutions, 640 collections, of which 446 will be devoted to the period following the October Revolution. A positive part in raising the scientific level of planned publications must be played by the Rules for the Publication of Documents Relating to the Soviet Period, worked out by the Chief Archive Department.

The author writes in conclusion that publication of the serial and one-volume collections envisaged by the plan will considerably extend the documentary base for the development of Soviet historical science and will contribute to the successful solution of the practical tasks of communist construction, primarily to the education of man of the new communist society.

V. B. KNYAZHINSKY. **The Problem of Peaceful Coexistence and Bourgeois Falsification of European History**

The article subjects to a critical analysis the treatment of the problem of relations between the capitalist and socialist states by bourgeois and Right-wing Socialist authors in the works on contemporary history of West-European countries and international relations in Europe.

The majority of the works under review were published in 1959-60. Their authors are American and West-European historians, sociologists and political leaders hostile to socialism. However, they are compelled to admit that under present conditions it is impossible to destroy the socialist countries by force of arms. Hence, they point to the need of establishing peaceful relations between the countries of Western Europe and their eastern neighbours and to the inevitability of the economic competition between differing social-economic systems. Nevertheless, the reactionary scientists, in the interests of imperialist policy, distort the very idea of peaceful coexistence and the trend of social development in capitalist Europe.

The author of the article exposes this falsification. Citing examples from the history of the Soviet Union's struggle for cooperation among all the European countries, he convincingly shows that peaceful coexistence has been the general line of Soviet foreign policy ever since the victory of the October Revolution. The Leninist principle of peaceful coexistence is also the underlying basis of the foreign policy of the other socialist states.

Drawing on his analysis of the present-day situation, the author shows that peaceful coexistence is also an objective necessity for the capitalist, particularly West-European, states, and reveals the reasons for the irresistible spread of this idea among ever wider sections of the population in Western Europe.

The article rebuffs the attempts of the falsifiers of history to give a distorted picture of the prospects of the peaceful competition between capitalism and socialism in Europe, exposes their slanderous stories about the socialist countries and their efforts to prove the possibility of "renovating" West-European capitalism. The author shows the futility of the efforts of the reactionary scientists to depict peaceful coexistence as a guarantee of the preservation of capitalist rule in Western Europe. Capitalism, with its intensifying and deepening contradictions, demonstrates ever more clearly its inability to satisfy the vital requirements of the peoples of Western Europe. The outstanding economic and cultural achievements of the Soviet Union and the People's Democracies, their unremitting efforts in behalf of peace exert an immense and ever-growing influence on the course of social development in Western Europe. The example of the socialist countries inspires the peoples of Western Europe in the fight for peace and democracy. The article emphasizes that this struggle inevitably overgrows into the struggle for socialism.

A. E. KUNINA. **American Bourgeois Historiography on U.S. Policy Towards Soviet Russia in 1917-20**

A. E. Kunina analyzes some of the recent works by American historians devoted to the early period of U.S.—Soviet relations (1917-20). The author makes an attempt to show how American bourgeois scientists falsify history in order to provide a "scientific basis" for the present aggressive U.S. policy. One of the latest methods resorted to for such falsification is the so-called "critical version," with the help of which American historians, under the pretext of criticizing official persons, distort the real U.S. policy towards Soviet Russia. Subjecting this method to a critical analysis, A. E. Kunina cites a number of documents confirming the U.S. government's hostile attitude towards the Soviet government and its attempts to torpedo the conclusion of the Brest-Litovsk Peace Treaty in 1918. The author exposes the myths invented by the apologists of U.S. imperialism with the aim of denying America's leading role in the anti-Soviet intervention. The truth about America's aggressive policy towards the Soviet Republic leaves the cold-war ideologists no ground to stand on.

B. F. PORSHNEV. **Political Relations Between East and West Europe in the Period of the Thirty Years' War**

The article is the paper read by the author at the XI International Congress of Historical Science in Stockholm.

B. F. Porshnev treats certain aspects of international relations in the period of the Thirty Years' War (1618-48) as a concrete historical example showing the indissoluble connection of the history of West and East Europe and the artificiality of some historians attempts to regard them as fully isolated from each other. In the 17th century all the states of Europe (and non-European states as well) formed a definite system of states. In the period under review this was manifested in their division into two large camps: the pro-Habsburg and anti-Habsburg alignments. Prior to the war, the West-European states opposed to the Habsburg "universalism" had sought contacts with the three powers of the "eastern barrier": Turkey, the Polish-Lithuanian state and Sweden. But rapprochement between the Polish-Lithuanian state under Sigismund III and the Habsburg camp enhanced the role of the Muscovite state in European politics. In the first half of the 17th century the Muscovite state had important differences with all the three members of the "eastern barrier," for they had temporarily acquired territories and population formerly belonging to Russia. In that period the Muscovite state faced the task of regaining the Ukrainian and Byelorussian lands seized by the Polish-Lithuanian state, the central power of the "eastern barrier." Therefore, after the "troubled times" were over, especially in the period when the country was virtually ruled by Patriarch Filaret, the Muscovite state pursued a policy of rapprochement with both flanks of the "barrier," especially Sweden, for joint struggle against the Polish-Lithuanian state and its allies. Thus the Muscovite state proved to be an important factor in not only East-European, but also general European struggle against the Habsburg-Catholic camp, especially in the so-called Swedish period of the Thirty Years' War.

The close connection of the history of the Muscovite state and the general European historical process in the period reviewed in the article, came in for an attentive study comparatively quite recently, in the 'forties of the 20th century, by some Soviet, Swedish and German historians. The Swedish archives studied by D. Norrman and the Russian archives studied by the author yielded a wealth of new material relating to the subject, which was formerly unnoticed or under-estimated. Of special interest are documents from the Central State Archives of Ancient Acts belonging to the Muscovite state's foreign

relations bureau of the first half of the 17th century. B. F. Porshnev's facts are based primarily on these documents, which reflect the Muscovite state's relations with Sweden, Turkey, France, Holland, Britain, Denmark, the Polish-Lithuanian state, Transylvania, the Crimea, and other states, as well as with the Greco-Orthodox churches. Documents from Swedish, Austrian, French and other archives are also valuable.

The research conducted by B. F. Porshnev has revealed the closest connection between the "Swedish period" of the Thirty Years' War and the so-called Smolensk War of 1632-34. The acute class struggle which flared up in Russia at that time and which influenced the outcome of the war, had an indirect bearing on the general European political situation at the end of the "Swedish period" of the Thirty Years' War. There also came the collapse of the plans of uniting all the Protestant churches with the Orthodox church for the joint struggle against Catholicism. The author also proves that, in the "Franco-Swedish period" as well, the Muscovite state was an important factor in the general European political situation: the war ended in the conditions of a general upsurge of popular social movements in the West and East.

V. D. BLAVATSKY. **Historical Development and Role of the Ancient States of the Northern Black Sea Region**

The article presents a concise characteristic of the main trends of development of the ancient states of the northern Black Sea Region. It reflects all the most important conclusions on the history and archaeology of the northern Black Sea region of the period of antiquity, reached by Soviet historical science.

The author points out that, before the settlement of the Hellenes on the northern Pontic coast, the local population, which consisted of various tribes, had passed a complicated path of historical development. The 7th century B. C. saw the establishment of regular trade contacts between Greek merchants and the North-Pontic population. This led to the appearance of temporary and later permanent commercial centres (emporiums). In the 6th century B. C. Hellenic polises began to appear in the northern Black Sea region. Since then one can observe a certain parallelism in the historical development of the Mediterranean countries and the centres of antiquity situated on the northern Pontic coast, complicated by local, at times considerable specific features. These specific features of the historical development of the northern Pontic states were largely determined by their permanent contacts with the "barbarous world," which was in a state of constant change in the period of antiquity.

The article points to the important part played by local elements in the history of Bosporus. In the 4th century B. C. the latter became a Greco-Sindo-Maeotian state. The close economic contacts of Bosporus with the local tribes greatly promoted its economic and cultural advancement in the 4th century B. C. After the destruction of many North-Pontic cities at the end of the 2nd and in the 1st centuries B.C. the role of Hellenized barbarians, especially the Sarmatians, grew notably; they took an active part in populating the newly restored cities.

The author characterizes the role of the northern Black Sea region in the development of Hellenic culture and comes to the conclusion that the North-Ponic centres enabled Greek science to obtain information on extensive northern and north-eastern countries. This not only enriched it with new data, but also made it possible for Hellenic scientists to advance a number of new problems.

Y. I. KIRYANOV. **The Influence Exerted by the First World War on the Numerical Strength and Composition of Workers in Russia**

The article examines the changes in the number and composition of workers in Russia's southern industrial area on the very eve of the bourgeois-democratic revolution of February 1917—a problem inadequately reflected in Soviet historical literature. Drawing on numerous publications and archive materials, the author makes new calculations based on annual average data on the number of workers, whereas previous computations were based on statistical data for the end of the year and could not give an altogether accurate picture.

High concentration and turnover of the labour force were the features characteristic of Russia's southern industry. In 1913, 99.6 per cent of workers were engaged in production at the southern metallurgical enterprises employing over 500 men, and 91.1 per cent in the Donbas coalmining industry. At individual metallurgical plants the annual turnover of workers on the eve of the war reached 60 per cent of the total number employed. Part of the workers maintained close ties with agriculture and many of them left for the countryside to work as farm hands. In connection with the war a considerable number of workers were drafted into the army. By the autumn of 1916, for instance, the number of mobilized workers in several iron and steel mills ameunted to 32-47 per cent of the total work force employed on July 1, 1914. From 1913 to 1916 the general average monthly numerical strength of the work force in the south of Russia changed as follows: in the coal-mining

and metallurgical industries it increased 41.1 per cent and 40.1 per cent respectively, while in the iron-ore industry it declined by more than 3 per cent. The composition of the labour force likewise changed considerably. The employers made extensive use of the labour of war prisoners (on March 1, 1917, they accounted for 26.4 per cent of the work force in the coal industry and for 27.4 per cent in the metallurgical industry; in the iron-ore industry they constituted 59. 1 per cent on January, 1, 1917). The war years witnessed a big influx of women and juveniles intoindustry. Many kulaks, noblemen and other elements likewise flocked to industrial enterprises in an effort to obtain a deferment from mobilization. As a result of this the composition of the labour force became less proletarian in character and the percentage of skilled workers diminished. The concentration of the labour force was also affected by the war. In the metallurgical industry the number of workers in the giant iron and steel mills (employing over 10,000 men) increased. At the same time the coal industry saw a decrease in the concentration of the work force (in 1915, only 70 per cent of the total number of workers were engaged in production at the enterprises employing 500 men).

The author draws the conclusion that the changes in the composition of the labour force in Russia's southern industrial area during the first world war were much deeper than in the Petrograd and Moscow industrial areas. This circumstance is largely responsible for a definite "lag" of the labour movement in the southern area compared with Petrograd.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Белов Геннадий Александрович, начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

Княжинский Всеволод Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений, специалист в области международных отношений новейшего времени.

Кунина Ася Ефимовна, кандидат исторических наук, специалист по истории США новейшего времени.

Поршнев Борис Федорович, доктор исторических наук, зав. сектором новой истории западноевропейских стран Института истории АН СССР, лауреат Сталинской премии, специалист по средневековой и новой истории стран Западной Европы.

Блаватский Владимир Дмитриевич, доктор искусствоведческих наук, зав. сектором античной археологии Института археологии, специалист по истории античной археологии и культуре.

Кирьянов Юрий Ильич, младший научный сотрудник Института истории АН СССР, специализируется по истории революционного движения и формирования пролетариата на Украине в период империализма.

内 容

論 文

为了历史科学的利益利用苏联国家档案資料……根·亚·别洛夫
和平共处問題和資产阶級对欧洲史的伪造……弗·波·克尼亚仁斯基
美国資产阶級历史学論1917—1920年美国对苏联的政策……阿·波·庫尼娜
在三十年战爭时代西欧和东欧的政治关系……波·費·波尔什涅夫
历史发展过程和黑海北岸古代国家的历史作用……弗·第·布拉瓦茨基
第一次世界大战对俄国工人数量和成份的影响……尤·伊·基里雅諾夫

历史科学在苏联

苏联科学院历史科学部和学术委員会关于俄国（帝国主义时代）土地問題的科学会議……安·安·馬特維耶夫

書 評

新書消息
苏联历史杂志上的文章

学术动态紀事

苏联科学院非洲研究所科学研究計划的討論……罗·努·伊斯瑪吉洛娃
学术委員会討論共产主义劳动队青年教育問題……塔·伊·阿宏加諾夫
紀念格云瓦尔德得战役550周年……亚·米·奥列霍夫

历史科学在海外

書 評

外国报刊巡礼

学术动态紀事

德国統一社会党中央付設馬列学院的活动……德国統一社会党中央附設馬列学院博士恩尼开（德意志民主共和国）
在华沙举行的紀念波兰国家一千周年的科学会議……弗·帖·帕苏托

信件和短評

CONTENTS

Articles: **G. A. Belov.** Utilization of the State Archive Fund of the U.S.S.R. in the Interests of Historical Science; **V. B. Knyazhinsky.** The Problem of Peaceful Coexistence and Bourgeois Falsification of European History; **A. E. Kunina.** American Bourgeois Historiography on U.S. Policy Towards Soviet Russia in 1917-20; **B. F. Porshnev.** Political Relations Between East and West Europe in the Period of the Thirty Years' War; **V. D. Blavatsky.** Historical Development and Role of the Ancient States of the Northern Black Sea Region; **Y. I. Kiryanov.** The Influence Exerted by the First World War on the Numerical Strength and Composition of Workers in Russia. Historical Science in the U. S. S. R. Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: **A. A. Matveyev** and **M. S. Simonova.** Scientific Session on the Agrarian Question in Russia (in the period of imperialism); Reviews; New Books; Articles in Soviet Historical Journals; Chronicle of Scientific Life: **R. N. Ismagilova.** Discussing the Plan of Research Work of the Institute on Africa of the U.S.S.R. Academy of Sciences; **T. I. Akhunzianov.** A Scientific Council Discusses the Education of Youth in the Communist Labour Teams; **A. M. Orekhov.** The 550th Anniversary of the Battle of Grunewald. Historical Science Abroad: Reviews; Survey of Foreign Journals; Chronicle of Scientific Life: **Ludwig Einicke** (G.D.R.), **Director of the Institute of Marxism-Leninism of the CC, SUPG.** The Activity of the Institute of Marxism-Leninism of the Central Committee of the Socialist Unity Party of Germany; **V. T. Pashuto.** Scientific Session in Warsaw Devoted to the Millenary of the Polish State; Letters and Notes.

SOMMAIRE

Articles: **G. A. Bélov.** Utilisation des fonds d'archives d'Etat aux intérêts de la science historique; **V. B. Kniajinsky.** Problème de la coexistence pacifique et falsification bourgeoise de l'histoire européenne ; **A. E. Kounina.** La politique des U.S.A. envers la Russie Soviétique en 1917-1920 d'après l'historiographie bourgeoise américaine; **B. F. Porchnev.** Les rapports politiques de l'Europe occidentale et de l'Europe orientale à l'époque de la guerre de trente ans ; **V. D. Blavatsky.** Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noire ; **J. I. Kirianov.** Influence de la première guerre mondiale sur le changement du nombre et de la composition des ouvriers de la Russie. Science historique en U. R. S. S. **Au département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques : A. A. Matvéev, M. S. Simonova.** Session scientifique consacrée à la question agraire en Russie (dans la période de l'impérialisme). **Revues et comptes-rendus.** Nouveaux livres. Articles dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: R. N. Ismaguilova.** Délibération du plan du travail des recherches scientifiques de l'Institut de l'Afrique de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. ; **T. I. Akhounzianov.** Conseil savant discute la question de l'éducation de la jeunesse aux équipes du travail communiste ; **A. M. Orékhov.** Au 550-e anniversaire de la bataille de Grünwald. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique. Ludwig Einicke, directeur de l'Institut du marxisme-léninisme auprès du C. C. du P.S.U.A.** (R.D.A.). Activité de l'Institut du marxisme-léninisme auprès du C.C. du Parti Socialiste unifié de l'Allemagne ; **V. T. Pachouto.** Session scientifique consacrée au millénaire de l'Etat polonais à Varsovie. **Lettres et notes.**

INHALT

Beiträge: **G. A. Below.** Die Verwertung des staatlichen Archivfonds der UdSSR im Interesse der Geschichtswissenschaft; **W. B. Knjashinski.** Das Problem der friedlichen Koexistenz und die bürgerliche Fälschung der europäischen Geschichte; **A. E. Kunina.** Die amerikanische bürgerliche Historiographie über die USA-Politik gegenüber Sowjet-Rußland (1917—1920); **B. F. Porschnew.** Die politischen Beziehungen zwischen West- und Osteuropa zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges; **W. D. Blawatski.** Die Geschichtsentwicklung und die historische Rolle der antiken Staaten im nördlichen Schwarzmeergebiet; **J. I. Kirjanow.** Die Änderung der Zahl und der Zusammensetzung der Arbeiter Rußlands infolge des ersten Weltkrieges. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten; A. A. Matwejew, M. S. Simonowa.** Wissenschaftliche Tagung über die Agrarfrage in Rußland (in der Periode des Imperialismus). **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften **Wissenschaftliche Chronik. P. N. Ismagilowa.** Die Erörterung des Planes für Forschungstätigkeit des Instituts für Afrika bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR; **T. I. Achunsjanow.** Der wissenschaftliche Rat behandelt die Erziehung der Jugend in den Brigaden der kommunistischen Arbeit; **A. M. Orechow.** Zum 550. Jahrestag der Grünwalder Schlacht. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: Direktor des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED Ludwig Einicke** (DDR). Über die Tätigkeit des Instituts für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands; **W. T. Paschuto.** Wissenschaftliche Tagung in Warschau zum 1000. Jahrestag des polnischen Staates. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 07345. Подписано к печати 30/IX 1960 г. Тираж 22 500.
Изд. № 1768. Заказ № 2391. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.— 19,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1961 год

на журнал

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»—

единственный в стране журнал,

специально предназначенный для публикации документов и воспоминаний по истории советского общества и социально-экономической истории России, истории народов СССР, по вопросам внешней политики дореволюционной России и СССР, истории культуры народов СССР. В журнале публикуются материалы по архивоведению и археографии, а также рецензии на сборники документов, описи и обзоры архивных фондов.

В 1961 г.

будут систематически публиковаться новые документы и материалы о В. И. Ленине, переписка и другие материалы выдающихся деятелей КПСС и международного рабочего движения, крупных советских хозяйственников и ученых, полководцев и деятелей культуры.

Будет значительно расширена публикация мемуарных и эпистолярных источников. Готовятся к публикации новые документы из так называемой «Пражской коллекции» и других малоизвестных фондов и архивов, свои материалы обещал ряд академиков, видных писателей и военных работников.

Журнал богато иллюстрируется фотодокументами.

Журнал выходит один раз в два месяца.

Подписка на журнал производится в пунктах подписки «Союзпечати», на почтамтах, в конторах и отделениях связи, в магазинах «Академкниги», а также в конторе «Академкнига» по адресу: Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год — 90 руб. (с переплетом — 99 руб.), на полугодие — 45 руб. (с переплетом — 49 руб. 50 коп.).

Цена 7 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналы
АКАДЕМИИ НАУК СССР

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

«ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ»

«Мировая экономика и международные отношения»

Подписка принимается в отделах «Союзпечати», в отделениях связи, а также общественными распространителями печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»